Дружинин К.И.

Воспоминания о Русско-японской войне 1904-1905 гг.

участника-добровольца

Проигрыш войны указывает на необходимость обновления государственного строя, для чего требуется новое, более бескорыстное направление государственной службы, поприще которой, к несчастью, до сих пор знаменовалось и знаменуется борьбою эгоизмов, личных самолюбий и себялюбивых инстинктов: в этой борьбе общественный интерес всецело поглощался личными интересами. а служба часто сливалась с прислуживанием.

Б . . . ъ

С.-Петербург
1909

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru
Издание: *Дружинин К.И.* Воспоминания о Русско-японской войне 1904-1905 гг. участника-добровольца. — СПб.: Русская скоропечатня, 1909.
Книга на сайте:
http://militera.lib.ru/memo/russian/druzhinin_ki01/index.html
Источник: НЭБ — РГБ
Дополнительная обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

Дружинин К.И. **Воспоминания о Русско-японской войне 1904-1905 гг. участника-добровольца**. — СПб.: Русская скоропечатня, 1909. — [4], 504 с., 4 л. карт. [К. Дружининъ. Воспоминанія о Русско-японской войнѣ 1904-1905 г.г. участника-добровольца. — СПб.: Русская скоропечатня, 1909.]

Об издании: Предлагаемая книга составляет только часть моего исторического труда по описанию военных действий Русской Армии на полях Маньчжурии в 1904-05 гг., состояния и ведения Русских вооружённых сил до войны и ликвидации после войны действующей армии на Дальнем Востоке. Я подробно исследую также деятельность во время войны Восточно-Китайской железной дороги, пример которой вряд ли повторится когда-нибудь, в смысле того огромного значения, которое она оказывала на военные действия в Маньчжурии. — (Автор)

Эта книга с сайта «Военная литература» (http://militera.lib.ru/index.html), также известного как Милитера. Проект «Военная литература» — некоммерческий. Все тексты, находящиеся на сайте, предназначены для бесплатного прочтения всеми, кто того пожелает. Используйте в учёбе и в работе, цитируйте, заучивайте... в общем, наслаждайтесь. Можете без спросу размещать эти тексты на своих страницах, в этом случае просьба сопроводить сей акт ссылкой на сайт «Военная литература», также известный как Милитера.

От автора

Предлагаемая книга составляет только часть всего моего исторического труда по описанию: военных действий Русской Армии на полях Маньчжурии в 1904—05 гг., состояния и ведения Русских вооруженных сил до войны и ликвидации после войны действующей армии на Дальнем Востоке. Я подробно исследую также деятельность во время войны Восточно-Китайской железной дороги, пример которой вряд ли повторится когда-нибудь, в смысле того огромного значения, какое она оказывала на военные действия в Маньчжурии.

По неимению средств, ограничиваюсь в настоящее время предлагаемой книгой, в надежде, что успех ее позволит мне приступить к продолжению издания всего труда, состоящего из следующих 6-ти частей:

Воспоминания о состоянии и ведении русских вооруженных сил перед войной 1904—05 гг., их эксплуатировании в Маньчжурии и ликвидации после войны.

Часть 1-я. Военное Министерство и войска времен Ванновского—Обручева.

Часть 2-я. Военное Министерство и войска времен Куропаткина—Сахарова.

Часть 3-я. Воспоминания о Русско-Японской войне 1904—1905 гг. участника—добровольца:

Том 1-й. От начала войны до завязки генерального сражения под Ляояном.

Том 2-й. Начало — завязка генерального сражения под Ляояном. Бои у д. Тунсинпу 11 и 12 августа и у д. Тасигоу 13 и 14 августа, впереди правого фланга и на правом фланге Ляндясань—Анпинской позиции Восточной Группы Русской Маньчжурской Армии.

Том 3-й. От генерального сражения под Ляояном до заключения мира.

Часть 4-я. Деятельность Восточно-Китайской железной дороги во время войны 1904—05 гг.

Часть 5-я. Ликвидация Русских Маньчжурских Армий в 1906 году.

Часть 6-я. Состояние после войны 1904—05 гг. Русской окраины на Дальнем Востоке и ее оплота— Крепости Владивосток.

К. Дружинин

[1]

ЧАСТЬ I.

От начала войны до завязки генерального сражения под Ляояном.

«Мы проиграли эту войну, потому что избегали людей с сильным характером и твердою волей, самостоятельных и решительных, а ценили только людей покладистых, умеющих со всеми ладить и во всех заискивать, потому что мы боялись инцидентов».

С.-Петербург. Ноябрь 1905 г. *Р . . .ъ.*

«Не то же ли происходит в нашей армии и теперь, через три года после несчастной проигранной нами кампании?»

С.-Петербург. Июнь 1908 г. *Д . . . ъ.*

ГЛАВА I.

Впечатления открытия военных действий Японией.—Определение с гражданской службы в действующую армию. — Сборы на войну.— Путешествие на театр военных действий.

Война застала меня на службе в Управлении С.-Петербурго-Варшавской железной дороги. В продолжение всей осени 1903 года, в печати и обществе, шли разговоры о вероятной войне с Японией, но я относился к этому вопросу довольно равнодушно по следующим причинам:

1. Я всегда верил в государственный ум С.Ю. Витте и был убежден, что он постарается не допустить возникновения войны, хорошо зная насколько Россия была к ней неподготовлена, в смысле ничтожества наших боевых сил на Дальнем Востоке, а главным образом в смысле неудовлетворительности качественного состояния нашей армии, представлявшей из себя нечто похуже французских войск в кампанию 1870 года уже к концу министерства Ванновского—Обручева, и быстро шедшей вниз по наклонной плоскости со времени ее управления неспособными Куропаткиным и Сахаровым;

2. Вынужденно оставив ряды [2] армии, которой посвятил все свои силы двадцати трех лет молодости, я конечно должен был с невероятною трудностью прокладывать себе дорогу на совершенно новом для себя поприще — железнодорожной административной деятельности—и поэтому не имел времени вдумываться в политику и разбираться в ее туманных горизонтах; мысль о возвращении в армию казалась мне невозможной: перемена режима, т. е. установ-

ление в нашей армии порядков службы, основанных на требовательности и дисциплине, была невероятна, а, при существовании старого режима, мне не могло быть в армии никакого амплуа и никакой должности; кроме того, я нашел к своему удивлению достаточную дисциплину и требовательность на железной дороге, а следовательно работа на ней меня удовлетворяла.

Однако, с учреждением Наместничества на Дальнем Востоке, явившимся результатом влияния немногочисленной, но сильной партии людей, искавших материального обогащения в казенных антрепризах на берегах Тихого океана, а также высшей бюрократической карьеры, положение дел стало если не серьезнее, то во всяком случае много сложнее. Руководство политикой могло затрудниться фантазиями разных фезёров, а представительство и власть Наместника подрывали авторитет настоящего государственного деятеля. Тяжелое впечатление произвело на меня неожиданное удаление от дел С.Ю. Витте. Хотя «Новое Время» и обещало нам новую эру его деятельности у кормила правления Государством, в качестве властного руководителя Совета Министров, все отлично понимали, что Витте утратил всякое влияние на государственные дела.

Можно ли было желать или сочувствовать такому внезапному удалению от дел С.Ю. Витте? Я отвечу на этот вопрос не оценкой его государственной деятельности, на что считаю себя некомпетентным, а просто обращаясь к здравому смыслу. Слишком десять лет С.Ю. Витте в значительной степени руководил жизнью России, как внутреннею, так и внешнею; ввел новую денежную систему, конвертировал государственные долги, расширил [3] донельзя монополию казны, сделав ее предпринимателем в области промышленности и торговли, давал и широко давал средства на усиление армии и флота, развивал железнодорожную сеть и другие пути сообщения, властвовал не только в своем министерстве, но руководил и многими другими; во внешней политике он воспользовался примерами Англии и Германии, допустив осуществление широкого плана колонизации такой огромной и богатейшей страны, как Маньчжурия, идя к его выполнению путем мирным — прежде всего проведением русской железной дороги, а затем торговлей и эксплуатированием богатств страны. При этом конечно нельзя было не иметь в виду и колоссальное усиление могущества нашего отечества: действительно, в Квантуне Россия получала свободный выход в океан— единственный для нее в Азии и Европе взятых вместе; он же обеспечивал господство над Китаем, подчиняя влиянию России административный центр Пекин; Восточно-китайская жел. дорога усилива-

ла оборонительное и наступательное значение Владивостока, связывая его кратчайшим путем с Европейской Россией; она обеспечивала такое же значение Квантуну; а Владивосток и Квантун, оба вместе, давали нам преимущество стратегического положения над японцами, так как Корейский пролив попадал под двойной удар наших морских сил, приобретавших две обеспеченных базы. Министр финансов широко отпускал средства на быстрое сооружение Маньчжурской железной дороги, на укрепление Квантуна и судостроение. Китайская смута, несколько нарушившая наши расчеты, все-таки не оказала влияния на прогресс наших дел Дальнего Востока, потому что государство легко покрыло все военные расходы, равно как и убытки по постройке. В сущности китайский поход должен был бы оказаться для нас полезным благодаря тому, что войска и военноначальники ознакомились с Маньчжурией, как театром военных действий, имели случаи познать враждебные нам элементы Китая и наконец, действуя рука об руку с частями японской армии, могли воочию убедиться насколько последняя стояла уже образцово [4] во всех отношениях и даже значительно выше наших войск, в смысле организации, снаряжения, продовольствия, а главное командования высшими начальниками и вообще офицерами. Нельзя не поставить в вину Куропаткину, что ни он, ни его генеральный штаб, ни все наши военноначальники вообще и наши офицеры в частности не только не извлекли из китайского похода никакой пользы, но даже развратились его легким успехом и решительно ничего не подметили у японцев; ведь сам военный министр отправился затем в Японию и, вернувшись из интересной поездки (кстати заметить стоившей вероятно не один десяток тысяч казенных денег), продолжал, вместе со своим министерством и главным штабом, спать сном праведника.

Финансовая политика Витте обеспечила России на континенте Европы широкий дешевый кредит и искоренила игру на наши рубли. В то же время мы закрепили надежный естественный наш союз с Францией и не упускали из вида вопросов Ближнего Востока, хотя надежнейшим обеспечением влияния России на последние и было именно наше прочное утверждение на Дальнем Востоке; теперь этому не трудно поверить, потому что тотчас с началом войны, т. е. с отвлечением наших сил и средств к берегам Тихого океана, в .значительной степени ослабло наше влияние (если не совсем исчезло) на решение вопросов касающихся жизни народов, группирующихся на Балканском полуострове, но конечно до 1904 года этому никто бы не поверил. Мне кажется, что С.Ю. Витте отлично оцени-

вал уже тогда обстановку и поэтому сознательно способствовал своею государственною деятельностью стать России твердою ногою на берегах Тихого океана. Конечно, я не буду настаивать на том, что стремление к владычеству России на Дальнем Востоке составляет исключительную идею одного С.Ю. Витте, но обращаю лишь внимание на то, что эта идея уже осуществлялась, вернее, была на пути к своему осуществлению, при чем двигателем сего был в продолжение всех последних перед войной десяти лет главным образом министр [5] финансов, а следовательно он и являлся главным властным руководителем отправлений такого сложного государственного организма, как наше отечество; к этому привыкла не только вся Россия, но и Европа: полномочие, власть, решимость— словом авторитет С.Ю. Витте доминировали во всем бюрократическом режиме России; он был главною пружиною этого механизма. И вдруг в один прекрасный день его не стало! Преемника ему не было в полном смысле слова, ибо из всех лиц стоявших тогда у власти никто не пользовался и даже не имел никакого авторитета. Ясно, что в ту же минуту все бюрократы, как высших, так и низших рангов, остались без руководства. Они потеряли головы, не знали что предпринять, как вести судьбы не только всего государства но даже как направлять его частные жизненные отправления. Вот почему понятно, с уходом от власти С.Ю. Витте, вопрос о войне и мире должен был подвергнуться массе случайностей.

Из сказанного можно пожалуй вывести заключение, что если С.Ю. Витте не был бы устранен от дел осенью 1903 года, то войны бы не было. Я далек утверждать это, но могу указать на некоторые меры, которыми по-видимому его политика хотела избежать вооруженного столкновения. Первой и самой действительной было отозвание русских войск, принадлежавших к составу армии, из Маньчжурии. Весною 1902 года французский полковник Маршан, бывший в С.-Петербурге, в день официального объявления о таком решении Русского Правительства, сказал мне: «это еще ничего не значит, ибо обещать вывести войска можно, но надо посмотреть будет ли это исполнено». Однако они действительно выводились; да кроме того, при ничтожном их количестве, имевшемся тогда на всей территории Дальнего Востока, это не могло иметь существенного значения в смысле борьбы с Японией, а для противодействия набегам хунхузов на линию железной дороги было достаточно охранной стражи. Министр финансов совершенно правильно обособил эту категорию наших вооруженных сил от армии (а совсем не для удовлетворения [6] личного тщеславия иметь, как говорили многие его

недоброжелатели, свое собственное войско). Увеличивая численность зеленых заамурцев, привлекая в их состав за большое денежное вознаграждение отборные элементы офицеров и нижних чинов, можно было собрать в Маньчжурии грозную силу (я слышал от людей близко стоявших тогда к делу, что охранная стража должна была быть доведена до 100.000 ч., что составляло целую армию в 4 корпуса), знакомую с местностью и народонаселением, привыкшую к климату и условиям жизни на театре военных действий, проникнутую особенной энергией, как колонизаторы края. Поверка числительности этой силы разбросанной на тысячи верст, была бы для наших врагов затруднительна, а существование ее с дипломатической точки зрения вполне законно; содержа даже весьма значительную силу под видом охранной стражи, мы удовлетворяли амбицию Китая и все требования наших политических врагов. Я знаю факт, что расквартирование по приказанию Наместника в г. Мукдене—столице Маньчжурии—двух стрелковых рот вызвало в Пекине огромное неудовольствие, и китайские власти объясняли это чисто принципиальной стороной дела, т. е. нарушением прав Китая, а вовсе не тягостью постоя такой ничтожной горсти русских солдат.

Второю мерою против войны я считаю проводимую политику открытых дверей для торговли в Маньчжурии всех иностранцев. Третья мера состояла в неодобрении Безобразовской авантюры по лесной операции на берегах р. Ялу.

Но, скажут мне, война бы возникла все равно, не смотря ни на какие уступки со стороны России, ибо Япония должна была воевать во что бы то ни стало: в ее лице проснулась желтая раса и, будучи представительницей культуры последней, она ополчилась, чтобы доказать всем азиатам, всему миру что она достойна стать во главе панмонголизма, будучи в состоянии тягаться силами с могущественнейшей державой белой расы. Япония задыхалась на своих островах и должна была найти выход избытку своего народонаселения, [7] а англичанам и американцам было слишком выгодно предоставить ей всю Корею и тем предотвратить японскую колонизацию Австралии, Америки и Филиппин. Япония была слишком хорошо осведомлена о слабости России на Дальнем Востоке в частности и слабости ее вообще, вследствие несовершенства управления страной, неудовлетворительного состояния наших армии и флота; поэтому, объявляя войну, она шла на верный, обеспеченный заранее, успех. Наконец Япония не могла ждать потому, что в водах Тихого океана плавал Русский флот, уже достаточно грозный по числу своих вымпелов, а через какой-нибудь год —два подошли бы еще подкрепления, которые могли окончательно склонить перевес сил на море на сторону

России. Следовательно, раз только Россия влезла в Маньчжурию, ввязалась в эту авантюру, война с Японией становилась неизбежной, ибо Япония видела в этом посягательство на права свои, на права всей желтой расы; она должна была взяться за оружие возможно скорее и решительнее, пока флот России, как более богатого государства, не подавил бы своим водоизмещением и вооружением флот более бедной державы, пока Артур и Владивосток не сделались еще недоступными твердынями, а Приамурье не считало бы в своих гарнизонах несколько сот тысяч русских штыков. Таким образом причиной столь тягостной для нашего отечества войны была эта Маньчжурская авантюра, а виновниками, ответственными за нее, являются лица стоявшие у власти и допустившие Правительство сделать такой безрассудный роковой шаг. Вина их усугубляется еще тем обстоятельством, что Россия в сущности бедная страна, нуждающаяся в средствах для благоустройства своих собственных земель и потому конечно не имеющая возможности выбрасывать миллионы народных денег на колонизацию чуждых нам краев, обещающую в будущем лишь одни расходы и вызывающую затрату сумасшедших денег на сухопутную и приморскую оборону вновь приобретаемых земель, на увеличение активных сил войск и флота на Дальнем [8] Востоке[1]. А так как мы сказали, что более десяти лет наибольшим значением в государственной жизни России пользовался С.Ю. Витте, то естественно, что ропот общественного мнения обращается и на него. Не знаю, что скажет история через 10—20 лет, когда последствия несчастной войны окончательно вырисуются, и можно будет вынести беспристрастный, справедливый и точный приговор, но во всяком случае мне кажется, что вряд ли он будет карать самую идею стремления России на Дальний Восток, и я склонен даже думать, что наше выступление в Маньчжурию будет признано не авантюрой, а большим счастьем, принесшим нашему отечеству, не смотря на проигранную войну, большие преимущества.

Император Вильгельм, в политической дальнозоркости и государственной мудрости которого никто не сомневается, первый пред-

[1] Насколько наше общество вообще не было осведомлено о положении дел на Дальнем Востоке, указывает распространенное мнение о В.-Китайской железной дороге, как о предприятии совершенно бездоходном в его будущем и настоящем (конечно я говорю о жел. дороге в том виде, в каком она была до войны). А между тем весьма осторожный расчет Управления дороги показывает, что если в первый год ближайшего десятилетия эксплуатации дороги ожидался дефицит около семи миллионов рублей, то к концу десятилетия дорога должна была давать чистого дохода около девятнадцати миллионов рублей, Но, кроме коммерческих выгод, дорога давала нам значительное политическое и стратегическое преобладание на Дальнем Востоке вообще и еще способствовала заселению и обогащению коренных русских земель, т. е. всей Приморской области.

сказал, что желтая раса проснется и ополчится на белую. Ясно, что это предсказание прежде всего касалось великой России, ибо только она соприкасается на необъятном сухопутии с желтолицыми и упирается в воды, кругом занятые ими же. Естественно первый удар должен был направиться на нее, и уже тогда, когда прозвучали пророческие вдохновенные слова, не трудно было угадать, что восток ополчится на запад под гегемонией Японии. К тому же две белых нации давно открыли в Японии надежного союзника против титана конкурировавшего с ними на берегах Тихого океана и на всем материке Азии; для них [9] нападение Японии на Россию было в высшей степени желательно, развязывая им надолго руки: оба врага, сцепившись на смертный бой, настолько обессилили бы, что предоставили бы новым карфагенянам надолго обогащаться за их счет и за их оскудение. Следовательно вопрос столкновения Японии с Россией становился только вопросом времени, и война началась бы если не в 1903, то, скажем, в 1910—1912-м году. Если бы не существовало русской авантюры, т. е. захвата нами Квантуна и колонизации Маньчжурии, то что представляла бы из себя Россия на Дальнем Востоке ко дню неизбежного вооруженного столкновения с желтолицыми? С уверенностью позволю себе сказать, что и в 1910—12 годах мы не далеко ушли бы от того беспомощного положения, в котором оказались к началу войны 1904 года; пожалуй мы были бы еще в худшем, и вот почему.

Не известно ли каждому из читателей, как управлялись далекие окраины России высокопоставленными бюрократами под названием генерал-губернаторов, военных губернаторов, командующих войсками и наказных атаманов. Менялись эти лица довольно часто. Каждый вновь назначенный долго собирался к месту служения, но его продолжительные сборы вовсе не состояли в подготовлении для предстоящей деятельности, в занятиях по изучению вверенного, в большинстве случаев совершенно незнакомого, края. Сборы эти заключались в следующем:

1. Представления высокопоставленным лицам;

2. Визиты выдающимся и ловким дельцам, необходимым и даже опасным по своей силе и влиянию в высших сферах;

3. Заигрывание с представителями благонамеренной полу официальной печати, что перед войной стало особенно в моде, ибо реклама о своей деятельности вообще выгодна: внутри России, а в особенности в Петербурге, когда еще узнают о том, как принимались насаждения реформ и всяких мероприятий нового государственного деятеля (чаще всего из начальников дивизий или корпус-

ных штабов) на территории вверенной ему тмутаракани, а, при содействии печати, в звездоносной среде распространится слава об [10] энергичном деятеле, носителе прогресса; вырастет новый кандидат в министры, а если и не удастся что либо в этом роде, то все-таки, при хорошем служебном цензе, можно будет пристроиться и в столице;

4. Выбор нескольких будущих сотрудников по отраслям административной деятельности, хотя обыкновенно, за отсутствием людей знающих, а в особенности бывших на данной окраине, этот номер исключался совсем, или же приходилось брать просто по протекции—знакомству; к тому же ведь на месте тоже жили не одни волки, медведи и тигры, а были и люди, конечно из чиновников, в изобилии наполнявших административные центры окраин;

5. Составление личной блестящей свиты, т. е. приглашение адъютантов и лиц для поручений; впрочем приглашать и разыскивать не приходилось: среди военной молодежи было всегда сколько угодно желающих пристроиться к генерал-губернаторству; прежде всего юные поручики прельщались получением куша в несколько тысяч рублей прогонных и подъемных денег, так как среди даже гвардейских офицеров, за исключением 3-х—4-х полков, молодежь почти не имеет собственных средств, кроме разве женившихся на богатых приданых; многие получали возможность расплатиться с долгами или просто удрать от кредиторов (взыскивай там за тридевять земель); попадались и совсем родовитые аристократы: кого ссылал папаша за чрезмерное пьянство и скандальное поведение, кого удаляла мамаша во избежание мезальянса, кого просили удалиться из полка; во всяком случае ручаюсь за то, что не поехал ни один офицер из интереса службы на окраине;

6. Затем шло устройство личных семейных дел, прощания, прием напутствий и проводов.

Наконец, после нескольких месяцев сбора, администратор уезжал в отдельном вагоне, а чаще в отдельном поезде, и, приняв по дороге несколько оваций, прибывал во вверенную ему тмутаракань, где конечно уже не заставал своего предместника, который был счастлив оставить подальше за собою дикую страну, и, покидая ее, с облегчением отрясал ее прах от ног своих. Какое ему было [11] дело до того, что будет твориться там после него; служба прошла благополучно, иногда даже по внешности и годовым отчетам блестяще, ценз заслужен; если не будущий министр, то во всяком случае кабинет — делец высшего государственного учреждения, с содержанием соответствующим генерал-губернаторскому. Вновь при-

бывающий уже завидовал своему предшественнику, как человеку прошедшему неприятный искус, увенчанному лаврами и приобретшему покой, и начинал свою деятельность по образу и подобию этого счастливца. Конечно надо же было проявить себя, но для этого существовал излюбленный прием: просидеть на месте годик — полтора, создать проекты реформ и ехать в столицу проводит благие мероприятия. Скоро провести их нельзя, ибо затрагиваются государственные интересы, вопросы будущего величия России на ее окраине; пока их рассмотрят в канцеляриях, комиссиях и состоится доклад по департаментам и министерствам, пройдет не мало времени; спешить у нас не любят, а понуканий и напоминаний вообще не выносят. И просидит, вернее проблаженствует, окраинный мастер в столице, осыпанный прогонами и суточными, не один и не два месяца, а полгода и больше; при нем же наслаждается в монде, ресторанах и театрах его многочисленная блестящая свита — также на казенные суточные и прогонные, На отдаленной же окраине чиновник второго разряда делает свое дело: пишет, препровождает, доносит, назначает, берет и получает, но только ничего не дает краю—ни просвещения, ни культуры, ни справедливости, ни путей сообщения, ни народного здоровья, не прибавляет ничего к прогрессу торговли и промышленности и к престижу Русского имени.

При такой системе (а, спрашивается, почему, на каком основании она изменилась бы, если до войны она во всех отношениях удовлетворяла наш бюрократический режим и его представителей) конечно Россия не усилилась бы на Дальнем Востоке. Может быть через 10—15 лет сибирская магистраль давала бы 10 пар поездов в сутки, но конечно второй колеи бы не существовало (если даже [12] и теперь ее строят как бы нехотя). Народонаселение русское увеличилось бы, но не настолько, чтобы можно было набрать в бассейне Амура более какой-нибудь пехотной дивизии. Были бы линейные, стрелковые батальоны, в лучшем случае полки, немногочисленная полевая артиллерия и некоторое количество казаков (ведь только война показала какая в настоящее время незначительная роль казаков в серьезной военной операции). Укрепления Владивостока имели бы конечно первобытный характер, ибо кто стал бы давать миллионы для обороны окраины, когда ей по-видимому никто не угрожал; неужели стали бы опасаться китайцев и японцев? Китайской войны и вовсе не было бы, если бы мы не вздумали колонизировать Маньчжурию и захватывать Квантун, так что мы не знали бы даже что такое хунхузы; а японцы? Но ведь, когда они победили Китай, то России в минуту их торжества стоило только сказать до-

вольно[2], и они убрались на свои острова, получив в утешение остров Формозу, который, говорили у нас, японцы никогда не покорят: там непобедимые «черные флаги». Кстати заметить, что эти черные флаги не помешали нашему противнику во время войны вывести с Формозы на театр военных действий расположенную там дивизию, а эскадра Рожественского не попыталась даже демонстрировать против Формозы и обошла ее кругом и подальше. В результате конечно на Дальнем Востоке и через десять лет никакого противовеса серьезному наступлению в свои пределы Россия оказать бы не могла.

Но может быть во Владивостоке к тому времени был бы грозный флот, и тогда не могло бы быть никакого посягательства на материк с стороны Японии? Это предположение я позволю себе решительно опровергнуть. В нашем единственном порту Тихого океана, т. е. во Владивостоке не только не было бы русского флота сильнее [13] японского, но не было бы и эскадры, равной по силе той, которая могла собраться под флагом Алексеева перед открытием военных действий в 1904 году, и вот почему:

Основою моих соображений служит тот факт, что наша Тихоокеанская эскадра (все те суда, которые были в распоряжении Наместника) была составлена крайне спешно, именно и исключительно вследствие наших обострений с Японией (этой причины бы не существовало); мы строили и посылали немедленно все готовое, новое, по одной, две штуки; выслали наконец из Балтийского флота все, что только можно было послать; только некоторые суда почему то не успели дойти, как напр. Ослябя, Аврора. Во всяком случае к 27 января 1904 года в Балтийском флоте годных боевых судов уже не было. Орел, Бородино, Александр III и Суворов спешно закончены постройкой во время войны, а только они и могли состязаться с эскадрами Того; береговые броненосцы послужили лишь к увеличению нашего позора под флагом Небогатова. Если бы не было войны, то названные четыре броненосца строились бы может быть еще два—три года, испытывались бы и сидели бы в Балтике.

Таким образом к началу войны Россия имела сильный флот в Тихом океане и строящийся в Балтийском море, при чем затратила не одну сотню миллионов, но эти последние были даны министром финансов только потому, что надо было, во избежание войны с Японией, возможно скорее добиваться перевеса сил на море; если

[2] Конечно Япония была усмирена при помощи и согласии всей Европы, но, говоря откровенно, разве мы не приписывали этого подвига себе. До войны, а пожалуй и до Мукдена, мы все еще думали, что можем руководить политикой всего мира, показывая наш чудовищный восьмимиллионный кулак.

бы не было такой необходимости, т. е. не было острой назревавшей опасности, то мы ее не чувствовали бы и конечно не были бы столь щедры на деньги, а потому вряд ли были бы построены все боевые суда, или по крайней мере некоторые из них.

Еще во времена Ванновского, при Вышнеградском, стоявшем во главе министерства финансов, Россия поставила себе задачей иметь сильный Балтийский флот, фактическим подтверждением чего служат сотни миллионов, выброшенных на сооружение укрепленного порта Александра III в Либаве. Я говорю «брошенных», потому [14] что, при возникновении новой политической задачи, перетянувшей центр тяжести наших морских сил на Дальний Восток, мы оставили Либаву без флота, а в таком случае сооружение ее порта стало совершенно излишним (скажу больше: это вернейший приз наших противников в случае войны на континенте Европы). Злосчастная идея укрепления Либавы состояла в том, что возможность содержания в ее порту достаточно сильного флота, способного, вследствие незамерзаемости вод, круглый год к активным действиям, исключала необходимость затрачивать миллионы рублей на оборудование, содержание и ремонт крепостей на побережье Балтийского моря: Рига, Балтийский-Порт, Ревель, Кронштадт, Выборг, Гельсингфорс и мало ли еще какие пункты побережья нуждались в обороне. Во исполнение этой идеи последовало фактическое разоружение крепости Выборга, представляющего из себя необыкновенной важности стратегический ключ к обладанию Финляндией и подступов из нее к нашей столице. Вообще же, при условии отсутствия явной опасности на Дальнем Востоке, осуществление идеи Либавы неминуемо приводило к ущербам, как нашего оплота на Тихом океане— Владивостока, так и тех морских сил, которые мы могли там сосредоточивать. Здесь конечно не место распространяться критикой идеи Либавы, но нельзя все-таки не заметить, что такое безумное выбрасывание средств государства, хотя бы исполненное десяток лет назад, все-таки вопиет о своем возмездии; во всяком случае крайне желательно, чтобы оно было рано или поздно представлено на суд представителей народа, т. е. в Государственную Думу.

Кроме того Либава сама по себе притягивала бы к себе наш флот и наших флотоводцев, не выпуская его на Дальний Восток, в силу существовавшего режима во флоте, а он конечно просуществовал бы бесконечное число лет, если теперь, после Цусимы и всенародного приговора и осуждения, все-таки существует, или по крайней мере желает существовать. Никто из наших флотоводцев не увлекался дальними плаваниями, а предпочитали [15] обыкно-

венно вырабатывание своих цензов в Балтийском море, где плавание обращалось в пикники, когда жилось беззаботно, уютно, вблизи своих семейных очагов, родных кабаков и трактиров столицы. К тому же плавание было непродолжительное, благодаря климатическим условиям. Замечательно с каким неудовольствием готовились наши моряки даже к переходу в Либаву; то ли дело излюбленный Кронштадт? Я знавал одного адмирала, постоянно сидевшего на берегу, на тепленьких местечках, и был крайне удивлен, услышав, что он едет плавать на Дальний Восток. Сам адмирал весьма хладнокровно объяснил мне, что у него накопилось много долгов и надо было поправить свои обстоятельства. И ведь поправил: после китайской войны вернулся и привез музей редкостей—целое состояние. Последнее время (до войны) любили еще плавать в Средиземном море, где наслаждались поэтической Ривьерой и гостеприимством французов, где плавание состояло исключительно из всяких празднеств, оплачиваемых нашими союзниками и нашей казною (Россия ведь могущественная держава, а потому никаких денег на представительство не жалела).

Полагаю, что при таком режиме во флоте вряд ли он скоро бы переселился из Маркизовой лужи во Владивосток.

Итак следовательно, резюмируя сказанное о вероятном положении России на Д. Востоке, при условии несуществования колонизации Маньчжурии и захвата Квантуна, нельзя не предположить, что хотя бы через 10 лет, считая от 1903 года, она оставалась бы совершенно неподготовленной к борьбе с таким серьезным противником, каким была Япония уже к началу 1904 года, а за десять лет конечно имевшая полную возможность усилить свой флот и армию. Но ведь, как указано выше, Япония во всяком случае напала бы на Россию. Что же тогда случилось бы? А то, что мы и тогда ничего не знали бы о силах и средствах, готовности и намерениях нашего врага, как не знали этого и в 1904 году. Сидя на левом берегу Амура, мы конечно прозевали бы распространение влияния Японии [16] в Маньчжурии и Корее, может быть даже формирование ими там годных для боевых действий войск из китайцев. То нападение, которое позволили себе китайцы в Благовещенске, нами наказанное и дорого ими оплаченное, произошло бы несколько иначе. Японцы высадились бы в Уссурийском крае, прошли бы туда же из Кореи; добрались бы до нашей территории и из Маньчжурии. Война велась бы и с Японией и с Китаем, на нашей русской земле; желтая раса наводнила бы наши пределы, разрушала бы наши селения, дома, пользовалась бы нашими средствами и может быть отбросила бы

нас к Байкалу. Теперь же мы воевали полтора года и, как ни плохо действовали, какие поражения ни понесли, но, кроме части Сахалина, ни один клочок нашей территории не был занят врагом; Китай не посмел стать на сторону Японии, не представляя из себя еще вооруженной силы. Да, мы были не готовы, у нас была плохая армия в смысле управления и командования ею, был флот числившийся только на бумаге, а не как боевая единица, мы проиграли кампанию и заключили невыгодный мир.... но за то мы теперь прозрели; мы узнали, что желтая раса сильна и опасна, что мы должны денно и нощно готовиться к борьбе с нею, а не спать и закрывать глаза на грядущую опасность; мы увидели, что государственный строй не выдержал своего государственного экзамена—войны, ибо конечно виноваты в наших поражениях не одни только армия и флот. Мы узнали, что наша народная масса коснеет в невежестве и именно поэтому неспособна выполнить свою историческую миссию на востоке; только ее просветление и образование позволит нам действительно использовать ту многомиллионную боевую силу, которой мы так гордились, и на которую так уповали не только мы сами, но и наши союзники французы. Мы поняли, что в современном бою мало одной беззаветности, а нужно еще сознательное желание побеждать врага во что бы то ни стало, для чего необходимо не только муштровать бойцов, но развивать и воспитывать их, как это учил Драгомиров, которого мы не признали. И если талантливый немецкий писатель Хениг говорил в девяностых [17] годах прошлого столетия, что он счастлив тем, что германский солдат уже размышляет, то мы только по горькому опыту последней войны убедились, что у нас не размышляет и большинство офицеров. Мы убедились также, что звание генерала есть пустой звук, если генералы нуждаются в няньках, а их няньки—безответственные офицеры генерального штаба—с видимыми знаками невидимых стратегических и тактических познаний оказались слабыми в исполнении своего служебного долга и неопытными во всех видах и проявлениях своей служебной деятельности.

Мы все это увидели скорее, раньше, благодаря тому, что инстинктивно пошли навстречу несознаваемой ясно, но как бы предугадываемой опасности, и произвели сами фактически наступление на желтую расу, вторгнувшись на тысячи верст в ее территорию, и таким образом встретили врага далеко за пределами нашего отечества; мы оросили своею и вражескою кровью не Русскую землю, а Маньчжурию. Конечно Китай может быть не простит нам попирания его земли и народа, но в сущности не мы тому причиной, не мы

накликали на него бедствия войны, так как старались внести свою цивилизацию в Маньчжурию мирным путем: путями сообщений, торговлей и промышленностью; Япония была и останется зачинщицей войны. Во всяком случае несчастная война разбудила нас; мы обновимся, усовершенствуем наш государственный строй, поставим на современную высоту воспитания и техники наши вооруженные силы, и, кто знает, не настанет ли время; когда теперешние враги наши будут в нас заискивать и жить с нами в полном согласии, даже без того, что мы осуществим свое возмездие—реванш (кстати сказать о котором никто еще никогда не вспоминал). В общем результаты несчастной проигранной нами кампании кажутся мне все-таки выгоднее тех, которые могли бы оказаться при условии начала расовой борьбы не в 1904 году, а пять—десять лет позднее, в Уссурийском крае, в Приамурье, а не в Маньчжурии. А если со мною в этом согласятся, то вероятно и не поставят мне в укор того, [18] что я готов одобрить инициаторов нашего наступления в Маньчжурию и на Квантун в конце минувшего столетия: они оказали существенную услугу родине, предотвратив от нее в будущем более горькие беды, а, главное, заставили самой войной отрешиться от рутины и стать на путь прогресса. Конечно, я не имею в виду тех прикосновенных к делу, благодаря кому мы точно нарочно обостряли наши отношения с японцами, англичанами и американцами непосредственно перед войной.

В ноябре-декабре 1903 года мне пришлось все-таки подумать о возможности осложнений на Д. Востоке. Япония не могла двинуть по сухому пути ни одного солдата ни на какой театр военных действий; в случае нападения на Россию, ей надо было прежде всего произвести операцию десанта своих армий где либо в Корее, Маньчжурии или Уссурийском крае; при наличии богатого коммерческого флота, как у Японии, эта операция фактически возможна в самых больших размерах, тем более, что удаление берегов Японии от берегов вероятных театров военных действий с Россией относительно невелико; затем флот является лучшим и удобнейшим коммуникационным средством для высадившихся армий. Однако высадка осуществима только в том случае, когда ее выполнение обеспечено от противодействия сухопутных и морских сил противника; первое препятствие в данном случае было не слишком серьезно, так как на Д. Востоке имелось незначительное число русских войск; кроме того, операция десанта относительно легка при условии господства на море, ибо выбор места высадки и времени ее выполнения принадлежат наступающему. Следовательно, осуществление Японией

наступательной войны, т. е. возможность производства высадки ее армиями, зависела исключительно от того, могла ли она тотчас же, в самом начале военных действий, получить уверенное, полное превосходство сил на море; поэтому, если бы в дни омрачения политического горизонта в ноябре и декабре 1903 года произвести точное сравнение сил японского флота и нашей Тихоокеанской эскадры, то можно было бы прийти к определенному [19] заключению о возможности для Японии начать войну с Россией. Говорю «для Японии», а не «для России», потому что наше правительство повидимому войны не хотело и казалось было готово идти на некоторые уступки в целях предотвращения этого бедствия. Решить такую задачу по силам только специалисту морского дела, и поэтому, как ни старался я выводить боевые коэффициенты сравниваемых сил подсчетом судов, их бронирования, их артиллерии и водоизмещения, конечно не мог прийти к определенному заключению. Однако, как казалось мне тогда и кажется еще и теперь, эти коэффициенты для японской и русской эскадр были почти одинаковы, по крайней мере имея в виду эскадренный бой в открытом море; японцы имели лишь безусловное превосходство в судах береговой обороны и минной флотилии.

Но, кроме цифровых данных, доступных более или менее каждому из нас, надо было принять в расчет еще иные коэффициенты, а именно: систему постройки флота, качество его материала, что знают только специалисты дела, и наконец нравственный элемент, т. е. качество командного состава, качество адмиралов, офицеров и судовых команд, их боевую подготовку. Если я мог судить наверняка об этой огромной величине, играющей колоссальную роль в бою в отношении нашей сухопутной армии, и подозревал тогда же (перед войной), что японцы не побоятся померяться с русскими войсками, так как последние за десятилетие только ухудшались, а японская армия, уже сделавшая за тот же период времени одну победоносную кампанию, непрестанно прогрессировала, то мог ли я думать, что японцы считали нашу Порт-Артурскую эскадру неспособной оказать какое либо сопротивление их десантным операциям с самого начала военных действий и уже наметили все средства, чтобы обеспечить себе наверняка благоприятную обстановку. Я не мог знать также, что наша вспомогательная эскадра (Ослябя, Аврора и др.), шедшая на усиление Артурской и уже находившаяся в Средиземном море, осенью 1903 года, не придет своевременно, [20] так как какому то адмиралу по семейным обстоятельствам нужно было пребывать в Ривере. Я не ведал конечно, что мы упустили по-

купку двух великолепных бронированных крейсеров I-го ранга и предоставили усилиться ими более бедным японцам; что наше морское министерство решительно не отдавало себе отчета в том, что нужно делать с нашим уже достаточно многочисленным в то время флотом, и что поэтому большая часть судов могла с успехом числиться в списках, но в то же время не играть никакой роли как боевые единицы; что у нас не было ни одного адмирала, способного руководить в бою эскадрой; что лучшие из них не допускались на службу в Тихий океан, что флотские офицеры и весь личный состав флота далеко не на высоте своего назначения; что наша сильная Тихоокеанская эскадра будет разбросана Наместником—адмиралом чуть не по всем портам Тихого Океана, а основное ее ядро, служившее оплотом обороны Артура, даже после разрыва дипломатических сношений с явно готовившимся к борьбе с нами сильным и коварным азиатом, не примет никаких мер боевой готовности и даст возможность захватить себя спящим и врасплох. Повторяю, что я не знал ничего этого, и поэтому верил, что наш Тихоокеанский флот, представляя из себя по спискам внушительную силу, мог заставить японцев и не решиться открыть военные действия, а ограничиться одними угрозами, чем добиться всяких уступок и компромиссов.

В виду всего вышесказанного меня как громом поразило известие о разрыве Японией дипломатических сношений, а на следующий же день телеграмма о выводе из строя Артурской эскадры двух наших сильнейших броненосцев и одного крейсера, а также о бомбардировке крепости. Что японцы атаковали наши суда — в этом особой неожиданности быть не могло, потому что, при условии разрыва дипломатических сношений, начало военных действий конечно было близко, но поражала халатность, невнимание со стороны нашей администрации и флота, [21] допустивших подставить всю эскадру под внезапную, совершенно неожиданную атаку. Этот фатальный несчастный случай сразу указывал на нашу полную неготовность к войне и служил вообще дурным предзнаменованием, а потому я сразу потерял всякое доверие к нашим морским силам. Оставалось надеяться на сухопутную армию, к которой и должен был перейти центр тяжести всей серьезной борьбы. Итак, благодаря нескольким печатным строкам официальной телеграммы, гласившей о пробоинах на Ретвизане, Цесаревиче и Палладе, нам русским людям пришлось узнать следующее: русский флот не в состоянии меряться силами с японским, и японцы неминуемо выберутся на материк Азии, где присутствие их для России нетерпимо; конечно они высадятся в достаточных силах, ибо по количеству своего народо-

населения Япония равняется Германии, а последняя легко выставляет два миллиона бойцов; поэтому Япония может легко мобилизовать несколько сот тысяч солдат и перевезти их в кратчайший срок на своих многочисленных торговых судах; Россия в данное время имеет сравнительно незначительные силы близ самого театра военных действий, а ее неисчерпаемый многомиллионный запас боевых сил должен быть доставлен в Маньчжурию по единственной колее более 10.000 верст длиною, с перерывом ее озером Байкалом и крайне ограниченною провозоспособностью; японская армия воодушевлена чувством идеи патриотической войны, являвшейся средством расширить свои слишком тесные для ее народонаселения пределы, получить влияние на вес континент Азии, сделать своим орудием такую страшную силу, как Китай, и наконец отомстить России за ее преобладание в Маньчжурии, за посягательство на Порт-Артур, уже взятый японцами с боя, с пролитием своей крови; эта армия желтой расы готовилась десяток лет исключительно для борьбы с Россией; она была так воспитана и обучена; ее начальники были осведомлены о своем противнике, в совершенстве знали театр войны и жаждали показать учителям—немцам и союзникам—англичанам, что они [22] достойны их и даже опередили их своею военною культурою и своим военным искусством.

Русская армия не могла быть воодушевлена идеей национальной войны, ибо не только солдаты, но и офицеры и высшие военные начальники нисколько не интересовались Дальним Востоком. Однако дерзость объявления войны ничтожным, как тогда казалось, по пространству, территории и численности народонаселения государством, коварство нападения на наш флот все-таки могли воодушевить наши войска, хотя конечно это воодушевление не могло соответствовать японскому. Если же принять во внимание хорошо мне известные данные, вроде полного отсутствия в нашей армии способных и талантливых, а главное самостоятельных начальников, наличие неответственного, избалованного и несведущего генерального штаба, отсутствие образования и дисциплины среди офицеров во всей их массе, то мне было ясно, что, не имея превосходства сил над врагом, а в первое время и значительно уступая ему в силах, нам придется очутиться в крайне тяжелом положении, что война будет серьезна, продолжительна и потребует от отечества и армии небывалых энергии и напряжения. Я утешал себя тем, что все-таки русский солдат представляет из себя превосходный боевой материал, а во время войны конечно выдвинутся тотчас наиболее честные, талантливые офицеры, что с первых же выстрелов начнет приви-

ваться дисциплина и ответственность, исчезнут протекция, интриги, карьеризм, зависть и воровство, что, постепенно подвозя войска, усиливаясь, мы соберем армию удовлетворительного количества и качества, и все-таки сломим армию врага, не имеющего столь славной боевой истории, как наша. Предчувствовать в момент начала военных действий такое ужасное поражение, какое мне пришлось пережить в составе Маньчжурских наших армий, я конечно не мог; я знал только, что борьба будет тяжелая и упорная.

Затем передо мною возник вопрос касающийся исключительно меня самого. Мог ли я, имел ли я право в данную минуту, когда враг посягнул на честь и достоинство [23] моего отечества, продолжать оставаться мирным гражданином и не стать в ряды боевой армии, не вернуться к тому делу, к которому чувствовал призвание, привык служить с самых юных лет, и конечно сознавал в себе силы и энергию быть полезным. Я мог покориться участи быть вынужденным уйти из рядов армии в мирное время, когда ничто не угрожало отечеству, тем более, что, я знал это наверное, стоявшие в то время у высшей военной власти люди не позволили бы мне вернуться; но теперь я считал своим долгом перед отечеством стать в ряды его защитников и отдать свою жизнь за святое дело России.

Весь день 27-го января ходил я по улицам столицы, толкался в редакции газет, страстно желая получить какие-нибудь сведения о событиях, и иногда совершенно забывал, что сам я не был военным. Ночью я принял бесповоротное решение немедленно обратиться к Государю и умолять его послать меня на войну. Благодаря содействию некоторых лиц, дело свелось к формальности подачи прошения через дежурного флигель-адъютанта, потому что уже 3-го февраля я получил достоверное извещение, что Государь Император всемилостивейше соизволил разрешить мне вернуться в армию, а, в виду моего желания сражаться, соизволил назначить меня в одну из частей войск, расположенных на Д. Востоке. Мое прошение было передано военному министру приблизительно в то время, когда состоялось назначение г.-а. Куропаткина командующим Маньчжурской армией; затем оно конечно попало в главный штаб и там, по странной случайности, провалялось без движения целую неделю. По частным справкам от товарищей я узнал, что оно было направлено в отделение, ведавшее назначениями офицеров генерального штаба, и оттуда не выходило; говорили, что начальник отделения внезапно заболел и, как раз перед приступом болезни, захватил мое прошение на дом. Желая возможно скорее отправиться на театр военных действий, мне пришлось пережить порядочно беспокойств. В осо-

бенности же казалось несправедливо, [24] что Милость Государя, которой я был осчастливлен, по-видимому почему то досаждала бюрократам генерального штаба. Я обратился в Канцелярию Главной Квартиры и просил о содействии. Мне посоветовали подать жалобу на главный штаб, но как раз в день посещения мною этого учреждения, я узнал, что главный штаб экстренно затребовал мои бумаги из Управления железной дороги. Я отправился за ними в Министерство Путей Сообщения, так как был причислен к Министерству. Там мне устроили все в одну минуту, и я явился в главный штаб. Меня послали сперва в отделение генерального штаба, но там заявили, что прошение уже передано в отделение ведавшее определением на службу из отставки. Войдя в это отделение, я тотчас узнал в его начальнике одного из многочисленных офицеров состоявших при начальнике главного штаба. О сколько таких досиживаются до тепленьких местечек! Я знал, что этот господин не из симпатизирующих мне, и потому приготовился на всякие трения. Действительно, полковник Лукьянов объявил мне следующее: «вас, как кавалериста, следует назначить в Приморский драгунский полк, что особенно удобно, потому что командир полка старше вас в чине, а почти все командиры стрелковых полков моложе вас; но так как в Приморском полку нет вакансий, то приходится назначить вас в пехоту». Конечно, я был бы счастлив служить и в сибирских стрелках—лишь бы сражаться, но естественно, что человеку, сознательно, по призванию служившему в одном роде войск, приятнее попасть в свою сферу, в коей он чувствует себя опытнее и сильнее; да и для пользы службы всегда выгоднее эксплуатировать способности человека согласно его призвания. В виду сего я попросил полковника объяснить эти доводы исправлявшему должность начальника главного штаба и указать, что сверхкомплект на войне не может быть вреден. На это я получил резкий ответ, что все равно ничего не выйдет. Нечего делать, пришлось обратиться к протекции, и через час у меня в руках было письмо от [25] имени высокопоставленного лица, интересовавшегося моею судьбою. Я прождал около 4-х часов, пока не кончилось какое то заседание, и наконец предстал перед генералом ведавшим главным штабом. Сперва он не пожелал и разговаривать, но когда я назвал от кого имею письмо, то оно было немедленно прочтено, и меня обнадежили назначением в драгуны. 15 февраля, ровно через две недели со дня Резолюции Государя Императора, состоялся Высочайший Приказ о моем назначении.

В одиннадцать дней я устроил свою семью, сдал три исправляемые мною должности на железной дороге, снарядился и 27 февраля

уже выехал из Петербурга. Не могу обойти молчанием оказанного мне сочувствия со стороны сослуживцев по Управлению Петербурго-Варшавской железной дороги в отношении скорого освобождения меня от служебных обязанностей и напутствия на Д. Восток; несмотря на то, что я прослужил с ними всего 8 месяцев, они устроили мне торжественные проводы с молебном, на котором священник благословил меня художественной работы складнем, с выгравированной следующей надписью: «Дорогому К.И. Дружинину Благословение сослуживцев по Управлению С.-Петербурго-Варшавской ж.д.». Я никогда не забуду столь сердечного отношения ко мне этих верных сынов Родины, тотчас же по объявлении войны установивших вычет из своего содержания на нужды войны, и слова благословлявшего меня Отца:

«Ты, воин Константин, благую часть избрал, ибо идешь на поле брани по собственному желанию, а больше сия никто же имат, как кто душу свою положит за други своя». Как часто вспоминал я эти слова в боях и передавал их солдатам, умиравших за Веру и Родину на моих глазах. Дорогие товарищи по Управлению дороги, верьте, что я честно исполнил свой долг, и, если судьбе угодно было пощадить мою голову, то я в этом неповинен, а наоборот с своей стороны даже иногда [26] делал все, чтобы найти себе славный конец на полях Маньчжурии.

Министерство Путей Сообщения также оказало мне всякое содействие по отправлению на Д. Восток; мне выдали даровой билет 1-го класса до Порт-Артура с такими словами: «Вы наш служащий, и, хотя получите прогоны от военного ведомства, мы должны сами вас доставить на театр военных действий».

Собираясь в поход в первый раз в жизни, я конечно был неопытен в отношении практики походного снаряжения, и поэтому мне пришлось порядочно побегать в Петербурге по всяким магазинам за предметами для похода. На меня произвело странное впечатление, что, куда бы я ни пришел, везде видел исполнение заказов Куропаткина для его походного двора . Кажется не было ни одного дорожного магазина, который не строил бы какие-нибудь погребцы, приборы и тому подобные вещи—все в массовом количестве и с инициалами командующего армией. Этот походный шик производил, если не неприятное, то во всяком случае странное впечатление. Продолжительные сборы Куропаткина вообще казались мне неуместными, а тут еще эти погребцы; не лучше ли было немедленно прибыть на театр военных действий и поменьше думать о комфорте и собирании оваций и напутствий.

Не могу не коснуться деятельности главного штаба, насколько мне пришлось наблюсти ее при своем определении на службу. Армия бумажных офицеров, застывшая в своей канцелярской рутине, повидимому нисколько не была воодушевлена войной и даже не интересовалась ею; наоборот, это событие ей было более чем неприятно, причиняя лишнее беспокойство; а следовательно и те люди, которые стремились попасть на войну, являлись в этом отношении особенно несносными номерами. Помню, встретил там одного молодого человека, красавца, атлета по физическому строению; вот что он сказал мне: «помилуйте, посмотрите на меня: разве я негоден для военной службы? Средств мне не нужно—я человек обеспеченный; здоровье мое адское, служил офицером в кавалерии, [27] страстный охотник, спортсмен; а меня решительно не хотят принять на службу, да главное и добиться какого-нибудь путного ответа невозможно; придется искать протекции». Вероятно он так и сделал, потому что я встретил его на войне офицером. Не спорю, что среди массы людей предлагавших свои услуги для военного времени, а особенно среди стремившихся в конные части, было много совершенно негодного элемента, который, будучи принят, не принес отечеству никакой пользы, а только ввел казну в большие расходы. Однако не поощрять порыва сражаться вообще нельзя, и, чтобы выйти из затруднительного положения, главному штабу следовало отнестись к делу серьезнее и применить например следующие меры:

1. Прежде всего следовало вообще отнестись сочувственно к стремлению молодежи попасть на войну, как нижними чинами, так и офицерами.

2. Нижними чинами—волонтерами следовало брать решительно всех удовлетворявших требованиям воинской службы, т. е. отказывать только физически слабым и преступным; можно было делать всякие снисхождения в возрасте, если только субъект оказывался крепкого и сохранившегося здоровья. Ведь было ясно, что тотчас на театре войны начнется убыль, и потребуются укомплектования. Не служивших ранее в войсках волонтеров следовало привлекать на 2-х месячное обучение, для чего немедленно учредить особые пункты хотя бы в числе трех: один в Европейской России, один в западной и один в восточной Сибири, конечно на линии железной дороги в Маньчжурию. Тогда была бы достигнута подготовка отличного боевого материала, шедшего сражаться по призванию, при чем весь материал был бы на испытании, и в течение двухмесячного обучения легко было удалить негодный элемент, искавший лишь случая пристроиться на казенные хлеба. Набор волонтеров конечно можно

было допустить только в пехоту, а не в конные части. Волонтеров из казаков можно было отправлять и немедленно, при условии аттестации войсковым начальством. [28]

3. Что касается до офицеров, то тут выбор должен был быть очень строгим по той причине, что большинство оставляющих ряды армии офицеров вообще невысокого качества, а многие из числившихся даже в запасе были удалены из частей за неспособность, пьянство, карточную игру и вообще неблаговидные поступки. Такие офицеры шли не из желания сложить свою голову за Родину, а просто, чтобы вновь как-нибудь устроится и получать содержание. Я знаю массу таких и утверждаю, что они не выказали никакой доблести и на театре военных действий служили только обузой, или даже приносили вред армии, а своим поступлением на службу похитили массу казенных денег, да еще стоили огромных и непроизводительных расходов на свое содержание не только во время войны, но и долго после нее (и сейчас в 1908 году вероятно существуют такие дармоеды). Следовало поступать так:

а. Не выдавать подъемных и прогонных денег, служивших главной приманкой, составляя для штаб-офицера около 3.000, а для обер-офицера около 2.000 рублей. Надо было предложит всем экипировываться (конным заводить лошадей) на свой счет и давать только предложение на проезд по железной дороге и суточные деньги на весь путь—примерно на 6 недель. Затем уже можно было разрешить ближайшему начальству таких офицеров, по прослужении последними непременно в строю (а не в штабах или личными адъютантами и ординарцами) некоторого времени и при условии участия в боях, ходатайствовать о выдаче им пособий на снаряжение (конным на лошадей и вьюки), но конечно в размере не большем 500—600 рублей. Уверен, что, при соблюдении такой меры, государство сохранило бы в своем казначействе много денег, а армия не получила бы много негодного материала, который шел на войну исключительно из личных выгод и главным образом из за материального расчета, не будучи в состоянии, по своей неспособности к серьезному труду и по своей безнравственности, снискивать себе пропитание в мирное время. Конечно человек, стремившийся [29] на войну ради выполнения великой заповеди положить душу свою за други свои, даже бедный, нашел бы несколько сот рублей, необходимых для своего снаряжения, среди окружающих его членов общества, при существовавшем в первое время военных действий известном воодушевлении войною последнего. И если бы такой достойный сын отечества принес бы пользу, то правительство

могло бы вознаградить его деньгами хотя бы и после войны, а также обеспечить его семейство, если бы он положил свою голову на поле брани, или умер от ран или истощения сил. Давать же, как это делалось в 1904 году, щедрою рукою казенные деньги всяким выгнанным из полков за скандалы, пьянство, неблаговидные поступки и даже преступления, было крайне безнравственно.

6. Никоим образом не следовало назначать добровольцев—офицеров в кавалерию, т. е. в казаки по следующим причинам: на театре военных действий находилось всего 3 полка регулярной кавалерии, а следовательно их всегда и с избытком можно было комплектовать офицерами из строя, которым приходилось отказывать, в виду огромного числа желающих; ими же следовало комплектовать и казачьи части, так как это были все надежные испытанные люди, и они такими и показали себя на войне. Между тем именно среди добровольцев офицеров из запаса и даже из пехоты было наибольшее стремление попасть в казаки по весьма простой причине: бракованный, негодный материал понимал, что в кавалерии была меньшая опасность попасть под действительный огонь (конечно при личном желании, но, к сожалению, это было на самом деле). Я посмотрел бы, поехали ли бы такие любители сражаться в рядах стрелков под Ляояном, Шахэ-Бенсиху и Мукденом, где офицеры иногда погибали славною смертью до последнего; конечно всем этим блестящим кавалеристам было несравненно отраднее получать свои награды под фирмами Ренненкампфа, Мищенко и Самсонова. Такие офицеры являлись настоящим бременем для сотен, в которые назначались, требуя лошадь, денщика, вестового и конечно на руки все довольствие [30] лошади; в разведке они пользы не приносили, в бою уклонялись, и все это совершенно безнаказанно, потому что, по сравнению с пехотной боевой службой, были всегда вне фактического контроля своих начальников.

Ни одной из перечисленных мною мер главный штаб не озаботился. Он, правда, одинаково нелюбезно встречал каждого офицера и старался его не допустить в действующую армию, но за то молодежь обращалась к протекции и получала все, что искала, т. е. деньги и назначение в казаки. Приведу несколько примеров: в один казачий полк прибыли три таких экземпляра; один прослужил несколько месяцев в драгунском полку нижним чином во время Турецкой войны 1878 года; затем был все время в отставке и теперь пожаловал в чине хорунжего, имея 50 лет от роду и принеся лишь познания по драматическому искусству и полицейской службе; этому надо было расплатиться с долгами; другой был удален из пехоты за

подозрительную игру в карты, а третий, тоже преклонного возраста, даже неизвестно когда и где служил. Все трое были в самом скором времени отправлены в тыл на нестроевую службу. Знаю подъесаула, который даже не доехал до полка, а сперва прилип к одному штабу, потом к другому, не слышал ни одной пули, прикинулся контуженным, эвакуировался и долго разыгрывал героя не только в России, но и во Франции. О сколько таких! За что были брошены на них государством не одна сотня тысяч рублей!

Если мне возразят, что, обставляя так строго и скупо, дело поступления в армию волонтеров-офицеров, мы лишились бы может быть многих из них, то уверенно повторяю, что мы могли комплектовать казаков из строя регулярной кавалерии, а, отказав в приеме выше обрисованным типам, только избавили бы армию от негодного элемента. Тот, кто действительно хотел сражаться, сумел бы попасть на войну и не на казенные деньги.

Мне пришлось остановиться в Москве, и я был там как раз в то время, когда отправившийся из С.-Петербурга командующий Русской Маньчжурской армией принимал [31] напутствие Первопрестольной Столицы, в ответ на которое он изрек исторические слова: терпение и терпение. Откровенно сказать, в то время я не обратил на них никакого внимания, и вот почему: война есть такое серьезное и страшное дело, которое несравненно более, чем какое либо иное историческое событие, зависит от слишком разнообразного и бесчисленного количества элементов, а потому предсказать заранее исход борьбы между двумя могущественными державами слишком трудно, если не невозможно. Конечно, когда идет речь о состязаниях несоизмеримых по своим силам величин, напр. Турции с Грецией, Англии с Трансваалем, Европы с Китаем, то вряд ли можно сомневаться в торжестве сильнейшего над более слабым, но ко времени открытия военных действий на берегах Тихого океана, в начале 1904 года, не смотря на кажущуюся колоссальную мощь России, всякий здравомыслящий человек понимал, что именно на своей Дальне-Восточной окраине она была слишком уязвима, благодаря пространству и времени, потребным для сосредоточения ее сил и средств, а маленькая Япония, равная однако по количеству народонаселения Германии, вероятно набралась сил, если дерзнула посягнуть на честь и достоинство Европейского колосса. Следовательно, в данном случае, никакие речи, фразы и слова, в смысле предсказания результатов войны и даже ее хода, исходившие хотя бы и из уст главного руководителя нашей вооруженной силы, призванного отстаивать честь и достоинство России в Маньчжурии, не могли иметь никакого значения.

При той неподготовленности к войне на Дальнем Востоке и полном ее нежелании России, при той, к сожалению, для нее полной неожиданности, какая оказалась на самом деле, разве можно было что-нибудь предвидеть в начале марта 1904 года?

Конечно, такая обстановка (туманная) никоим образом не должна была казаться русским людям безнадежной, ибо наш славный исторический опыт говорил, что наше отечество не раз испытывало тягчайшие бедствия, но всегда выходило из них торжествуя и побеждая. Если даже [32] считать, что в минувшем столетии обе наши последние войны: 1854—55 гг. и 1877-—78 гг. были не удачны (последняя только политически, потому что стратегически мы победили, сокрушив армию врага и открыв себе дорогу в Константинополь), то разве затем мы не считали себя в состоянии меряться силами с целой коалицией первоклассных Европейских держав один на один, потому что наш союз с Францией был заключен только в самом конце столетия. Наконец, разве мы, Русские люди, не должны были иметь уверенность в своих силах, в своих мужестве и стойкости, проявленных нами бесчисленное число раз во всех наших войнах. Повторяю, обстановка не могла казаться нам безнадежной.

Однако Куропаткин решился что то сказать, или предсказать, и тогда слова его, принятые как нечто логическое и скромное, были комментируемы в благоприятном для него смысле, а именно: их считали логическими, потому что наш вождь казалось заранее взвешивал трудность обстановки и указывал, что не гонится за быстрым успехом, что враг серьезен, а мы еще не готовы; скромными, потому что человек не хвалился идучи на рать, а даже заранее намекал на возможность своих неудач. Скажу однако смело, что такое благоприятное для Куропаткина толкование его слов «терпение и терпение» существовало только потому, что тогда еще никто не думал о возможности неблагополучного исхода кампании, а вообще к серьезному и страшному делу войны относились слишком легко и несерьезно. А если бы этого не было, то каждый из нас мог из этих трех роковых слов Куропаткина увидеть только одно, а именно: что Россия вверяла свою вооруженную силу человеку совершенно неспособному побеждать. Действительно, как мог полководец, еще ехавший к своим войскам, оповестить всему миру, что прежде всего следует ожидать услышать о неудачах этих войск. Если бы возможность таких неудач и сознавалась бы самим полководцем, то он дол-жен был держать это про себя, потому что во-первых этих неудач еще не было и следовательно они могли [33] и не быть, а во-вторых объявлять о них устами наивысшего на театре военных действий начальника и авторитета значило разрешить возможность неудач — поражений, их

узаконить. Роковые слова немедленно, еще до вступления Куропаткина в командование армией, сделались ее достоянием; они были первым воззванием вождя к бойцам, а между тем вот что они им сказали: «сейчас наш враг слишком силен и грозен, а мы слишком слабы и тягаться с ним не можем; со временем, когда мы соберемся с силами, то начнем действовать, но для этого нужно время и время; поэтому пока можно щадить себя и свои силы в надежде на будущее, когда подойдут другие и нас выручат». И это сказал полководец, опытный воин, бывавший во многих сражениях, ученик и сподвижник Скобелева! Но ведь таким воззванием Куропаткин сразу посеял среди своих войск зерно разврата! Любое сражение, даже самая ничтожная стычка, требуют от бойцов упорства, стремления не уходить из боя и победить во что бы то ни стало,— это есть стимул доблести и мужества; но в то же время в любом человеческом организме живет чувство самосохранения, стремление избавиться от тягости боя, а потому официально высказанный намек на то, что сперва можно будет сдавать, и только впоследствии—позднее выполнять, конечно способствовал торжеству подлости человеческой природы над ее доблестью. От Тюренчена до Ляояна в Маньчжурской армии повторяли только: заманивай и хо-ла-ла (по-китайски «иди назад»). Какой жалкий пример полководца, сумевшего развратить свою армию, не доехав до нее на 10.000 верст!

Поэтому, думается мне, в Москве говорил не полководец, шедший сражаться во имя интересов Родины—Государства, а человек, на долю которого случайно выпала частная задача, причем выполнение последней заключалось в том, чтобы удовлетворить свои личные расчеты и интересы, хотя бы приобретением славы, почестей и популярности; а тогда, естественно, из чувства личного самосохранения, ради желания обеспечить себе путь отступления [34] на случай всегда возможных неудач, и был сделан заблаговременно намек на эту возможность.

3-го марта, в Москве, я сел в скорый поезд и вплоть до самого Иркутска ехал на войну с такими же удобствами, как ездил в Париж в норд-экспрессе. В одном вагоне со мною поместился один генерал-лейтенант генерального штаба, назначенный в распоряжение Наместника. Должен остановиться на этой личности, так как он сам и вся его служба представляют рельефнейшую картину безответственной и бесполезной, но безумно оплачиваемой, службы многих офицеров генерального штаба. Он считался специалистом по железнодорожному делу и долго служил в главном штабе, в отделе по передвижению войск и военных грузов, во времена министерства Ванновского; он готовился стать во главе отдела, но новый военный

министр Куропаткин назначил на это место своего клиента из Закаспийской области. Обойдя таким образом генерала прямым и естественным назначением, его конечно отлично устроили в смысле положения и содержания. И вот при главном штабе явился генерал для поручений по стратегии проведения и эксплуатации нашей железнодорожной сети; ежегодно он получал командировки и странствовал по нашим отдаленным окраинам, представляя свои о них отчеты и соображения, получая за это конечно огромные суточные и прогонные. В китайскую войну он также устроился на Д. Восток, где занимался кажется эвакуацией наших войск; не мудрено, что и сейчас он уже стремился в распоряжение Наместника. Генерал весьма откровенно (ему и в голову не приходил служебный разврат его командировки) объяснил мне, что надеется быть назначенным начальником железнодорожного отдела полевого штаба Наместника, а в таком случае имеет получить столько то тысяч содержания и дотребовать столько то тысяч прогон. Каждому даже не военному, а тем более офицеру генерального штаба, было ясно, что, если наша действующая армия базировалась на единственную нашу железнодорожную линию в Маньчжурии, т. е. В. Китайскую [35] дорогу, и при армии был начальник военных сообщений, то уже его функций было вполне достаточно для надзора в военном отношении за деятельностью дороги; для Забайкальской и Уссурийской железных дорог, пролегавших вдали от непосредственного тыла армии, конечно, за глаза было деятельности заведывающих передвижением войск в Иркутске и Хабаровске. Но генералу ведь было нужно: быть на войне, иметь соответствующее его рангу положение и в особенности обогатиться казенными деньгами. Ясно, что он страстно желал получить такое место. По-видимому однако он еще не знал как себя держать. В глубине души он не мог не сознавать, что путешествие его на войну по крайней мере бесполезно; кроме того он не был уверен в своем назначении на названную должность при Наместнике[3]; поэтому разыгрывать роль высокопоставленного начальника было еще рано; но, привыкнув вообще считать себя начальником на железных дорогах и предвкушая вероятное назначение, он иногда всё-таки проявлял свое значение и власть, осматривая следовавшие эшелоны войск, продовольственные пункты и т. п. Конечно он

[3] Еще до войны был возбужден грандиозный проект представительства Наместничества при железных дорогах района Наместничества, не получивший к счастью своего осуществления. Тем не менее железнодорожный отдел при Наместнике был уже сформирован, и начальником его назначен инженер-полковник (небывалый случай—не офицер генерального штаба), а потому генерал, нацеливаясь на это место, справедливо опасался, что ему его не уступят.

находил все в полном порядке; главное же занятие генерала состояло в том, чтобы отослать с дороги 150 открыток, потому что его провожало в Петербурге ровно 150 человек знакомых. Подъезжая к Иркутску, генерал начал более входить в роль особы и послал приказание полковнику генерального штаба, заведывавшему передвижением войск, о предоставлении ему в дальнейшем пути отдельного вагона с особым фонарем (стеклянная веранда),из которого, говорил мне генерал, так удобно любоваться видами Забайкальской дороги. Увы, полковник не только не. Исполнил [36] приказания, но даже не потрудился выехать навстречу, и генерал был вынужден сам ехать в его управление, находившееся далеко от вокзала, на другом берегу реки. Сколько наверное было хлопот и этому управлению и управлению дороги, а также телеграфу, по доставлению и отправлению тысячей распоряжений и донесений военной командной власти. На мой естественный вопрос, как может устраиваться в столь горячее время военный агент, состоящий при дороге, в нескольких верстах от вокзала, генерал убежденно ответил мне: «конечно ему так удобнее в смысле своей квартиры».

От самой Москвы мы все время обгоняли воинские поезда со стрелками, экстренно высланными из Европейской России на формирование третьих батальонов стрелковых сибирских полков; это был отборный народ, ехавший весело, с большим воодушевлением. Я встретил также много—слишком много—санитарных поездов и отрядов Красного Креста; все они могли бы приехать значительно позднее, и боевой элемент был нужнее; правда их потом задерживали по всей линии.

Один раз ночью в наш поезд ворвались три пьяных офицера, отставших от своих эшелонов, при чем один из них был даже ротным командиром (!!). Озеро Байкал мы переехали при чудной погоде. По льду тянулись колонны укомплектования стрелков, и, о удивление, за ними ехали подводы с громоздкими сундуками солдатских вещей (точно шли не воевать, а устраиваться на квартирах). К чему тащили с собой этот ненужный скарб, загружая им сперва вагоны, а потом платформы станций, совершенно не понимаю. За Байкалом мы ехали уже гораздо тише, со скоростью воинских поездов, вне всякого расписания вследствие забитости станций. Генерал считал, что наш вагон предоставлен в его распоряжение и держал себя хозяином, но на него не обращали никакого внимания, а набравшиеся в вагон офицеры держали себя довольно неприлично и в особенности грязно, так что делалось противно входить в уборные; должно быть они считали, что надо было, в виде подготовки [37] к военным действиям, держать себя понахальнее и

погрязнее. Однако воодушевления они выказывали немного. Один—из запаса, сделавший уже китайский поход и носивший анненский темляк, говорил, что устроится в качестве знающего иностранные языки в каком-нибудь тыловом штабе, а другой выражал сомнение в возможности разыскать свой полк и также просил устроить его в тылу.

ГЛАВА II.

Служба по охране побережья Ляодунского залива, в составе Приморского драгунского полка, с 22-го марта по 11-е апреля.

В Мукдене помещалась главная квартира Наместника, и мы расстались с генералом. На прощание он сказал мне, что получил ожидаемую должность, хорошую квартиру и надеется иметь отличный стол (за обедом играет музыка). Я продолжал свой путь с необыкновенной медленностью, выжидая на каждой станции по несколько часов; только в Ляояне—штаб-квартире Куропаткина—поезд проскочил довольно скоро, и я не получил никаких указаний на станции, куда направиться, но, руководствуясь сведениями, данными мне еще в Петербурге одним товарищем служившим в главном штабе, попал совершенно точно в место расположения Приморского драгунского полка: один эскадрон стоял в Гайчжоу, а три в д. Баосичжай, в нескольких верстах.

На станции Ляоян, в поезде очутилась супруга командира полка полковника Воронова, которая, как сказали мне, на свой собственный счет сформировала санитарный транспорт из двуколок, для сопровождения в бою полка и вывоза раненых. Всякое лишнее колесо является обузой в кавалерийской части; согласно штатов, при каждой части существуют определенные санитарные средства. По опыту пережитой кампании говорю, что кавалерия, при действиях в гористой местности, не может пользоваться двуколками, [38] а возит с собой только вьюки. Поэтому устройство, хотя бы и на собственный счет командира полка, какого бы то ни было санитарного обоза не может быть полезно. Кроме того, когда сие учреждение подведомственно жене командира полка, то оно является безусловно вредным, так как конечно оказалось, что не это учреждение существовало для полка, а полк существовал для санитарного обоза госпожи Вороновой. Затем присутствие супруги командира полка в походе не терпимо и составляет нарушение коренного принципа—воевать без женщин и семейств. Впоследствии я узнал от товарищей по полку, что Евдокия Воронова проявила необыкновенное мужество, действуя в бою с своим транспортом, но, к сожалению, это ее мужество

не передалось ее супругу, который старательно избегал каждого сражения вообще и настойчиво уводил полк из под огня, когда случайно им командовал при таком неприятном обстоятельстве. Я знаю также, что санитарный полковой транспорт был оборудован совсем не на средства жены командира полка, а на какие то пожертвования, и содержался за счет полка и вычетов из содержания офицеров; ликвидация этого транспорта, сделанная еще во время войны, подозрительна.

Я был принят командиром полка очень оригинально: он заявил, что мое назначение в полк крайне неудобно, так как я могу помешать старшему штаб-офицеру его получить, в виду скорого производства в генералы самого Воронова; что у него вообще принцип отправлять всех назначаемых в полк из Европейской России офицеров в Раздольное (близ Владивостока), т. е. в штаб-квартиру полка, где формируются пополнения; а главное, что в настоящую минуту он, Воронов, командует большим отрядом, а командующим полком состоит старший штаб-офицер, которому придется уступить командование мне, что он считает несправедливым. Я доложил, что приехал на войну конечно не для того, чтобы формировать укомплектования в Раздольном, и не имею претензии немедленно вступить в командование полком, [39] потому что мне надо сперва осмотреться. Тогда командир несколько смягчился и даже обещал хлопотать о скорейшем назначении меня командиром Уссурийского казачьего полка, командующий которым, полковник Данауров, был безнадежно болен; пока же он приказал мне вступить в командование заставой на станции Гайчжоу, в составе одной роты стрелков и одного эскадрона драгун, куда и отправил меня немедленно. Во всяком случае я вынес впечатление, что Воронов постарается возможно скорее от меня избавиться, что и не замедлило случиться. Считаю нужным рассказать о карьере этого военноначальника. Воронов сперва воспитывался в Пажеском корпусе (два года мы были с ним в одном классе); из шестого класса он был исключен за дурное— безнравственное поведение. Не смотря на то, что он был очень слаб в науках, ему удалось в том же году сдать экзамен в младший класс Николаевского кавалерийского училища, где в то время принимали и совсем полуграмотных. Через два года он вышел в Л. Гв. Гусарский ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полк, в котором необыкновенно быстро выслужил чин полковника и таким образом обогнал всех своих товарищей по Пажескому корпусу, даже кончивших академии. Служа в гусарах, он прожил все свое состояние и продолжать службу в гвардии не мог. Тогда его устроили в роли какого то инструктора

при войсках Китайского Богдыхана (а, как он рассказывал сам, в роли главного его советника!). За это время ему удалось жениться на дочери одного купца миллионера, имевшего свое состояние на Д. Востоке. Тогда он решил, что ему выгоднее продолжать службу на Д. Востоке, и ему благоволили предоставить Приморский драгунский полк. Зная этого господина еще с детства за довольно порядочное ничтожество, я мало надеялся на его доблесть, но то, что мне пришлось услышать про его постоянные уклонения от боев, превзошло всякое ожидание. Конечно я не знал, что это был человек весьма сильный в Маньчжурской армии, как близкий родственник будущей супруги начальника штаба армии г.-л. Сахарова. [40]

Боевая задача заставы на станции Гайчжоу состояла в том, чтобы воспрепятствовать противнику произвести десант в устье протекавшей здесь реки (4—5 верст от станции), вероятный по важности значительного железнодорожного моста. Штабом 1-го Сибирского корпуса было сообщено, что такая попытка со стороны противника тем более вероятна, что город Гайчжоу, с 15—20-ю тысячами жителей, расположенный в двух верстах от станции, считается особенно неблагонадежным, по своему сочувствию японцам. Застава поддерживала связь конными постами с городом Инкоу, где стоял особый отряд, и была связана телефонным сообщением с д. Баосичжай, где стоял резерв отряда, и со станцией Дашичао, где был расположен штаб корпуса. Телефонные провода шли по телеграфным столбам, и индукция телеграфного тока до крайности затрудняла разговор, для производства которого нужно было обладать особенно сильными легкими. По телефону почти без перерыва передавались: приказания и запросы штаба корпуса, донесения и запросы штаба отряда в штаб корпуса и на заставу, результаты всех наблюдений на побережье о проходе даже самых мелких судов, всякие распоряжения командира драгунского полка по хозяйству полка, а больше всего по формированию транспорта его супруги. Хотя я отлично говорю по телефону вообще, но, для выполнения всего вышесказанного, конечно моих легких не хватало; да и не мог же я сидеть бессменно у телефона, исполняя иные служебные обязанности. Командир полка кажется в первый же день моего командования заставой сделал мне внушение за неисправность телефонного сообщения и запретил мне лично говорить с ним, находя мою речь непонятной, хотя я очень удачно переговаривался со штабом корпуса, и там меня отлично понимали. Так как находившиеся в моем распоряжении нижние чины не были способны принимать серьезные приказания и в особенности их записывать, а специалисты из железнодорожного

батальона были заняты постоянным ремонтом линии, то пришлось сделать наряд офицеров эскадрона и обязать их дежурить у телефона, [41] что впрочем не могло быть затруднительно для четырех человек, которые не несли кроме того решительно никакой службы. Меня крайне удивило, что офицеры выразили некоторое неудовольствие и начали исполнять службу довольно небрежно.

Кроме обязанностей начальника заставы, я исполнял еще обязанности начальника гарнизона станции Гайчжоу, состоявшего из сотни и полуроты пограничной стражи и команд хлебопеков и обозов двух стрелковых полков; эти части требовали постоянного наблюдения за порядком в них, а в особенности в дни праздника Пасхи. Приходилось еще по несколько раз в день встречать поезда с высокопоставленными особами: Наместником, ездившим в Артур, командующим армией, бригадным командиром, начальником отряда. Но вообще служба шла благополучно. В продолжение 10 дней моего командования в Гайчжоу произошли две ложных тревоги, но оба раза они произведены вопреки мне лично. В первый раз, в одиннадцатом часу ночи, на станцию прискакал посланный командиром выдвинутой на самый берег моря стрелковой роты драгун и доложил мне категорически: «японцы начали высадку». Я усомнился в этом донесении и не произвел бы тревоги, не проверив его, но, к сожалению, его услышал сидевший рядом в комнате сильно выпивший ротмистр Бзаджиев, который, не спросясь у меня, побежал к телефону и донес о начатой японцами высадке, как в штаб корпуса, так и в штаб отряда, а затем сам же приказал полуэскадрону седлать. Тревога распространилась на станции, и начальник станции спрашивал нужно ли эвакуировать станцию. Не удивляюсь, что этот статский человек начал беспокоиться, потому что пьяный ротмистр и столь же пьяный стрелок — начальник хлебопеков—производили адскую суету и шум. Мне пришлось подтянуть обоих, но во всяком случае им удалось произвести почти панику. Очень скоро получилось донесение, что произошла ошибка, и никакой высадки не производится; я распустил войска на ночлег и успокоил станцию. При получении этого донесения, [42] ротмистр Бзаджиев опять поступил, вероятно спьяна, довольно странно, чтобы не сказать преступно. В момент получения донесения он находился в помещении телефона, а я был на платформе станции (шагов 40 расстояния); конверт был адресован конечно на мое имя, но ротмистр его распечатал и тотчас же, опять не докладывая мне, сообщил содержание в штаб отряда и в штаб корпуса. Когда я пришел случайно в помещение телефона, то застал его уже оканчивающим переговоры. Я сде-

лал ему соответствующее внушение и в ответ получил дерзкое заявление, что он более никогда не станет разговаривать по телефону. Конечно мне следовало поступить с ним по закону, но я знал, что ничего не добьюсь и только получу неприятности, а потому оставил дело без последствий. Когда я приехал на рассвете на берег моря, то узнал, что действительно в темноте какие-то шлюпки подъезжали к берегу и высаживали людей (следы ног были видны при отливе), но через несколько минут отплыли. Надо заметить, что стоявшая на берегу рота стрелков, при одном офицере, несла бессменно крайне тяжелую службу, и потому несколько нервное состояние ее начальника было понятно. Следовало или усилить состав заставы, или хотя бы сменять передовую часть из резерва.

Вторая тревога произошла следующим образом. С утра начали поступать донесения, что какое то судно то приближается к берегу, то удаляется от него, а вечером с него начали делать промеры; ночью, в устье реки вошло несколько шлюпок. Все эти донесения были весьма сомнительны, но, не смотря на это, полковник Воронов выслал из резерва на подкрепление 1 роту, 2 эскадрона и 2 конных орудия, прибывшие к рассвету. Когда я узнал об этом распоряжении, то отправился на угрожаемое место со своим полуэскадроном и конечно никакой высадки не видел. Правда, что китайцы занимались сигнализацией с берега со стоявшим в открытом море судном, но поймать сигнализировавших не удалось.

Заметив крайнюю нервность начальника отряда [43] (полковника Воронова) я перестал доносить по вечерам о наблюдениях на побережье и поэтому избавился от ложных тревог. Помню, что, когда раз вновь поступили весьма тревожные донесения, я ограничился тем, что сам провел полночи на наблюдательном посту.

Между тем телефонная служба шла все хуже и хуже, потому что офицеры явно от нее уклонялись, а я выбивался из сил, часами напрягая свои легкие. Наконец я написал командиру полка, чтобы он внушил своим офицерам необходимость исполнять свои служебные обязанности, на что последовал словесный ответ через одного из офицеров, что в распоряжении полковника имеются саперы-телефонисты и трубачи. Следовательно, Воронов освобождал моих подчиненных от возложенных на них мною служебных обязанностей. чем во-первых нарушал интересы обороны побережья, а во-вторых сам подрывал дисциплину среди своих офицеров, другими словами развращал их. Так как от исправности передачи распоряжений по телефону зависела не только оборона Гайчжоу, но и всей двадцативерстной линии обороны отряда, то я не мог допустить в

военное время такое упущение и написал донесение начальнику отряда генерал-майору Зыкову (Воронов уже был смещен с этой должности и оставался только командиром полка), что Воронов уволил моих офицеров от. обязанностей говорить по телефону, а поэтому ручаться за правильность и точность телефонного сообщения не могу. В ответ на это я получил приказание привлечь офицеров к службе на телефоне . . . . но на следующий же день прибыл из резерва штаб-офицер полка и передал мне приказание начальника отряда (конечно по проискам Воронова) сдать командование заставой ему, а самому явиться в штаб полка. Мне разрешили отправиться на следующий день, потому что я чувствовал себя не здоровым.

Как раз в это время штаб корпуса начал опасаться покушений противника в окрестностях станции Сюниочен (к югу от ст. Гайчжоу) и спешно сформировал [44] там отряд из 1 батальона, 2 эскадронов и 4 пеших орудий. Узнав, что я сдал командование в Гайчжоу (о чем я донес), начальник штаба корпуса запросил, какое мне дано в отряде Зыкова назначение. Я слышал, как Воронов приказал передать по телефону, что я болен, но я передал сам, что выздоровел. И действительно, можно было поберечь себя одни сутки в то время, когда я был совершенно не нужен для службы, но когда вопрос коснулся командования отрядом там, где ожидалось дело, то я конечно не думал о своем здоровье. Немедленно последовало приказание командира 1-го Сибирского корпуса А.А. Гернгросса, ехать в Сюниочен и вступить в командование отрядом. Напрасно подполковник Афанасьев уверял меня, что командир полка Воронов будет недоволен моим назначением, и советовал мне дождаться приезда последнего, я считал нужным исполнить приказание старшего начальника и отправился немедленно. Воронов же немедленно полетел в Ляоян—конечно жаловаться на меня (а, как я узнал потом, ему было кому жаловаться).

В Сюниочене я прокомандовал 11 дней, ознакомился с местностью и начал серьезные разведки на юг в направлении к Вафангоу. Все шло очень успешно, но неожиданно пришла телеграмма начальника отряда такого содержания: «полковнику Дружинину сдать командование отрядом и явиться в Ляоян, в штаб армии». Следовательно, происки Воронова увенчались полным успехом. Итак, не смотря на военное время, на серьезное дело, от которого зависела честь родины, в нашей несчастной армии продолжались интриги, наушничания, и вообще занимались какими то дрязгами и мелочами. Недоброе предчувствие охватило меня: вы шутите, господа генералы, а японцы не шутят и посмотрим хорошо ли пойдут у

вас дела. Я сдал командование, как было приказано, командиру стрелкового батальона и выехал в Ляоян. [45]

ГЛАВА III.

Четыре дня штабного Ляояна, с 12-го по 15-е апреля.

По дороге мне встретился товарищ по корпусу, взявшийся приютить меня в казармах железнодорожного батальона. Послав туда свои вещи, я сам с вокзала отправился в штаб к генерал-квартирмейстеру, который послал меня к одному из своих офицеров генерального штаба, а последний объяснил, что мне поручены стратегические рекогносцировки всех путей от Ляояна к Гайчжоу и далее к Вафангоу и Вафандяну, для чего в мое распоряжение давали 3-х офицеров генерального штаба. Для выполнения работы был дан весьма краткий срок времени, и работа считалась крайне спешной. Всякому теперь понятно, насколько серьезно было возложенное на меня поручение, ибо в намеченном для рекогносцировки районе и произошли все операции южной группы нашей армии: Вафангоу, Дашичао, Айсянчжан; так как, кроме путей, мне было предписано лично рекогносцировать все позиции, то может быть моя работа, если бы я ее выполнил, принесла бы существенную пользу нашей армии, но, как увидят читатели, мне не суждено было принять на себя ответственность за все, что произошло в указанном районе. Я был вынужден заявить, в виду спешности начала работ, что не успею скоро купить себе лошадей, так как командир полка (совершенно незаконно) отобрал у меня всех полагавшихся мне казенных лошадей, и вероятно не скоро вышлет мне мои собственные деньги, сданные ему на хранение. Мне обещали сделать распоряжение о возвращении мне лошадей и вестовых.

Было уже темно, когда я покинул штаб и пошел на вокзал поесть. Товарищ, с которым я приехал, пригласил меня к столу, где сидело несколько его сослуживцев и между ними несколько женщин-певиц из кафе-шантана. Меня угостили вином, на что я ответил тем же, но вообще пили очень немного. Когда, поужинав, мы отправлялись домой, то одна из женщин просила [46] нас проводить ее, и мой товарищ сказал, что это было нам по дороге (я не имел никакого представления об улицах Ляояна). Мы сели каждый на рикшу и поехали. Было совершенно темно. Скоро рикши остановились около какого то здания (позднее я узнал, что это было только что закрытое распоряжением начальства увеселительное заведение шато-де-флёр). Едва я стал на землю, как меня окликнул часовой и

сказал, что вход воспрещается. Я ответил ему, что и не собираюсь никуда заходить, а еду дальше. В ту же минуту из темноты вынырнула фигура молодого офицера, который, приблизившись ко мне, грубым голосом крикнул на меня: «сюда вход воспрещается», и повернулся, чтобы уходить. Я сказал ему: «г. офицер, пожалуйте сюда; вы верно не видите, что говорите штаб-офицеру». Он вторично заорал: «повторяю, входить нельзя». Тогда я крикнул на него: «возьмите под козырек». Он еще более возвысил голос и закричал: «держите сами под козырек, потому что я передаю приказание командующего армией». Я сказал ему: «приказываю вам, как полковник, взять под козырек и разговаривать вежливо». На это офицер сказал: «я буду на вас жаловаться», повернул мне спину и ушел.

Я привык вообще к безобразному поведению наших офицеров в отношении дисциплины и вежливости, и поэтому этот безобразнейший факт меня не удивил, а начать расследование было некогда, и я решил забыть о нем. На рассвете следующего дня я нашел себе место в поезде, отвозившем на ст. Гайчжоу телеграфную роту, и таким образом мог с полудня приступить к возложенной на меня работе. Я уже сидел в вагоне, когда посыльный нижний чин вручил мне экстренный конверт от коменданта главной квартиры, требовавшего меня немедленно к себе по делам службы. Я отправился к нему и был встречен более чем нелюбезно. Вот наш разговор:

Полковник Розальон-Сошальский. — Почему, прибыв в Ляоян, вы мне не явились? [47]

Полковник Дружинин. — Я был вчера у вас, но не застал вас дома.

Р.-С. — Вы должны были оставить свой адрес в книге моей канцелярии, а то я должен был вас разыскивать.

Д. — Я не мог оставить своего адреса, потому что не знал где остановлюсь, и спешил явиться в штаб по служебному требованию.

Р.-С. — У вас был инцидент с моим офицером, на которого вы позволили себе кричать, и он принес на вас жалобу.

Д. — Наоборот, ваш офицер позволил себе против меня дисциплинарный проступок.

Розальон-Сошальский повернулся к двери и вызвал офицера (не помню его фамилии), которого спросил: «этот полковник»? Тот ответил: «этот», и был отпущен.

Р.-С. — О вашем поступке доложено командующему армией, и он приказал вам явиться к нему в три часа дня сегодня.

Я видел, что разговаривать с этим зазнавшимся господином не стоило, и ушел, но, так как приказание командующего армией за-

ставляло меня нарушить приказание генерал-квартирмейстера: немедленно отправиться в Гайчжоу, то я направился к последнему и доложил ему обо всем. Генерал Харкевич приказал мне оставаться в Ляояне, а на мой вопрос, как же будет теперь с порученными мне стратегическими рекогносцировками не задумываясь, ответил: «поручим (или найдем) другому».

Итак, следовательно, благодаря интриге командира полка меня отстранили от обороны и наблюдения побережья, что я исполнял вполне успешно, а теперь, благодаря дерзости и не дисциплине какого ,то мальчишки, исполнявшего функции в главной квартире особы командующего армией, меня отставили от серьезнейшего дела рекогносцировок будущих полей сражения и путей наступления японских армий с юга. Я догадался, что участь моя решена, т. е. решено от меня избавиться; и еще бы: бывший военный министр, много способствовавший моему удалению из [48] армии в мирное время, конечно на был доволен моим возвращением в ее ряды помимо его желания. Меня уже успел очернить в его глазах Воронов, а теперь был такой благоприятный случай выставит меня просто скандалистом (не надо забывать, что именно наше офицерство страдало на войне двумя пороками—безнравственностью и пьянством, за что его карает и общественное мнение). Я не ошибался.

В 3 часа дня меня впустили в роскошный павильон, охраняемый почетными часовыми, меблированный специально для нескольких часов приемов Куропаткина, потому что он жил в поезде стоявшем тут же на особом тупике. Изящная мебель, ковры, люстры—все в новом стиле—производили отвратительное впечатление[4]: идет война, а командующий обставляет себя такою роскошью, забывая, что не роскошною мебелью, люстрами и гардинами завоевывается на театре военных действий, да и где бы то ни было, престиж и авторитет начальника. Вошел Куропаткин, и вот как мы беседовали:

Прежде всего он прочитал мне доклад начальника штаба армии, сущность которого гласила: полковник Дружинин, согласно донесения командира полка, возмутил против себя самого командира и все общество офицеров, а потому полковник Воронов просит или сдать полк, или убрать полковника Дружинина; в чем состояли мои провинности сказано не было, а просто указывалось, что я был возмутительным человеком. Затем мне милостиво предоставили сказать кое что в свое оправдание, почему я изложил подробно все выше сказанное о проступках офицеров, обслуживании ими телефона и

[4] Китайская ж. дорога заплатила за меблировку квартиры Наместника, в Мукдене, и Куропаткина, в Ляоян, 50.000 рублей.

придирках ко мне Воронова. Куропаткин несколько раз только проговорил одно слово: «странно», а, когда я кончил, то добавил: а вот еще жалоба коменданта главной квартиры свидетельствующая о вашем безобразном поведении. На это я доложил: «оправдываться по этой клевете я не буду; если угодно допросите тех, кто были со мною, и вам скажут, что ничего подобного не было». На это последовал ответ: «я дознания делать не буду, а, по докладу начальника штаба армии, вы подлежите высылке из пределов армии». Вся кровь бросилась мне в голову, но в силу дисциплины я сдержал себя и сказал: «Слушайте, Ваше Высокопревосходительство, я приехал сюда не для того, чтобы делать карьеру, которую в своей жизни уже сделал дважды: один раз в армии, о чем известно В-му В-ву, а затем в Министерстве Путей Сообщения, о чем можете справиться. Сюда я прибыл только для того, чтобы сложить свою голову за отечество, а так как у вас теперь сражаются только на реке Ялу, то я и прошу вас меня туда отправить, где я постараюсь избавить вас от себя». Куропаткин помолчал несколько секунд и высокопарным тоном (он уже страдал манией величия) вымолвил следующее: «Я хочу дать вам возможность стать на ноги и поэтому посылаю вас в распоряжение генерала Засулича, но помните, что посылаю вас туда без права командования чем-нибудь; по своему чину вы должны командовать несколькими ротами и сотнями, но вы командовать не будете, а только будете водить разъезды». Я сказал, что благодарю и за это и прошу три дня времени на приобретение лошадей. Вот каким образом я был разжалован из полковников (еще в мирное время пользовался правами командира отдельной части) в хорунжие, или даже в урядники, так как разъезды водят и те и другие. По странному взгляду в эту кампанию (что довольно неправильно) сотенные и эскадронные командиры в разъезды не ходили.

Конечно беседа с Куропаткиным была столь унизительна и тягостна, что не понимаю, как только сознание дисциплины заставило меня ее выдержать, ибо выслушивать такую оскорбительную речь человеку, решительно ни в чем неповинному и только строго исполняющему долг службы, было просто возмутительно. Странно, что, во все время этой довольно продолжительной пытки, внутренний голос настойчиво твердил мне: подожди, посмотрим, [50] что будет дальше; такие шутки не доведут до добра, и не будет ли в этом павильоне сидеть японский главнокомандующий, и не для него ли все здесь приготовлено. К несчастию я не ошибся, и 23-го августа это предчувствие обратилось в исторический факт, ибо павильон Куропаткина, вместе с венчавшим его георгиевским флагом, достался

Ояме в самом цельном виде. Знаменитый комендант главной квартиры поспешил оставить Ляоян, не позаботясь не только вывезти, но и уничтожить роскошную обстановку командующего, а ведь она стоила Китайской дороге не один десяток тысяч рублей. Впрочем, что говорить о потере ценностей, которых Куропаткин легко отдавал японцам на миллионы рублей, но отдача георгиевского флага и ставки командующего армией—это безнравственно в морально боевом отношении.

Тем не менее было от чего прийти в полное отчаяние: переживать позор, видеть торжество всех этих штабных людишек, готовых, не взирая на надвигавшуюся грозную опасность, грызть и кусать всякого, кто только им не уподоблялся, было слишком тяжело... и я был близок одну минуту к малодушию—думал покончить с собою, в каком духе и высказался перед одним товарищем. Последний был в достаточной степени болтлив и рассказал это своему сожителю — молодому офицеру, прибывшему на войну по собственному желанию и посвятившему себя разведывательной деятельности. Этот юноша сказал мне случайно следующее: «я был уже на одной войне—китайской—и все-таки знаю, что такое бой, а потому по опыту говорю вам, полковник, что ваше положение для войны очень хорошо: если вы настолько не дорожите жизнью, что решаетесь лишить себя ее, то вы будете иметь огромное преимущество в бою над другими людьми; ведь там все без исключения чувствуют себя очень тягостно и хотя подавляют чувство самосохранения, но все-таки страдают; идите в бой, и вы сразу почувствуете свою силу.» Как часто вспоминал я этого умницу в первом последующих боях. Судьба свела меня с ним вновь 12 августа, когда мне удалось одержать победу над японской [51] гвардией, и я искренно поблагодарил его за оказанную мне поддержку[5].

Два дня провел я в безвыходном положении, потому что, не

[5] Мои враги скажут, что все здесь рассказанное искажено, и что на самом деле я просто сделал в Ляояне скандал, и это в чине полковника, в военное время и т. д... но во-первых у меня есть свидетели, что все здесь рассказанное совершенная правда, во-вторых, и главное, вот что: почему же Куропаткин поставил мне в вину даже непроверенную им басню о том, что я имел в Ляояне какое-то общение с женщинами и вином, а в то же самое время, у него на глазах, начальник штаба армии Сахаров позволял себе держать при себе женщину под видом сестры милосердия и устраивать в своем помещении с нею кутежи. По странной случайности эта знаменитая особа, впоследствии супруга Сахарова, известная в армии под названием Елены прекрасной, была отчасти виновницею и жестокого обо мне доклада ее будущего благоверного, так как она состояла в близком родстве с командиром Приморского драгунского полка Вороновым и носила одну с ним фамилию, а следовательно, благодаря ее протекции у начальника штаба, Воронову и удалось оклеветать меня.

смотря на мои повторные телеграммы, Воронов не выслал мне сданных ему на сохранение денег, а без них я не мог приобрести лошадей. Наконец судьба сжалилась надо мной: приехавший из Петербурга товарищ дал мне взаймы 800 рублей, получив от меня доверенность на выдачу ему такой же .суммы из полка. Один военный врач достал мне за относительно недорогую цену трех маньчжурских коней и принял на хранение некоторые вещи.

Я пробыл в Ляояне трое суток и должен отметить следующие данные, запечатлевшиеся в моей памяти:

1. Главная квартира армии производила впечатление чего то несерьезного, показного, бумажного и пожалуй опереточного; поражала многочисленность всяких штабных чинов, начиная с офицеров генерального штаба и кончая всякими ординарцами, посыльными, денщиками и вообще нестроевыми; кроме того Ляоян наводняла масса иностранных агентов, иностранных и русских корреспондентов, всяких праздношатающихся офицеров и чиновников, какой то подозрительной молодежи, как русской, так и иных национальностей (преимущественно греков, [52] армян и грузин). Все это ожидало устроиться при ком-нибудь и при чем-нибудь, толкалось и суетилось по улицам русского поселка, около станционных и штабных сооружений, и конечно не способствовало сохранению в тайне военных секретов; наоборот слухам и сплетням не было пределов, а между ними попадались и верные сведения.

2. В канцеляриях отделов штаба, занимавших целые кварталы, кипела деятельность, и в смысле бумагомарания колоссальная, но в смысле дела весьма сомнительная: писать то писали, но если было нужно достать какую-нибудь важную справку, или хотя бы карту, или спешно сделать какое-нибудь распоряжение, то требовались часы, а пожалуй и денек—другой.

3. К войне относились как к какому то развлечению; казалось господствовало ожидание чего то вроде недавнего похода против китайцев: стоит мол нам показаться японцам, и они побегут перед нами; но вместе с тем проглядывала и какая то неуверенность, вернее робость перед неведомым и грозным. Я спрашивал 15-го апреля штабных дельцов, когда вдруг распространился слух о намерении японцев переправляться через р. Ялу: «хорошо ли для нас, что японцы выступают из Кореи в Маньчжурию?» До сих пор почему то предполагали, что они не посмеют этого сделать, а укрепятся в горах Кореи, а потому наши стратеги смущались вопросом трудности атаковать (спрашивается, когда они рассчитывали это сделать?) эти позиции. Что такое предположение существовало в штабе армии,

среди вершителей судьбы кампании, служит доказательством факт постройки. железной ширококолейной дороги от станции Хайчен к Шахэдзы (на р. Ялу), находившейся по настойчивому распоряжению Куропаткина в полном разгаре. Мне весело отвечали: «да, есть надежда, что японши вылезут из Кореи; уже одна их колонна не выдержала нашего огня на переправе и бежала». Я позволял себе настаивать и допрашивал: «командующий армией доволен признаками наступления из Кореи?» Мне отвечали: «О, да, он желает [53] выманить их из Кореи». — «Но, хорошо ли это?» — «А еще бы!» Лично я рассуждал так: японцы далеко не то, что китайцы, и вряд ли будут сражаться хуже нас; они уже два с половиною месяца устраивались в Корее и вероятно сосредоточили значительные силы, обладая господством на море в полном смысле слова, а их встретит на р. Ялу сравнительно слабый отряд Засулича.

Я пробовал оценить наше стратегическое положение в Ляояне. Можно утверждать, что Ляоян был избран нашей основной стратегической базой, и, в описываемые дни, мы не только не помышляли о его эвакуации когда либо, а наоборот сами готовились наступать вперед от него, на что указывали следующие данные:

а. как сказано выше, от Хайчена (южнее и следовательно впереди Ляояна на 70 верст) строилась широкая колея в Корею;

б. станцию Ляоян развивали самым усиленным образом;

в. устраивали канализацию русского поселка в Ляояне;

г. сосредоточивали все тыловые запасы продовольствия и фуража, госпиталя запасные и Красного Креста;

д. строили укрепления временной усиленной профили, т. е. как бы обращали Ляоян в крепость—лагерь временного характера, вроде Плевны;

е. проводили самым деятельным образом этапные линии на юг и юго-восток, и усиленно разрабатывали в том же направлении дороги и перевалы—ведь не для наступления же противника.

Откровенно говорю, что, наблюдая все это, я тогда же приходил в недоумение; и было от чего, когда тоже кое что понимаешь в науке стратегии. Сил у нас было немного—всего 4 Восточносибирских стрелковых корпуса (не 32-х а 24-х батальонного состава, т. к. стрелковые полки имели по 3 батальона), 4 полка 10-го и 17-го корпусов и около 9 конных полков; один корпус из 4-х предназначался целиком для обороны Порт-Артура. Если предположить, а это было весьма вероятно, что японцы решат свою задачу правильно и, не задаваясь немедленно целью [54] взять Артур, начнут ускоренное наступление против нашей армии, сосредоточивающейся под

Ляояном, то именно выбор нами последнего пункта, как основной базы, был донельзя неудачен. Конечно японцы обезопасили бы себя со стороны нашей крепости, имея возможность произвести безнаказанно высадку где угодно между Артуром и устьем р. Ялу и выставить заслон против Артура на Квантунском перешейке. Наше сосредоточение у Ляояна не удовлетворяло возможности оказать какую либо поддержку Артуру по своему удалению от последнего. Поэтому если бы японцы, базируясь на Корею и на Дагушань — Бицзыво (коммуникация морем), начали быстрое наступление конечно превосходящими нас силами, то положение армии в Ляояне делалось в высшей степени неудобным, так как стратегический ее обход от Фынхуанчена был всегда возможен; ничто не препятствовало японцам даже идти прямо на Мукден через Саймацзы и Бенсиху (местность и дороги это допускали), что заставило бы нас во всяком случае бросить Ляоян и отойти к Мукдену (что в конце концов и случилось). Правда, наш противник ничего этого не сделал и сыграл нам в руку, погнавшись за двумя зайцами одновременно, т. е. осаждая Артур и наступая, при чем наступление велось как бы по нашему приглашению, ограничиваясь совсем близким тактическим обходом Ляоянских позиций (хотя и этой угрозы оказалось достаточно, чтобы Куропаткин отказался от своей базы 19—21 августа). Кроме того, выигрывая пространство перед Ляояном, японцы могли еще произвести десант в Инкоу и оттуда угрожать нашему правому флангу у Ляояна. Но если может быть кто-нибудь думает, что Ляоян представлял выгоды в тактическом отношении, то могу в этом разуверить, ибо в этом отношении он решительно был неудовлетворителен по следующим причинам: железнодорожная станция Ляояна, и составлявшая нашу базу—точку, лежит на левом южном берегу р. Тайцзы, большую часть времени года непроходимой в брод, а потому ее оборона невыгодна при условии нахождения в тылу непроходимой преграды; Ляоян [55] лежит при выходе из горной страны в равнину и окружен с юго-востока и юга командующими высотами, что опять таки крайне невыгодно для обороны, потому что занятие предгорий повело бы к слишком растянутой линии, а ведь в апреле месяце мы не могли знать, что японцы подойдут к Ляояну только в половине августа, когда нам удастся достигнуть равновесия сил с противником; приходилось следовательно укрепляться на равнине и решить нечто неразрешимое: строить свои укрепления так, чтобы они обеспечивали от огня базу — станцию, т. е. вынести их значительно вперед, и так, чтобы укрепления не были слишком близко к командующим высотам, т. е. осадить их назад, а между тем расстоя-

ние от станции Ляоян до высот не допускало совмещение этих требований, и следовательно выстроенные, а в то время спешно строившиеся, укрепления инженера Величко не обеспечивали Ляоян от бомбардировки и могли только служить тет-де-понами мостам через р. Тайцзы при отступлении нашей армии.

Однако были и некоторые данные, указывающие на предвзятую идею Куропаткина эвакуировать Ляоян, а именно:

а) необеспечение левого фланга позиций, т. е. непринятие никаких мер обороны на правом берегу р. Тайцзы, в ближайших окрестностях Ляояна (до Янтайских копей включительно);

б) постройка на левом берегу р. Тайцзы, как только что сказано, укреплений, не обеспечивавших станцию от бомбардировки. т. е. низведение их значения на степень тет-де-пона.

Фактически вопрос об эвакуации Ляояна возник в штабе армии уже в июле месяце, что доказывают многие распоряжения его учреждений в отношении администрации В.-Китайской железной дороги.

В общем следует прийти к заключению, что выбор Ляояна, как основной базы Русской Маньчжурской армии для выполнения ею первой операции войны, вряд ли был сделан Куропаткиным вполне сознательно; он остановился на нем случайно потому что Ляоян был избран [56] сперва Наместником и Линевичем; может быть для того, чтобы две главных квартиры не помещались бы в одном пункте— Мукдене; может быть потому, что хорошо оборудованная жилым помещениями станция Ляоян оказывалась наиболее удобной для размещения многочисленного и блестящего штаба Куропаткина и его свиты. Словом, мы ткнулись в Ляоян, как в первую попавшуюся дыру, и там остались, тем более что находились в полном неведении относительно своего плана действий и в совершенных потемках относительно намерений противника. Было лишь предчувствие, что рассчитывать на скорую удачу нельзя, о чем впрочем Россия была уже оповещена еще из Москвы историческим словом нашего печального полководца: «терпение».

А между тем ошибка в выборе Ляояна исходным пунктом наступательной, а тем более окончательным местом оборонительной операции, была пагубна, и сама по себе в некоторой степени предрешала победу нашего врага. Для сосредоточения армии следовало избрать пункт, который давал бы нам следующие преимущества:

а. сосредоточение в силах допускавших начать наступательную операцию, ибо без наступления нельзя выиграть кампанию;

б. в худшем случае дать такой отпор, чтобы противник не мог

бы и боем принудить нас к отступлению, а тем более обходом;

в. не быть во все время сосредоточения армии в постоянной неизвестности (а потому и опасности), придется ли закончить сосредоточение, или противник ему помешает. Как сказано выше, Ляоян не удовлетворял ни одному из этих первостепенных условий: японцы могли всегда подойти к нему в превосходных силах и не дать нам перейти в наступление; движением на Мукден противник мог заставить нас очистить Ляоян без боя; по своим стратегическим и тактическим условиям оборона Ляояна была неудобна и потому ненадежна и, в продолжение всей Ляоянской операции, считая ее началом Тюренченский бой, Куропаткин постоянно беспокоился о возможности наступления противника на Мукден, или хотя бы в обход левого фланга Восточного отряда со стороны Фынхуанчена. [57]

Мог ли однако быть найден пункт для сосредоточения нашей армии в Маньчжурии, удовлетворявший высказанным здесь положительным условиям? С уверенностью скажу, что им являлся совершенно естественно Мукден, или, вернее, весь район между Мукденом и Ляояном. Что можно было найти плацдарм под Мукденом, на котором можно было бы принять решительный бой, доказано нашей Мукденской операцией, где японцы не были в состоянии взять наши позиции и выиграли операцию только тактическим обходом, который мы прозевали, а ведь Мукденские позиции были случайные, занятые нами под давлением нашего неуспеха при Шахэ-Бенсиху. Вот какие выгоды были на стороне такого решения нами начала кампании:

1) сосредоточение наших сил происходило бы на несколько переходов дальше от противника, т. е. давало выигрыш во времени;

2) между нами и противником пролегала значительная преграда—р. Тайцзы, что задержало бы приближение противника еще на некоторое время; конечно предполагаю, что железнодорожный мост, да и вообще вся линия дороги были бы основательно разрушены, а не оставлены противнику, для его наступления, в полной исправности, как это было сделано на самом деле Куропаткиным;

3) район сосредоточения был совершенно обеспечен от обхода:

а) левый фланг—непроходимостью местности к востоку от линии Фушун-Мацзядань-Мицзы; в непроходимости ее я убедился в сентябре 1904 года, и лично видел там только горные тропы и ни одной колесной дороги; мы сами разработали их зимою и тем самым облегчили демонстративное наступление в феврале 1905 года японцев;

б) правый фланг обеспечивался близостью к Монгольской границе и нашим громадным превосходством сил в кавалерии, которая

могла быть широко использована в этой равнинной местности; во всяком случае опасность обхода с этой стороны была не более велика, как под Ляояном, и самый обход требовал от японцев разделения сил для действия по обоим берегам р. Хун, затрудняя связь между частями, наступавшими на Мукден с фронта и в обход. [58]

Мне возразят, может быть, что нельзя было уступать без боя японцам всю южную Маньчжурию и сидеть у Мукдена сложа руки, позволяя противнику осаждать Артур, устраивать свои базы, собирать средства страны, восстановлять линию железной дороги, наконец воздействовать на китайское население; пожалуй в таком случае японцы добрались бы до Мукдена скорее, чем до Ляояна, и атаковали бы нас не 11—20 августа, а в июле или в июне, когда у нас еще не были бы сосредоточены равные или даже превосходные (как то было под Ляояном) силы. Эти возражения можно опровергнуть легко и даже фактически.

Мы действительно давали бои противнику, но только совершенно бесцельные: Тюренчен—17 и 18 апреля, Вафангоу—1 и 2 июня, Янзелин—4 июля, Дашичао—10 и 11 июля, Тхавуан, Симучен и Хайчен—18 июля; все эти бои были нами проиграны и кончались иногда не только отступлением, но и бегством:. они имели следующие крайне вредные последствия: если мы и наносили противнику урон в людях, то теряли и сами не менее, с тою разницей, что японцы пополняли свои ряды в несколько дней, а мы либо совсем рядов не пополняли, либо делали это; в ущерб прибытию свежих частей; отступая, мы расстраивали свои материальные средства, теряя орудия, снаряды, ружья, патроны, отдавали- свои запасы продовольствия и фуража, средства госпитальные и обозные, словом обогащали противника. Но хуже всего то, что мы усиливали японцев победами. и ослабляли себя поражениями, возвышая дух их войск и растлевая моральное состояние своей армии. Мы просто развратили войска непрерывными отступлениями, систематически приучили их не сражаться упорно, подорвали в них доверие к их собственным силам; старшие начальники, офицеры и солдаты привыкли смотреть на оставление позиций как на нечто неизбежное и правильное: только начинается перестрелка, и все уже смотрят назад и заботятся только о там (бывали конечно и счастливые исключения, был элемент, который не развращался, но он во всяком случае был очень невелик) как бы поскорее [59] выйти из под огня и оставить побольше расстояния между собою и противником. И на много ли мы задержали своими несчастными боями наступление японцев? От Тюренчена Восточный отряд, предводимый Засуличем и Оранов-

ским, отмахал сразу 150 верст, и штаб его водворился в Ляньшаньгуань—втором этапе от Ляояна, а через несколько дней бросил, без всякого давления противника, и заблаговременно укрепленную позицию на Феншуйлинском хребте, где даже китайцы сумели дать отпор японцам. Японцы не наступали вовсе не по тому, что их удерживало присутствие Восточного отряда, расположившегося в 75 верстах от Фынхуанчена (кстати сказать этот отряд был настолько деморализован поражением у Тюренчена, что конечно и не оказал бы серьезного сопротивления), а потому что они сами. не желали наступать. После Вафангоу, хотя славный 1-й Сибирский корпус и не деморализовался, но тоже был уведен без боев на 125 верст к Дашичао и следовательно тоже не препятствовал противнику делать все, что ему было угодно. 10—11 июля мы легко отдали Гайчжоу и Дашичао. Единственная попытка противодействовать активно намерениям противника состояла в наступлении Восточного отряда на Янзелине 4 июля, окончившаяся для нас полной неудачей, если не по материальным результатам (мы отошли очень недалеко), то по нравственным: русские оказались неспособными наступать на японцев. Итак все эти бои не только не задержали, но скорее облегчили наступление противнику, ибо ведь, кроме обогащения его победами, трофеями, средствами, мы подготовили для него пути наступления, разработав дороги и перевалы; японцам пришлось бы это делать самим, а тут все было уже готово; мы даже подарили 50 верст готового железнодорожного полотна от станции Хайчен до Долина (направление на Сюянь), подарили неразрушенной всю линию Китайской дороги до самого Ляояна, со всеми мостами, и станционными сооружениями; и при всем том они добрались до Ляояна только в половине августа; ясно, что если бы ничего этого не было бы, то японцы подошли бы к Мукдену [60] никак не ранее, чем к Ляояну, а в таком случае является еще вопросом, ждали бы мы их на позиции, или уже сами перешли бы в наступление.

Может быть Куропаткин хотел уподобиться Кутузову и, отступая, заманивать противника подобно тому, как это было в 1812 году; но можно ли сравнивать эти два отступления? Французы углублялись в неведомую для них страну, с враждебным населением, уничтожавшим все средства продовольствия армии; с каждым шагом они ослабляли себя увеличением крайне опасного тылового района. Во время же Ляоянской операции противник наступал по стране ему отлично известной (во всяком случае в большей степени, чем нам), богатой и населенной элементом скорее сочувствующим, чем нейтральным, обладавшим огромными средствами продо-

вольствия, которые мы не уничтожали; японцы не опасались за свой тыл, а арьергардные бои нами разыгрываемые были вредны только для нас.

Разве, базируясь на Ляоян, наша армия оказала какую-нибудь помощь Порт-Артуру? Все равно к 1-му мая он был уже совершенно отрезан от нас, а если до этого времени нам и удавалось, поддерживая сообщение по железной дороге, несколько пополнять крепостные запасы, то это было достигаемо охраной линии, как от отдельных злоумышленников, так и от возможных покушений небольших японских десантов в тех местах, где дорога приближалась к морю; как только японцы стали угрожать линии от Бицзыво, мы ее бросили (сперва даже слишком поспешно: очищение Вафандяна и эвакуация станций к северу от него в конце апреля; потом занимали линию вторично и исправляли станции); войска 1-го Сибирского корпуса, разбросанные от Дашичао до Вафангоу, так и не приняли участия собственно в обороне линии дороги. Наше наступление к Вафангоу, предпринятое Куропаткиным слишком поздно и в таком сосредоточении, как это было им сделано, явилось бесцельным и вредным для нас предприятием, так как привело ко второму напрасному поражению, а последствиями Вафангоу [61] были Сюниочен, Гайчжоу, Дашичао, Симучен, Долин, Хайчен и Айшаньчжан, т. е. либо новые поражения, либо поспешные отступления без боя, а подчас и просто бегства. Точно так же, как для Восточного отряда последствием Тюренчена явились бесчисленные дальнейшие неудачи, о которых расскажу подробно, так как большая часть их произошла на моих глазах.

Конечно если бы русская армия избрала местом своего сосредоточения район между Мукденом и Ляояном, то ей не следовало бездействовать. Прежде всего надо было занять прочно, для воспрепятствования разведке противника, линию р. Тайцзы от р. Ляохэ приблизительно до Мицзы. Наши легкие разведывательные партии и даже отряды (а не только одни казаки) могли проникать гораздо дальше—до соприкосновения с противником, и таким образом следить за его сосредоточением и движением. Выдвижение таких легких отрядов без колесного обоза было вполне возможно, так как они могли продовольствоваться местными средствами. Главная масса кавалерии должна была работать по линии железной дороги и в долинах рек Тайцзы, Хун и Ляо, выдвигаясь до самого моря на линию Инкоу—Гайчжоу. Занятие Южной Маньчжурии не корпусами, а только летучими отрядами и кавалерией, имело следующие несомненные выгоды: мы не подставляли бы противнику неравные си-

лы, а действовали бы только с целью разведки, тревожения и партизанства; мы не терпели бы поражений и не приучали бы наши войска отдавать противнику позиции, орудия и пленных; не дали бы возможности японцам использовать преимущества своей горной артиллерии, потому что, при встрече с ними в районе Мукдена-Ляояна, в горной артиллерии менее надобности, чем на театре военных действий к юго-востоку от Ляояна; мы не оставили бы противнику трофеев, боевых и продовольственных запасов, не разработали бы для него путей сообщения, и конечно привели бы в полную негодность линию железной дороги, а главное ее мосты и водокачки. Не полагаю, чтобы наше выжидание решительных действий отразилось бы на нашем престиже над китайцами, [62] потому что предсказать окончательный успех было бы трудно, а во всяком случае это выжидание не производило бы такого удручающего впечатления, как наш разгром под Тюренченом, после которого китайцы не стесняясь говорили нам: «моя войско и твоя войско эгоян (по-китайски: одно и то же)», т. е. другими словами одинаково бегает перед японцами. Кроме того думаю, что китайцы не препятствовали бы действиям наших передовых отрядов, ожидая, что в дальнейшем ходе кампании мы могли бы опять возвратиться на те же места; вообще надо заметить, что содействие китайцев японцам выражалось лишь в сообщении о нас сведений, а совсем не в нападениях, хотя бы даже на одиночных людей (я не говорю про хунхузов, но их в районе южной Маньчжурии не было); даже непосредственно после наших поражений, во время поспешных наших отступлений, китайцы не отказывали в продовольствии и фураже, если конечно им платили, хотя не сопротивлялись и явно насильному пользованию их продуктами. Мы могли бы в крайнем случае просто терроризировать местное население, как японцы, в этом отношении совсем не стеснявшиеся.

Во время сосредоточения армии под Мукденом можно было озаботиться разведками местности в районе Синминтин-Ляоян-Саймацзы-Мукден, так как к началу войны мы имели о ней весьма смутные представления. У нас, правда, была отличная двухверстная карта, но только южной части театра военных действий, так что со дня отхода от Ляояна мы—Русская образованная армия двадцатого столетия—действовали исключительно по компасу, и так продолжалось до октября, т. е. до нашего наступления на Шахэ-Бенсиху, включительно. То же случилось и после Мукденского сражения, так как мы опять лишились района, в котором успели сделать кое-какие съемки во время сидения на Мукденских позициях, с октября 1904

по февраль 1905 года. О, заботливость и предусмотрительность нашего блестящего генерального штаба и штабов Наместника, командующего и впоследствии главнокомандующего... Что заслужили вы столь преступным упущением? [63] Во всяком случае не того замалчивания, которое продолжается и поныне, а строгой кары общественного мнения России, дабы вы вновь не почивали… не на лаврах, коих не стяжали, а по вашей привычке, по традиции вашего неответственного служения армии и родине. Можно было, в зависимости от обстановки[6] , выработать и план кампании, ибо такового создано не было ни главным штабом, ни штабами Наместника и Линевича, командовавшего нашей Маньчжурской армией до приезда Куропаткина; а нельзя же в самом деле воевать без плана. Начиная с 70-х годов прошлого столетия, каждому юнкеру твердили с кафедры, что французы, начиная войну с Германией, не имели плана войны, и вот спустя слишком 30 лет, профессор военного искусства, опытный боевой генерал, администратор военного дела, имеющий ореол гения, сидел под носом у противника в какой то дыре, куда случайно ткнулся по приезде своем из России, и решительно не знал, что ему предпринять. Сегодня ему казалось, что японцы останутся в Корее, и он приказывал строить железную дорогу в Корею, не задумываясь выбросить какие-нибудь 700.000 рублей казенных денег; завтра, узнав, что наши войска разбиты под Тюренченом, он посылал несколько казаков и 3—4 батальона стрелков им на поддержку; после завтра ему рекомендовали оказать поддержу осажденной крепости, и при том именно тогда, когда обстановка это допускала[7], он терял время, колебался, упускал обстановку и наконец гнал вдруг все, что было под рукою на превосходные [64] силы противника; получалось нечто вроде Тюренчена; когда ему казалось, что японцев слишком много, он готовил Ляоян к эвакуации, но так как они все таки не наступали, то он снова развивал железную дорогу на юг; сегодня он тащил все резервы с востока на юг, а завтра гнал их опять на восток. Не показывает ли все это, что до самого начала Ляоянского сражения, т. е. до 11-го августа, и даже за-

[6] Следовало собирать сведения о противнике при помощи организованной системы шпионства, а не так, как этим занималось праздное, карикатурное бюро разведки (разведывательное отделение) в Ляоянском штабе. При огромных, совершенно бесконтрольных средствах, имевшихся в распоряжении командующего армией, это было вполне достижимо, Говорю так по опыту личной разведки услугами китайцев за самые ничтожные деньги. Да, ничего не делая, можно было быть разбитым и под Мукденом, и под Харбином, вообще где бы мы ни вздумали сосредоточивать нашу армию.

[7] Смотри приложение № 2. Исследование вопроса: «кто виноват в стратегических результатах Вафангоу».

тем, вплоть до его окончания, мы не знали что следует делать. Конечно, во многом таким колебаниям Куропаткина способствовали два данных: 1. вышеуказанный неудачный выбор Ляояна, как базы первой операции, и 2. полная несостоятельность работы штаба армии, с его начальником во главе, а в особенности неспособность этого штаба осветить обстановку—полное неумение организовать разведку; штаб командующего армией был в полном смысле слова слепым, т. е. никуда негодным орудием. Но, спрашивается, зачем же Куропаткин терпел такое ненормальное положение дела? Ведь ему никто не мешал отделаться от слепых от рождения неудачников, вроде Сахарова и Харкевича, и взять других. Однако он не пожелал этого сделать и следовательно вполне ответственен за их неудачную деятельность.

Мне могут сказать, что легко говорить и критиковать теперь, через 2—3 года, когда карты уже открыты, и почему я, понимая несовершенство нашей стратегии, не попытался предпринять тогда же что либо против него. Из всего рассказанного о моем тогдашнем служебном положении ясно, что в моих советах не только не нуждались, но и не потерпели бы, если бы я попробовал каким либо способом высказаться. Тем не менее, говорю по совести, что, сидя в Гайчжоу и Сюниочене с 20-го марта по 11-е апреля, я уже понимал, что дело идет неладно, а трех-дневное пребывание в Ляояне меня в этом окончательно убедило. Я не мог конечно так ясно, как теперь, оценивать ошибки по выбору базы, по сосредоточению и распределению наших сил, по всем первоначальным распоряжениям и действиям, но если бы меня спросили [65] тогда: можно ли строить железную дорогу в Корею от Хайчена, можно ли допустить разброску сил между Ляояном, Тюренченом и Дашичао, по окружности в 300 верст, можно ли давать неопределенные инструкции Засуличу относительно первого столкновения с врагом, то я не затруднился бы в простом решении этих вопросов и сказал бы, что прежде, чем думать о наступлении в Корею, надо было собрать свои силы, что, имея в апреле месяце горсть полевых войск, нельзя было держать одну треть на р. Ялу, а другую в Дашичао; наконец, что если одна треть очутилась под ударом противника, то надо было озаботиться, чтобы этот удар не имел бы того ужасного морального последствия, какое случилось благодаря внезапному назначению генерала Засулича с полковником Орановским в самое критическое место, и благодаря двусмысленному руководству действий Восточного отряда командующим армией. Я сказал бы все это не стесняясь, как привык высказывать громко свои мнения и в мирное, и в военное время,

но.... я был совершенно не нужен в армии ее предводителям, и даже мое присутствие в ней вероятно считалось ими вредным, потому что я позволил себе нарушить семейный покой командира Приморского драгунского полка (Воронова), имевшего счастье состоять в близком родстве с нареченной суженой начальника штаба армии (Сахарова), потому что позволял себе требовать дисциплину от офицеров—любимцев командира полка и от полицейских чинов самодержавнейшего коменданта главной квартиры Куропаткина. За все это, благодаря только снисходительности нашего печального полководца, я был допущен к участию в военных действиях на положении обер-офицера, без права командовать даже ротой, имея за плечами чин полковника, 41 год от роду, 23 года действительной беспорочной службы, выпустив через свои руки около 3.000 офицеров—моих учеников, и создав две кафедры военных наук. И вот я ехал водить разъезды на р. Ялу; оригинальное назначение и невыносимо трудное выполнение; удивляюсь только, как хватало у меня сил выполнять, служить, работать и все-таки кое что сделать. [66] Никогда, никому не пожелаю очутиться в таком положении! Но судьба была справедлива: через 4 месяца, события свергли с пьедестала мнимые боевые величины, показав все их малодушие, неспособность и нечестность; я же вышел победителем из испытания и в настоящее время, честно исполнив свой долг перед отечеством и армией, могу ответить презрением всем этим людишкам, не смотря ни на какие их положения, ранги, чины и звания, ибо вместе со мною презирают их Россия, общество, русские офицеры и солдаты.

ГЛАВА IV.

Путешествие из Ляояна в Восточный отряд г. Засулича с 15-го по 21-е апреля.

16 апреля я выехал из Ляояна по большой этапной дороге на г. Фынхуанчен—г. Шахэдзы (последний на р. Ялу). На первом переходе заболела одна лошадь, на следующем пришлось бросить другую, совершенно обезножившую, и купить новую. В виду такого состояния моих коней я не мог делать более 30—40 верст в сутки и подвигался вперед довольно медленно. Странно, что уже по этапам ходили слухи о наступлении японцев к Ляояну, и царило довольно тревожное настроение; рассказывали даже, что разъезды японской кавалерии появились чуть ли не под самым Ляояном; коменданты этапов не советовали ехать отдельно от почтовых эшелонов, но следовать таким советам было невозможно, потому что движение

арбяной почты происходило слишком медленно, и, как только я привел в порядок свой конский состав, так поехал уже отдельно и самостоятельно. С другой стороны ничто не указывало на какую-нибудь опасность, потому что ускоренно развивались этапные учреждения, собирались громадные запасы продовольствия, открывались рестораны, лавки, бани, а по всей дороге тянулись сплошными линиями бесчисленные интендантские арбяные транспорты с китайскими погонщиками. [67]

20 апреля я прибыл на этап № 4, в д. Туинпу, где застал полное смятение и суету. Мне сообщили, что 18-го числа на р. Ялу произошел крайне неудачный для нас бой, и отряд отступает. Войдя в отведенное для проезжающих офицеров помещение, я увидел лежавшего на койке артиллерийского штаб-офицера (Подполковника Гусева) и при нем доктора; по-видимому это был раненый. Доктор немедленно ушел, и я поспешил подойти и выразить свое сочувствие герою—первому, которого я имел честь встретить на театре военных действий. Я приблизился к нему с чувством благоговения. Он заговорил очень быстро и довольно несвязно, но сущность относительно длинной речи могла быть резюмирована так: «произошел ужасный бой; нас расколотили в дребезги; г. Засулич вероятно отрезан, и к нему попасть уже нельзя. Я контужен в голову и в ногу, оставил свою батарею—собственно 6 орудий, потому что 2 орудия были выделены; вообще же вследствие контузии мне отшибло память, и я все очень плохо помню». Этот рассказ не произвел на меня впечатления, ибо с первых же слов я заметил Гусеву, что не понимаю, как он не помнит хорошо где его контузили, и что сталось с его батареей, а между тем знает, что весь отряд разбит и начальник отряда отрезан. Оставив этого типа, я пошел искать на дворе этапа кого-нибудь, кто мог бы дать мне более точные сведения о случившемся в Восточном отряде. В одной из фанз я нашел целое общество врачей и студентов Красного Креста, по-видимому из отряда бывшего при сражавшихся войсках; эти тоже начали рассказывать какие то странные происшествия; было ясно, что они ничего не знают, а просто откуда то поспешно ретировались. На мой вопрос, нет ли кого-нибудь, кто собирается ехать в г. Фынхуанчен, раздался смех и восклицание: «ну, нет, благодарим покорно, туда ехать желающих не найдется». Я хотел продолжать расспросы, но ко мне подошел молодой человек в студенческой форме и заявил, что он едет в Фынхуанчен. Опять послышался дружный смех. Юноша отрекомендовался студентом [68] Владивостокского Восточного института, исполняющим обязанности переводчика китайского языка при

г. Засуличе. На вопрос, почему же он не в штабе отряда, он, конфузясь, сознался, что, обезумев от страха, предался бегству. И действительно, вскочив на собственную лошадь начальника штаба, он сделал сразу не менее 120 верст, что в пору хорошему кавалеристу. Вот что значит испугаться! Конечно не обвиняю статского молодого человека, заразившегося общей паникой и очутившегося на войне не по призванию, а по назначению. На другой день, когда мы с ним ехали, я успокаивал его и говорил, что, принимая во внимание общее бегство, он конечно заслуживает наибольшего снисхождения за свое малодушие. Вечером я видел одного саперного штаб- офицера из состава Восточного отряда, также рассказывавшего про бегство обозов и тоже державшего себя очень подозрительно. Странно, что все это не производило на меня никакого впечатления—точно я был уже готов воспринимать постигавшее нас бедствие, как нечто неизбежное. Впрочем, как же могло быть иначе? Разве я видел что либо отрадное в нашей армии еще в мирное время? То же, что пережил уже на театре военных действий в Гайчжоу и Ляояне, показывало, что мы принесли в Маньчжурию все наше безобразие, и что плохая система мирного времени окажется еще хуже в военное.

Ночь я спал плохо и следил за спокойным сном подполковника Гусева, постепенно приходя к заключению, что его следовало отправить не в госпиталь (он так и эвакуировался в Россию и кажется до сих пор еще украшает нашу армию), а прямо под суд за бегство. Он убедил меня в этом еще более утром следующего дня, когда я увидел его бодро сидящим на лошади, при чем он имел нахальство спросить меня, нельзя ли доехать до Ляояна (более 100 верст) в один переход, так что я ответил ему: «считаю себя совершенно здоровым и не поехал бы с такою скоростью, а вы еще раненый».

Кажется на этом же этапе я встретился с начальником [69] 6-й Восточносибирской дивизии, входившей в состав Восточного отряда, ген. лейт. генерального штаба Трусовым. Никак не мог понять почему этот генерал едет от места сражения, со своим адъютантом, в Ляоян.

21 апреля я продолжал путь к р. Ялу и встретил большой транспорт раненых, на носилках, в двуколках и просто тащившихся пешком. Мне показалось, что шли и совсем здоровые, но утверждать не могу. Я прибыл в половине дня на этап Сейлючжан, от которого оставалось всего 25 верст до г. Фынхуанчена. Мне сказали, что ожидают с минуты на минуту прибытия начальника Восточного отряда, и следовательно я доехал до места назначения. Здесь уже встретились отступавшие обозы второго разряда и артиллерийские

парки. Все это шло торопливо, в беспорядке, в каком то нервном возбуждении. Командовавший парком, или частью его, офицер не знал забирать ли ему сложенные на этапе большие запасы артиллерийских снарядов, но его выручили батареи, решившие взять их в свои ящики. Во время нагрузки раздался не то выстрел, не то взрыв. У всех лица побелели. Я пошел по направлению звука и около одной из фанз увидел рассеивающееся облако дыма. Войдя в помещение, я почувствовал запах, напоминающий сожжение обыкновенного черного пороха; вероятно его нечаянно сожгли китайцы, сильно шумевшие в фанзе. Я вернулся объяснить грузившим снаряды артиллеристам причину взрыва. Начальник транспорта собирался уже выступать, а, узнав, что я состою в распоряжении г. Засулича, просил доложить ему, что, во исполнение его распоряжения пороть нижних чинов за пьянство, он выпорол двух своих людей.

Помещение этапа начало наполняться чинами полевого контроля, интендантства и управления корпусного врача. Наконец, около 6—7 часов вечера, прибыл генерал Засулич со своим штабом. Не могу сказать, чтобы я был принят любезно или нелюбезно, а просто индифферентно. Генерал сказал только: «вы кавалерист; будем посылать вас в разведку». Я начал присматриваться к деятельности [70] штаба, весьма и весьма многочисленного состава. Офицеров генерального штаба было 4, кроме начальника штаба, корпусный врач с помощниками, несколько топографов, ординарцев, заведывающие обозом и хозяйством, чины контроля, переводчики. Все это суетилось, но не по службе, а по устройству постелей и еды (не помню, был ли в этот день общий стол, но затем такой бывал ежедневно, под председательством начальника отряда); в общем происходил отчаянный беспорядок и толчея; каждый не обращал никакого внимания на другого, а нахально лез, отвоевывая себе место, не стесняясь ни чином, ни положением—лишь бы ему было поудобнее. Никого распоряжающегося помещениями и порядком не было. Во всех фанзах стоял шум, и слышалась не прекращавшаяся ругань. В общем штаб производил впечатление не военного учреждения, а какой то оравы невоспитанных, неинтеллигентных и праздных людей. Впрочем удивляться этому было нельзя. Ведь Восточный отряд, назначенный дебютировать на посрамление русского оружия на вероятнейшем месте нашего первого столкновения с врагом, представлял из себя первый продукт положенного в основание нашей боевой деятельности принципа дезорганизации армий, корпусов, дивизий, бригад, полков, словом всех составных частей и элементов военной машины. Тюренчен и Мукден в этом от-

ношении представляют из себя совершенно одно и то же, не смотря на то, что их разделяет промежуток времени в 10 месяцев военной боевой практики. Что делать, бесталанные люди, конечно, неспособны совершенствоваться и учиться военному искусству на войне; да это и поздно. Войска, вошедшие в состав Восточного отряда, были именно настоящими артурцами, жившими и воспитывавшимися в крепости; и конечно их следовало оставить там, для обороны родных им верков, которые они знали, как и всю прилегавшую местность, на которой учились и маневрировали. Но их бросили поскорее, без всякого определенного плана действий, на Корейскую границу (в Корею углубились только казаки Мищенко), сперва [71] в двух-батальонном составе, а затем дослали из России третьи батальоны; таким образом одна треть пехоты Восточного отряда явилась на место первого столкновения всего за несколько дней до боя и была совершенно незнакома своему начальству (правда это был отборный элемент, высланный из всех частей пехоты Европейской России). Главное начальство над всеми сосредоточенными на р. Ялу войсками сперва было вверено г.-л. Кашталинскому, начальнику артурской 3-й Вост. сибирской дивизии, имевшему начальником штаба подполковника Линда. Эти два лица и организовали оборону р. Ялу, вели разведку противника и во всяком случае уже давно были в курсе дела. Но Куропаткин решил полезным назначить более старшего генерала, уже командовавшего корпусом г.-л. Засулича, для которого создали новый, совершенно импровизованный штаб отряда, под начальством полковника Орановского, считавшегося едва ли не самым выдающимся офицером генерального штаба на Дальнем Востоке. Окончив академию в 1891 году, он к началу войны занимал генеральскую должность генерал-квартирмейстера в штабе г. Линевича, имел за боевые отличия в Китайскую войну Владимира 4 ст. с мечами и за мирные заслуги Владимира 3 ст., служил на Дальнем Востоке около 10 лет. Но оказывается, что все его заслуги состояли лишь в том, что он был женат на дочери генерала Линевича и поэтому пользовался особенной протекцией. Можно утверждать, что именно назначение начальником Восточного отряда корпусного командира, вместо уже командовавшего им начальника дивизии, состоялось исключительно ради того, чтобы устроить Орановского, которого пришлось уволить от должности генерал-квартирмейстера армии, которую дали привезенному из России профессору отступательной стратегии (по опыту войны 1812 года) Харкевичу. При корпусном командире можно было сформировать штаб, имевший значение даже больше корпусного, а потому

следовательно зятек Линевича, с которым особенно дружил Куропаткин, мог быть устроен отлично и с верными шансами на производство в генералы. [72] И вот только 9 апреля, т. е. за неделю до Тюренченской катастрофы, импровизованное случайное начальство со своим импровизованным органом управления—штабом— приняло руководство над ипмровизованным отрядом и начало готовиться разыграть операцию в расстоянии 200 верст от ближайших резервов и от центра командования войсками, сосредоточиваемыми на театре военных действий. Надо было иметь особенное доверие к избранному генералу, а, по существовавшему порядку в нашей армии, и к приставляемой к нему няньке генерального штаба, для того, чтобы послать их на такое рискованное дело, в котором нельзя было не предоставить самой широкой инициативы и самостоятельности. Ляоян был соединен со штабом Восточного отряда телеграфом, но протянутая на 200 верст по полувраждебной стране проволока всегда могла быть случайно, или намеренно, перерезана в самую нужную критическую минуту, а следовательно командовать из Ляояна генералом Засуличем в Шахэдзах Куропаткин конечно не мог. Новый начальник ехал в неведомую ему и его штабу местность (считаю, что Орановский не бывал раньше на р. Ялу, а если я ошибаюсь, то его ответственность за Тюренчен еще усугубляется), к незнакомым ему войскам, с импровизованным органом для приведения в исполнение своих предначертаний, и в такое время, когда противник уже совсем приготовился к наступлению (г. Мищенко уже давно отошел под напором японцев, ведя их на хвосте своей кавалерии). Вступление в командование при такой обстановке было нелегко, а следовательно, повторяю, вероятно Куропаткин высоко ценил, как Засулича, так и Орановского.

С 9-го по 18-е апреля прошло 8 суток, но, по всем данным, ни новый начальник отряда, ни его помощник— начальник штаба—не проявили никакой деятельности; они воспользовались номинально своим правом командования, но не исправили кордонное расположение на р. Ялу, не усилили разведку, а предоставили все на волю Божию: что будет, то и будет. Однако, казалось, было время на что-нибудь решиться, так как японцы не дремали и по всем [73] признакам готовились к переправе. У людей, стоявших ближе к делу (я говорю про г. Кашталинского и подполковника Линда), сложилось уже, если не убеждение, то предчувствие, что удар последует решительный, и они склонялись к отступлению без упорного боя, но новые заправила не хотели брать на себя ответственность уходить без сопротивления, и поэтому Засулич отдал роковой приказ: «дер-

жаться». Можно и иногда должно отдать приказ не только держатся, но драться до последней капли крови, умирать на позиции, но это должна оправдывать обстановка и результаты. При мне, за обедом, как то Засулич получил сочувственную телеграмму от москвичей—патриотов, восхвалявших доблесть наших войск под Тюренченом, и с апломбом, прочитав вслух депешу, сказал: «видите, господа, нельзя было отступать: боя требовало общественное мнение России». Громкая фраза, пустые слова, и как они были жалки в устах позорного героя; ими высказал он свое ничтожество и нечестность. Ради чего он приказал держаться на позиции ничтожной горсти храбрецов? Ради того, что имел право это сделать, как начальник; но на чем основано было его распоряжение? Знал он какими силами будут атаковать японцы?—нет; принял ли он меры к сосредоточению своих сил?—нет; наметил ли он направление куда японцы нанесут главный удар?—нет; имел ли он наготове войска для прикрытия отступления?—нет; обеспечил он себе возможность управления и руководства боем?— нет. Если мне скажут, что все это голословные обвинения, то я докажу, что они верны, что все мои «нет» существуют.

1. Неведение сил противника явствует из того, что Засулич позволил задавить сперва 3, а потом 6 батальонов.

2. Неведение места главного удара явствует из того, что все наши силы были разбросаны, и именно у Тюренчена мы были слишком слабы.

3. Непринятие мер к сосредоточению войск следует из того, что только 3 батальона поддерживали тоже 3 батальона, [74] а даже ближайшие части участия в бою не принимали.

4. Необеспечение флангов доказывает ход боя—выход японцев не только во фланг, но и в тыл нашей позиции; положим, один полк ушел по инициативе своего командира и тем поставил другие в критическое положение, но если бы этого и не случилось, то всё-таки целая японская дивизия должна была нас охватить, благодаря неумелому занятию нами позиции.

5. Неприкрытие отступления следует из того, что отряд почти бежал: обозы подверглись настоящей панике, а все остальное шло возможно скорее, не помышляя о каком-нибудь сопротивлении, и таким образом даже промахнули заблаговременно укрепленную позицию у Пьямыня.

6. Отсутствие управления боем и руководства боем есть исторический факт, потому что ни Засулич, ни Орановский не были 18 апреля на поле сражения и даже вблизи его, а первые отступили и

даже участвовали в панике обозов, скакали во весь опор с вынутыми револьверами; не отдали решительно никаких распоряжений.

А если это все так, то отдача приказа Засуличем «держатся на позиции» есть преступление. Посмотрим, каковы были его последствия: в первом же столкновении с японцами мы были ими на голову разбиты; 2 славных полка расстреляны, часть людей попалась в плен (я не считаю позором в упорном бою потерять несколько человек, но под Тюренченом их было слишком много), один полк разбежался, а, главное, мы отдали до 30 орудий. Конечно, теперь, подведя итоги войны, мы знаем, что отдали врагу сотни орудий, десятки тысяч пленных, несколько броненосцев, словом легендарное количество всяких трофеев и целое богатство всякого имущества, и поэтому отдача под Тюренченом трех—четырех десятков пушек не производит жестокого впечатления, но тогда, Боже мой, тогда, ведь впечатление было ужасно; оно отразилось и прошло красною ниткою во всех наших последующих боях. Прибавим к этому, что после первого [75] же столкновения произошло паническое бегство, хотя бы только тыловых учреждений, но все же были налицо такие факты: брошенные повозки, вещи, денежные ящики, скачущие в безумном страхе генералы, офицеры, нижние чины, неистовые крики—японская кавалерия; это безобразие было! Оно стало известно армии, японцам, китайцам, России, Европе! Русские войска бегут как китайцы, русские пушки (30) в руках японцев! Русские разбиты японцами наголову в первом сражении и отступили на 150 верст (от Шахэдзы до Фынхуанчена 85, а от Фынхуанчена до Ляньшаньгуань, где остановился Восточный отряд, 65 верст)! Такое начало кампании не предвещало ничего хорошего, и, казалось бы, надо было тотчас же принять самые решительные меры, т. е. посмотреть на дело серьезно и честно, и прежде всего решить вопрос, кто являлся виновником позора, на кого падает ответственность за такое поражение.

Решить вопрос было не трудно. Начальник, располагающий 18-ю батальонами и допустивший противника обрушиться сперва на 3, а потом на 6 батальонов, не есть начальник способный распоряжаться операцией; начальник, дозволивший погибнуть одной четверти своего отряда с одною третью своей артиллерии, совершенно бесцельно и бессмысленно, потому что результатом такой потери было только беспорядочное отступление одних и паническое бегство других, неспособен управлять боем, неспособен и совсем командовать войсками. Пускай даже высшая над ним власть давала ему слишком неопределенные указания, но в самостоятельной опе-

рации точных указаний на все случаи дать невозможно; допустим, что Засуличу было рекомендовано не уходить без боя, но бой надо было давать со смыслом, возможно большими силами, с резервами, а, главное, следовало руководить им, а не бросать на жертву, ради исполнения предписанного номера, одну горсть, уничтожение которой влекло за собой и моральное уничтожение всей остальной части отряда, делая ее неспособной и позднее выдерживать серьезный натиск противника. Понадобилась смерть храброго Графа Келлера на [76] батарее, на глазах всего Восточного отряда, понадобилось то, что случилось 11-го августа под Тунсинпу, для того, чтобы переживший погром Тюренчена, деморализованный Восточный отряд стал вновь настоящим боевым войском. Не будь Графа Келлера, уйди небольшой отряд без боя от Тунсинпу, и неизвестно как бы дрались под Ляндясаном и Ляояном.

Итак виновные были: г. Засулич и его нянька Орановский; были и другие; их можно было разыскать, напр. командир полка генерального штаба полковник Громов, которого судили и конечно оправдали в виду того, что не только пощадили, но в конце концов даже и наградили самых главных виновников.

Уже вечером 21 апреля на этапе Сейлючжан, я сознавал весь ужас последствий Тюренчена, и меня крайне интересовало, что предпримет после такой позорной первой неудачи наш глава, на которого смотрели и которому доверяли миллионы Русских людей. В тот же день вечером пришла телеграмма Куропаткина на имя Засулича, гласившая: «вы и вверенные вам войска сделали все возможное, благодарю». Я слышал как это читал Засулич, и . . . . был ошеломлен. Да ведь этот человек сделал все возможное, чтобы покрыть с самого начала войны позором Русское оружие; он дал врагу России упоение славой и полным успехом; он бежал с поля сражения! И его благодарят. О, несчастный, пагубный режим нашей армии, переживаемый не один десяток лет: закрывать глаза на прорехи и скрывать свой позор и язвы. Но, господа, ведь то была война, а не маневры, там лилась русская кровь, а не шутки шутили, была поставлена на карту честь армии, достоинство родины, а вы готовы были не считаться со всем этим, лишь бы не было скандала в благородном семействе, а все было бы шито-крыто. О, как это себялюбиво и нечестно, а, главное, опасно и страшно! Мог ли я сказать тогда что-нибудь в этом роде, в этой среде штабных тюренченцев, сытых, довольных, что оставили за собою подальше противника, [77] и совершенно не понимавших и не принимавших к сердцу своего позора.

Какое влияние мог иметь на своих подчиненных и вообще на

войска г. Засулич, лучше всего обрисовывается постоянно повторяемой им фразой: «эта война, господа, на тридцать лет; мы все умрем, а наши дети будут ее продолжать»; я слышал такой разговор по крайней мере раза три, а пробыл, к счастью, при Засуличе только четыре дня. И такого то господина послал Куропаткин для самостоятельной операции на берегах р. Ялу, допустил его командовать войсками в нашей первой встрече с врагом. Засулич относился к делу с нескрываемыми отвращением и апатией, а своим бегством сразу заслужил кличку «панического генерала», и он оправдывал ее во весь последующий период военных действий: его войска слишком поспешно уходили из боя под Симученом, Хайченом, Ляояном и Мукденом, а сам он исключительно заботился об отступлениях и исполнял их всегда слишком заблаговременно. Допустим, что у командующего армией не было выбора, и пришлось назначить именно этого типа, но можно ли было подарить ему Тюренчен безнаказанным? Не надлежало ли немедленно удалить его из армии, как виновника позора Русского оружия? Этою мерою были бы достигнуты два важных результата: во-первых такая крупная часть армии, как корпус, избавилась бы от бесталанного, пассивного, неспособного, удручающим образом действовавшего на дух войск начальника, а во-вторых, что особенно важно, наши генералы и офицеры узнали бы, что на войне есть ответственность, что если не умеешь делать дело, то и не берись за него, что быть разбитым не есть нечто дозволенное, безнаказанное, что класть даром—зря тысячи сынов родины не позволяется, что оставлять позиции и поворачивать тыл неприятелю, а тем более бегать от него преступно, что за все это бывает немедленное, строгое и суровое возмездие; вообще войска увидели бы, что мы воюем, а не шутим, что все чины армии являются ответственными перед начальством, обществом и родиной. Ведь читал же [78] я кажется в июле 1904 года, т. е. через три месяца после Тюренчена, предложение от имени командующего армией всем командирам частей: «если кто чувствует себя слабым и неспособным, прямо и честно в этом сознаться»[8]. Я был крайне

[8] Этот шедевр существует в редакции телеграммы Куропаткина на имя Бильдерлинга от 5 августа 04 г. за № 1023: надеюсь, что вы пробудите во вверенных вам войсках точно заснувший в них дух лихости, молодчества. Повторяю, что те начальники частей, которые относятся к врагу с преувеличенным и вредным почтением, чтобы не сказать со страхом, и думают больше всего о том, чтобы уйти назад, должны быть вами представлены к отчислению от должностей. С их стороны честнее будет самим признать свою несостоятельность для военного времени (точно они все-таки годятся для мирного времени!).

удивлен прочитать подобное повествование нашего старшего начальника на войне, обнаружившего такое непонимание свойств человеческих. Да, может быть многие из командиров частей с охотою повинились бы в своей неспособности; только конечно не из честности, а по малодушию: чтобы как-нибудь только уйти из грязной истории (увы, так постоянно называли войну г.г. офицеры и начальники). Но кто же из них посмел бы это сделать? Если даже режим, существовавший в нашей действующей армии, поощрявший всякие эвакуации, отлынивания, уклонения от службы, и пощадил бы этого слабоумного, то все-таки инстинкт самосохранения в будущем заставил бы его отказаться от такого неосторожного шага: все-таки, если не сейчас, во время хаотического состояния армии, то позднее, когда она оздоровела бы, такого проходимца покрыли бы позором и отставили бы от службы[9]; а то как же, до войны служил и брал деньги за свою неспособность, пользовался всеми преимуществами мундира, облекавшего жалкую душонку. лишенную доблести, а когда грянул гром и увидел, что [79] японцы не шутят, то сейчас же признал себя неспособным выносить тягости военной службы. Я перечитывал несколько раз присланную мне литографию и не верил своим глазам... но к несчастью это был факт; так командовал нами наш воевода! Вместо того, чтобы писать такую бессмыслицу, через три месяца после Тюренчена, Куропаткину следовало 21-го апреля послать из Ляояна в Сейлючжан телеграмму не вышеприведенного содержания, а следующего: «с получением сего передать командование Восточным отрядом такому то, а вам, вместе с вашим начальником штаба (нянькой), явиться ко мне для объяснений вашего позорного поражения и бегства; остальные виновные будут также привлечены к ответственности; хвалю и благодарю только доблесть славных 11-го и 12-го стрелковых полков, сумевших поддержать своим геройством честь армии и России». О, тогда ручаюсь, клянусь всем, что у меня есть святого, что позор Тюренчена не был бы так ужасен по своим последствиям, не был бы так гибелен для армии, и такая мера спасла бы нас от последующих неудач. И, главное, ведь все равно шила в мешке не утаишь; армия отлично знала и сознавала факт поражения и бегства, но такая безнаказанность за них в первом же столкновении с врагом показала и

[9] К сожалению, по-видимому это оздоровление придет весьма не скоро, ибо только что узнал о назначении командиром 2-й бригады 23-й пехотной дивизии полковника фон-Фреймана, командовавшего весьма неудачно на войне Каспийским полком и эвакуировавшегося с театра военных действий.

вселила убеждение, среди генералов и офицеров, что война есть служба совершенно неответственная, что дозволено решительно все: и нерадение, и неисполнение, и нераспорядительность, и отступление без надобности, и неподдержка своих, и даже бегство.

Необходимость принять решительные меры после Тюренчена видна из того, что уже через неделю Куропаткин нашел нужным отозвать Засулича и передать его отряд Графу Келлеру но эта была только жалкая полумера: [80] Засулич получил в командование другой корпус (2-й Сибирский) и следовательно не понес заслуженной кары. Восточный отряд конечно выиграл, получив начальником человека идеальной храбрости и самоотверженности, преданного не только делу родины и армии, но и военному искусству, с высшим военным образованием, глубоко честного, не боявшегося ни недовольства начальства, ни инцидентов, и не бившего на мелкую популярность. К сожалению этому герою пришлось своею жизнью искупить развратное командование своего предшественника, и хотя он успел заслужить себе вечную память и славу, но не ему довелось доставит лавры Русскому оружию. Я убежден, что если бы не роковая шрапнель, разорвавшая доблестную грудь Графа, то в дальнейшем ходе военных событий он оказался бы выше многих тех, которые через несколько недель после его кончины пожали то, что он посеял, и заслужили себе победный ореол. Мир праху его, вечный покой и бесконечная благодарность сынов родины служивших под его начальством. Полумера Куропаткина состояла еще в том, что он оставил Орановского начальником штаба при Келлере и вообще не тронул больше никого; я не считаю г. Трусова, удаленного в момент Тюренченского боя; его роль до сих пор еще не вполне выяснена; а также полковника Громова командира полка, оставившего поле сражения, который продолжал оставаться в армии, занимая тепленькое тыловое местечко по управлению этапами, вероятно его совершенно устраивавшее.

Я остановился так долго на разборе виновности командного элемента за Тюренченское поражение, потому что это последнее, как сказал уже несколько раз, имело особенное значение для последовавших событий. Роль злосчастного начальника штаба Орановского я выясню, рассматривая деятельность вверенного ему учреждения, с которой ознакомлен в полной мере, отчасти как зритель, иногда состоя при самом штабе, а больше всего как строевой офицер Восточного отряда и начальник многих самостоятельных отрядов. [81]

Нельзя также не остановиться на мотивах, побудивших Куро-

паткина пощадить виновников Тюренчена, и, мне кажется, я могу выяснить их довольно точно. Существует мнение, что этот человек по своей исключительной доброте не в состоянии покарать кого бы то ни было. Полагаю, что это есть большое заблуждение, тем более, что такое предположение представляет само по себе не оправдание, а обвинение нашего военноначальника. Полководцу быть настолько добрым, чтобы оставлять без последствий все содеянное начальниками, как крупными, так и мелкими—словом всеми чинами армии, безнравственно, ибо таким образом будет уничтожена всякая ответственность, а где ее не существует, там дело идти правильно не может, особенно такое, как военные действия, в которых всегда можно найти столько неопределенного, невыясненного, гадательного и потому оправдывающего и смягчающего. Доброта может быть только разумная, напр. не рубить там головы, где от этого не произойдет ущерба для дела; пощадить же при таких обстоятельствах, когда безнаказанность послужит развратом для войск, преступно, и пощады быть не должно, ибо на войне нельзя допускать ни малейшего соблазна. Обратимся к примерам истории, посмотрим на деятельность великих полководцев и увидим, что они не прощали, не щадили, а карали, изгоняли, и никто никогда не ставил им этого в вину; тем самым они способствовали повышению и расширению деятельности своих подчиненных; индифферентное же отношение к деятельности подчиненных убивает энергию достойных, поощряет пороки недостойных и развращает войска. Итак не безграничная доброта Куропаткина была причиною оставления им без заслуженного возмездия виновников Тюренчена. Настоящая причина состояла в непонимании обстановки, в недоумении как быть; погром ошеломил не только Петербург, Россию, но и Ляоян; ведь случилось что-то совсем неожиданное; действительно, японцы, хотя и в превосходных над нами силах, и при содействии каких-то грозных морских пушек, но все-таки атаковали, положили сами несколько тысяч [82] бойцов, полезли и не побоялись ни Русского имени, ни Русского штыка; а Русские потеряли свои орудия и отступили в большом беспорядке. Какое разочарование для того, кто так величественно говорил в первопрестольной столице: «терпение и терпение». Оратор не мог не знать, будучи облечен, в продолжение шести лет предшествовавшего войне периода, высшею военною властью, что армия им подготавливаемая во многих и многих отношениях была плоха, а больше всего в лице своего командного персонала, начиная от генерала и кончая подпоручиком; но за то существовала непоколебимая вера в русского солдата, в эту серую скотину, кото-

рая умеет беззаветно умирать, грудью отстаивая каждую пядь земли, может не есть, не пить, не спать, может ходить раздетой, разутой и выносить все тягости, все лишения. Смысл слова «терпение» состоял в том, что в начале войны серой скотины будет недостаточно, и поэтому придется отступить перед превосходством сил и даже пожалуй перед искусством тактики японцев, но затем, когда из России подвезут достаточную массу серой скотины, и можно будет ее класть не десятками. а сотнями тысяч, то какой же враг, а тем более японши устоит. Фридрих Великий, одержав победу при Цорнсдорфе, считал себя разбитым и ушел с поля сражения; Наполеон, за которого французы готовы были умирать как один человек, расшибался о грудь русского солдата под Фридландом, Аустерлицом, Бородиным и Ульмом; под Плевной легло 30.000 русских сынов; они умирали богатырями на Шипке в невозможно критическом положении; на Черной речке, под Севастополем, отбитые, расстрелянные, без начальников, богатыри стояли и грозно смотрели на врага, которому и в голову не пришло самому атаковать их; но уже Граф Милютин после Плевны сказал: «надо беречь кровь русского солдата и руководить операциями с большим смыслом». Однако наши носители военного искусства не вняли словам этого гения—настоящего, а не занимавшего только вакансию гения,—да и как было их помнить, когда через 20 лет после войны 1877 года записки Графа Милютина лежали еще под спудом [83] в главном штабе. Едучи пожинать лавры в Маньчжурию, забыли, что в современном бою, при нынешнем моральном эффекте огня и потерь, солдат, а в особенности мало развитый умственно, не сознающий идеи борьбы, будет стоять и умирать, пойдет сам вперед на верную смерть только за достойным и любимым начальником и офицером. У нас и в эту войну были такие, напр. Келлер, Церпицкий, Мищенко, Зарубаев, Данилов, Артамонов, Горский, Ласский, Долгоруков, Роткевичи, Зиновьев, Юзефович, но масса? Разве она удовлетворяла этому условию, когда были Сахаров, Засулич, Трусов, Орановский, Греков, Абадзиев, Громов, Воронов, Маркозов, и сколько таких — не перечесть. Так вот Тюренчен дал смутное представление о настоящем положении дел; с этой катастрофой рушилось державшееся на песке здание, в смысле надежды на выигрыш кампании серой скотиной, и во всем ужасе встал грозный вопрос: что же будет дальше, когда японши умирают на поле сражения не хуже наших солдат? Ответить на этот вопрос, даже отдать себе в нем отчет, ни высшая командная власть, ни его орудие освещения и исполнения конечно не были в состоянии, потому что они сидели в Ляоянской дыре и ко дню Тюренчена не име-

ли никакого представления о будущих военных действиях. Ну, а когда сам не знаешь что делать, за что взяться, то приводить в исполнение карательные меры очень трудно и пожалуй рискованно. Вот почему Куропаткин в первые дни после Тюренчена оставил Засулича в покое, чему конечно способствовало и преобладающее свойство его характера—нерешительность; наконец и рутина всей школы управления нашей армией продолжала властвовать: поражение неприятно, что делать, но есть смягчающие обстоятельства в виде превосходства неприятельских сил, да, при натяжке, и беспорядка в войсках собственно не было, а только в обозах; отрешить в самом начале войны от командования корпусного командира, признать его несостоятельным и покарать—будет неслыханным инцидентом и подтверждением нашей [84] неудачи; ее труднее будет замазать и заставить закрыть на нее глаза; к тому же генерал может и оправдываться, потому что его послали командовать в незнакомую обстановку, непосредственно перед сражением, с импровизованным штабом, и дали еще какую то инструкцию. Следовательно, сперва выждать, не трогать никого было политичнее, а затем можно было посмотреть. И посмотрели—когда увидели, что японцы не вылезают из Фынхуанчена и дали нам несколько дней опомниться и прийти в себя, то решились на полумеру, благо под рукой был надежный генерал Граф Келлер, которому к поручили командование, а виновника тоже пристроили; вышло, что и овцы целы, и волки сыты. Но честно ли это, достойно ли это, и каково исполнен таким образом долг перед родиной, и такова ли должна была быть ответственная, столь безумно дорого оплачиваемая народными деньгами, служба? Предоставляю ответить на эти вопросы самим читателям.

ГЛАВА V.

Отступательный марш г. Засулича к Ляньшаньгуань. С 22-го по 24-е апреля.

22 апреля утром штаб Восточного отряда выступил с этапа Сейлючжан и перешел на этап Туинпу (4-й от Ляояна). Главные силы и арьергард отряда двигались по той же дороге; все движение прикрывал 2-й Читинский казачий полк (кажется в составе только 4-х сотен), прибывший из Ляояна уже после боя 18 апреля; на него были возложены разведка и соприкосновение с противником, который не теснил, не преследовал и еще не дошел до Фынхуанчена. Таким образом к вечеру этого дня штаб отряда должен был оказаться в расстоянии не менее 70—80 верст от противника. Впрочем, по-видимому в штабе смотрели на дело весьма просто: возможно скорее отойти подальше от японцев к позиции на Феншуйлинском хребте, а как складывалась обстановка в тылу— [85] занимал ли противник только оставленное нами поле сражения, или двигался вперед, как будет произведена эвакуация роскошно обставленных этапов, что станется с заготовленными на них запасами продовольствия и даже с артиллерийским складом в Фынхуанчене— все это никого не интересовало. Вероятно еще накануне войскам было роздано приказание, в котором часу выступить и куда стать на ночлег, но расчета марша сделано не было. Очень скоро по выступлении из Сейлючжана, мы начали обгонять колонны стрелков, шедших на хвосте обозов, двигавшихся в полном беспорядке, что и понятно, так как панический обоз конечно не мог скоро устроиться. Повозки и вьюки разных частей следовали как попало, вперемешку своих номеров, иногда в один, иногда в несколько рядов, произвольно останавливаясь и обгоняя друг друга. На пути лежал перевал, не представлявший особой трудности движения, по крутизне и длине подъема и спуска; в одном месте по полотну дороги тек ручеек, и, когда я проезжал здесь накануне, то это место показалось мне подозрительным, а теперь, когда по нему проследовало несколько сот повозок, то образовалось нечто вроде трясины, в которой лошади вязли по колено, а колеса по ступицу. Уже давно обоз двигался по трясине с большими усилиями лошадей и людей, помогавших подталкиванием повозок. Когда штаб отряда подошел к этому месту, то движение совсем замерло—образовалась пробка: на прохождение одной двуколки требовалось несколько минут. Я ждал, что будет. Начальник отряда и чины штаба слезли с коней и сели над расщелиной, в которой вязли повозки. Так просидели мы часа два, не де-

лая никаких распоряжений, точно возникшее затруднение движения нас совершенно не касалось и не интересовало. Кто сидел, кто лежал, и все ворчали на то, что Засулич не пожелал обогнать обоз, вероятно соблюдая свое присутствие на указанном в диспозиции месте. Сзади нас постепенно подтягивались войсковые части и вероятно испытывали такое же томление. Постепенно прибывали начальники колонн, частей, спешивались [86] и также рассаживались, наблюдая томительную картину переправы через трясину. Неужели же нельзя было починить дорогу, вызвав даже не сапер, а хотя полуроту стрелков, которая легко бы нарубила хвороста. Наконец отрядный инженер догадался и приказал рубить шашками растущий по оврагам кустарник, после чего через несколько минут движение пошло быстрее. Таким образом, в присутствии начальника отряда и всего штаба, было потеряно несколько часов времени, а легкий марш в 25 верст, благодаря замедлению, обратился в продолжительное изводящее мотание войск и обозов всего отряда.

Лучше всего то, что один офицер генерального штаба достал наконец карту и объявил, что имеется обходная дорога неизмеримо лучшего качества и даже совсем минующая перевал. Спрашивается, как же могли мы воевать, когда даже не знали как выбрать дороги по точной карте, и еще какие? На главном стратегическом направлении всей операции отряда! Какое имел основание генеральный штаб посылать весь отряд на перевал и в трясину, когда была полная возможность миновать их и пройти путь без потери времени и сил людей и лошадей. Как могли себе позволять эти тунеядцы курить, зевать и балагурить целыми часами, наблюдая созданный их руками беспорядок, и даже не принимать никаких мер к его устранению. Что это за штаб, который однако имеет своим назначением обеспечивать удобства боевой жизни войск! Что это за начальник штаба, ограничивающий свою роль и деятельность тем, что ездит рядом или за лошадью своего начальника, сидит и зевает от скуки, когда, сидит этот последний; имея в своем распоряжении 3-х офицеров генерального штаба, инженеров, топографов, адъютантов, не потребовать исследования пути отхода войск (при этом и уверенности в полной инертности японцев, как это было на самом деле, у него не было), главной и боковых дорог, а увидя, что образовалась пробка, и движение надолго замерло, не шевельнуть пальцем для его восстановления. Нисколько не интересоваться тем, что боевые войска совершенно напрасно изведутся, [87] придя на отдых на несколько часов позднее и пробыв напрасно это время под ружьем и ранцем. Да, думалось тогда, с таким генеральным штабом немудре-

но получить Тюренчен, когда мы не можем быстро пройти какие-нибудь 30 верст пути без того, чтобы пустая случайность не задержала нас произвольное время. Что же будет дальше? Пока случилось то, что Засуличу надоело ждать прохождения обозов по трясине; он воспользовался открытием новой дороги, сел в экипаж и уехал. За ним тронулся конный конвой, повезли флаг с буквами В. и О. (восточный отряд), потянулся и весь штаб. С тыла тревожных сведений не поступало, а потому конечно войска и обозы как-нибудь доберутся до мест назначений.

23 апреля штаб выступил из Туинпу на этап № 3, Ляньшаньгуань, не ранее полудня. Утром приехал обогнавший свои полки казачьей Забайкальской дивизии г. Ренненкампф—герой китайской войны 1900 года, от которого тогда так много ожидали, что даже стрелковые наши полки кричали ему ура. Он вероятно хотел ориентироваться в нашем штабе, но с уверенностью говорю, что вряд ли ему могли сообщить что-нибудь, кроме одной данной, а именно, что Фынхуанчен считался еще не занятым японцами. Ренненкампф должен был, пройдя Туинпу, повернуть на юго-восток, так как его районом действий были окрестности Саймацзы. При нем состоял известный в нашей армии военный корреспондент—Л.-Гв. Атаманского полка подъесаул Краснов.

Не могу не остановиться на деятельности сего офицера. Прежде всего надо заметить, что во время войны офицеры в принципе должны состоять только в рядах войск, с чисто боевым назначением; всякие небоевые должности для офицеров должны быть возможно ограничены в своем количестве, и на занятие их офицерами следует смотреть, как на неизбежное зло; желательно даже иметь возможно ограниченный состав офицеров в штабах и в качестве личной свиты начальников. На тыловые должности в разных учреждениях надо выбирать неспособных к [88] бою, а в продолжение кампании назначать на них пострадавших от ран и болезней, кои, не подлежа эвакуации, могут командовать напр. транспортами, этапами, служить в администрации военных сообщений, интендантства. Придумывать же какие либо должности и занятия офицерам на театре военных действий, дающие им право на законном основании не идти в бой, не только вредно, но преступно, а создавать офицеров—специальных корреспондентов значит кроме того позорить публично звание офицера. Какая может быть роль такого господина корреспондента при войсках во время боя, когда его товарищи обязаны рисковать своею жизнью и не щадить своей головы, а он, также носящий офицерские погоны, получает право избегать пуль,

имея своей задачей не сражаться, а описывать подвиги или поражения своих товарищей. А что если корреспондент окажется трусом? Может ли кто-нибудь бросить это ему в лицо, или покарать его за это преступление? Кто или что мешает ему уклониться от опасности под благовидным предлогом? Весь этот разврат происходит на глазах у офицеров и нижних чинов, существуя на законном основании официального признания такого субъекта некомбатантом. Он наравне со своими товарищами получает усиленное содержание военного времени и в то же время зарабатывает особый гонорар (и составляющий главную приманку), так же, как они, будет всю свою дальнейшую службу хвастаться опытом войны, а между тем он проделал ее не ради высокой цели защиты родины, а лишь для удовлетворения личных интересов, при чем обеспечен в сохранении своей шкуры и жалкой душонки, имеет даже шансы на получение боевых отличий (в нашей армии тех времен в особенности, когда награды давались не за отличия, а по знакомству). Он имеет возможность во всякую данную минуту не только повернуть спину противнику и ускакать от опасности, но даже просто избавиться от тягостей войны (да и несет ли он их?) и уехать с театра военных действий, между тем как его товарищи обязаны нести тягость долгих месяцев боевой жизни. Итак, уже назначение [89] офицера специальным военным корреспондентом при действующей армии является преступлением и анормальным явлением в ее боевой жизни, но посмотрим искупается ли это преступление какою либо пользою для дела.

Для этого решим вопрос, нужно ли вообще иметь на театре военных действий каких бы то ни было представителей прессы. Конечно в принципе это совершенно лишний элемент, даже вредный, что доказывает факт обязательного пропуска всякой корреспонденции из армии через предварительную цензуру, учреждаемую при штабах, так как военные действия составляют тайну, оберегаемую всеми средствами; присутствие представителей прессы есть неизбежное зло, заставляющее организовать особое учреждение цензоров, отрывая от прямого дела много лиц и обременяя и без того сложную деятельность штабов. И все-таки в конце концов, под видом корреспондентов, при армии может быть организовано противником шпионство; не смотря на самую бдительную цензуру при напряженной спешной боевой работе, могут проскочить в прессу сведения, которые было бы выгоднее не оглашать, или огласить гораздо позднее, когда, вследствие перемены обстановки, они явятся безвредными. Конечно мне могут возразить, что общество будет лишено, при отсутствии корреспондентов, правильно судить о дей-

ствиях армии, что донесения печатавшиеся нашими штабами затуманивали события и факты, а попадавшие в прессу известия из за границы совсем сбивали с толку, выставляя наше положение в худшем свете, чем оно было на самом деле. Я не буду оспаривать того, что действительно лучше прямо и открыто сказать России и всем: мы разбиты и понесли такое то поражение, чем туманными донесениями маскировать свои неудачи, искажать истину и уверять, что напр. под Тюренченом войска проявили одно геройство, что отступление (заметим поспешное, точно вынужденное) от Ляояна было преднамеренным стратегическим маршем, что сражение при Шахэ—Бенсиху было полу-победой, в которой мы, наступая, выиграли [90] пространство, между тем как на самом деле по всей длинной линии фронта закончили операцию отступлением и дали возможность противнику в некоторых пунктах продвинуться вперед. Это было нечестно и делалось из личных интересов, дабы, скрывая свои поражение и неспособность, сохранить как-нибудь свою популярность, если не перед Правительством, которое все-таки было ориентировано, то среди интеллигенции и всей народной массы. Благодаря таким туманным донесениям штаба единственной сперва Маньчжурской армии, мы получили главнокомандующим сформированных трех армий генерала, терпевшего одни неудачи во всех своих операциях и боях, последствием чего явилось и полное наше поражение под Мукденом. Только тогда наконец устранили главного виновника катастрофы, но, к сожалению, всего на несколько дней, а затем ограничились полумерой, оставив его командующим армии.

Еще до Тюренчена, а затем и перед Ляояном и Шахэ—Бенсиху, при нашей армии состоял легион корреспондентов статских, военных, русских и иностранных; однако они не сумели осветить верно все происходившее на театре военных действий, и имя Алексея Николаевича Куропаткина оставалось популярно в России; на него все еще надеялось «Новое Время», и как будто ожидали скорой победы. Близко стоящий к правительственным сферам человек, приезжавший в Маньчжурию с особыми полномочиями, сказал мне на мой доклад:[10] «о да, в Петербурге все это знают и не верят в Куропаткина, но существует еще его несчастная популярность [91] в России, из за

[10] Разговор происходил в Харбине около 10 января 1905 г., а несколько дней позднее я передал тому же лицу написанный мною краткий, но правдивый и точный очерк командования армией с самого начала военных действий, в котором говорил о неминуемой катастрофе, так сказать предсказывал Мукденское поражение, при чем я говорил, что вовсе не боюсь быть доносчиком, а считаю своим долгом доносить о постигающем нашу армию и родину бедствии. Судьба моего доклада мне неизвестна, но повидимому он не имел никаких результатов, в чем конечно не моя вина.

которой его и не сменяют». А в таком случае какая же была польза нашему обществу от целой армии корреспондентов? Один только вред, тем более что не все корреспонденты, как и не все войсковые начальники, честные люди, и между такими происходят даже сделки, служащие к полному заблуждению общественного мнения.

Но может ли быть назван честным человеком специально военный корреспондент — офицер? Безусловно нет, по следующим соображениям и данным:

1. Честный офицер не возьмет на себя позорной роли ехать на войну не с целью сражаться, по долгу службы и присяги, а зарабатывать деньги, опыт и отличия легчайшим и удобнейшим способом.

2. Честный человек понимает, что ему не позволят критиковать и писать правду про наблюдаемые бои и операции, если только они хотя не совсем удовлетворительны; ему предоставят право описывать события только в выгодном для начальства свете, иначе его прогонят.

3. Наконец офицер, приглашаемый корреспондировать, должен быть интеллигентным человеком, а потому не может не постигнуть того, что его именно и избирают начальники для составления себе рекламы, в виду его способности, оценивая военную обстановку, уметь представить и скомбинировать ее так, чтобы вся деятельность начальника и его войск казалась блестящей, чтобы он умело, опытною рукою развращенного, присяжного писаки втирал очки общественному мнению и рекламировал бы, популяризировал своего фактотума и благодетеля... Вот что передумал я при встрече с господином Красновым, любимцем Куропаткина и других генералов. Я до сих пор удивляюсь, как в гвардейском полку, где он служит, ему позволили очутиться в такой роли, тем более, что того же полка несколько офицеров пошли на войну не корреспондировать, а умирать за родину. Я своими глазами видел их бесстрашными, в самом адском огне, видел ранеными и продолжавшими служить и работать, а этот краснобай и щелкопер приехал описывать доблесть и славу [92] Куропаткина, Ренненкампфа и других, о которой мы получили бы самые точные сведения и без него. Армия не нуждалась в присутствии и деятельности Краснова, раз он приехал не офицером, а писакой—рекламистом подвигов наших начальников с Куропаткиным во главе.

Говоря о специально военном корреспонденте типа Краснова, нельзя не затронуть вопроса о корреспондентах офицерах, состоявших в рядах армии и писавших в газетах по своей инициативе и по соглашению с редакциями. Это зло к несчастию также было до-

пущено в нашей армии, и я смело высказываю убеждение, что до заключения мира ни один офицер, ни один воинский чин, находящийся на театре военных действий, не должен иметь права участвовать своим словом в прессе, и вот почему:

1. Армия побеждающая не нуждается ни в каких корреспондентах для освещения обстановки, объяснения таких или иных своих действий; общество не судит победителей и вполне удовлетворяется фактом победы, а попадется ли на столбцы газет больше или меньше подробностей о победах не столь важно. Статские корреспонденты сумеют удовлетворить интересы публики, а, как не участники военных действий, они дадут более беспристрастное описание.

2. Армия побеждаемая не может допустить публичного разоблачения своей деятельности, потому что разоблачение подрывает авторитет военной власти, делающийся при неудачах и без того неустойчивым. Пока идут военные действия, особенно нужно поддерживать авторитет командования, а не разрушать его, и потому печатная гласная критика нежелательна, Можно и должно принимать самые беспощадно суровые меры за неудовлетворительное командование, как напр. под Тюренченом, но дозволять печатную критику начальников и вообще военных действий офицерами из армии нельзя. Я прошу не смешивать понятия о корреспонденции с понятием о донесении, так как последнее должно быть всегда правдиво и не замаскировано, дабы можно было знать о неудачах и их причинах, но эти донесения могут и не предаваться временно гласности. [93]

3. Такими корреспондентами являются почти исключительно молодые офицеры, мало опытные и слишком зависимые от своего начальства, а потому в большинстве случаев и пишущие для его прославления. Я читал много таких корреспонденций и знаю насколько были искажены обстановка и факты в пользу начальников и их войск; следовательно, они не заслуживали доверия и только вводили общество в заблуждение; они вредны еще потому, что рекламируют в большинстве случаев вздор, раздувают славу таких героев, кои никогда героями не были, а иногда приносят и вред достойным лицам, напр., когда такой писака попадает во временное подчинение какому-нибудь начальнику и бывает им недоволен; тогда он умышленно из мести способен рассказывать про такого начальника небылицы. И это часто бывало.

4. Обыкновенные строевые офицеры не занимаются корреспонденцией, а самыми ярыми писаками являлась штабная и тыловая

челядь, болтавшаяся подальше от пуль, при всяких генералах, штатных и нештатных командах; для них не было ничего святого, ибо они служили не делу, а около него, для своих интересов, и в своих корреспонденциях преследовали или рекламу каких-нибудь лиц, или, и главное, строчную плату.

5. Описывать всякие бои, даже стычки, очень трудно, потому что большинство придает им субъективную, пристрастную оценку, описывая собственную деятельность собственное участие. А раз правдивость отсутствует, то какую же пользу могут принести такие корреспонденции. Я знал начальника охотничьей команды рекламировавшего себя всюду, а между тем это был просто шантажист и негодяй, и пришлось выгнать его из отряда. Если допустить, что офицеры корреспонденты имеют некоторое преимущество перед обыкновенными газетными репортерами тем, что знают военное дело, то смею разуверить думающих так. На войне дельному офицеру, а тем более образованному настоящим образом, напр. хорошему офицеру генерального штаба писать корреспонденции некогда; да такие и предпочтут описывать военные события [94] после войны, когда можно проверить факты и данные, получить документы и разъяснения. А на войне пишут именно офицеры ничего общего с военным делом не имеющие, напр. Какой-нибудь транспортный офицер, какой-нибудь определившийся из запаса в штаб главнокомандующего, или удравший из строя подальше от пуль; я знал такого ординарца в штабе армии, который писал весьма ретиво в Харбинские газеты о всяких боях, а сам, будучи в сотне, не мог поставить по карте сторожевой пост, или провести разъезд на несколько верст.

В заключение позволю себе сказать, что если бы с самого начала военных действий было воспрещено нашим офицерам корреспондировать в газеты, то наше общество потеряло бы весьма немного. Правда, оно не узнало бы, что лихие охотники в числе 20 человек, потеряв ранеными и убитыми 18, отступили не оставив в руках противника ни одного тела (были и такие корреспонденции), оно не знало бы несколько фамилий героев, но, к сожалению, настоящие герои остались все-таки неизвестными, как более скромные и занятые. И, не смотря на сонм корреспондировавших из армии лиц, Русское общество до сих пор понятия не имеет напр. об операции под Бенсиху, 25 сентября—2 октября 1904 г., хотя о ней тоже писали в газетах, но как? А так, чтобы прикрасить деятельность и распорядительность такого то начальника, когда этот такой то на самом деле подлежит преданию суду. Скажу еще, что в этой

несчастной кампании, где с нашей стороны было слишком много проявлено отрицательного и несовершенного, конечно нельзя было преследовать так строго принцип воспрещения гласности, ибо всё-таки, благодаря печати, общество узнало довольно скоро, что не один генерал Орлов виновен в Янтайской неудаче, а ведь в армии расклеивали плакаты с анонсом о гибели всей Ляоянской гениальнейшей операции благодаря дивизии этого начальника, хотя тут вина падает и на многих других, начиная прежде всего с командующего армией. Статьи Нового Времени и Руси дали [95] некоторые разоблачения деятельности нашего генерального штаба и таким образом дали возможность отнестись более снисходительно к неудачам в боях строевого элемента, ибо, если войска ведут в потемках, если их не направляют, не ориентируют, подставляют под удары противника, да еще путают все распоряжения, то можно ли их обвинять в неуспехе. Но все-таки, к сожалению, эта война была особенная, и к ней нельзя применять некоторые положительные требования, а потому следует во всяком случае признать следующие три основные положения: 1) назначение специальными корреспондентами офицеров безнравственно, и лица, бывшие в такой роли, недостойны носить впредь военный мундир; 2) любителей корреспондентов среди чинов действующей армии быть не должно; и 3) чем меньше будет при армии журналистов и корреспондентов вообще, тем лучше, а, если только это возможно, их следует держать совсем вдали от района военных операций.

По дороге от Туинпу в Ляньшаньгуань не произошло ничего сколько-нибудь замечательного. Мы встретили дивизию Ренненкампфа, шедшую стройно и в порядке, с песнями; некоторые сотни держали винтовки в руках, как это принято у кавказских казаков; вероятно сотенные командиры хотели щегольнуть своею воинственностью; было несколько пьяных офицеров и казаков. Мне было жаль этой массы кавалерии, посылаемой в гористую, недоступную для деятельности этого рода оружия, местность, где она должна была встретить столько препятствий в разведке. Какие крупные ошибки совершали мы против основных правил военного искусства! Ведь было же известно, что первоначальным театром военных действий была избрана местность к юго-востоку и югу от Ляояна, в исключительно гористой стране, где кавалерия была совершенно бесполезна, особенно при условии существования при каждом стрелковом полке охотничьей конной команды. А между тем сюда посылали такую массу казаков. Положим дивизия Ренненкампфа пришла из Забайкалья и частью походным порядком, но вслед [96] за ней мы

обременили железнодорожную колею, дававшую не более 6 пар поездов в сутки, дивизией сибирцев, бригадой уральцев, бригадой драгун, дивизией оренбуржцев. Вместо этой лишней роскоши, можно было доставить целый корпус пехоты в 25.000 штыков и 128 орудий. Как пригодился бы он нам во время Ляоянского сражения. Но вероятно у нас вообще рассуждали как Засулич, ответивший на мое замечание, что сейчас нам кавалерия не нужна, так: «надо же нам быть в чем-нибудь сильнее японцев; у нас вообще больше кавалерии, и вот мы будем иметь в ней подавляющее превосходство». И мы были действительно сильнее в кавалерии, но если это могло нам пригодиться, когда мы отбросили наш правый фланг в долины р.р. Ляо и Тайцзы, в августе, то в апреле, мае, июне и июле месяцах действовать массами кавалерии не было никакой возможности. Действительно, не смотря на полное преобладание в количестве кавалерии, Куропаткин мог сказать в июне месяце, что для него составляет совершенную загадку расположение японцев, адресуя эти слова упреком к кавалерии командуемой Ренненкампфом, Мищенко, Грековым, Абадзиевым, Закржевским и Самсоновым. Не говорю, что обвинение в бездеятельности было до некоторой степени правильно, потому что некоторых из названных начальников не следовало совсем держать на театре военных действий, но я видел и доблестных кавалеристов, которые, при всем умении, энергии и рвении выполнить свой долг, не могли ничего сделать, потому что не дело кавалерии вести разведку в горах, где конь является не верным помощником, а обузой и тормозом. Те, кто хотели что-нибудь сделать, обращали казаков в пехоту, т. е. посылали пешие патрули и сражались упорно по пехотному, но таких к сожалению было очень немного. Японцы редко показывали свою кавалерию и держали ее при пехоте, а чаще за нею. За все время Ляоянской операции было одно чисто кавалерийское дело под Вафангоу, в котором дивизион сибирцев уничтожил японский эскадрон своими пиками, но какую пользу принесло [97] нам это дело, кроме некоторого нравственного удовлетворения, и стоило ли для этого иметь такую массу кавалерии. Я предчувствовал, что Ренненкампф не пожнет никаких лавров в окрестностях Саймацзы, и не ошибся, ибо читал приказ Графа Келлера о том, как одна стрелковая охотничья команда своею искусною разведкою избавила Восточный отряд от напрасного передвижения, вызываемого недостаточным освещением местности целою дивизией казаков.

Во время марша, я часто слышал разговоры по поводу проявляемого китайцами сочувствия японцам; рассказывали, что они посто-

янно сигнализируют с высоких гор, зажигают на них ночью огни, постоянно следят с сопок за передвижениями наших войск в долинах. Может быть так и было на самом деле, но почему же мы не принимали против этого никаких мер? Например, все видят, что на вершине горы стоит какой то человек, и все начинают говорить, что это шпион; следовало немедленно избавиться от такого ненормального положения, и для этого есть даже меры рекомендуемые уставом. Если по долине идет колонна, то ее патрули должны следовать по окаймляющим долину хребтам, как впереди колонны, так и сзади, и даже параллельно, а тогда ни один китаец не может безнаказанно производить свои наблюдения, потому что или будет прогнан, или схвачен, или наконец пристрелен. Если в том районе, где совершалось передвижение, мы считались в такой безопасности, что не желательно было мучить людей высылкою патрулей, то можно было несколько иначе обеспечить себя от назойливого наблюдения, а именно: стрелять по всякому человеку, появляющемуся на сопках. Мирные китайцы быстро поняли бы в чем дело и, при прохождении войск, не показывались бы на высотах, а шпионам пришлось бы выслеживать скрытно и следовательно с затруднениями. Кажется мы получили разрешение так действовать, но только через несколько месяцев после Тюренчена, а в описываемое время до этого еще не додумались, и все только жаловались и ныли. Я сказал, что [98] может быть не стоило гонять понапрасну по горам патрули, но думаю, что во время нашего отступления от Тюренчена именно стоило это делать, и вот почему: у всех была уверенность в несочувствии нам местного населения, а в таком случае нельзя ходить без сторожевого охранения; все утверждали, что на сопках были соглядатаи и стрелять по ним не решались, а следовательно единственною мерою против них была высылка по хребтам патрулей; войска Восточного отряда не имели никакого представления о тактике в горах; офицеры даже были младенцами в этом деле; следовало воспользоваться спокойным отступлением и попрактиковаться в сторожевых мерах охранения на походе, ибо не сегодня- завтра все равно их пришлось бы применять в сфере влияния противника. Наконец, должен заметить, что, не смотря на пребывание в горах уже не один месяц, по-видимому в Восточном отряде еще не уразумели, что движение по Маньчжурским сопкам, окаймляющим долины, вовсе не так затруднительно; в большинстве случаев от сопки до сопки идут хребтики, на которых, и кроме того по бокам сопок, протоптаны тропы китайцами и их скотом; следовательно движение даже удобно и не изнуряет людей; можно вести таким образом конные

разъезды; в этом меня убедили многочисленные рекогносцировки и передвижения таким способом; мало того, я сам впоследствии водил так и целые отряды, потому что на высотах получаешь несравненно большие выгоды в ориентировке, а в особенности на незнакомой местности и при ожидании боя. Но когда я ехал с Восточным отрядом, то относительно его начальника и его штаба мог сказать только одно, и это было то, что так болезненно, печально и сочувственно в отношении нашей армии написал французский корреспондент Надо: «они не знали».

Не доходя 7—8 верст до этапа Ляньшаньгуань, места нашего ночлега, нужно было пересечь позицию на Феншуйлинском хребте, к которой и отходил Восточный отряд, и где таким образом должно было закончиться [99] его непрерывное отступление — результат Тюренченского погрома; здесь предполагалось дать отпор противнику. Я полагал, что мы на ней остановимся и будем ее исследовать, тем более, что слышал как говорили еще о какой то передовой позиции; но ничего подобного не случилось, и мы, не останавливаясь, доехали до этапа, где занялись своим размещением, едою, чаепитием, но только не службою. Впрочем начальник штаба отъехал на несколько сот шагов в сторону; но во всяком случае он не задержался на рекогносцировке, потому что, не доезжая до этапа, мы встретились с ним снова, а я ехал, хотя и шагом, но безостановочно. Итак мы сделали за 2 дня 70 верст и наконец дошли до места вероятного боя, но, спрашивается, неужели задача Восточного отряда состояла только в том, чтобы, получив разгром под Тюренченом, без оглядки отмахать 150 верст до какой то классической позиции, может быть отлично известной стратегу отряда («мы ее знаем», говорил он) и даже, как я увидел это на следующий день, усиленной окопами по распоряжению штаба армии? Неужели можно было совершенно забыть на все время исполнения марша, имевшего характер бегства (тем более бесславного, что противник бездействовал), о всем том, что мог делать противник, и интересоваться лишь вопросом, подается ли он вперед, а, раз признаков такого опасного обстоятельства не было, то спокойно уходить и ничего не предпринимать? Какие мотивы заставляли нас столь поспешно удирать за Феншуйлинский хребет? Выгодная позиция... но на другой же день на рекогносцировке, вернее, на прогулке по этой позиции, весь штаб говорил о ее неудовлетворительности, несоответствии своим протяжением силам отряда, недостаточном обстреле; мало того, через несколько дней ее оставили без боя, несмотря на солидную разработку дорог и вполне готовые укрепления. В горах, да и

вообще, трудно найти позицию соответствующую данным силам; все они обходимы и часто с ограниченным обстрелом; но для желающего и умеющего сражаться в горах позиции существуют везде, и задерживать противника [100] всегда возможно, если не упорно, то все-таки серьезно; наступать, хотя бы и значительными превосходными силами, трудно, если ваш даже много слабейший противник умеет выставить во-время и на удобных местах хотя и небольшие части, если он скомбинирует их взаимодействие, сумеет ими управлять, не побоится разбросаться по широкому фронту, а конечно не засядет кучей в одной только долине. Попробуйте тогда обойти конечные точки его флангов; вам это удастся, но зато какой выигрыш времени для обороняющегося, и сколько утомления для наступающего, чтобы выбить какие-нибудь две-три роты при сознательном упорстве, потребуется несколько батальонов. А Восточный отряд свернулся весь в одну кишку, свалился в одну долину, благо дорога была этапная, с хозяйственными удобствами, и знал только одно: утекать за Феншуйлин. При отступлении следовал и арьергард, но его роль была совершенно лишней, при условии расстояния до противника более 100 верст. В соприкосновении с противником оставался подполковник Закржевский со своими 4-мя сотнями 2-го Читинского полка. Но что значат в горах такое или даже большее число сотен в смысле упорства: во время боя в сотне 60 винтовок и 150 коней сзади, коих надо во-время разобрать и увести; на походе— это медленно двигающаяся, нисколько не быстрее пехоты, часть, так как, чтобы не рисковать получением неожиданного обстрела противником, приходится охраняться пешими патрулями, лазающими по сопкам, и выжидать их исследований осторожнее, чем в пехоте, в виду большей уязвимости как цель, большей трудности укрытия от огня; на отдыхе—вечно ожидающая тревоги часть, мучающаяся вопросом, расседлывать или нет, от решения чего зависит целость спин лошадей, а следовательно и годность их к дальнейшей службе. Нельзя не заметить, что, несмотря на все это, казаки часто действовали в горах превосходно: в бою забывали о коноводах и не хуже пехоты оказывали противнику самое упорное сопротивление, на походе шли смело вперед, даже не помышляя [101] о том, что из за каждого куста и камня им угрожали пули; на отдыхе расседлывали в самой близости от противника и умели сберечь коней. Я хорошо знаю 2-й Читинский полк и причисляю его именно к казачьим частям, умевшим преодолевать всякие трудности горной войны и выказавшим много доблести; 3-й сотне этого полка удавалось достигать просто невозможного; но можно ли оправдать Засулича и

Орановского в том, что они бросили горсть казаков на съедение японцев, если бы она стала упорствовать, понимая так исполнение своей задачи, или только для того, чтобы она быстро отходила, будучи теснима двумя—тремя ротами (в японской роте около 250 винтовок, и столько же в 4-х сотнях) и только уведомляла бы, что вот мол передовые части противника в таком то часу дошли до такого то места, а сотни очистили такой то пункт. Можно ли было предположить, что Закржевский сумеет выйти из столь трудного положения? Предполагать конечно все можно, но иметь уверенность нет, тем более, что полк присоединился к отряду уже после Тюренчена, и ни командир, ни состав полка (второочередного) не были известны ни Засуличу, ни Орановскому; следовательно, возлагать особые надежды на Читинцев они права не имели, а не могли не сознавать в какое положение ставили слабые 4 сотни и какой важности задачу на них возлагали. Прикрывать отступление разбитого отряда, части которого уже подвергались бегству, т. е. отряда имевшего только стремление на утек и неспособного к сопротивлению; разведывать огромные силы противника, так как Тюренченский погром объясняли сосредоточением японцами к полю сражения 3-х дивизий, или 50.000 штыков; разведывать на обширном фронте, так как, если еще влево, в направлении на Саймацзы, распоряжением Куропаткина уже выдвигалась масса кавалерии и несколько батальонов стрелков, то вправо, в направлении от Фынхуанчена к Сюяню, не было никого (связь с г. Мищенко была совсем потеряна); уничтожать наши роскошно обставленные этапы, панически брошенные на протяжении от р. Ялу до Фынхуанчена, слишком [102] поспешно, без всяких мер по эвакуации; исполнять все это не при условии инертности врага, а наоборот, как это тогда считали, в ожидании его решительного наступления; вероятность последнего доказывает быстрота и безостановочность отступления Восточного отряда на 150 верст от поля сражения, доказывают масса иных признаков. И не смотря на такую серьезность обстановки, Засулич и Орановский обратились к первому встречному, неизвестному им подполковнику Закржевскому, приведшему 4 сотни, и, возложив на него все вышеуказанное, спокойно уходили и уводили свои войска подальше от противника. Знаменитый штаб Восточного отряда в полном составе ехал за крупом или за бричкой Засулича; к Закржевскому не послали ни одного офицера генерального штаба, а их болталось четыре без всякого дела; послать нужно было во что бы то ни стало, в помощь и как доверенное лицо старшего начальника, долженствовавшее понимать обстановку. Для чего же тогда держать в штабах про-

свещенных стратегов и тактиков, если они только праздно переезжают с этапа на этап, а при остановках пишут кое какие записочки и разговаривают по телефону, избегая всякой полевой и боевой деятельности, в полном смысле слова. Разве нельзя было, кроме 4-х казачьих сотен, оставить у Фынхуанчена настоящий арьергард из трех родов оружия, который отходил бы медленно, шаг за шагом, и только под давлением превосходных сил противника, оберегая и фланги на несколько верст протяжения; тогда была бы и разведка, и все-таки противник получил бы отпор; японцы считались бы с присутствием Восточного отряда и не могли бы с таким спокойствием и уверенностью заниматься устройством своей базы и коммуникации. Ни Засуличу, ни Орановскому не было никакого интереса до того, что происходит сзади их, раз они могли спокойно, мирным порядком, перебираться в Ляньшаньгуань, раз казаки доносили, что противник не наседает, и у них были только перестрелки с разъездами и патрулями.

Я не могу критиковать или хвалить деятельность Закржевского, [103] потому что в моей просьбе, отправиться к казачьему полку и поступить хотя бы в распоряжение его командира, мне было отказано, и следовательно я ее близко не наблюдал11. Но знаю, что весьма скоро (кажется 24 апреля) начальник отряда выразил крайнее неудовольствие за поспешное отступление казаков. Дело в том, что Закржевский просил разрешение отойти от Туинпу, в виду недостатка фуража, на что Засулич выразился так: «надо дать понять казакам, что их задача состоит не исключительно в быстром утекании от противника» (другим он ставил на вид, а сам?). По-видимому Читинцы слишком поспешно отступали, так как Туинпу находится в 60 верстах от Фынхуанчена; при занятии последнего произошло крупное недоразумение с уничтожением склада артиллерийских снарядов, доставшегося в неприкосновенном виде японцам. Кажется Закржевский обвинял в этом командира сотни сотника Орефьева и удалил даже его за это из полка. Если верить, что на Закржевского в те дни наступала целая дивизия, то конечно ему оставалось только уходить, но во всяком случае японцы подавались вперед вяло, а, с занятием Фынхуанчена, их наступление и всякие активные действия совсем прекратились, и казаки остались надолго в Туинпу

[11] Отказ был мотивирован Орановским тем, что нельзя подчинять подполковнику полковника, но однако тот же Орановский послал меня через 2 дня командовать полусотней, а затем сделал полковым адъютантом; конечно я на него не претендую, потому что наш великий полководец приказал мне проходить службу с начала, на положении хорунжего, и не полковнику Орановскому было нарушать непреклонную волю, оказавшуюся столь пагубно преклонною для России во всех операциях и сражениях.

(в этом селении позднее был обстрелян граф Келлер). Читинцы производили не мало разведок, что доказывают их потери в казаках и офицерах, но, как и вся наша кавалерия, серьезных сведений добыть не могли, в виду гористой местности и иных условий, о которых скажу ниже, когда буду описывать мою службу с Уссурийскими казаками. Вообще с 22-го по 25-е апреля, т. е. пока я [104] состоял при штабе Восточного отряда, его начальник находился в полном неведении относительно того, что происходило под Фынхуанченом, но иначе и быть не могло, вследствие непринятия начальником штаба никаких действительных мер по разведке. За организацию отступления от Тюренчена до Ляньшаньгуаня, за полную потерю соприкосновения с противником и за полное нерадение о том, что происходит не только у противника, но и в непосредственном тылу Восточного отряда, Орановский заслуживает полного осуждения.

Этот господин был типичным офицером генерального штаба— продуктом современных наших академии и режима, губивших нашу армию. Невозмутимый (но далеко не хладнокровный в минуты боевого кризиса), безучастный, корректный, он постоянно молчал, не отдавал никаких распоряжений, предпочитая исполнять приказания своего генерала; в данном случае это пожалуй было для него особенно выгодно, как выход из затруднительного и опасного положения. Хотя уже в его полевой сумке, или в обозе канцелярии штаба, лежала телеграмма Куропаткина, до некоторой степени прикрывавшая позор Тюренчена и сделавшая неответственными его главного виновника— Засулича и главного пособника—Орановского, все же нельзя было не сознавать, что настанет минута, когда осудят того и другого, а ведь этот другой был причастен к руководству и организации операции; следовательно, подготовка ее, поражавшая нецелесообразностью расчета и расположения сил и средств, и завершение ее, в смысле отсутствия распорядительности, не могли не быть поставлены в вину носителю военного искусства. Как ни как, а быть начальником штаба при исполнении операции, окончившейся бесцельным расстрелом двух геройских полков, отдачей противнику 30 орудий и паническим бегством хотя бы только обозов—плохое начало для боевой карьеры офицера генерального штаба, занимавшего генеральскую должность; пожалуй и родственная протекция не поможет. Способом спасения было—прикрыться неответственностью, не вмешиваться в опасную сферу оперативных [105] и боевых комбинаций, ибо при таком условии таковых и вовсе не будет; не от Засулича же они могли исходить; этот только поскорее уходил и готов был ни во что не вмешиваться. И Орановский корректно ехал

при своем начальстве, сидел за трапезой рядом с ним, спал кажется в одной и той же комнате, распечатывал конверты и ожидал приказаний и распоряжений, которые конечно готов был исполнять со всею талантливостью выдающегося офицера генерального штаба, отлично понимая, что ни приказаний, ни распоряжений не последует. А если таким образом не служил и не работал начальник штаба, то также бездействовал и весь состав его штаба. Я оценил Орановского уже за эти три, четыре дня совместной жизни после Тюренчена и потому нисколько не удивлялся его неудовлетворительной деятельности в последствии, а в особенности под Бенсиху, но в описываемые дни я смотрел на него с удивлением и надеждою, что или он изменится, или его уберут, дабы он не был в состоянии приносить дальнейший вред войскам; но мне пришлось убедиться, что, за все его деяния, за всю неспособность и нечестность, он только получал награды и повышения, во-первых потому что был удобным, тактичным человечком, умевшим подлаживаться к начальству, а во-вторых потому что был женат на дочери Линевича (тогда последнее обстоятельство мне еще не было известно).

Во время ужина на этапе Ляньшаньгуань, в день нашего прибытия, в столовую вошел полковник генерального штаба Драгомиров, живший здесь как руководитель укрепления Феншуйлинской позиции. Можно было заметить, что полковник был недоволен тою бесцеремонностью, с какою чины штаба расположились в его помещении. Я позволил себе заметить, что ему следует очистить место. Немедленно ординарец Засулича из Забайкальских казачьих офицеров грубо заметил мне, что я вмешиваюсь не в свое дело, да к тому же и мне самому не следует здесь располагаться, так как я стесняю обер-офицеров. Такая дерзость и нахальство конечно остались [106] безнаказанными, потому что, если бы я не промолчал, то вышел бы инцидент, и тогда пожалуй опять начальник штаба составил бы доклад о моем удалении из армии. Я конечно не располагался бы в кампании всех этих невоспитанных тунеядцев штабной челяди, но дело в том, что обыкновенно они ухитрялись заполнить решительно все помещения этапа, и приходилось приткнуться где-нибудь в общем помещении. Казалось мы находились теперь достаточно далеко от японцев, чтобы наконец водворить какой-нибудь порядок в штабе, подумать о комендантстве, дежурствах, наряде посыльных. Но ничего этого организовано не было, и если бы произошло что нибудь ночью, то во-первых нельзя было бы даже вручить донесение, а во-вторых вероятно произошел бы общий кавардак. На следующий день я устроился в деревне, воспользовавшись гостеприим-

ством судебного следователя, приютившего меня в фанзе, и отказался от обшей трапезы. В этот день, или накануне, выпивший чиновник контроля произвел скандал в этапном ресторане.

Я останавливаюсь на таких мелочах только потому, что они хорошо обрисовывают службу штаба, показывая отсутствие всякого порядка и дисциплины среди его чинов; ясно, что при таком режиме штабная служба идти правильно не может, а от этого страдают войска и дело. Правда, и в составе штаба Восточного отряда была более интеллигентная и воспитанная среда, которую составляли инженеры, интенданты и юристы, но генеральный штаб к ней причислить было, к сожалению, невозможно. Подтверждением своих слов приведу сказанное помощником интенданта—офицером призванным из запаса; когда его кто то спросил, почему он отказывается жить в общем помещении, он ответил так: «я видел как, господа, вы позволяете себе обращаться со старым полковником; ну, а как же вы тогда отнесетесь ко мне?»

На 24-е апреля было объявлено производство рекогносцировки Феншуйлинской позиции, и я получил приказание участвовать в ней. На мой взгляд позиция была очень сильна, и атака ее с фронта долиною обещала мало успеха, [107] тем более, что были готовы ложементы для орудий, ходы, траншеи и редуты. Задача обороны сводилась к обеспечению каким-нибудь способом флангов, представлявших целую систему сопок; их следовало тщательно рекогносцировать, может быть укрепить, может быть растянуть несколько фронт, без чего в горах не обойдешься, но конечно нельзя было ограничиться тем, что сделала вся многочисленная толпа рекогносцеров. Осмотрели все окопы, демонстрируемые Драгомировым, влезли на одну сопку ближе к правому флангу, но ни этого фланга ни подступов к нему, не видали, а затем говорили и говорили без конца, напр., что следует занять какими-нибудь частями командующие крайние точки. Кто то радостно заметил: «теперь, после Тюренчена, мы знаем, что надо лазать по сопкам и занимать их». Повидимому этот тактик предполагал до сих пор, что война ведется только по днам долин. Впрочем ведь под Тюренченом мы почти так и располагались. Говорили, что японцам легко втащить свою горную артиллерию и сбить нашу полевую; при этом кто то пугнул, что прибудут и шестидюймовки, расстреливавшие нас на берегах Ялу. Говорили, что позиция слишком длинна для состава нашего отряда, особенно при необходимости обеспечивать и соседний, более южный Модулинский перевал; тогда кто то предложил обеспечить фланги казаками, собрав до двух сотен. Неожиданно начальник

штаба 3-й дивизии подполковник Линда предложил назначить командовать этими сотнями меня; «тогда, сказал он, мы будем уверены, что они не уйдут». Это предложение не встретило сочувствия, и Орановский замял разговор, сказав, что казаки нужны для иного назначения. Не знаю, насколько было рационально предложение Линда, так как никто дальше рекогносцировать не поехал, а все вернулись в Ляньшаньгуань.

Должен сознаться, что мое настроение все ухудшалось, ибо я видел и чувствовал, что являюсь совершенно лишним и ненужным человеком, а выносить болтание среди всех этих праздных и невоспитанных людей было невыносимо. Я схватился за одну мысль. Накануне Орановский, [108] описывая артиллерийскую перестрелку под Тюренченом 17 апреля (с которой он возвратился в штаб, оставив свою лошадь на позиции, чтобы не рисковать напрасно драгоценною жизнью), говорил, что в современном бою нет возможности оставаться на батарее, когда ее обстреливают; вот я и решил в ожидаемом бою на Феншуйлинской укрепленной позиции найти себе конец на осмотренных нами укреплениях для орудий. Но скоро я убедился, что укрепить позицию не значит еще ее оборонять, что на артиллерийской позиции и в современном бою оставаться можно и должно, а что кому не суждено быть убитым в бою, тот этого никак не добьется.

ГЛАВА VI.

Действия с разъездом—заставой на стратегическом узле Мади, с 25-го апреля по 18-е мая.

25 апреля утром я зашел в канцелярию штаба, справиться о сведениях по обстановке, и встретил начальника отряда, спросившего меня, видел ли я начальника штаба, и скоро ли я выступаю. Это указывало, что мне давали спешное поручение. Генерал подвел меня к разложенной карте и сказал: «вправо от нас нет никого своих, а тут именно возможен обход японцев; мы дадим вам все, что у нас есть казаков, и вы осветите этот важный район». Затем Орановский указал мне важный узел дорог, сходящихся от Фынхуанчена, Сюяня (Дагушани), Долинского перевала, Модулинского перевала, Ляньшаньгуаня и Туинпу; мы обозначили его Мади, по названию бывшей на карте деревни, Никаких сведений о противнике и наших силах (напр. о г. Мищенко, действовавшем в окрестностях Сюяня) дано не было, да вероятно их и не существовало в штабе. С трудом нашли и выдали мне 4 листа двухверстной карты, а в отношении

всех казаков, поступавших под мое начальство, оказалось возможным собрать около 50 человек [109] Уссурийцев, так как все остальное было занято штабною службою. Я пошел в канцелярию и просил немедленно пригласить командира сотни, что оказалось весьма затруднительно. Меня не удивляло, что офицеры генерального штаба понятия не имели какая была нужна сотня, но не оказалось ни одного посыльного в штабе—ни пешего, ни конного. Наконец писарь разыскал охотника—стрелка и послал его по назначению. Примерно через час прибыл есаул Мунгалов. Ему передали приказание поступить в мое распоряжение, а я предупредил его, что мы уходим далеко вперед к противнику, на несколько дней, и просил быть готовым часа через два.

Когда мы выступали, командир сотни доложил мне следующее: в строю около двух взводов, потому что один взвод остался при штабе, а один находится в разъезде, неизвестно где; ни одного младшего офицера с нами нет; сотня сделала весь поход в Корею, в отряде г. Мищенко, и прикрывала отступление пехоты от Тюренчена, а потому лошади совершенно изнурены. Итак, вместо всех казаков, только 50, а для скорейшего движения вперед загнанные, изнуренные кони. Последнее впрочем было неверно, но заботливый командир сотни заранее хотел предупредить о необходимости сбережения его конского состава. Я не буду описывать деятельность разъезда-заставы по дням, а сделаю ее общий очерк до 18 мая, когда мои казаки вошли в состав своего полка, а я лично поступил в распоряжение командира последнего.

Исполнение возложенной на нас задачи свелось к тому, что мы осветили весь район вокруг указанного нам стратегического узла путей Мади, и я ручаюсь, что мимо нас не прошло не только ни одного японского отряда, но даже разъезда, хотя фронт охранения был около 10 верст. Мы держали деятельно связь с левым флангом Восточного отряда на Модулинском перевале, а также сперва с отрядом г. Мищенко, а затем с выдвинувшимся правее нас Уссурийским казачьим полком. Я мог утверждать, что, ни со стороны Сюяня, ни Фынхуанчена, противник не предпринимал никаких попыток активной деятельности, [110] и следовательно рассеял все возникшие в конце апреля беспокойства по обходу правого ,фланга Восточного отряда. Таким образом мы выполнили вполне задачу конной части, выдвинутой вперед, с целью своевременного предупреждения войск о каком либо покушении противника.

В отношении активной разведки противника и соприкосновения с ним, можно было сделать больше, особенно принимая во внима-

ние тот превосходный боевой материал, какой представляли из себя вверенные мне казаки, хотя и при столь небольшом их числе, но в этом я не повинен. Думаю, что если бы у меня было только три—четыре десятка таких молодцов, а не целая сотня (во вторую половину службы заставы), то я достиг бы больших результатов, при условии отсутствия их прямого начальника—командира сотни, есаула Мунгалова, который был настоящим тормозом всякого активного начинания, и с которым я не имел, как это ни кажется странным, возможности что бы то ни было сделать. Это был тип казака в самом печальном, а не достойном, смысле этого звания. По происхождению кровный бурят из Забайкальских казаков (Уссурийцы имеют в своем войске выходцев из многих других войск), он своим умственным развитием, интересами, манерами и привычками ничем не отличался от самых простых казаков; строевую ординарную службу знал хорошо, был хозяйственный, аккуратный человек, о своих казаках заботился и был ими любим, обладал сметкой, находчивостью, оценивал местность, имел опыт китайской войны, переделок с хунхузами, похода в Корею; но все эти качества, казалось, долженствующие сделать из него желательного для военных действий офицера, не стоили ничего, будучи парализованы другими его наклонностями и отношениями к службе. Его заботливость о казаках доходила до того, что он не желал посылать ни одного разъезда, ни одного дозора, чтобы как-нибудь не погонять лишний раз лошади и не обеспокоить казака (я склонен считать, что он, как вообще некоторые из казачьих офицеров, боялся своих казаков); из аллюров он признавал только шаг, а больше всего [111] предпочитал водить сотню в поводу; стремления вперед не имел никакого, а всегда готов был осадить назад; службу понимал в смысле получения денег, земель, чинов и всяких жизненных удобств; боевыми отличиями не интересовался совершенно; проклятие Маньчжурии, в которой ему пришлось прожить со времени китайской смуты, не сходило с его губ, а про войну он не мог говорить без ругательств, не понимая ни цели, ни смысла ее (правда, он был тоже Тюренченец и следовательно уже деморализован); пехоту и другие всякие войска ненавидел, считая, что все они готовы эксплуатировать несчастных казаков; вообще с утра до вечера пел жалобную песню о тяжелой казачьей доле. Встретить, разыскать японцев он конечно не имел ни малейшего желания, а тем более сражаться с ними. К сожалению, мне не довелось увидеть его под пулями. Я знаю, что он воспользовался во время военных действий отпуском (это у нас в армии допускалось!), а теперь, слава Богу, покинул строй и занимается хозяй-

ством в Амурском казачьем войске; следовательно, в будущей войне не будет в рядах такого нежелательного и даже вредного типа.

Мунгалов относился ко мне сперва наружно дисциплинарно, но сразу же дал понять, что считает себя самостоятельным начальником своих казаков, терпит меня, но исполнять будет лишь то, что ему нравится, ибо немедленно сообразил, что я непрочно стоял в армии. Чем дольше мы оставались с ним вместе, тем более он тяготился моим присутствием, что и понятно: я должен был делать наряды разъездов, дозоров, постов связи, освещая местность и иногда производя довольно дальние разведки; следовательно, я заставлял казаков и их коней работать; я присутствовал невольным свидетелем расплаты с китайцами, что для казака было очень щекотливо; наконец все-таки я был его начальником. Он сопротивлялся мне все сильнее, сперва глухо, а потом уже не стесняясь—явно; дошло до того, что начал позволять себе делать мне замечания. И все это я был вынужден выносить, так как знал, что всякий инцидент будет [112] истолкован и разрешен не в мою пользу. Кроме того я оставался и для пользы дела, ибо знал, что мое присутствие в Мади обеспечивает правый фланг Восточного отряда; что хотя я не в состоянии работать так, как бы хотел этого, но во всяком случае если появятся 30 японцев, то не будет донесено о наступлении 3.000, и я не побегу назад. Однако я пытался избавиться от такого ненормального положения и писал об этом начальнику штаба отряда, но из этого ничего не вышло.

За все время моего командования заставой, японцы находились довольно далеко, верстах в 30. Я посылал разъезды верст на 20, но они ни разу противника не встретили. Ко мне постоянно являлись разъезды из других частей кавалерии: слева 2-го Читинского полка и даже дивизии Ренненкампфа, а справа из отряда Мищенко. Некоторые возвращались от противника, но большинство держалось в окрестностях Мади, хотя, повторяю, противник был от меня в расстоянии 30 верст. Наблюдая деятельность всех этих разъездов, могу высказать заключение, что они серьезной разведки противника произвести не могли по следующим причинам:

1. японцы в ту пору выставляли необыкновенно густую сеть сторожевого охранения и были очень бдительны; проходить незамеченными между их постами было почти невозможно, не только днем, но и ночью, при чем по времени года ночи были очень короткие;

2. разведывать в горах на коне невозможно, а потому только те офицеры и могли ощупать передовую линию противника, которые ходили пешком; большинство этого не делало, а потому не могло

даже приближаться к линии охранения.

Вообще присутствие нашей кавалерии, в смысле разведывательном, было почти бесполезно, и не мудрено, что сам командующий армией был не удовлетворён результатами деятельности всех конных отрядов. Тем не менее были искусные, честные и энергичные разведчики, пожертвовавшие своею жизнью в непосильной задаче. Первым кажется погиб 2-го Читинского полка сотник Зиновьев [113] (офицер Л. Гв. Конного полка). Опрашивая казаков его разъезда, прибившихся ко мне на заставу, я одно время думал, что они бросили своего офицера, но 11 — 14-го августа я сражался с этими молодцами под Тунсинпу и Тасигоу и говорю, что не знаю части более доблестной, как 3-я сотня Читинцев, к составу которой они принадлежали. Мне ясно, что они не могли спасти своего начальника, и я даже счастлив, что они тогда уцелели, как несколько единиц полезных для армии. Говорю единиц, потому что, например, если бы тогда погиб казак Мамонтов, то не знаю нашелся ли бы другой, который сумел бы исполнить мое приказание в бою 12-го августа.

Сотник Зиновьев задался целью во что бы то ни стало разведать главные силы японцев под Фынхуанченом, и есть два его донесения, показывающие, что действительно ему удалось заглянуть дальше сторожевого охранения. Разъезд был дважды обстрелян; тогда офицер пошел пешком с двумя казаками, приказав остальным рассеяться и собраться вне сферы противника; сам он все-таки прорвался через линию охранения, но затем был окружен со всех сторон. Ему удалось провести ночь в скрытном месте, но с рассветом японцы устроили на него облаву; один казак, посланный за водой, спрятался в расщелине скалы, другой прополз между кустарником, а сам Зиновьев был обнаружен, отстреливался из револьвера и был убит, или смертельно ранен. Из всего разъезда в 22 человека было ранено двое, из коих одного я принял, и утеряно 3 или 4 лошади; словом разъезд уцелел благодаря заботливости его начальника; рискуя собою, он не хотел напрасно терять меньшую братию, потому что и все 20 человек не могли помочь ему в его задаче, в которой нужно было иметь особенное счастье, ему не улыбнувшееся. Слава и вечная память настоящему герою! Как сейчас вижу перед собой его благородное лицо, так часто наблюдаемое мною во время моих лекций его классу в училище. Для этого человека не было компромиссов: начальство приказало разведать, и он мог только или исполнить, или погибнуть. К несчастию [114] некоторые не понимают такой доблести, и я слышал, как казачий офицер сказал: «это глупо прошибать стену лбом». А я скажу, что если

бы все наши офицеры были Зиновьевыми, то, не смотря ни на какие горы и ни на какое охранение японцев, Куропаткин знал бы точно расположение всех сил японцев. Еще раз слава павшему за родину на поле брани герою.

Считаю уместным сказать несколько слов в предвидении возможных нареканий на меня, вроде следующего: почему п. Дружинин, требуя такой самоотверженности от офицеров нашей кавалерии, сам не попробовал рекомендуемых им же разведок? Почему он, сидя спокойно в Мади, не пошел к японцам, не пролез через их сторожевое охранение и не разведал их сил, к тому же обладая знанием военного искусства и будучи профессором специально по кавалерийским разведкам? Я скажу откровенно, что,—за все время моего пребывания в Мади. меня мучило именно это сомнение, но здравый смысл удержал меня от таких попыток. Во-первых, теперь мне самому кажется, что в Мади было спокойно сидеть, но в то время каждую минуту можно было ожидать партий японцев, если не значительных их отрядов, так как разве они не могли узнать через свою разведку, через китайских шпионов, что в Мади на воздухе висит горсть казаков; следовательно, было достаточно неспокойно; во-вторых, я не имел права оставлять стратегический узел мне вверенный, тем более что не имел никаких оснований доверять моему помощнику. А затем, считая себя вполне способным выносить тягости военных действий (я не был ни разу во время войны настолько болен, чтобы оставлять ряды войск), я все-таки уже не обладал достаточною физическою силою и выносливостью, чтобы проползать несколько суток по сопкам, пешком и без пищи; я знал, что к концу первого же дня сделаюсь лишь обузой для своих спутников. Что делать, в известном возрасте и в известном чине, можно исполнять только соответствующие обязанности, и я не был виноват, что Куропаткин в угоду господам Вороновым, Сахаровым и сим подобным (?), а, по его [115] приказанию, Орановский обратил меня, заслуженного штаб-офицера, в корнета. Если бы я служил нормально, то, занимая подобающую должность, мне и в голову пришло бы мучить себя тем обстоятельством, что я чувствую себя не в состоянии ползать на животе по сопкам среди японских часовых, чего конечно не делали штаб-офицеры армии, а в особенности командиры полков, и в чем им никто не делает упрека. Где же справедливость, и по какому праву так со мною поступали? Теперь, после Тунсинпу, Тасигоу, Бенсиху, Шуншушуйцзы и Мукдена моя совесть успокоилась, ибо никто не имеет права сказать мне, что я когда-нибудь хотел пощадить свою шкуру, но тогда, повторяю, я мучился и завидовал и

завидовал тем храбрецам, которые в состоянии были проникать за черту передовых линий японцев, потому что не был еще под огнем, и моя служба в Мади казалась мне слишком безопасной. Впрочем вообще я поступал правильно, что не отлучался из Мади, так как дальнейшие случаи показали, что из этого могло выйти: 25 мая я уехал оттуда только на 24 часа; там стояла уже не сотня казаков, а целых четыре, с командиром полка во главе; он тотчас же отошел на один переход назад, и мне пришлось вытащить его вперед. Затем с невероятными усилиями я продержал вверенные тому же герою 8 сотен продолжительное время в д. Сандиазе, правда, под некоторым давлением японцев; едва прибыл к этому отряду генерал Греков (Митрофан), тотчас же постаравшийся меня удалить, как немедленно отошел подальше за перевал, где ему казалось безопаснее. Теперь, со спокойной совестью говорю, что я обеспечивал Восточный отряд в Мади своею грудью и поступал правильно, не покидая этого пункта.

С 25-го по 29-е апреля я устанавливал связь с правым флангом отряда, исследовал дороги, перевалы, вообще весь район на правом фланге, освещая фронт перед ним. Присутствие японцев было обнаружено только против центра отряда, ближе к району действий Читинского полка, и потому я предполагал сперва войти в соприкосновение [116] с противником в этом направлении, но так как тут работали Читинцы, то мне предписали стать в самом узле Мади, что я исполнил 28 апреля. Мы следовали по назначению в этот день из д. Тинтей, лежавшей в 15 верстах от Мади. На половине дороги показалась вдали двигавшаяся нам навстречу небольшая колонна пехоты; к сожалению, наш головной дозор не донес о ней ничего, и поэтому мы были несколько секунд в сомнении: противник ли перед нами, или свои. В самом деле, насколько мне было известно, никаких частей Восточного отряда впереди нас быть не могло, а г. Мищенко, с которым мы уже были в связи, пехоты не имел. Однако я скоро различил в сильный бинокль, что дозорные казаки съехались с какими то всадниками, а следовательно наступала наша часть. То были полторы роты, кажется, 24 стрелкового полка, шедшие на присоединение к своему полку, действовавшему в составе Восточного отряда, с этапа Дагушань. Я сказал командиру роты, что мы едва не приняли стрелков за японцев, так как ожидаем скоро войти в соприкосновение с ними, и думаю, что он очень удачно избежал встречи с противником. «Мы знаем, что здесь опасно, молвил капитан, а потому и валяем по 60 верст в сутки, и сегодня уже отмахали слишком 40». Я рекомендовал ему стать на ночлег верстах в 8, в

д. Тинтей, и хорошенько отдохнуть, так как, находясь с казаками впереди, буду его оберегать и во всяком случае успею предварить о японцах, но он не счел нужным следовать моему совету и продолжал также гнать своих людей. Следуя сам дальше, я убедился, что действительно несчастная пехота валяла и махала из Дагушаня, ибо полторы роты растянулись на 5 верст; много солдат едва волочили ноги; десятки отсталых тащились по одному, по два, сидели, лежали—словом совсем выбивались из сил.

Мои казаки скоро расположились биваком близ деревни, называемой на карте Мади, и приняли меры охранения. Я занялся изучением местности, потому что карта была не совсем верна, и надо было выяснить наивыгоднейшее [117] место для наблюдения за многочисленными направлениями. Неожиданно появился казачий офицер и объявил, что сейчас проследует сам генерал Мищенко, который конвоирует роту, высланную им с этапа Дагушань, так как г. Куропаткин, узнав о таком неосторожном распоряжении, страшно разгневался и насыпал Мищенко; и вот последний, опасаясь, чтобы с ротой что-нибудь не случилось, следует теперь за ней с одной сотней, желая непременно лично удостовериться в участи роты. Под вечер прибыл г. Мищенко с сотней и 5—6-ю состоявшими при нем офицерами. Он чрезвычайно сердечно поздоровался с казаками словами: «здорово, славные Уссурийцы»; по ответу и выражению лиц казаков сейчас же можно было заметить, что они очень ценили этого начальника. Ко мне генерал отнесся очень сухо, но я не ожидал иного приема, ибо при Мищенко состоял некий Троцкий (здесь его не было, и конечно, этот вопрос меня не интересовал)—разжалованный из поручиков Гвардейской конной артиллерии в рядовые, за совершенное им против меня в 1902 году гнусное преступление[12]. Мищенко со свитою скушали мои последние запасы (консервы и хлеб) и тронулись дальше вслед за стрелками, хотя я предупредил Мищенко, что они вероятно промахнули очень далеко, и нагнать их трудно. Действительно, генерал не догнал роту даже в 15 верстах расстояния, где остановился на ночлег, и на другой день

[12] Замечательно, что все наши популярные кавалерийские начальники украсили свою свиту офицерами—преступниками и скандалистами: при Мищенко состоял названный Троцкий, приговоренный судом к 6-ти летнему заключению в тюрьме, и вместо этого разжалованный в рядовые; при Ренненкампфе — Жеребков, сосланный на каторгу за убийство своего товарища в Лейб Казачьем полку, сотника Иловайского; при Самсонове — знаменитый своими скандалами в Петербурге и даже за границей, удаленный из Собственного Конвоя Его Величества светлейший князь Грицко Зейн-Витгенштейн-Берлебург. Замечательно также, что эти герои мирного времени на войне себя решительно ничем не проявили, в смысле храбрости и подвигов, и работали при штабах, но не в строю, т. е. в более спокойной и безопасной обстановке.

повернул обратно, считая, вероятно, что более уже [118] не рисковал какими-нибудь неприятностями за последствия своего неосторожного распоряжения. Я остановлюсь подробно на факте конвоирования генералом Мищенко роты, кажущемся может быть незначительным, но на самом деле являющемся историческим по двум данным: как характеристика нашего командующего армией и как факт имеющий огромное влияние на результаты действий конного отряда Мищенко в описываемые дни.

После отъезда Мищенко, мой товарищ по службе в Мади, мрачный есаул, мрачно глядя на догоравший костер, неожиданно изрек такие знаменательные слова: «генерал конвоирует роту, полковник в летучем разъезде; что с нами будет дальше?» Что было дальше, теперь знает весь мир, но тогда вся эта ненормальность отправления службы действительно не предвещала ничего хорошего, и можно было прийти в мрачное настроение.

Что за надобность, что за необходимость для начальника значительного конного отряда, известного и уже популярного генерала, в такую важную минуту, как начало стратегических ходов нашего противника, бросать свой отряд и все порученное ему дело, как то: соприкосновение с противником и его разведку, и задаваться целью пробежать сотню верст, чтобы убедиться целы ли полторы роты стрелков, следовавших, кстати сказать, вдоль линии связи (летучей почты к штабу Восточного отряда), установленной самим Мищенко. Неужели офицеры, объезжавшие эту линию (а таковых я видел сам), или специально наряженная сотня, или разъезд, не могли своевременно донести генералу о благополучии или неблагополучии следовавшей пехоты; наконец, ведь я лично ручался ему за безопасность и целость стрелков и предупреждал, что их командир может уже сегодня очутиться совсем близко от войск Восточного отряда. Следовательно, какая-нибудь особо важная причина вынуждала г. Мищенко скакать за пехотой. А между тем именно в это время вверенный ему отряд начал отступление и уже находился в одном переходе севернее г. Сюяня; чем было вызвано это отступление непонятно, потому что через два или три [119] дня Мищенко опять пошел вперед и находился со всем своим отрядом впереди (южнее) Сюяня. Считая, что японцы заняли Фынхуанчен только 23—24 апреля, нельзя было предположить, чтобы они, при свойственной им методичности и медленности движения, могли угрожать Сюяню с этой стороны, так как их удаляло от него расстояние в 70 верст, т. е. 4 перехода; высадка у Дагушаня (около 50 верст от Сюяня) произошла не ранее 30 апреля. Поэтому ничем не оправдываемое отступ-

ление от Сюяня отряда Мищенко было ошибочно и вредно в двух отношениях; а именно: не наблюдалось направление от Сюяня к Фынхуанчену, и были брошены без всякой разведи окрестности Дагушаня. Потеря 2-х—3-х суток в таком деле, как соприкосновение с противником и его разведка, часто совершенно невознаградима.

Г. Мищенко принадлежит к числу тех немногих наших генералов, которые никогда не думали о том, что не успеют уйти от японцев; он уходил всегда позднее всех и только под напором противника, да и то шаг за шагом; вот почему факт его отступления за Сюянь в конце апреля для меня совершенно непонятен, и причину такого явления я принужден искать в распоряжениях исходивших свыше. Что начальник конного разведывательного отряда, освещавшего важнейшие в ту минуту район и направления, т. е. исполнявшего важнейшую стратегическую разведку,—потерял не менее 3-х суток времени для конвоирования какой то роты — это останется навсегда историческим фактом, ибо не во сне же я видел, что Мищенко ночевал 29—30 апреля в д. Тинтей, в 15 верстах сзади меня, и находился в 50 верстах расстояния от своего отряда, стоявшего в д. Вандяпуза (30 верст севернее г. Сюяня, на направлении Сюянь — Хайчен). Заметим, что этот факт и объясняет до некоторой степени неудовлетворительность стратегической деятельности в то время кавалерии Мищенко: начальника этой кавалерии задергали, загипнотизировали какими то мелочами и пустяками, заставили бросить серьезнейшее дело и отдаться всецело улаживанию инцидента с высылкой Дагушанской этапной команды через район находившийся, [120] как казалось кому то (положим это было отчасти верно), в сфере влияния противника, Но допустим даже, что армия рисковала потерять полторы роты стрелков, что генерал поступил неосторожно, но ведь это уже случилось и следовательно было непоправимо, и никакое конвоирование самим генералом не спасло бы стрелков, если бы на них напали превосходные силы противника; за гибель этих людей и понес бы ответственность их выславший. Отвлекать же все внимание, отрывать от столь серьезного дела, как стратегическая разведка, начальника кавалерии, мучить его такою мелочью, было совершенно нецелесообразно, просто бессмысленно. В этом факте сказывается полная несостоятельность высшей командной власти? Разменивание ее на мелочи и упускание главной цели действий, а при таком характере управления войсками не может быть успеха. С другой стороны, неужели не было известно, что храбрейший из храбрых генерал чрезвычайно осторожен и никогда не потерял даром ни одного казака (это сознание уже тогда жило в

войсках); если он послал стрелков из Дагушаня, то следовательно была некоторая вероятность пройти в Восточный отряд без особенного риска, что и подтвердила действительность, так как они не видели ни одного японца и не слышали ни одного выстрела. Полагаю, что если бы в Ляояне, в последние дни апреля, не страдали бы за участь полутора рот стрелков и больше бы верили г. Мишенко, то пожалуй не было бы затем в мае того неведения относительно передвижений японцев между Фынхуанченом, Сюянем и Дагушанем, которое всем известно, и которое так затрудняло ориентировку нашей высшей командной власти на театре военных действий.

На другой день Мищенко проследовал мимо Мади и остановился верстах в трех на привале. Я сопровождал его, потому что он имел сведения (по слухам китайцев) о нахождении значительных масс японцев между Фынхуанченом и Сюянем, а кроме того мне просто хотелось побыть с боевым и столь популярным уже тогда генералом. Разложили карты, позвали китайцев и расспрашивали [121] их, но места нахождения японцев по карте все-таки определить не могли. Генерал посоветовал мне послать несколько казаков в деревню, которую можно было признать за указываемую китайцами. Я осветил этот район, но так же, как и в другом месте, где мои казаки предполагали нахождение кавалерийского полка противника, японцев не оказалось.

Я провел в разъездной службе более недели, а каждому известно, что эта служба нелегка: постоянная готовность, перемена мест ночлегов под открытым небом, охранение, бдительность; кроме того были постоянные слухи о появлении японцев, и с этим приходилось считаться. В Восточном отряде произошла замена Засулича Графом Келлером, и я попросил Орановского сменить меня из разъезда, надеясь, что, явившись к Графу, который меня хорошо знал, я получу более соответствующее назначение, но 6-го мая я получил от начальника штаба свою вьючную лошадь и категорическое приказание, оставаясь в Мади, наблюдать такие-то направления, и между прочим такое, которое разыскать по карте оказалось невозможным, а на мои запросы о нем мне так и не ответили. Я понял, что моя роль состояла уже не в командовании разъездом, а наблюдательной заставой. Правее нас начали выдвигаться другие части: несколько стрелковых рот и Уссурийский казачий полк (с дивизионом 2-го Верхнеудинского) под начальством Собственного Его Величества Конвоя полковника Абадзиева, с которым я должен был держать связь. Присутствию этого офицера я обрадовался, так как считал его опытным боевым офицером, прошедшим службу у Скобелева

в Турции и Средней Азии. Так как я командовал теперь сотней его полка, то просил подчинить ее ему, и готов был сам поступить в распоряжение этого скобелевца, не смотря на то, что был много старше его в чине (он еще командовал сотней, когда я готовился принять полк). К тому же удобнее было подчиняться командующему полком, чем находиться в какой-то полузависимости от командира сотни, на отношения с которым [122] приходилось смотреть сквозь пальцы, или выгнать его, вон, но... тогда бы вышел инцидент, а этим я никоим образом рисковать не мог.

8 мая Абадзиев с 6-ю сотнями прошел мимо Мади на юг, имея задачей осветить местность между Фынхуанченом и Сюянем; это движение было исполнено быстро и решительно (правда, как говорил мне впоследствии сам Абадзиев, он наступал смело, потому что слева стояла моя сотня, а справа отряд г. Мищенко), но уже 11-го он начал отходить без всякого давления противника, а к 15-му апреля подошел совсем близко к Мади.

8 мая прибыли ко мне два офицера со взводом казаков той же сотни. Один офицер—хорунжий Калмыков, служивший в полку уже год или два, представлял из себя тип ноющего, всем недовольного казачьего офицера, вроде Мунгалова, но, если его сотенный командир все-таки иногда подавал надежду проявлять какую-нибудь энергию, хотя бы под страхом начальства или противника, то этот юноша был совершенно безнадежен. Он интересовался только едой, водкой (заменяя ее ханшином—китайской сивухой, выгоняемой из гаоляна) и сном; да к тому же страдал половой болезнью. Он пел в унисон со своим командиром, поносил того, кого ругал последний, экономно кормил, будучи в отделе, лошадей и людей, конечно берег коней, т. е. не ходил иначе, как шагом. Командир сотни считал его идеалом младшего офицера. Другой прибывший офицер—хорунжий Ефимьев. был типом особого рода. Престарелый полицейский—пристав города Брянска, приехавший на войну добровольцем. Служил в Турецкую кампанию 1877 года в каком то кавалерийском полку нижним чином, был затем несколько месяцев офицером и с тех пор в отставке, помещиком, актером и наконец полицейским; имел многочисленную семью и между прочим двух сыновей офицеров, служивших в Петербурге. Когда этот пятидесятилетний папаша, обладавший генеральским брюшком, сполз с своего уже набитого им [123] на первом же переходе коня, то я подумал, что передо мной по крайней мере штаб-офицер, и был изумлен признать в нем хорунжего. «Что привело вас сюда?» спросил я его, и он ответил: «последняя кампания оставила во мне такое хорошее впечатление

(он в делах не был, а, если и был, то только в увеселительных); я люблю такую военно-походную жизнь и поэтому попросился на войну; мне сперва отказали, но я все-таки добился распоряжения и очень счастлив». Командир сотни конечно не был доволен получить такую обузу, за которой приходилось ухаживать, давать вестовых и кормить еще пару лошадей. Впрочем пристав сразу начал держать нос по ветру и поладил со своим начальством. Позднее я узнал, что этот господин смотрел на свою поездку в Маньчжурию, как на денежное предприятие, позволившее ему, получив тысячи две подъемных и прогонных, уплатить свои долги. К тому же ведь приятнее. было провести год, другой в офицерском мундире, заслужить славу защитника отечества и избавиться от полицейской службы, да еще в такое смутное время, когда это занятие было сопряжено с риском собственной жизни, иногда большим, чем на войне. Я видел его в 1905 году в Харбине, а в 1906-м во Владивостоке, всегда цветущим, довольным и отлично устраивавшимся. Не принеся армии и родине никакой пользы, он стоил несколько десятков тысяч народных денег.

Таким образом я получил двух доблестных лихих офицеров и собрал около сотни казаков, Казалось бы, теперь можно было приступить к более дальним разведкам—до соприкосновения с противником, потому что нужный для этого элемент—офицеры—был налицо. Но всякий и не военный поймет, что рискнуть послать к японцам с разъездом господина пристава значило поступить бессмысленно: можно ли подчинять боевой элемент небоевому, т. е. подчинять обстрелянных и знающих дело казаков человеку, ничего в военной службе не понимающему и только носящему офицерские погоны. Мог ли я рисковать жизнью доблестных защитников родины, [124] призванных законом, и следовательно участью их семей, подчиняя их какому то авантюристу, приехавшему на войну для удовлетворения своих личных интересов, который своим невежеством в военном ремесле неминуемо мог напрасно погубить вверяемых ему воинов. Во всяком случае я считал нужным хотя бы убедиться сперва в храбрости такого господина и конечно не дал ему никакого поручения. Возвращаюсь к сказанному мною раньше (страница 29): если даже признать, что Ефимьев горел желанием принести свою голову в жертву на алтарь отечества, то его следовало назначить в пехоту; там, будучи постоянно на глазах товарищей, действуя под их руководством, он мог принести пользу даже одной личной храбростью, а в кавалерии, где каждый офицер работает самостоятельно, он был только обузой, Но я видел в этом человеке отсутствие военной доб-

лести, отсутствие всякого интереса к делу и какого-нибудь желания быть полезным, а потому вспоминаю о нем с отвращением, как о печальном и негодном элементе нашей армии, которого к сожалению я видел и знал слишком, слишком много.

Попробовал утилизировать другого хорунжего и сразу убедился, что он ни на что неспособен и слишком дорожит своей шкурой. Он был послан в разведку и, возвращаясь, заночевал на передовом посту. К нему с вечера прибилась большая часть рассеянного японцами разъезда Зиновьева, от которой он узнал о тягостном положении последнего. Калмыков не только не принял никаких мер, но не донес мне, а на другой день, явившись, между прочим упомянул и об этом случае. На вопрос: «отчего вы не донесли? Ведь надо было помочь» он ответил: «да они идут сюда и тащат раненого». Я выехал навстречу и узнал, что еще ночью вахмистр с несколькими казаками отправился разыскивать Зиновьева, о чем Калмыков и не знал. Вечером вахмистр вернулся и сообщил, по сведениям от китайцев, о геройской гибели Зиновьева.

Когда Абадзиев проследовал с своими казаками несколько [125] правее меня, то я продвинулся вперед и принял немного влево. На этом марше случилось нечто достойное истории дисциплины нашей армии, а потому и повествую о сем. Мы перешли через невысокий перевал, и сотня шла пешком, ведя коней в поводу. Есаулу вздумалось проехать вперед, и он присоединился к дозорным. Я оставался при сотне, и, миновав спуск, посадил сотню на коней и прибыл с нею в деревню, избранную для стоянки. Прискакал казак и передал вахмистру приказание сотенного командира вести к нему сотню. Я разрешил сотне идти, предполагая, что Мунгалов хочет сам расположить ее на коновязи, и не хотел держать ее на солнцепеке, а есаулу приказал явиться ко мне. Он прибыл весьма не скоро и сделал мне такое строгое внушение: «вы, полковник, позволили себе посадить на коней сотню; по уставу я командую сотней, и следовательно вы нарушили устав; прошу вас знать на будущее время, что я командую сотней, и сделал распоряжение, чтобы впредь казаки исполняли только мои команды, а не ваши». Спросите военных юристов, и они вам скажут, что Мунгалов сделал дисциплинарное преступление, но в нашей армии дисциплина существует только на бумаге, и поэтому дерзость есаула должна была остаться безнаказанной. На самом деле мне следовало немедленно отрешить нахала от командования сотней и отправить его к командиру полка. Но если бы я позволил себе такой инцидент, то конечно остался бы виноват сам же, и вероятно мне не пришлось бы потягаться с японской

гвардией у Тунсинпу и Тасигоу, а я был бы в лучшем случае сослан в тыл армии, а в худшем удален совсем из ее пределов. Кто поверил бы моему докладу о дерзостях, от которых хитрый бурят конечно отказался бы, и вот тому доказательство. Я приказал ему немедленно изложить все сказанное им в рапорте. Он долго писал и подал мне рапорт, в котором было сказано, что, согласно такого то параграфа устава, сотней командует сотенный командир. Я махнул рукой, возвратил рапорт и кажется тогда же решительно попросил [126] Орановского и Абадзиева о присоединении сотни к полку и назначении меня в распоряжение командира полка, ибо не мог выносить гнусной роли зависимости от слишком младшего меня по положению и чину.

14 мая вечером приехал с разведки сотник Сараев отряда Мищенко. Из всех приезжавших до этого времени разведчиков это был единственный, который достиг серьезных результатов, и конечно потому, что бросил коней и несколько суток проползал по горам выслеживая японцев. Он не догадался воспользоваться средствами моей заставы, чтобы возможно скорее послать свои важные донесения во все штабы, так нуждавшиеся в ориентировке. Этот честный и храбрый офицер, пришедший без сапог и совершенно отощавшим, умел работать, но не умел использовать результаты своей работы. Я составил ему донесение, на основании его рассказа, и экстренно отправил его в штаб. Говорят, он получил особую награду за добытые важные сведения; очень был бы счастлив, если помог этому доблестному юноше быт вознагражденным.

Должен коснуться и внутреннего порядка сотни, которой не смел командовать, но которая была в моем распоряжении. Первое время мне казалось, что казаки не только исправны собственно в боевой—полевой службе, но надежны во всех отношениях. Однако пришлось разубедиться. 17 мая высланный в разведку под начальством урядника разъезд донес, что имел стычку с китайцами. Я послал немедленно хорунжего Калмыкова с 15-ю казаками и получил от него донесение, что хунхузы проломили голову начальнику разъезда; затем принесли раненого, а офицер остался ловить злодеев, посягнувших на казаков. Из самого факта происшествия, т. е. проломления головы начальника разъезда, очутившегося почему то в одиночестве в китайской фанзе, без сопровождения другими казаками, можно было подозревать, что не было никакого нападения жителей, а просто грабеж казаков, или посягательство на китаянок. Хотя на другой день Калмыков доставил мне трех связанных китайцев, [127] одно кремневое ружье и допотопную саблю, в виде тро-

феев своей деятельности, даже сам сотенный командир признал, что во всем виноват урядник, и просил меня не докладывать о происшествии командиру полка. В виду того, что в этот день я сдавал командование заставой, а, вместо проломления головы, у урядника оказалась легкая рана от удара дубиной, я отпустил на свободу китайцев и предал дело забвению, ибо из него все равно ничего бы не вышло: командир полка не стал бы делать неприятностей командиру сотни из за каких то китайцев.

Внутренний порядок обрисовывается еще из следующих эпизодов. При сотне состоял в качестве переводчика мальчик китаец лет двенадцати, брошенный своими родителями; он был привязан к казакам, как собака, и они также любили его. Как то раз я услышал плач ребенка; на вопрос о причинах его горести, мальчик смело сказал мне, что он оставил свой кошелек с 30 рублями в помещении вестовых сотенного командира, которые его украли, а за заявление о краже избили. Тотчас выскочил вестовой и объяснил, что мальчик по глупости растерял свои деньги. На вопрос, откуда у мальчика такие деньги, казак ответил, что он берет деньги с китайцев продающих в сотню убойный скот и фураж, как вознаграждение за свои труды переводчика; мальчик же пояснил, что китайцы сами любезно его награждают. Я передал о случившемся Мунгалову и указал, что следует расследовать дело, заключающее факт воровства, факт взяточничества и факт насилия над ребенком. Есаул конечно не пожелал себя утруждать, а китаенок перестал жить с ними и ушел к вахмистру. Оставление без последствий кражи в 30 рублей повело уже к настоящему скандалу... Когда сотня Мунгалова вошла в состав полка, то он пригласил в свое помещение командира 2-й сотни подъесаула Шереметева. Этот офицер уже раз был отрешен от командования, но затем восстановлен. Он производил впечатление человека ненормального: не мог сидеть на одном месте, постоянно бегал из угла в угол, болтал всякий вздор, [128] свирепо обращался с казаками, бил их и совсем не вникал в быт и довольствие своих подчиненных, предоставляя это вахмистру, каптенармусу и фуражиру. Говорят, что он сильно пил, но я этого не видел. Шереметев жил в нашей фанзе и пользовался услугами вестовых Мунгалова, а я перебрался в фанзу командира полка. На другой же день Шереметев пришел ко мне и просил разрешение сделать обыск вещей моего денщика—драгуна, подозреваемого в краже из переметных сумм Шереметева 500 рублей, взятых из лежавших там нескольких тысяч сотенного аванса. Я разрешил сделать обыск, но предупредил, что мой денщик не знает счета деньгам, не различает дней недели и

месяцев года, отказывается брать даримые мною деньги, на том основании, что они ему не нужны, и не раз доказал мне свою честность при расплатах по моим надобностям. Я сказал также, что вестовые Мунгалова обокрали мальчика китайца. Шереметев заявил, что все казаки в один голос показывают на моего денщика. Я посоветовал ему лучше принять решительные меры относительно настоящих воров, иначе он понесет значительный материальный ущерб, но тот стоял на своем. Командир полка назначил дознание, на котором конечно ловкие жулики (один из вестовых Мунгалова даже состоял в разряде штрафованных) оплели честного и неразвитого мужичка, оказавшегося впоследствии и очень храбрым[13]. Мне удалось его спасти от суда во-первых тем, что я изолировал от общей стачки казаков еще неиспорченного юношу, состоявшего при мне конным вестовым, и он опроверг показания лжесвидетелей, а во-вторых, [129] написал военному следователю письмо с подробным изложением всей обстановки дела. Таким образом следствие ничем не кончилось, а деньги пропали, при чем убыток потерпели, как это ни странно, не личные средства виновника—разгильдяя сотенного командира, а экономические суммы Уссурийского полка. При мне Абадзиев объявил Шереметеву, что, вследствие представления им значительных экономических сумм с фуражного довольствия 2-й сотни, он разрешает ему погасить из этой экономии украденные деньги. Пожалуй на войне 500 рублей казенных денег представляют из себя ничтожную сумму; но какой разврат, или лучше, какое проявление командиром полка содействия служебному разврату. Кроме того, что надо требовать от каждого офицера добросовестного отношения к казенному интересу, в данном случае нужно было поставить на вид сотенному командиру, что, швыряя деньги в фанзе, в кобуры седла, он сам вводил в соблазн своих подчиненных и наталкивал их на преступления. По моему мнению, этот сам по себе ничтожный эпизод имеет огромное значение, показывая как вообще низко стояли в нашей армии служебные требования и служебный долг.

Конечно, из всего сказанного о 1-й сотне Уссурийского полка нельзя не вынести впечатления, что она была в порядочном беспо-

[13] Во время Мукденского бегства, рядовой Приморского драгунского полка Федор Саблин, не смотря на сильный обстрел колонны обозов артиллерией, вывел в полном порядке моих лошадей и вьюк, в то время, когда остальные люди бросили двуколки, вьюки и бежали. Было сделано несколько попыток отобрать у него мою вьючную лошадь, чтобы бежать на ней, но, благодаря страшной физической силе Федора, он высвободился от целой оравы обезумевших беглецов. За это усердие я наградил Саблина серебряными часами.

рядке, а между тем она составляла коренную первоочередную часть полка, ибо в мирное время существует только Уссурийский дивизион из 1-й и 2-й сотен, а еще четыре сотни, для развертывания в полк, набираются из льготных казаков. Я сказал выше, что Уссурийские казаки были превосходны как боевой элемент, и действительно они были во всей своей массе сильные, здоровые, находчивые, сметливые, в большинстве храбрые, даже опытные в походе, так как многие участвовали в Китайской войне; но кто же вообще их воспитывал и подготавливал в мирное время? Перед настоящей войной Уссурийским дивизионом командовал полковник Данауров — бывший офицер гвардейской кавалерии, очень скоро покинувший полк и всю свою службу адъютантствовавший [130] при генералитете Дальнего Востока. Он получал огромное содержание, часто бывал в столице, сопровождая своих патронов, двигался по службе раза в три скорее своих сверстников по полку и получил за свою приятную службу часть на правах командира полка. Привыкнув ничего не делать и ни за что не отвечать, не зная совершенно строевой службы, он конечно мог только пользоваться всеми полагавшимися ему правами и преимуществами, предоставляя дело хозяйства своему помощнику— штаб-офицеру, а строевую подготовку командирам сотен. Он не имел, да и не мог иметь никакого авторитета. Его дивизион, а потом полк, в начале войны стоял в Гайчжоу, а потом вошел в состав Корейского отряда г. Мищенко; по дороге в Корею Данауров разболелся, должен был эвакуироваться и умер в Москве, а полк перешел в руки войскового старшины Савицкого, о котором речь еще впереди. Когда Мищенко отвел свою кавалерию на правый берег р. Ялу, Уссурийский полк вышел из под его командования и поступил в состав бригады полковника Карцова, причем его вверили полковнику Абадзиеву. Когда прибыла в окрестности Саймацзы дивизия Ренненкампфа, то бригада Карцова была расформирована: один полк остался у Ренненкампфа, а Уссурийцы вошли в состав Восточного отряда, и, как сказано выше, Граф Келлер выслал его сперва подальше вперед, между Фынхуанченом и Сюянем, а затем оставил на стратегическом узле Мади, как бы усилив мою заставу.

Полковник Абадзиев, родом из осетин, начал службу в Турецкую кампанию рядовым—вестовым при Скобелеве сыне, был им отличаем и произведен в офицеры одного из пехотных полков Скобелевской дивизии; после войны он продолжал состоять при Скобелеве, выдержал экзамен на офицера, отличился снова в Средней Азии, где был ранен. После кончины Михаила Дмитриевича, благодаря

протекции его родни, Абадзиев был определен на службу в Собственный Его Величества Конвой, несмотря на вышедшее как раз тогда [131] распоряжение о приеме в эту часть только и исключительно казаков. Он дослужился к 1904-му году до чина полковника и на войну прибыл с особенным назначением. Не знаю по чьей весьма оригинальной инициативе в полевой штаб Наместника были вызваны отборные разведчики из всего состава драгунской кавалерии Европейской России. Это были обер-офицеры наиболее отличавшиеся своими разведками на маневрах; их послали немедленно, спешно, в мундирах своих полков, с увеличенного размера суточными деньгами (4 рубля вместо 1рубля 50 копеек); всего приехало 10—12 человек, при двух разведчиках из нижних чинов с каждым. Общее начальство над всей этой командой и предполагалось вверить знаменитому герою—скобелевцу Абадзиеву. Но когда весь отборный разведочный элемент, со своим начальником во главе, прибыл на театр военных действий, то обнаружилась полная неосуществимость затеи. Разведчики были потребованы в распоряжение штаба Наместника но разведка все-таки дело боевое, а ни Наместник, ни его штаб в Мукдене не воевали; войну вел полководец со своим штабом из Ляояна. Не мог же в самом деле штаб Наместника высылать из Мукдена за тридевять земель свои специальные офицерские разъезды, ибо он не руководил операциями и не мог заправлять боевой разведкой; наконец ведение разведкой помимо командующего армией просто нелепо[14]. Пришлось вытребованный для себя полевым штабом Наместника дорогой материал [132] подарить армии, но тут то и обнаружилась вся нелепость затеи. Один офицер, с одним—двумя нижними чинами, обыкновенно не ходит в разъезд, а берет с собой целый состав разъезда; следовательно, и прибывших офицеров—разведчиков надо было снабжать конными нижними чинами из бывших на театре военных действий частей. Но как же вдруг прислать в казачий полк, или драгунский, какого то никому неизвестного офицера и доверить ему команду нижних чинов, которых он не знает, и которые его не знают, только потому,

[14] Мне кажется, что можно объяснить возникновение всей этой нелепой затеи. Наша армия вообще страдала несовершенством организации всякой полевой службы войск (знали только мирно-парадную и муштровку, да и то не совсем), а у большинства крупных начальников, даже из генерального штаба, не существовало ясного представления о способах выполнения разведки; знали только, что главным образом разведывает кавалерия, что она ведет разведку офицерскими разъездами, и что руководить разведкой должен штаб высшего начальника. А так как на театре военных действий высшим начальником являлся Наместник, то кто то и придумал снабдить -его полевой штаб органами разведки, выписав для этого отборных офицеров-разведчиков.

что кто-то патентовал его на маневрах? Почему офицеры полка не могут выполнить того же? Разве это для них не обидно? Легко ли командирам полков и сотен отдавать своих детей в незнакомые руки? Из та- ких затруднений вышли, прикомандировав патентованных разведчиков к казачьим полкам, т. е. влив их в состав полков, где они и должны были нести службу наравне с непатентованными офицерами, с той лишь разницею, что они получали большее содержание А это было совсем неприлично! На каком основании, исполняющий совершенно те же обязанности казачий офицер Сибирских полков, или прибывший в их состав по собственному желанию доброволец, должны были быть оплачиваемы за риск своей головой меньше—дешевле, чем присланный для какой то специальной разведки драгун из России? На моих глазах работали три таких патентованных офицера, и только один из них проявил себя выдающимся, хотя были все-таки искуснее и самоотверженнее работавшие из среды не патентованных; один оказался не только неудовлетворительным, но позорным, один совершенно заурядным; еще один, будучи в дороге на театр военных действий произведен в штабофицерский чин, в разъезды, т. е. для чего именно был прислан, ходить не пожелал. Впоследствии всех патентованных, без всякого запроса об их желании, перевели в штат казачьих полков, и тогда наконец додумались лишить их добавочного содержания.
[133]

ГЛАВА VII.

Действия в составе Уссурийского казачьего полка в роли: не то начальника штаба 4-х сотен, не то полкового адъютанта, с 18-го мая по 20-е июня.

17 мая Абадзиев, пригласив меня к себе, объявил, что получил приказание занимать Мади; находившаяся в моем распоряжении 1-я сотня Мунгалова войдет в состав полка, а я имею поступить в его распоряжение. Выше сказано, что одна сотня Уссурийского полка была в составе отряда Мадритова, а еще одна держала летучую почту, состоя в распоряжении штаба Восточного отряда. Дивизион 2-го Верхнеудинского полка стал правее и севернее нас в д. Сандиаза, а пехота (батальон стрелков) отошла еще дальше, за Тхазелинский перевал. Итак с 18 мая мне предстояло быть в роли начальника штаба только что произведенного в полковники Абадзиева, командовавшего 4-мя сотнями, а между тем еще в мирное время я был 2 года начальником штаба дивизии и одно время даже сводного кавалерийского корпуса. Но надо было по воле Куропаткина прохо-

дить службу с начала: я уже был начальником разъезда, заставы, а теперь обращался в полкового адъютанта.

Прогулка 4—5-ти сотен (3 Уссурийских и 1 или 2 Верхнеудинских), под начальством Абадзиева, к линии Фынхуанчен-Сюянь не принесла никаких результатов, ибо ни штаб Восточного отряда, ни главная квартира в Ляояне не узнали, происходит ли какое либо передвижение сил противника между названными стратегическими пунктами. В действительности у Фынхуанчена происходило сосредоточение армии Куроки, имевшего целью наступать на Ляоян по нашей этапной дороге, т. е. по любезно разработанному и разрабатываемому нами пути; через Сюянь же шли японские войска армии Нодзу, высадившиеся в Дагушани и имевшие задачей двигаться в разрез между нашими Южной и Восточной группами, на Далинский перевал, к которому Куропаткин поспешно строил от [134] станции Хайчен железную дорогу, т. е. опять-таки стремился облегчить наступление своему врагу. К 15-му июля инженер В.-Китайской дороги Бочаров выстроил около 50 верст готового для укладки рельсов полотна и уложил 6 верст пути от станции Хайчен. Кроме того, японцы передвинули из Фынхуанчена к Сюяню одну гвардейскую бригаду. Конечно, противник держал энергичную связь между этими пунктами и принимал меры против ее прорыва. А так как японцы были вообще очень бдительны и не скупились на наряды передовых сторожевых частей, то проникнуть за их линию отдельные слабые разъезды наши не могли. Если бы Абадзиев, в своем поиске, рискнул бы спешенным боем отряда, то вероятно ему и удалось бы выяснить кое что, но на такой риск он был совершенно неспособен. Отозвание его в Мади делало разведку этого важнейшего направления уже совершенно затруднительной, так как отдаляло казаков от противника на 30 верст, и японцы не преминули выдвинуть вслед за нашим отходом свои сторожевые наблюдательные части. Впрочем думаю, что отступление к Мади было совершено более по личной инициативе Абадзиева, чувствовавшего себя очень нехорошо в более близкой сфере к противнику; теперь же ему приходилось только взять на себя выполнение назначения моей заставы, т е., занимая узел путей отходящих от Сюяня и Фынхуанчена к правому флангу Восточного отряда, обеспечивать последний предупреждением о возможном обходе противника, освещая перед собою район местности шириною верст в 15.

Я сказал выше, что правее и сзади нас, верстах в 15—20, стал дивизион 2-го Верхнеудинского полка, действовавший в правой половине нашего района, ведя разведку совершенно самостоятельно;

его разъезды и даже целые сотни болтались между, но больше за нашими передовыми постами, совершенно зря, иногда мешая Уссурийцам выполнять свои задачи. Почему не было объединено начальство в одном и том же районе над двумя конными частями объяснить не трудно: по полному непониманию [135] и неумению начальника штаба Восточного отряда Орановского правильно организовать и вести разведку.

В первые дни прихода Абадзиева в Мади обстановка и деятельность не изменились; я посылал ежедневно вперед для освещения 2 разъезда под начальством урядников; теперь стали посылать по 2, иногда по 3 офицерских разъезда, требуя от некоторых доходить до противника и разведывать его силы; кроме того, вместо одного передового поста, держали два. До 25 мая ни один разъезд не разыскал японцев, кроме одного, на деятельности которого я остановлюсь подробно. 18 мая явился в полк корнет драгунского полка Михаил Юзефович. По происхождению литовский татарин, маленького роста, коренастый, с большою физическою силою, нервный, с необыкновенно живым взглядом и выражением особенной решительности на лице, этот офицер сразу производил незаурядное впечатление. Он объяснил мне, что с большим трудом, только по прошению на Высочайшее Имя, ему удалось добиться отправления на войну, так как, когда он явился Военному Министру, то г.-а. Сахаров хотел его посадить под арест. Вскоре я узнал, что Юзефович за 4 года своей службы переменил два полка, имел неприятности с обществом офицеров, был под судом, отсидел в крепости и отставлен от производства в следующий чин. Вдогонку за ним пришла в армию из главного штаба бумага с предписанием особенно следить за этим офицером и, в случае какой либо провинности, не щадить. Меня чрезвычайно заинтересовал этот юноша, уже так много испытавший на своем кратком служебном поприще, тем более, что он казался в высшей степени интеллигентным, развитым, интересовавшимся военными действиями и вообще воспитанным и симпатичным. Я знаю, что в полках иногда гибнут молодые офицеры с самостоятельным характером, не способные на компромиссы и сделки с развратной рутиной господствующей в офицерской среде, имеющие несчастие беспокоить начальство своими инцидентами; знаю также какие бывают пошлые и глупые суды общества офицеров; [136] а потому все, казалось, позорившее службу мирного времени Юзефовича не имело в моих глазах никакого значения. Его выдающаяся доблестная деятельность и геройская кончина на поле брани показывают, что я не ошибся.

В день прибытия Юзефовича, от полка посылалась партия охотников—пеших казаков—для дальней разведки Синхайлинского перевала, где иногда бывали посты наших сторожевых частей, выдвинутые левее нас, а иногда появлялись (по слухам) японцы... Юзефович явился к командиру полка и просил разрешение участвовать в разведке, но Абадзиев сухо и резко оборвал его: «Ваша очередь еще не наступила, и тогда вы пойдете, а теперь это лишнее». Подобное отношение к делу службы и к офицеру было глупо и вредно:

1. Офицер горел желанием действовать; зачем же было ему препятствовать, тем более, что на такие опасные предприятия, как поиск к противнику, желающих и напрашивающихся не было; шли только по наряду, и, ух как строго следили за очередью, чтобы не пойти лишний раз. Конечно, строгое соблюдение очереди между офицерами, для посылки в опасные разведки, есть вредная рутина; нельзя посылать постоянно одних и тех же, напр. лучших, более храбрых и способных, или предпочитая рисковать жизнью тех, а не других: надо утилизировать всех в равной степени, но допустить обязательную очередь, которую нельзя было бы нарушать, безнравственно; начальство имеет право посылать и наряжать кого угодно и сколько угодно, и никто на это претендовать не смеет. К сожалению у нас соблюдалась очередь, и на ней выгадывали только плохие элементы, умевшие изощряться попадать в более легкие и безопасные места, а в критическую, трудную минуту все равно хватались за лучших, более добросовестных, и об очереди забывали.

2. Юзефович только что прибыл на театр военных действий, и каков он оказался бы в разведке было неизвестно, тем более что он не был знаком с гористою местностью и не служил с казаками; разве не [137] полезно было удовлетворить его просьбу и послать при других офицерах (их было назначено два, из коих один, хорунжий Кузнецов, пользовался вполне заслуженным особенным доверием командира полка), не в роли самостоятельного начальника, что случилось не далее, как дня через два, а подчиненного, как бы обучающегося; этот опыт был полезен для службы, для юноши и для меньшей братии, жизнь которой ему приходилось доверять, как офицеру. Но Абадзиев отказал Юзефовичу и, странное дело, с этой же минуты начал чувствовать и даже выражать какую то ни на чем не основанную неприязнь к своему самому лучшему офицеру, посланному ему на помощь самою судьбою.

20 или 21 мая Юзефович был послан по очереди в разъезд в самую пересеченную местность, без торных дорог, до соприкосновения с противником. Он внимательно выслушал задачу и немедленно

выступил со своим разъездом. На другой день я получил от него донесение, сразу показавшее, что он понимает свое дело, а именно: представлено отчетливое кроки всей пройденной местности и сообщено, что, пройдя верст 20 и узнав, что противник еще далеко, а также убедившись, что кони составляли только обузу, он отправил весь состав разъезда назад и пошел вперед пешком с двумя спешенными же казаками. Конечно затем присылка донесений прекратилась; отважный офицер пропадал 4 суток и вернулся только 25 мая, приведя с собой целый обоз—6 запряженных арб с фуражом, который китайцы поставляли японцам. Вот его похождения. Пройдя большую половину расстояния, отделявшего противника от нашего расположения, стали попадаться транспорты китайских арб, шедших в направлении к японцам. Юзефович выяснил, что это были поставки китайцами противнику продовольствия и фуража, а потому он сжег два таких обоза в присутствии толпы китайцев. Когда я впоследствии высказывал ему, что таким способом действий он себя обнаруживал, он совершенно резонно возразил мне: «я двигался вперед только ночью и зигзагами; привлечь [138] внимание противника к месту такого происшествия мне было выгодно, потому что я уходил затем далеко в сторону». Вот как он рассказывал о своем неожиданном столкновении с японцами: «Подойдя к расположению противника я карабкался по самым неприступным сопкам, выбирая наиболее лесистые, и наконец достиг долины, где ожидал найти японцев, Передо мною лежала большая деревня. Оставив на опушке казаков, я пошел к стоявшей у окраины деревни толпе китайцев, поднявшей страшный шум и крики при моем приближении. Я не хотел идти назад, чтобы китайцы не подумали, что я их боюсь, и потому быстро приблизился к ним. Толпа раздалась, и вот что я увидел: по улице деревни мне навстречу шла фигура офицера, хотя может быть это был и японский солдат; далее виднелась фура или экипаж, запряженный довольно рослыми лошадьми; мы оба, т. е. японец и я, мгновенно остановились, и тотчас же я повернул назад и во все лопатки побежал в лес, из которого вышел, слыша сзади себя тревожные сигналы и свистки. Мои казаки уже заметили несколько японцев, мывшихся в ручье близ деревни. Мне удалось спрятаться в каком то заброшенном строении, мимо которого пробежало несколько японских солдат и проехал офицер на серой лошади, вероятно предполагая, что мы ушли дальше. Мы отсидели так до ночи, когда пробрались назад, а затем, захватив на полудороге арбяной китайский обоз, я благополучно добрался до расположения полка»». Абадзиев приказал купить заключавшийся в арбах фураж и отпустил возчиков на свободу.

Нельзя не считать результаты разведки Юзефовича очень важными, ибо противник был найден, причем определилось, что на протяжении 30 верст к юго-востоку от нас его совсем не было: наконец обозначилось, что в направлении сделанной разведки противник не только не предпринимает что либо активное, но даже охраняется недостаточно бдительно, а также, что он спокойно занимается сбором запасов в районе перед нашим расположением. Затем офицер проявил предприимчивость, [138] настойчивость и искусство, не говоря уже про выдающуюся храбрость.

Мы получили известие, что Граф Келлер приедет 26 мая на позиции Модулинского перевала, в штаб 6-й стрелковой дивизии, и Абадзиев поручил мне съездить туда и выяснить некоторые вопросы по нашей деятельности. Лично мне хотелось повидаться с Графом, отлично знавшим мою службу мирного времени. Я надеялся получить более соответствующее назначение. Выехав под вечер, я заночевал в обозе Уссурийского полка, стоявшем близ д. Тинтей, в 15 верстах сзади нас. При обозе находились офицер им командовавший и чиновник—делопроизводитель по хозяйственной части полка; на их попечении находилась масса побитых строевых лошадей как вы думаете, что еще?—полковое знамя Уссурийского полка. Я знал об этом, так как Абадзиев сам заявил мне, что, ради безопасности и целости, держит полковое знамя в обозе. Я тогда же высказал ему, что совершенно не понимаю такого взгляда, и если бы сам командовал полком, то конечно никогда не доверил бы священной регалии обозу, уже только потому, что обоз вообще есть самая менее боевая часть полка (пример Тюренчен), и настойчиво советовал взять знамя в сотни. При обозе находился всего один офицер, и если бы с ним что-нибудь случилось, то кто же остался бы при знамени? Наконец отсылка знамени из боевых линий в тыл должна была . действовать деморализующим образом на казаков, намекая на неуверенность в своих силах и на страх перед врагом. Позднее мне удалось убедить Абадзиева взять знамя из обоза, но зато сколько раз он упрекал меня что я связал ему знаменем руки и поставил его в затруднительное положение. Из дальнейшего описания будет видно, что, если мы и могли ожидать боя и даже неожиданного нападения противника, то все-таки ни разу не были в таком положении, что можно было опасаться потерять знамя; такое опасение возникало только в больном воображении Абадзиева, и я всегда смеялся над ним. [140]

С рассветом следующего дня я продолжал путь. Отъехав несколько верст, встретил есаула казачьего полка дивизии Реннен-

кампфа (Гулевича), сообщившего мне, что еще вчера японцы начали наступление по большой этапной дороге от Фынхуанчена и атаковали стрелков у д. Уалюнди. По его рассказу выходило, что японцы находились уже много севернее расположения Уссурийского полка, а потому, узнав, что Гулевич скоро повернет на юг, я взял с него слово, что он сегодня же передаст Абадзиеву все свои сведения. Однако мне показалось очень странным, что разъезд, высланный из отряда Ренненкампфа к противнику, находится совершенно в стороне от района действий своего отряда (на 80 верст), при этом вовсе не имея задачей поддерживать связь, а исключительно разведывать противника. Странный способ разведки противника, выдвигаясь не в направлении к нему, а в сторону, и следуя в тылу сторожевых частей соседних войск. Вообще офицер показался мне подозрительным, и поэтому, не доверяя ему, я, доехав до первого поста летучей почты, послал Абадзиеву донесение. После полудня я прибыл в д. Цунвалихэ, в штаб дивизии, где тотчас узнал, что Граф Келлер не приедет, вероятно будучи обеспокоен наступлением противника. Мне нужно было покормить лошадей, а потому я пробыл в штабе дивизии несколько часов и удостоился приглашения к обеду— очень роскошному, приготовленному в ожидании Его Сиятельства, что для человека, более месяца питавшегося вареной говядиной и лепешками из муки, было очень приятно. За обедом играл оркестр музыки, а к концу его принесли одного раненого, по случаю чего г. Романов произнес речь, при чем обнаружил свое полное неумение разговаривать с солдатами. Пошли рассказы о каком то особенно удачном для нас деле, в котором стрелки положили много японцев и в особенности их лошадей, но на деле оказалось, что все наши передовые части отступили, и Граф был очень недоволен. В этом первом, вероятно разведочного характера, наступлении японцев сказалась резко деморализация войск Восточного отряда [141]

Тюренченом: они не выдерживали даже слабого напора противника и немедленно подавались назад.

Я с некоторым удивлением смотрел на начальника 6-й дивизии г.-л. Романова, заменившего г.-л. Трусова, удаленного за провинности в Тюренченской операции; следовательно и его дивизия не могла отличится, а во всяком случае, принимая участие в Тюренченском поражении, конечно нуждалась в хорошем, испытанном начальнике. Но, почему остановились на Романове, не понимаю. Он служил в саперах и в Турецкую кампанию 1877 года получил офицерский георгиевский крест; затем никогда более в строю не был, а просидел в главном инженерном управлении, т. е. был военным чи-

новником, и наконец получил в командование военную электротехническую школу в С.-Петербурге, главная обязанность коей состояла в освещении электричеством дома военного министра Ванновского, находившегося в ближайшем соседстве со школой, по Садовой улице; вероятно это последнее обстоятельство вообще способствовало прочности карьеры Романова. Он пожелал ехать на войну, и вот никогда ничем не командовавшему, в смысле строя, генералу дали сразу деморализованную дивизию, вероятно для приведения ее в порядок. Он вступил в командование дивизией в двадцатых числах апреля и прокомандовал ею до 10 июля, когда, будучи сброшен лошадью, сильно расшибся и эвакуировался в Россию по расстроенному состоянию здоровья. Романов участвовал в бою под Янзелином при наступлении графа Келлера, но неприятеля не видел, потому что, по диспозиции Орановского, командовал войсками заранее назначенными для прикрытия нашего отступления на случай неудачи (и так писались диспозиции Орановским!!!). Прикрывать отступление не пришлось, потому что, хотя японцы и разбили нас, но не преследовали. Таким образом о деятельности Романова на театре военных действий можно сказать, что она была весьма кратковременной и совершенно бесполезной для Русской армии, благодаря несчастной случайности падения с лошади. Мог ли бы он в дальнейшем принести пользу, судить [142] не берусь, но против этого говорит его предшествующая служба, лишившая его всякого опыта полевой деятельности и жизни с войсками, знания солдата и офицера, а также факт всеобщей ненависти, которую он возбудил к себе среди своего штаба и офицеров полков дивизии (про солдат не знаю). Но с другой стороны, за г. Романова говорит то, что он был требователен и настойчив, а таких начальников в нашей армии сейчас же начинают ненавидеть офицеры, а в особенности генеральный штаб. Я пробыл только несколько часов в штабе дивизии и сейчас же понял в чем было дело. Оба офицера генерального штаба, бывшие тогда налицо, стремились уйти от Романова. В конце июня месяца открылась вакансия начальника штаба другой дивизии Восточного отряда (3-й), и тотчас же пошло представление о переводе на эту вакансию подполковника Одишелидзе. Спрашивается есть ли какой-нибудь смысл в таком переводе и особенно в военное время? Во-первых перемена одного начальника штаба дивизии неизбежно заставляет назначать человека нового, которому нужно некоторое время, для ознакомления со своим начальником, штабом, войсками, действиями дивизии, задачами, местностью; все это может случится именно в критическую минуту какой либо операции, или даже боя.

А перемещение в отряде (корпусе) из одной дивизии в другую п. Одишелидзе распространяло невыгодную случайность на обе дивизии. Следовательно, оно вызывалось не пользою службы, а наоборот приносило ей существенный вред и объяснялось лишь удовлетворением желания офицера генерального штаба избавиться от неприятного ему начальника, во избежание инцидентов. Но снисходить к таким личным удобствам во время войны значит не воевать, а шутить. Я понимаю, что отношения между начальником и подчиненным могут дойти до пределов возможного и терпимого, но тогда один из них виноват, и с ним надо поступить по закону, т. е. удалить, сместить, судить, но конечно не устраивать.

Старшим адъютантом штаба 6-й дивизии был генерального [143] штаба капитан Серебряников. Как бывший, правда очень недолго, его начальником в мирное время, я считал его удовлетворительным офицером, но мне сообщили, что он также не поладил с Романовым. В этом инциденте становлюсь всецело на сторону г. Романова. После Янзелинского боя начальник дивизии послал Серебряникова разыскать один батальон, но он его не нашел и был конечно не особенно приветствован Романовым; вышло обоюдное неудовольствие, и Серебряникова переместили в другое место служения. Оригинальное разрешение служебного промаха! Батальон не был уничтожен, не был взят в плен, не бежал с поля сражения, а следовательно не мог находиться далее десятка верст (и то предполагаю слишком большое удаление) от поля сражения. Как же мог офицер и еще генерального штаба не найти этого батальона? Оправданием могли быть смерть, ранение, или болезнь, лишающая сил для исполнения поручения; если же этих причин не было, то офицер генерального штаба подлежал прежде всего изгнанию из генерального штаба за неспособность выполнения задачи, доступной всякому чину армии, а пожалуй и преданию суду, за неисполнение приказания, ибо сие неисполнение пахнет боязнью за свою шкуру.

Приехав в штаб В. отряда, в д. Ляньшангуань, т. е. в то же место, откуда я выступил с разъездом месяц тому назад, я не застал Графа Келлера, бывшего на позиции. Он вернулся в 10 часов вечера, принял меня любезно, пригласил ужинать и затем повел в свою ставку, где просидел со мною в беседе полтора часа времени. Главною своею задачей я считал выяснение вопроса о способе продолжения ведения разведок противника. Лично я предлагал не ограничиваться высылкою слабых офицерских разъездов, а наступать иногда 2—4-мя сотнями и стараться прорвать линию сторожевого охра-

нения, вступая в спешенный бой, или даже, не прорывая, заставлять японцев показывать какие они могут сосредоточивать против нас в различных пунктах силы. Если же мы имели дело только со слабыми постами, [144] то конечно могли бы заглянуть и за них. Разведку только офицерскими разъездами, хотя бы и добросовестно веденную пешком и такими молодцами, как Юзефович, Бровченко, Кузнецов, Карнаухов и др., я считал недостигавшею серьезных результатов, так как удавалось только определить линию сторожевого охранения противника. Помню, что тогда же высказал идею о необходимости сформирования, вместо конных, пеших охотничьих команд, или же назначения для усиленных разведок целых рот пехоты. Орановский замял этот разговор, и потом я узнал почему. Пешие охотничьи команды в полках Восточного отряда уже формировались, и существовало предположение назначить меня их начальником, с поручением производства ими деятельных разведок, но вероятно мое состояние в разряде штрафованных не допускало такой неосторожности, или вернее нетактичности.

Я предлагал Абадзиеву заняться разведкою посредством найма китайских шпионов, для чего было необходимо иметь переводчика. При Уссурийском полку имелись три субъекта, услугами которых мы пользовались в этом смысле, но все они были неудовлетворительны. Лучшим переводчиком был казак 3-й сотни, природный китаец, но он обслуживал потребности сотни, и Абадзиев ни за что не соглашался отобрать его от сотни, тем более, что он был фуражиром; уже знакомый читателям, по описанию воровства в 1-й сотне, мальчик китаец был слишком молод и глуп; наконец специально нанимаемый полком переводчик кореец не говорил по-русски, а только мы- чал, и понимать его было невозможно. Непонятно зачем его держали при полку и, позволяя только обирать китайцев, платили ему огромное жалование. В виду всего этого я просил дать нам переводчика из штаба отряда.

Граф Келлер разрешил предложенные мною вопросы так: он нашел, что деятельность, проявляемая Уссурийским полком, его удовлетворяет, что усиленных разведок с перестрелками он не желает, а следует продолжать высылку офицерских разъездов. Переводчика он приказал мне назначить из числа состоявших при [145] штабе—корейца, отлично владевшего и русским и китайским языком, при чем оставил его на иждивении штаба отряда. Последняя мера казалась мне совершенно лишней, потому что полк мог нанять этого переводчика на свой счет, отпустив совершенно не нужного своего. Когда я кончил доклад по службе Уссурийского полка, то

спросил Графа, оставляет ли он меня в распоряжении Абадзиева. Он ответил: «оставайтесь и, должен вам сказать, что в настоящее время у меня не предвидится для вас иного назначения». Увы, тон его слов и смысл показали, что ожидать мне было нечего: Граф также считал меня в чем то провинившимся и не желал оказывать мне доверия.

С тяжелым чувством ушел я на ночлег, к приютившему меня врачу Красного Креста Диканскому. Я познакомился с этим достойнейшим человеком на пути следования из Ляояна к Засуличу, и он почему то особенно дружелюбно ко мне относился. Всегда буду вспоминать с благодарностью этого доброго человека, день и ночь трудившегося самоотверженно при своем летучем отряде.

На другой день нужно было разыскать и дождаться переводчика, получить на него деньги. Все это зависело от исполнительности чинов штаба, а этот достойный орган достойного Орановского отличался особою неаккуратностью, да кроме того любой заурядчиновник любил заставить почувствовать свою власть и силу, или вернее попрактиковать свое нахальство. Утром я уже слышал разговоры о спешном отступлении Абадзиева из Мади, но по-видимому серьезного значения этому отступлению не придавали, потому что на прощание Граф приказал мне передать полку и его командиру благодарность за службу; ну, а за только что совершенную ретираду Абадзиева благодарить не стоило.

Я не рассчитывал доехать в один переход до расположения полка, потому что собственная лошадь сопровождавшего меня переводчика была очень плоха, но мне хотелось присоединиться к казакам возможно скорее, в [146] виду того, что у них было дело с противником, и я надеялся на его продолжение. В виду сего я выбрал несколько более кружную дорогу, но без перевалов, и вероятно доехал бы в тот же день, так как Абадзиев находился на 15 верст ближе, чем я его оставил, но к несчастию я встретился с высланным им разъездом (в свой тыл—спрашивается зачем и для чего?!). Очень хороший разведчик, хорунжий Карнаухов, на этот раз сплоховал, уверив меня, что его казаки знают кратчайшую дорогу, оказавшуюся на самом деле и не кратчайшей, а главное с десятком самых неразработанных и крутых перевалов, так что нам почти все время пришлось идти в поводу. Бедняга страшно огорчался, бежал впереди, разыскивая д. Чинчинзу, но привел меня в нее только ночью. Здесь мы заночевали и сошлись с другим разъездом Уссурийцев под начальством патентованного разведчика штабс-ротмистра Абсеитова. Командир полка уже был им крайне недоволен, потому что он

никогда не мог доложить куда попадал со своим разъездом, и какова была обстановка его действий. Теперь он сообщил мне, что был послан для розыска противника, дошел до какой то деревни, где узнал от китайцев, что вблизи были японцы; он послал в указанное место урядника с частью казаков, а сам, считая свою задачу исполненной, пошел назад. Не имея никакого официального положения при полку, я не стал вразумлять Абсеитова, что он не только не исполнил своей задачи, но поступил довольно малодушно, что я думаю понятно всем и каждому. Я доложил то же самое на другой день Абадзиеву, выслушавшему одинаковый доклад от самого офицера, но он оставил этот поступок даже без внушения.

В 7 часов утра 28 мая, присоединившись к полку в д. Тинтей, я прежде всего просил рассказать о бое 26 мая, и узнал следующее: застава или разъезд, выдвинутые из Мади к Синхайлинскому перевалу, донесли о наступлении японцев. Абадзиев выдвинулся с полутора сотнями; японцы наступали сперва долиною, а затем и ее берегами, [147] в числе 400—500 человек пехоты. Не желая ввязываться в упорный бой, Абадзиев отошел к Мади под вечер, а затем ночью отошел еще на несколько верст, и наконец на следующий день занял д. Тинтей. На вопрос, занято ли противником Мади, мне сказали, что это неизвестно (всего 15 верст расстояния). Потерь ранеными кажется не было, но пропало 2 или 3 молодых казака, бывших в боковом дозоре, в чем обвиняли кого то, но вообще их исчезновение было непонятно и осталось невыясненным. Я не удивлюсь, если этого факта и совсем не было. Такое описание отступления (а не перестрелки, потому что по-видимому ее и не было), сделанного спешно, ночью, при полном отсутствии соприкосновения с противником, напоминало Тюренчен и его панику. Вероятно японцы, предпринимая поиск по главному направлению от Фынхуанчена к Ляньшаньгуань, выслали на свой левый фланг какую-нибудь партию разведчиков, наступавшую на Синхайлинский перевал. Этого оказалось достаточным, чтобы 4 сотни славных казаков немедленно ретировались назад, бросив всякое соприкосновение с противником— настолько, что только 30 мая мы убедились, что японцы никогда и не входили в Мади. Во время Ляоянских боев офицеры Уссурийского полка сознались мне, что 26 мая не было не только 500 японцев, но вероятно и 50 человек, и весь полк не понимает, почему Абадзиев увел их назад; что отступать было нечего, ибо японцы показались только близ Синхайлинского перевала и не наступали, что на всех отступление произвело удручающее впечатление, и они потеряли с этой минуты всякое доверие к командиру, но тогда не реши-

лись мне обо всем рассказывать, считая меня другом Абадзиева. Кажется Граф Келлер остался недоволен отступлением Уссурийцев и кроме того поставил на вид Абадзиеву высылку им разъездов в свой тыл, а не к противнику (оба, которые я встретил). Он предписал выдвинуться вперед, но исполнение сего приказания Абадзиевым было довольно оригинально, потому что сперва он подался всего на 8 верст, и только к 5-му июня мне удалось уговорить его опять занять Мади (собственно д. Куандепузу). [148]

Мы простояли здесь до 14 мая. Обстановка оставалась прежней; только японцы несколько продвинулись передовыми частями на север по направлению Сюянь—Мади—долина д. Сандиазы, так что наша правая застава находилась в некотором соприкосновении с противником, а высылавшиеся в этом направлении разъезды имели иногда перестрелки и понесли небольшие потери: 1 раненый офицер, 2 раненых казака и 3 убитых лошади. На биваке мы имели часто ложные тревоги, потому что Абадзиев приказывал седлать при малейшем тревожном симптоме, напр. если ночью кто-нибудь сообщал, что видел на дороге промелькнувшую тень человека.

Итак мы добывали скудные сведения о противнике исключительно искусством и храбростью наших офицеров и притом самых младших, потому что ни сотенные командиры, ни штаб-офицеры в разведке не участвовали. Посмотрим как организовал ее глава Уссурийцев. Обыкновенно перед высылкой разъездов Абадзиев советовался со мною; затем, с помощью адъютанта, ведшего очередь всех нарядов, назначал офицеров, призывал их к себе и ориентировал; вот эта ориентировка и портила обыкновенно все дело: он забывал многое из того, что я ему указывал, или все перепутывал, и обыкновенно ставил свои требования слишком туманно, и чаще всего у него выходило следующее напутствие разведчику: «поезжайте туда то, посмотрите, а если встретите японцев, то уходите назад, а главное не имейте потерь». Давать инструкции в таком тоне довольно странно. Конечно каждый разъезд, посылаемый до противника, чтобы его ощупать, может легко погибнуть (погиб же и такой выдающийся искусный офицер, как Юзефович), но где лес рубят, там щепки летят, и без потерь на войне не обойдешься. Давая же развратное указание прежде всего избегать потерь, Абадзиев портил все дело. Были офицеры исполнявшие свой долг сознательно, честно, с интересом, но были и слабые, малодушные. С несовершенством человеческой природы надо считаться, и необходимо принимать против него меры, а [149] потому начальник должен быть неумолим в своих боевых требованиях и отдавать свои прика-

зания определенно и твердо. Я допускаю, что, посылая против бдительного, искусного противника, на неблагоприятной местности, офицера рисковать своею жизнью, его можно жалеть, но высказывать это при нем, даже намекать, преступно, и такое поведение доказывает отсутствие настоящего военного духа. Офицер в разведке исполняет самую трудную и опасную службу, пропадает на несколько суток и постоянно находится на волосок от гибели; такое дело естественно исполняется не всеми одинаково хорошо уже потому, что не все одинаково искусны и талантливы, предприимчивы и храбры; кроме того, результат разведки зависит от счастья, удачи: иному повезет на неудобной местности, а иной попадется впросак и на более подходящей; против одного окажется противник вялый, небдительный, против другого—энергичный и осторожный. Поэтому часто нельзя сказать, что если у такого-то офицера результаты разведки лучше, то он лучше работает, благодаря умению или энергии. Но руководство таким серьезным делом, как разведка конными или пешими офицерскими партиями, может быть возложено только на лиц в ней компетентных, а если ими являются командиры конных полков, т. е. чины прошедшие всю школу разведки, как важнейшей отрасли кавалерийской службы, то они конечно должны быть в состоянии оценивать по результатам разведки деятельность наряжаемых офицеров, если не с одного, то с двух, трех случаев, Но Абадзиев не делал никакой разницы в этом отношении; правда, когда я позволял себе объяснять ему неспособность, или нежелание такого то офицера работать, то он соглашался, вздыхал, жаловался на неудовлетворительность общего состава офицеров, говорил, что потребует от них настоящей добросовестной службы, но на деле довольствовался отбытием своими подчиненными номеров службы и одинаково представлял к наградам, как самых храбрых, так и наиболее неудачных. Естественно, что такое отношение к опасной и трудной деятельности офицеров [150] вело к ее ухудшению, ибо без поощрения лучших и понуждения худших дело идти не может—такова природа человека. Приведу пример. Начальник левой заставы, стоявшей в д. Татангоу, сотник Карташевский донес что, по полученным от Читинских казаков сведениям, противник наступает на перевал Синхайлин (в 10 верстах от места расположения заставы), а его разведчики появились в деревне, находившейся верстах в 7 от заставы. Конечно всякий дельный офицер, придавая значение такому донесению и донеся о нем начальнику охраняемого вверенной ему заставой отряда, немедленно должен был по собственной инициативе предпринять разведку в угрожаемом противником направ-

лении. Но Карташевский ограничился лишь посылкой донесения о тревожном сообщении, вследствие чего Абадзиев, и без того слишком мнительный, отчаянно взволновался. Он приказал начальнику заставы произвести немедленно разведку. Когда я писал приказание от имени Абадзиева, то хотел добавить указание: «произведите разведку лично», зная, что иначе приказание будет выполнено посылкой нескольких казаков с заставы, а офицер сам не поедет, но Абадзиев не пожелал давать такого указания. Наступила ночь, и, в виду отчаянного беспокойства Абадзиева, я предложил ему послать немедленно самого надежного офицера—Юзефовича, которому дал инструкцию во что бы то ни стало и возможно скорее выяснить занята ли деревня японцами. Около полуночи пришло донесение Карташевского, что посланный с разъездом урядник видел бивачные огни японцев у самой деревни. Тот же разъезд, возвращаясь, встретился с разъездом Юзефовича и передал ему те же сведения о японцах. Я не будил спавшего Абадзиева и дожидался донесения Юзефовича, которое пришло к рассвету и гласило: «нахожусь в деревне, варю чай, никаких японцев здесь нет, и ничего о них не слышно». Кажется он закончил свою записку сообщением, что, дав отдых лошадям, возвратится на бивак. Тут только я понял, что сделал ошибку, не предписав Юзефовичу заодно продвинуться еще вперед и осмотреть [151] перевал Синхайлин. Но этот офицер сам знал, что было нужно делать, и, отдохнув, пошел не на бивак, а именно к перевалу Синхайлин, где нашел пост Читинских казаков и записал фамилию старшего на посту казака, сообщившего, что и у них сведений о наступлении японцев не имелось. После этого случая я сказал Юзефовичу: «Я много лет трудился по совершенствованию образования наших кавалерийских офицеров, в деле разведывания, и приходил к заключению, что для такой трудной службы можно вообще найти немного вполне удовлетворительных офицеров. Тебя я признаю своим желанным идеалом, ибо результаты разведки во многом зависят не только от искусства исполнителя, но и от умения ориентировать исполнителя тем, кто посылает его в разведку, В данном случае ты своею инициативою пополнил пробел в задаче, сделанный мною».

Когда я передал утром Абадзиеву все донесения, он вознегодовал на Карташевского, и, так как в это время мы не знали еще, что Юзефович отправился на Синхайлинский перевал, то он предписал провинившемуся офицеру, в наказание (!), немедленно, лично, по смене его на заставе другим офицером, разведать перевал. Карташевский возвратился к нам гораздо позднее Юзефовича и доложил,

что, не доходя перевала, встретил неожиданно конных людей с желтыми лампасами и желтыми околышами, пытался их атаковать, но атаки не вышло, после чего он пошел назад. Доклад был сделан в присутствии нескольких офицеров полка, начавших жестоко смеяться над тем, что Карташевский принял за японцев Читинских казаков и побежал от них. Против нас действовала японская гвардейская кавалерия, имевшая зеленые околыши и лампасы. Спрашивается, исполнил ли офицер свою задачу, выполнил ли он разведку, проявил ли достаточную храбрость и добросовестность? Предоставляю ответить на эти вопросы самим читателям, а скажу лишь, что командир полка и не подумал высказать свое порицание Карташевскому, равно как и не поблагодарил Юзефовича. [152]

С этого дня я потерял всякое доверие к Петрушевскому, и конечно, если бы имел власть, то немедленно же принял относительно такого офицера самые решительные меры. Этот тип служил раньше в пехоте, потом в охранной страже Китайской дороги, откуда был удален за какие-то по слухам нечистоплотные дела; будучи в запасе, занимался торговлей лошадей, а, при призыве в ряды армии на войну, объявился конником и попал в казаки, ибо отлично ведал, что служба будет (при желании того) много менее рискованной и легкой, чем в пехоте. И зачем только брали в казаки таких офицеров!

Весьма важную отрасль службы полка составляет его хозяйство, ибо если казаки и их кони будут худо кормлены и плохо снаряжены, то выполнение службы пострадает. Вести исправно в военное время хозяйство не легко, потому что отвечающий за него командир полка слишком бывает поглощен боевою деятельностью. Лучший способ разрешения вопроса — это возложение всех забот по удовлетворению хозяйственных нужд части на помощника командира полка, с предоставлением ему инициативы, самостоятельности и права нахождения в тылу, при обозе—вообще там, где того требовали бы удобства заготовления и доставки всего нужного. Против такого порядка пожалуй можно возразить, что командир полка все-таки по закону ответственен за хозяйство и денежную отчетность, а потому не может вполне довериться своему помощнику; однако это возражение неосновательно, потому что командир полка, являясь вполне опытным в командовании, может сделать правильный выбор помощника, тем более, что закон предоставляет ему право выбора и смещения с должности. Наконец, при условии трех штаб-офицеров в полку, исключение одного из боевой деятельности не приносило ущерба, будучи вознаграждаемо возможностью посвящения ей всей

энергии самого командира полка. Во всяком же случае в деле управления полком на театре военных действий следовало руководствоваться принципом: прежде всего [153] думать о достижении боевых задач, а затем уже о хозяйственных надобностях. На деле же, наблюдая деятельность командиров полков на театре военных действий в Маньчжурии вообще, а Уссурийского казачьего полка в особенности, я увидел нечто совершенно иное. Хозяйство было выдвинуто на первый план, и при том не в смысле удовлетворения насущных потребностей части, т. е. продовольствия людей и лошадей, ковки, а в смысле накопления экономии в полковых суммах для обзаведения новыми предметами обмундирования и снаряжения, для выдачи на руки казакам так называемых ремонтных денег. Не говорю, что не следовало позаботиться о будущем так как мы ожидали продолжительной кампании, и можно было предвидеть, что потребуются напр. полушубки, валенки, но заботиться только об этом, загонять в ущерб желудкам казаков и брюхам их коней огромную экономию, было безнравственно и преступно, а доказательством тому, что это было так, привожу такой факт. Стоя в Мади, мы могли получать с тыла, как ячмень для лошадей, так и сухари для казаков, а между тем лошадей кормили исключительно гаоляном, жмыхами, чумизой, а казаки кушали лепешки из китайской муки и китайскую лапшу. Наконец Граф Келлер, имевший особенную заботливость о вверенных ему войсках, без всякого заявления со стороны Абадзиева, прислал вьючный транспорт с ячменем и сухарями, чем конечно весьма огорчил заправил полкового хозяйства. Сетование на то, что, в случае наступления противника, придется сжечь или бросить казенное имущество, было совершенно неосновательно, потому что наш противник был в то время пассивен; но даже если бы полк и потерял несколько сот рублей, то все-таки необходимость поддержать силы боевого материала ячменем и сухарем была слишком очевидна, и рискнуть потерей экономии полка следовало.

Уже тогда полк делал заказы нового снаряжения, людского и конского, торговым фирмам в Москве, для чего туда был командирован из полка офицер, а в полку совсем не было подков. Интересно знать для чего [154] существуют многочисленные управления наказных атаманов, отзывающие из рядов много офицеров, как не для того, чтобы заботиться о нуждах своих сражающихся полков, и почему же хозяйственная часть полка должна была сама заготовлять себе все предметы в Европейской России. Часто, слушая хозяйственные разговоры Абадзиева с его помощником Савицким, мне казалось, что мы совсем не воюем, а пришли в Маньчжурию только

для того, чтобы обогатить казаков, полк, все Уссурийское войско экономией им отпускавшегося казенного довольствия; точно мы должны были подготовить чье то благосостояние на после войны. Но, правда, и экономия получалась колоссальная, ибо фуражных денег отпускалось 37 рублей в месяц на лошадь, а довольствие ее обходилось сотенным командирам 6—7 рублей; бывали же дни когда оно ничего не стоило, либо беря фураж у китайцев даром, либо довольствуясь подножным кормом. Крайне дешево и обильно было снабжение казаков мясом, потому что, хотя китайцы и угоняли свой скот из деревень в горы, но казаки разыскивали его без труда и платили то, что сами назначали, т. е. очень дешево. Не помню какими соображениями руководствовалось наше интендантство, открывая в самом начале войны огромные цены на фураж, зная его изобилие в Маньчжурии; они оставались такими же в продолжение всей кампании, и это служит доказательством, что были чрезмерно велики, по крайней мере в продолжение первого года войны, потому что в противном случае они подвергались бы повышению: наша армия увеличивалась, а край истощался. Но мы привыкли делать экономию и наживаться с фуражного довольствия еще в мирное время, а как же было отказаться от такого обыкновения на войне, когда лошадей было гораздо больше (в пехотных частях мирного времени состоит несколько десятков лошадей, а в военное время несколько сотен), цены должны предполагаться выше (ведь в России никто не знает, что Маньчжурия в этом отношении исключительная по богатству страна), а контроль куда слабее. Да и всем начальникам [155] и офицерам было так выгодно получать на руки большие фуражные деньги. Война обошлась бы много дешевле, если бы фураж на лошадь был не 37, а хотя бы 17 рублей, что было вполне и с избытком возможно. К 15 августа 1904 года в Русской Маньчжурской армии состояло 148 эскадронов и сотен, что составляло в одной кавалерии около 20.000 коней (считая со штабами частей и их обозами); таким образом в один месяц было бы 400.000 руб. чистой экономии, а в один год 4.800.000 руб.; а сколько бы получилось экономии с фуража пехотных, артиллерийских частей и всяких тыловых учреждений. Словом, установленная интендантством цена на фураж, во время войны, причинила России убыток в сотню миллионов. Спрашивается, неужели же нет виновников такого расточения народных средств, каковыми являются, кроме интендантства, и представители высшей командной власти на театре военных действий, с командующим армией во главе. Если полководца нельзя судить за его поражение и напрасное отступление под Ляоя-

ном, за поражение и беспорядочное отступление его левого фланга под Бенсиху, за напрасную жертву 12.000 сынов родины под Сандепу, за позор Русского оружия под Мукденом, то все-таки казалось бы его можно притянуть к ответственности за растрату миллионов русских денег.

Почти ежедневно производившиеся поиски к противнику младшими офицерами Уссурийского полка выяснили в половине июня следующую обстановку:

1. японцы держали весьма солидное охранение вокруг Фынхуанчена, перед фронтом Восточного отряда, на главной этапной дороге, в окрестностях Ляньшангуань, а также оберегали направление к Сюяню, выдвинувшись значительно севернее этого пункта;

2. по дороге от Сюяня на Сандиаза—перевал Тхазелин, японцы занимали уже д. Таянгоу, вблизи (южнее) перевала Тайпинлин, остававшегося нейтральным, так как наша правая застава занимала окрестности д.д. Ченган — Лидиапфуза, и ее разъезды проникали до перевала, а иногда и за него; здесь бывали перестрелки, и мы потеряли [156] раненым одного офицера (сотника Нурова), 2 — 3-х казаков и столько же лошадей.

Направо мы держали связь с Сибирскими казаками, действовавшими в составе войск защищавших Далинский перевал, преграждавший путь от Сюяня к Хайчену.

Я уже говорил выше, что в д. Сандиаза стояли 2 сотни (2-я и 6-я—Маркозова и Шахматова) 2-го Верхнеудинского полка, а за ними в д. Тхазелин другие части того же полка, и в долине Ломогоу было 2 или 3 батальона стрелков. В д. Тхазелине был устроен интендантский склад, цель устройства которого совершенно бессмысленна. Уссурийский полк им не пользовался; казалось бы, ни для его 4-х сотен, ни для сотен Верхнеудинского полка, а равно и для пехоты в долине Ломогоу, устраивать склад не стоило, ибо до этапа Ляндясань было всего 35 верст. Таким образом это был склад для аванпостов, которые могли быть легко оттеснены противником, а потому запасы легко могли попасть в руки противника, или должны были быть сожжены (что и случилось), при чем сожжение такого материала, как хлебное зерно, очень затруднительно. Не думаю, чтобы штаб Восточного отряда, устраивая склад в Тхазелине, руководился бы какою-нибудь идеей наступления, потому что, при сделанной Графом Келлером 4-го июля такой попытке на большой этапной дороге Ляндясань — Фынхуанчен, по направлению Тхазелин — Сюянь, или Тхазелин — Фынхуанчен даже не было обозначено наступление (согласно диспозиции Восточному отряду). Устрой-

ство такого склада на передовых постах можно объяснить только таким соображением: не имея никакого плана действий, мы с самого начала их открытия только и занимались всякими интендантскими операциями, стараясь заготовить в возможно большем количестве запасы, и почему-то не стеснялись продвиганием их вперед, поближе к противнику; результатом таких действий было конечно частью уничтожение, а частью расхищение запасов, или дарение их японцам и китайцам. Маньчжурия изобиловала средствами продовольствия и перевозочными, а мы, за неспособностью [157] подготовлять чисто боевые операции, изощрялись в заготовке жизненных средств, благо кредиты ничем не ограничивались, а отчетность по всякого рода заготовкам была очень проста, будучи основана на констатировании факта уничтожения, а вернее бросания, запасов.

В виду того, что наша правая Уссурийская застава стояла на дороге Мади—Сюянь, она обеспечивала и расположение Верхнеудинцев в Сандиазе и Тхазелине; поэтому последним собственно нечего было и делать, а так как они не подчинялись Абадзиеву и действовали самостоятельно, то часто мешали работе Уссурийцев. Постоянно получались с заставы такие донесения: «сегодня произошла тревога, потому что есаул Маркозов вздумал охотится за цаплями»; «застава не может расположиться в таком то месте, потому что там стала сотня Верхнеудинцев»; «впереди нас Верхнеудинцы устраивают засаду» и т. п. Конечно, если бы все командиры сотен и все офицеры были надлежащего качества, стремились бы к серьезной цели разведки, то, не смотря на такую неправильную организацию штабом Восточного отряда всего дела освещения в районе Фынхуанчен — Мади — Сюянь, результаты могли бы быть удовлетворительны[15], но некоторая часть этих лиц не удовлетворяла, по своим способностям и энергии, требованиям, предъявляемым кавалерийским офицерам в смысле разведывательной службы, а потому происходил общий кавардак, а не служба. [158] Тут пришлось мне познакомиться с деятельностью таких кавалеристов, как Маркозов и Шахматов, о которых речь еще будет впереди.

[15] Успех разведки всегда зависит от умения ее организовать; в данном же случае никакой организации и не было; конные части попадали куда-нибудь случайно, и там оставались. Сперва выслали несколько казаков в Мади под начальством п. Дружинина, потом туда же приткнули Абадзиева с 4-мя сотнями, а казаков другого полка сунули в д. Сандиаза, в затылок правому флангу Уссурийцев. Не проще ли было соединить вместе оба полка, объединив над ними начальствование в одном лице, которому вверить известный район; этим достигалось бы увеличение сил, их сбережение и правильность действий. Позднее это было осуществлено, но уже после опыта безобразного бегства двух казачьих полков из Тхазелина, чему много способствовала путаница в районах и задачах действовавших совместно, но самостоятельно, двух конных частей.

К описываемому времени относится появление в нашем районе замечательного разведчика, сумевшего заслужить особенное внимание командующего армией, Есаула Гулевича, встреченного мною 26 мая. Вскоре он опять появился в Мади, и я мог познакомиться с его деятельностью. Оказалось, что Гулевич успел побывать в Ляояне, имел счастье обедать за столом Куропаткина, получить от него благодарность, а также полномочие на ведение самостоятельной разведки, донося непосредственно в штаб армии. Чем заслужил этот офицер честь, благодарность и доверие? Он состоял в одном из полков дивизии Ренненкампфа и был выслан последним, одновременно с другими офицерами, еще в начале мая месяца, на разведку в окрестности Фынхуанчена, а никоим образом не на Модулин, где я его встретил 26 мая, и на Мади, где он объявился в начале июня. Согласно с его же рассказом, он начал работу вместе с младшим его в чине Графом Бенкендорф, который отправился тогда же на поиск к противнику, взяв с собой карту и бинокль. Гулевич где то несколько дней прождал Бенкендорфа, а затем очутился за передовыми постами, и даже за их резервами, Восточного отряда, добрался до Мади и отправился в Ляоян. Казалось бы он уже вполне заслужил порицания, ибо, вместо исполнения поставленной ему задачи разведывать противника, предоставил это опасное предприятие младшему по себе офицеру, а сам поехал собирать сведения в соседние войска и даже в самый глубокий тыл армии—в Ляоян. У него хватило нахальства не только представляться командующему армией, но вероятно и рассказать что-нибудь о своих блестящих действиях, так как иначе нельзя объяснить его появление в Мади с полномочием ведения самостоятельной разведки. И он начал разведывать, но как? Пристроился к нашей правой заставе и до нашего отступления отсюда пользовался ее прикрытием и ее работой, [159] причем, благодаря его присутствию, опять таки происходила путаница; то он требовал снабжения его людей патронами, которых у нас вообще было немного, то своими произвольными действиями мешал разведке наших разъездов, то затруднял казаков доставкою своих бессодержательных донесений. Даже, допустив, что он и не мешал Уссурийцам, утверждаю, что все равно он мог сообщать в армию только то, что сообщали Уссурийцы, и следовательно его деятельность была совершенно излишней. Но за то какой выдающийся пример деморализации офицеров, исходящий от высшего начальства! Офицер получает приказание от своего начальника дивизии, его не исполняет, идет в тыл, не возвращается в свою часть, держа при себе и ее людей, и начинает работать самостоятельно из за

спины других войск. Ведь это просто невероятно! За неисполнение приказания и долга — почет и благодарность, за уклонение — доверие и отличие! Не раз потом я слышал и читал знаменитую фразу: «Гулевич доносит», но знал, что и как доносил этот офицер, ни слову которого нельзя было верить.

Находясь в Мади, мы почти ничего не знали о том, что делается в Восточном отряде, потому что ни начальник штаба, ни его офицеры генерального штаба не считали нужным нас ориентировать. 13 июня началось наступление частей армии Куроки, и японцы заняли Феншуйлинский и Модулинский перевалы; к нам доходили тревожные слухи, но определенного мы ничего не знали; было только предписано базироваться не на Хоян, находившийся прямо к северу от нас, а на Тхазелин—Ляндясань; узнали мы, что Верхнеудинцы отходят из д. Сандиазы за перевал в д. Тхазелин, а пехотные части, бывшие у последнего пункта, отошли к д. Ломогоу, где была телеграфная станция. Все указывало, что Граф Келлер хотел отойти за Хоян, что и было исполнено. Теперь мне известно, что перед оставлением этого важного пункта был созван при штабе В. отряда военный совет, на котором выказалась деморализация Тюренченцев; все начальники желали [160] немедленного отступления, а между тем японцы не проявляли достаточной для этого энергии. Некоторым смягчающим обстоятельством склонности к отступлению служит то, что Куропаткин как раз в это время дергал войска то в направлении на юг, то на восток; были дни, что в распоряжении Графа оставалось менее стрелковой дивизии; резервы были измучены напрасными переходами и перевозками; один из командиров полков вынужден был заявить начальнику штаба армии, что не может исполнить приказания двинуть свой полк, так как его люди уже не были в силах передвигать ноги. Тем не менее на военном совете нашелся человек, имевший мужество заявить, что отступление не нужно. Это был начальник штаба 3-й дивизии подполковник Линда. Мало того, он телеграфировал свое мнение генерал- квартирмейстеру армии Харкевичу, который не нашел ничего лучше сделать, как переслать это донесение Графу. Последний немедленно отрешил Линда от должности и таким образом удалил из своего подчинения, что было конечно совершенно правильно. Но каков же был у нас генерал-квартирмейстер армии? Как же понимал этот высокопоставленный офицер генерального штаба обязанности и службу своих офицеров? Утверждаю, что Линда поступил правильно, честно и доблестно. Правильно — потому что в действительности наступление японцев не состоялось, и мы сами переходили довольно удачно в наступле-

ние 21 июня, сами же атаковали японцев 4 июля и, хотя потерпели полную неудачу, но все-таки уступили лишь ничтожное пространство. Доблестно—потому что офицер генерального штаба, сообщая свое личное заключение, шедшее наперекор его непосредственному начальнику, рисковал своей службою, ибо если бы он ошибся, то подрывал к себе доверие генерал-квартирмейстера и мог даже быть им жестоко караем. Честно—потому что, видя ошибку военного совета. будучи в ней убежден, он воспользовался только своим правом офицера генерального штаба донесением своему начальнику по генеральному же штабу ориентировать [161] высшую командную власть армии и предотвратить ошибку. Что должен был сделать Харкевич? А вот что: если он знал своего офицера настолько, что безусловно ему верил, то мог достигнуть вмешательства командующего армией и исправить ошибку; если же он не мог настолько довериться, то мог оставить телеграмму без последствий, выждать хода событий и затем, в случае если бы донесение оказалось правильно, принять на будущее время к сведению способность офицера оценивать обстановку, или же в противном случае хотя бы казнить его. Телеграмма Линда не была доносом, а средством оказать существенную пользу общему делу. Такой способ действий не обязателен для офицеров генерального штаба, но должен быть разрешаем и поощряем в случаях подобных настоящему. Пример Линда не повлек бы за собою постоянного его повторения другими офицерами генерального штаба, ибо оценивать обстановку весьма не легко, и не каждому по плечу, а рисковать ошибочным донесением опасно, ибо за ошибку можно и проститься со службою в генеральном штабе; так доносить решится только человек действительно уверенный в своем мнении. Я не знаю боевой службы Линда и познакомился с ним гораздо позднее, когда он уже выбыл из боевых рядов, но в данном случае только констатирую факты: деморализованные войска Восточного отряда были склонны вообще к отступлению, а действия противника были до сих пор вялы и нерешительны; Линда понял обстановку, и его донесение безусловно подтвердилось, а между тем Харкевич тотчас же предал его на казнь, потому что Граф Келлер не мог не казнить его, как подрывавшего авторитет его командования, при условии оглашения телеграммы Линда. Правда, поступившему так Харкевичу не пришлось брать на себя ответственности, которую наш генеральный штаб вообще не признает; Линда решился нарушить этот установившийся (безнравственный) принцип и, приняв на себя ответственность, как бы предлагал сделать то же самое и самому генерал-квартирмейстеру.

Думаю, что неправильность поступка Харкевича была понята в армии, [162] так как Линда не был удален из генерального штаба, а после Ляоянского боя занимал должность начальника разведывательного отделения штаба командующего армией и главнокомандующего; затем его назначили военным комиссаром в г. Цицикар; полагаю, что обе должности были повышением по службе, а не понижением.

Так как, вследствие слухов об отступлении Восточного отряда за Хоян, настроение было тревожное, то Абадзиев немедленно решил воспользоваться разрешением базироваться на Ляндясань и отойти вправо, по следующим мотивам: 1) положение 4-х сотен в Мади было довольно трудное, так как японцы могли напасть со всех сторон и вполне неожиданно; держать непрерывную линию охранения день и ночь на 12—15 верст было невозможно, и какие-нибудь 200—300 человек могли подкрасться горными тропинками и насесть на казаков, которые противопоставляли им не более 250 винтовок, имея несколько сот коней за собою; 2) наши соседи слева и справа держали с нами весьма неустойчивую связь, и рассчитывать на своевременное предупреждение об их отступлении было гадательно; 3) в случае оставления нашими войсками Хояна, противник выходил нам в тыл в нескольких местах. Соглашаясь с удобством и большею безопасностью расположения в долине Мади-Тхазелин, я был против значительного отхода назад, потому что до сих пор, почти за 2 месяца нахождения нашего в Мади, японцы не сделали ни одной попытки нас потревожить (не считая случая 26 мая, которому уже сделана в своем месте надлежащая оценка); кроме того за нами в Тхазелине стояли близко Верхнеудинцы; поэтому я предложил Абадзиеву район Киуцейгоу - Чоненпен; становясь там, мы могли удерживать узел Мади, занимая его передовыми частями, а на перевале южнее д. Киуцейгоу имели позицию; в то же время, благодаря свойствам местности и некоторому удалению назад, наши фланги не столь подвергались обходу противником. 14 июня мы сделали переход в 15 верст и стали в д. Чоненпен, в которой вероятно и пробыли бы еще с месяц, если бы не стечение случайных обстоятельств (но никак не действий [163] нашего противника), расстроившее нервы Абадзиева и наконец вызвавшее в нем настоящую панику—такую, что мы очутились уже 18 июня в расстоянии 75 верст от Чоненпена и затем вторично его заняли 22 июня. Вот как было дело.

15 июня, около 1 часа дня, с заставы, выставленной в направлении на Мади, у д. Тадейзы (южнее), в расстоянии 8 верст от нас,

получилось первое донесение, что с юга долиною на нее наступают 50 конных японцев, а через несколько минут второе: «застава отступает на перевал (южнее д. Киуцейгоу), японцы преследуют и обходят слева (с востока)». Не помню, по первому или второму донесению, Абадзиев произвел тревогу полку, будучи уверен в наступлении противника. Так как затем донесений не поступало, то мы начали подозревать недоразумение. Действительно, 50 конных японцев не могли быть страшны нашей заставе из 35—40 казаков, особенно если японцы наступали в конном строю, так как они не выдержали бы атаки лихих Уссурийцев. Допустив, что за 50-ю кавалеристами, согласно обыкновенной тактики японцев, в весьма близком расстоянии следовали пехотные части, все-таки застава могла принудить противника своим огнем остановиться, а не бежать от одного вида наступления. Прошло около получаса. Была выслана на подкрепление полусотня. Я поехал вперед, взобрался на самую высокую сопку, с отличным кругозором, и увидел, что все спокойно: полусотня подошла к перевалу, а из соседнего ущелья выехал казачий разъезд (со стороны противника) и двигался совершенно спокойно. Когда я вернулся к полку, то узнал следующее. К заставе штабс-ротмистра Абсеитова[16] со стороны от противника возвращался наш разъезд под начальством поручика Бровченко (выдающийся во всех отношениях офицер). Дозоры заставы приняли его за японцев и поскакали к заставе, которую Абсеитов немедленно начал уводить вскачь. Бровченко посылал вдогонку своих казаков, но едва они прибавляли аллюр, как застава также [164] наддавала ход; тогда разъезд пошел шагом, а, увидев, что застава влетела на перевал, спешилась и приготовилась открыть огонь, чтобы не быть обстрелянным, свернул долиною вправо, обошел перевал и прибыл к полку. Одновременно с Уссурийским разъездом возвращался еще разъезд Верхнеудинцев и способствовал вероятно заблуждению Абсеитова в определении числа всадников, потому что у Бровченко было всего 10 казаков.

Что могло быть безобразнее этого случая! среди белого дня, офицер, оберегающий спокойствие целой части, имеющий ответственную задачу, при первом же признаке появления противника, убегает с поста в паническом страхе; его донесение нарушает отдых 4-х сотен; его бегство было проделано на глазах части; его видят и оценивают казаки, знающие, что офицер прислан из России в качестве выдающегося разведчика; это господин рискующий своею

[16] Пользовался особенной протекцией начал. штаба армии г. л. Сахарова.

головою не за полтора рубля, как его товарищи, а за 4 рубля. Что же сделал командир полка, чтобы не могло повториться на будущее время нечто в этом роде? Он не сказал ничего, а только передал мне наедине приказание не наряжать более Абсеитова в разведку и на сторожевое охранение (значит за него должны были работать другие, лучшие офицеры), но лучше всего то, что Абадзиев сам воспользовался готовностью полка к походу и отступил еще на 13 верст в д, Каучепфузу, к южному подножию перевала Тхазелин (Фынсяолин). Не могу вспомнить чем было мотивировано[17] его отступление, но оно было бессмысленно и вредно для дела, потому что во-первых противник мог наблюдать [165] нашу робость, а во-вторых каждый офицер и казак понимали, что мы боимся японцев, бежим целым полком перед звуком их имени, подобно тому, как бежала застава Абсеитова. Но отступление в Каучепфузу было только прелюдией позора, только цветочками, ягодки которых я проглотил в следующие дни.

16 июня прошло спокойно. Насколько помню, мы пытались получить какие-нибудь сведения из штаба В. отряда, принимая усиленные меры связи с телеграфной станцией, но ничего не добились и оставались в полном неведении о происходившем на фронте отряда; сами мы о японцах не знали ничего, потому что, уходя назад, бросили соприкосновение с противником, выставив заставу только в ближайшей деревне Сандиаза. Думаю, что японцы не заняли окрестности Мади, так как их не было там и 22 июня. Непосредственно за нами стоял Верхнеудинский полк в д. Тхазелин, под начальством полковника Перевалова, и не помню сколько то стрелков.

В ночь с 16 на 17 июня я проснулся во втором часу ночи и увидел Абадзиева вполне одетым и читающим сообщение Перевалова: об отхождении стрелков к д. Саматун (24 версты севернее д. Тхазелин), об оставлении В. отрядом Хояна. Говорилось, что Верхнеудинцы поседланы и в полной готовности (конечно к отступлению). Было ясно, что вообще в тылу нас происходит нечто вроде паники. Конечно, в случае занятия японцами Хояна и долины, отходящей от него на д. Тинтей и д. Мади, их наступление на запад угрожало тылу частей группировавшихся около Тхазелина, отрезая их кратчай-

[17] Впрочем мотивировка наверное есть в журнале военных действий Уссурийского полка, который, к моему несчастию, я согласился вести со дня моего поступления в распоряжение Абадзиева. Сколько раз приходилось иметь сделки со своею совестью, оправдывая стратегически и тактически бессмысленную деятельность моего начальника, но если бы я на это не соглашался, то вышел бы инцидент, а. этого я должен был избегать во что бы то ни стало и... приходилось выдерживать свою печальную роль.

ший путь на Ляндясань, но оставались дороги на северо-запад. Абадзиев с рассветом увел полк в Тхазелин. Отговаривать его не стоило, ибо он видел себя окруженным японцами и на все мои доводы отвечал: «ты ни за что не отвечаешь, а я отвечаю за полк, за знамя, которое теперь при мне». Несчастный не понимал, что если бы его знамя было теперь в обозе, то он беспокоился бы еще больше, ибо мы не знали где находился обоз, и отошел ли он к Ляндясань. [166]

Как только мы прибыли в д. Тхазелин, я пошел на телеграфную станцию и от имени Абадзиева донес о прибытии полка, испрашивая приказаний для дальнейших действий. Вернувшись к командиру полка, на двор фанзы, в которой помещался штаб Верхнеудинского полка, я застал там весьма шумную компанию: обоих командиров полков, 3-х штаб-офицеров Верхнеудинского полка, 2-х полковых адъютантов и несколько командиров сотен. Верхнеудинские офицеры были в большом волнении; наиболее спокоен был командир полка; все говорили о необходимости оставления Тхазелина, в виду отступления В. отряда от Хояна,—словом выходило, что наше положение было совсем критическим. Перевалов предложил Абадзиеву принять общее начальство, как старшему в чине, но этот решительно отказался. Сообщив об отправлении депеши в штаб отряда, я отвел Абадзиева в сторону и сказал ему, что если он не примет командования над обоими полками, то не только совместные действия, но даже совместное пребывание неудобно, потому что в командовании Верхнеудинским полком происходит кавардак. Старший штаб-офицер, Войсковой старшина Свешников (ротмистр гвардии, претендовавший на немедленное получение полка и считавшийся офицером с высшим образованием, как окончивший академию генерального штаба по второму разряду), был на ножах с командиром полка; другие 2 по-видимому никакого участия в распоряжениях и службе не принимали (Висчинский и Эйлерс, также с академическим значком); один сотенный командир, есаул Маркозов, также из гвардии, с большими связями и репутацией спортсмена и пропагандиста английской конской крови, кричал и говорил больше всех, с необыкновенным апломбом, критикуя всех и все. На командира полка никто не обращал ни малейшего внимания; личность и командование последнего не существовали. Я настоял, чтобы Абадзиев потребовал сообщения, какие имеются сведения о противнике, какие приняты меры разведки—освещения в восточном направлении, откуда Верхнеудинцы главным [167] образом ожидали опасности. Оказалось: о противнике не знали ничего, так как полк, стоя за

нами, разведки не вел; ни одного разъезда выслано не было; какая то сотня, или полусотня, находилась неизвестно где; говорили, что есть сторожевые посты для ближнего охранения, но никто не знал где они стояли, и я не уверен, что они были. Впрочем, все это имело в данную минуту мало значения, потому что ни один из присутствовавших людей не помышлял о необходимости действовать против врага, в интересах нашего отряда; все боялись неопределенной обстановки, появления японцев и думали только о том, как бы вовремя уйти, не быть отрезанными. Чтобы выйти из тягостного положения я опять отозвал Абадзиева и сказал ему, что все обстоит благополучно, а, для полного успокоения, предложил осветить разъездами наиболее интересные направления к востоку, и выбрал 2-х лучших офицеров — Юзефовича и Карнаухова, которым и дал соответствующие указания.

Желая избавиться от неприятной компании, я ушел на телеграф ожидать приказаний из штаба отряда и скоро получил краткое предписание: «обоим казачьим полкам оставаться на своих местах». Ясно, что штаб предполагал оба полка в Тхазелине, если это был ответ на мою депешу, или же в этом пункте только Верхнеудинцев, а Уссурийцев, как это и надлежало бы, где-нибудь южнее, близ Мади. По получении этого категорического приказания, в Верхнеудинском полку пошел настоящий кабак. Перевалов сперва твердо стоял на исполнении приказания, не соглашаясь увести полк, но окружавшие его настолько настроились к отступлению, что об исполнении приказания и слышать не хотели. Наконец их влияние превозмогло, и несчастного командира потащили на верную казнь, так как отвечать пришлось только ему, а настоящие виновники бегства остались ненаказанными и заслужили звание героев. Но я, конечно, не жалею Перевалова, ибо что это за командир, позволяющий собою распоряжаться подчиненным. Впрочем я дал ему возможность спастись, указав на карте пункт севернее Тхазелина на 4 версты, [168] где уговаривал остановиться; удаление всего на 4 версты не имело значения в смысле отступления, и таким образом, как бы исполняя приказание, он ставил полк в совершенно безопасное место, откуда отходили удобные пути отступления на северо-запад, и мифический обход японцев на Ломогоу (этого Верхнеудинцы и Абадзиев боялись больше всего) становился недействительным; казалось это могло быть понятно и двум помощникам Перевалова, носившим видимые знаки невидимых познаний. Полк немедленно выступил.

До этой минуты Верхнеудинцы, стоя в Тхазелине, отвечали за

целость имущества интендантского склада, охраняя его часовыми, хотя склад был уже брошен интендантством, и всякая войсковая часть могла брать из него все, что хотела. Уссурийцы взяли в изобилии ячменя, сахара и консервов. С уходом Верхнеудинцев, склад переходил на попечение Уссурийцев, и Абадзиев прежде всего начал заботиться о его уничтожении на случай своего отступления. В Тхазелине продолжала действовать телеграфная станция под начальством молодого саперного офицера, поручика Шигорина, имея при себе тяжелый обоз. Я спросил офицера, почему он не готовится к отступлению со всеми своими тяжестями, видя что казаки только и помышляют об этом; достойный офицер ответил, что приказания закрывать станцию и отступать не получал. Я счел своим долгом предупредить его; что вряд ли он получит какое либо содействие со стороны присутствующего начальника. Когда хвост колонны Верхнеудинцев уже вышел из Тхазелина, прискакал полковой адъютант и передал точно, что Перевалов имел распоряжение по охране телеграфного отделения, а теперь, уходя, он слагает ее с себя, возлагая на Абадзиева; последний ответил ему что-то весьма неопределенное, но конечно, раз Верхнеудинцы уходили, то ответственность за телеграф переходила к Абадзиеву.

С уходом Верхнеудинцев я вздохнул свободнее: исчез шумный кавардак, и остался один начальник, имевший возможность выяснить обстановку, а по-видимому [169] в ней не было ничего тревожного: с юга мы охранялись, и японцев там не было и признака; на восток поехали дельные, надежные разведчики и скоро донесли, что на протяжении более 10 верст о противнике не слышно; с севера, в направлении на Ломогоу, выдвинулся Верхнеудинский полк, обещавший вести разведку и сражаться (какие храбрецы!); телеграф продолжал работать, но вот в его проволоке и таилось несчастие, а могла быть гибель (как жаль что этого не случилось!) полковника Абадзиева, украшенного несколькими знаками отличия Военного Ордена рукою самого Скобелева. Телеграфисты из Ломогоу начали передавать тревожные сведения о появлении японцев к востоку от станции на высотах; все сообщаемое было туманно и сбивчиво, но герой решил, что положение вверенной ему части и ее знамени критическое, и надо во что бы то ни стало спасаться. Должен сказать к чести всех Уссурийцев, как офицеров, так и казаков, никто из них не чувствовал никакого страха и не помышлял об отступлении, тем более, что они приобретали в Тхазелине отличную стоянку с массою продовольствия и фуража, получаемого даром, без денег. Однако уговорить Абадзиева оставаться на месте было

невозможно, тем более, что, по отсутствию сообщений от Перевалова и по сведениям от телеграфистов, полк быстро уходил на север (утверждаю, что Перевалова тащили его помощники), и он начал готовиться оставить Тхазелин. Главное затруднение состояло в том, что нельзя было, уходя без напора противника, жечь казенное имущество в складе. Решили сделать так: отойти на 4 версты на север, т. е. стать на ту спасительную точку, куда сперва целились Верхнеудинцы, а при складе оставит 20 охотников под начальством храброго офицера, хорунжего Щербачева, которые и зажгли бы склад при появлении японцев. Абадзиев отдал приказ о выступлении, и сотни начали подтягиваться.

В это время подъехал саперный офицер и заявил, что, снимая станцию, в виду нашего ухода, просит дать ему в прикрытие одну сотню, согласно особого распоряжения [170] штаба В. отряда, имевшегося у Перевалова. Абадзиев отказал. Тогда офицер обратился ко мне, и вот что было ему мною сказано: «я состою здесь каким то нештатным чином, и никто не обязан меня слушаться, да и не послушается; опасности я не вижу, потому что мы станем в 4-х верстах отсюда, а севернее по вашей линии идет Верхнеудинский полк, хотя кажется он просто бежит; вы все-таки настаивайте перед Абадзиевым». Тогда произошел следующий разговор:

Шигорин. — Господин полковник, так как полковник Перевалов ушел и передал меня вам, то прошу сотню в прикрытие, так как вы уходите, и я остаюсь сзади вас, ближе к противнику.

Абадзиев. — Я не могу ничего вам дать: у меня при знамени остается менее 2-х сотен; все остальное в наряде (было выслано 2 небольших разъезда и одна застава, а потому имелось более 3-х сотен).

Шигорин.—Г. полковник, вы должны знать, что инженерный обоз есть такое же знамя, и вы обязаны его охранять.

Абадзиев.—Я не дам вам ни одного казака, делайте как хотите.

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно, и не было обидно и совестно за Абадзиева, но в ту же минуту я забыл об этой сцене, ибо случилось нечто посерьезнее. Мы уже начали отступательное движение и проходили мимо интендантского склада ячменя. Я увидел над ним довольно сильный дым, подскакал к Абадзиеву и спросил его: «по чьему приказанию зажжен склад?» Абадзиев склонил главу свою на грудь, безнадежно махнул рукой и убитым голосом молвил: «не спрашивай, по моему приказанию». Я понял, что он отдал это глупое приказание в то время, когда я отделился от него, беседуя с сапером. Он показался мне до того жалким и противным, что я отъехал от него подальше и решил более не

говорить ему ни слова, а молчать и только смотреть, что будет. Я выдержал такую роль часа 3, а затем пришлось вмешаться. [171]

Кажется на следующий день, в д. Ляодитан, Абадзиев рассказывал мне, что приказание о сожжении склада он отдал вынужденным образом, вследствие просьбы войскового старшины Савицкого, упросившего его это сделать для спасения его брата, сотника Савицкого, командовавшего сотней и по ошибке зажегшего склад. Оставляю этот вопрос открытым. Может быть было и так, но во всяком случае Абадзиев допустил сожжение склада и отвечает за это, как старший. Манера держать себя войскового старшины Савицкого мне не нравилась. Он больше всего проводил время в обозе, а когда ему случалось быть с нами при затруднительных обстоятельствах, то сейчас же стушевывался, между тем как вообще он не давал нам покоя своим словоизвержением, обладая особенно неприятным пискливым голосом.

Мы скоро достигли д. Унцяпуцзы, где находилась знаменитая безопасная точка, которую промахнули мимо в своем бегстве Верхнеудинцы. На беду и наш передовой офицер ошибся по карте, так что мы прошли еще версты 4 и очутились у нового поворота на запад, сходившегося в небольшом расстоянии с предыдущим. Тогда Абадзиев решил стать в вилку, т. е. на место схождения обеих дорог, отходивших на запад; «тут, говорил он, мы будем в безопасности от обхода». Пришли, стали (верст 8 от Тхазелина); не оказалось воды; Абадзиев ни на что не решался; офицеры просили меня сказать ему, чтобы он на что-нибудь решился, потому что кони уже были под седлом около суток. Я немедленно отыскал бивачное место с водою и предложил расседлать, что было исполнено. Мы залезли в такое ущелье, что я, смеясь, говорил: «здесь нас не найдут не только японцы, но и свои». Юзефович, выполнивший замечательно быстро разведку порученного ему района, уже достиг Ломогоу и дал самые успокоительные сведения об отсутствии японцев, но... в конце своего донесения прибавил, что телеграфная станция в Ломогоу снимается, и линия провода будет укорочена до д. Саматун, где стоит пехота (9 верст севернее Ломогоу); о Верхнеудинцах и в Ломогоу ничего не было слышно. Это донесение Юзефовича [172] окончательно расстроило Абадзиева, решившего, что, раз Ломогоу очищено, то В. отряд отступает на Ляндясанскую позицию, о существовании которой он к несчастию знал; поэтому не только возвращение в Тхазелин, но даже и пребывание в его окрестностях казалось ему слишком рискованным; он хотел отступить еще дальше на северо-запад и сблизиться с главными силами В. отряда; верней-

шим признаком отхода он считал также отсутствие приказаний и сведений из штаба. Зная, что удержать Абадзиева невозможно, я только посоветовал ему достигнуть долины р. Сидахыа у д. Пахудзай и оттуда начать разведку на юг к перевалу Пханлин и к тому же Тхазелину, так сказать, обеспечивая правый фланг Ляндясанской позиции. На этом несчастный Абадзиев успокоился и на другой день, около 10 часов утра, мы выступили в вышеуказанном направлении, но, придя в д. Пахудзай, не остановившись, а, по инерции отступления, вероятно для большей безопасности, прошли еще верст 10 до д. Лаодитан, где и расположились.

Итак, не видев ни одного японца, даже не получив намека на их присутствие, вопреки категорическому приказанию начальника Восточного отряда, 4 сотни храбрых Уссурийцев, были уведены своим болезненно-нервным командиром в тыл позиции, занятой тогда главными силами отряда (Янзелин), за 20 верст сзади штаба Графа Келлера (Лаодитан—Нютхиай); при этом было брошено всякое соприкосновение с противником, брошена телеграфная линия и сожжен интендантский склад (консервы, чай и сахар были приведены в негодность, а ячмень обгорел только снаружи, так что мы впоследствии им пользовались). Я не удивлялся, что Абадзиев находился в удрученном состоянии, хватался за голову и причитал: «теперь все кончено, под суд—ведь, говорят, склад стоит 60.000 рублей»; самое малое, что он заслужил это отрешение навсегда от командования частью, но, глядя на него, я тогда же думал, что он опасается напрасно: прежде всего он был скобелевцем, товарищем и соратником Куропаткина и Графа Келлера, имел видимые [173] патенты храбрости (знаки отличия Военного Ордена и золотое оружие), носил форму Собственного Его Величества Конвоя и был всеми очень любим. Однако приходилось утешать слабонервного человека, и я согласился на его просьбу поехать в штаб В. отряда и лично доложить обо всем Графу, стараясь стратегическими соображениями оправдать бегство моего друга. Абадзиев просил особенно настаивать на его безвыходном положении, вследствие отсутствия подков, при условии чего он считал невозможным передвигаться в горах. Конечно оправдывать и спасать беглеца было нечестно, но у нас уже бегало безнаказанно столько начальников, а этот все-таки отнесся ко мне прилично, по товарищески; я был связан с ним еще дружбою мирного времени, и мне все еще казалось, что в нем проснется дух Скобелевца. Итак я взял на себя тяжелое поручение, а кроме того опять надеялся устроить себе в штабе отряда другое назначение и избавиться от своей неопределенной роли.

В полдень 19 июня я выехал из Лаодитана и сейчас же встретил посланного из штаба, с приказаниями Графа:

1. под начальство Абадзиева поступала сводная казачья бригада из Уссурийского и 2-го Верхнеудинского полков, 2. я назначался начальником штаба этой бригады, и 3, бригаде предписывалось немедленно выдвинуться вперед долиною Тхазелин — Мади, для освещения района между Фынхуанченом и Сюянем. Вероятно это приказание было отдано Графом еще до получения им известия о бегстве Абадзиева из Тхазелина в Лаодитан. Для меня оно имело особенную важность, ибо я получал определенное положение, и поэтому возможность взять Абадзиева в руки и не допускать новых безобразий. Вернувшись к Абадзиеву и, передав ему, приказания, я обещал ему, что, не смотря на большой пробег (до 40 верст), постараюсь вернуться в тот же день, чтобы поскорее двинуться вперед.

Не могу не остановиться на той странной случайности, что уже в день 19 июня я два раза проехал через поле сражения у д. Тунсинпу, на котором мне пришлось с [174] небольшим отрядом состязаться со всею японскою Императорскою Гвардией, начав генеральное сражение под Ляояном, 11-го и 12-го августа, причем в этой завязке боя нам удалось достигнуть первой для Маньчжурской армии настоящей, действительной победы. Точно сама судьба способствовала первой нашей удаче, заставив будущего начальника отряда столь заблаговременно ознакомиться с полем сражения. Проезжая перевал между д. д. Тунсинпу и Саматун, я долго стоял на нем, оценивая местность около первой деревни (моя позиция и подступы к ней) и склоны—хребты близ перевала (позиция японской гвардии, а до сражения место расположения сторожевого охранения, откуда и дебушировали на нас главные силы противника). Не знаю, говорило ли во мне предчувствие, но уже в этот день, и позднее, когда я жил в д. Тунсинпу, я всегда с особенным удовольствием смотрел на два больших каменных китайских изваяния, обозначавшие вершину перевала. В д. Саматун, где стояли части 11-го стрелкового полка, мне сообщили, что штаб В. отряда находится в д. Нютхиай, и я поехал дальше по местности, на которой позднее имел две перестрелки с японцами. По дороге, в д. Холунгоу (последнее место ставки Графа Келлера), пост летучей почты сообщил, что Граф недавно проехал на юг к д. Лидиапуза, в расположение 2-го Читинского полка. Я последовал за ним, и встреча произошла верстах в 4-х.

Не могу сказать, чтобы был встречен любезно, так как Графу уже было известно о нашем бессмысленном отступлении. Идя крупной рысью, он на ходу выговаривал: «Хорош Абадзиев, я уже отре-

шил от командования Перевалова, а Абадзиев не лучше». Я пробовал возразить, но был прерван: «отступают только в двух случаях: или по полученному приказанию, или под напором противника, а в данном случае не было ни того, ни другого». Я намекнул о стратегическом соображении по разведке противника для обеспечения правого фланга Восточного отряда в долине Сидахыа, но получил резкий ответ: «вашу стратегию оставьте, а предоставьте мне [175] знать свою; довольно, Константин Иванович, я вас знаю, вы говорите против себя». Я отстал и поехал с ординарцами. Один из них, знакомый по Ляояну, сказал мне: «полковник, право же вам не стоит распинаться за Абадзиева—мы его знаем, а так вы обвиняете самого себя». Другой ординарец, из гвардии, с насмешкой спросил меня: «хорошо действует твой нукер?» Начальник штаба тоже против обыкновения выразил, что действия Абадзиева ничем не лучше действий Перевалова. Когда мы прибыли в расположение штаба, Граф переменил только лошадь и поскакал опять на позиции, но, помню, что сказал мне на заявление Абадзиева о недостатке подков: «скажите ему, что я сделаю из его полка пеший батальон, и тогда он будет у меня ходить вперед, а не назад».

Итак начальник отряда, его начальник штаба и весь штаб знали о позорном бегстве обоих командиров казачьих полков, но одного отрешили от командования, а другому дали повышение, так как вверили бригаду. Конечно, меня это не удивило, ибо Абадзиев имел слишком много протекции, а Перевалов никакой. Я убедился, что моя слабая попытка прикрыть грехи беглеца не имела никакого значения, ибо и без нее все равно он не пострадал бы; а потому некоторая тяжесть спала с моей совести, Я тотчас послал Абадзиеву телеграмму частного характера: «завтра, с рассветом, выступаем в Каучепфузу». К вечеру вернулся Граф, пригласил меня ужинать, но я отказался, доложив, что спешу в полк, так как он с рассветом выступает вперед. Граф сказал: «отлично, не задерживаю, спешите». Я несколько ввел его в заблуждение, потому что сам назначил выступление, а он по-видимому думал, что я получил такое извещение от Абадзиева.

Темною ночью, по размокшей от дождя почве, я дотащился на измученном коне до Лаодитана, где ожидал меня в лихорадочном состоянии Абадзиев. Мой приезд его успокоил, и мы решили выступить возможно раньше и дать отдых полку в Тхазелине, где имел присоединиться [176] к нам 2-й Верхнеудинский полк, а затем в тот же день перейти к подножию Тхазелинского перевала, в д. Каучепфузу.

ГЛАВА VIII.

Служба начальником штаба сводной казачьей бригады в составе: Уссурийского и 2-го Верхнеудинского казачьих полков, с 20-го июня по 8-е июля.

Наша задача состояла в решительном и смелом наступлении, для освещения района перед правым флангом Восточного отряда до линии Фынхуанчен-Сюянь, а также выяснения расположения и группировки сил противника. Важность задачи была подтверждена личным требованием выяснения обстановки самого Куропаткина (я помню, что в полученной нами инструкции были указания от имени командующего армией). Конечно, задача могла быть выполнена несравненно легче и удобнее в то время, когда Уссурийцы стояли в Мади, а Верхнеудинцы в Сандиазе и Тхазелине, о чем я уже говорил выше, но, к сожалению, до нее додумались только теперь, когда обстановка значительно изменилась в благоприятную для японцев сторону; они продвинулись и к Далинскому перевалу правее нас, и к фронту Восточного отряда, по направлении к Тхавуану (Хояну), и к самому Мади. Если бы мы выдвинулись вперед в конце мая и все время поддерживали бы действительное соприкосновение с противником, то, даже и будучи оттеснены, все-таки еще держались бы на высоте Мади и знали бы кое что о японцах. Теперь же надлежало наступать от Тхазелина ощупью, в потемках, вновь искать противника и входить с ним в соприкосновение, а, при условии современной тактики, да еще в горах, это не так то легко для кавалерии, а в особенности требовало энергии и неустрашимости, чего, как читатели уже достаточно видели, и не было у назначенного командовать конной бригадой полковника Абадзиева.

Правее нашей бригады, у д. Титуню, формировался [177] небольшой отряд (2 роты и 2 сотни) полковника Драгомирова, имевший своей задачей поддерживать связь между 2-м корпусом г. Засулича, т. е. вообще войсками действовавшими у Далинского перевала, и Восточным отрядом, а также наблюдать—оборонять выход в долину р. Сидахыа через перевалы Пханлин и Хандялин. Левее нас, в долине Тинтей-Мади, продолжали выставлять заставы и разведывать казаки 2-го Читинского полка. Нам было приказано оставить 1 сотню Уссурийцев в д. Уцзяфан (между долиной р. Сидахыа и Тхазелином) и 1 сотню Верхнеудинцев, для занятия двух перевалов южнее д. Тхазелин (Чензелин и Фынсяолин) и д. Чудяпуза. Так как в Уссурийском полку 1 сотня продолжала оставаться в отряде Мадритова, а одна держала летучую почту, а в Верхнеудинском 1 сотня была куда то откомандирована и одна также на летучей почте, то в

составе сводной бригады оказалось только 6 сотен, т. е. силы равные одному полку.

20 июня мы выступили из д. Лаодитан в 6 часов утра; у д. Пахудзай выделили 5-ю сотню, направив ее в д. Уцзяфан, при чем я попросил Абадзиева взять с собой из этой сотни ее младшего офицера поручика Юзефовича, так как предвидел, что сотня будет бездействовать, а такой искусный и лихой разведчик был нам очень нужен. С этой минуты Михаил Юзефович перешел на службу во 2-ю сотню Уссурийского полка, с 6-ю казаками которой он геройски пал, окруженный врагом, в двадцатых числах июля. Так как я был инициатором его перевода, то меня мучает мысль, что я как бы принес ему несчастие.

Придя в Тхазелин, мы нашли там 2-й Верхнеудинский полк, в котором происходила перемена командования: отрешенный Перевалов сдавал полк Свешникову. Здесь мы получили сведение, что южнее перевала действует пешая охотничья команда 11-го стрелкового полка, сообщавшая о присутствии японцев в д. Каучепфузе. Так как донесение было весьма неопределенное, то было приказано 5-й сотне Верхнеудинцев подъесаула Черноярова [178] выдвинуться вперед и выяснить обстановку. Абадзиев подвел полк к перевалу и уперся: не двигаться ни шагу, пока не будет разъяснено, что происходит в д. Каучепфузе. Я не настаивал продолжать движение по следующим соображениям: если была задержана целая охотничья команда в 100 человек, то вероятно противник мог серьезно обороняться, а день клонился к вечеру; в Верхнеудинском полку еще не установился порядок командования, и я не успел ознакомиться с его составом, а Абадзиев входил в свою роль бригадного более чем робко. На самом деле мы делали ошибку, потому что в д. Каучепфузе было не более 30 японских кавалеристов, а охотничья команда просто боялась наступать и пошла вперед только тогда, когда двинулся Чернояров, занявший в тот же вечер не только этот пункт, но и д. Сандиазу, лежавшую в 4-х верстах южнее. По получении донесения об этом, мы вернулись в Тхазелин.

С ночлега надо было выслать разъезды. Я выслал из Уссурийского полка Карнаухова, но никак не мог добиться назначения и прибытия за получением инструкции офицеров Верхнеудинского полка. После пяти напоминаний явились Попов и Виноградов. Последний оказался офицером конной артиллерии, окончившим курс академии генерального штаба. Он пришел без очков и потому не мог читать карту, да и вообще решительно не был в состоянии усвоить поставленную ему задачу. Не знаю откуда только свалилось

это золото на украшение казаков, и каким образом мог он окончить академию.

21 июня выступили в 6 часов утра. Не доходя д. Сандиазы, пришло донесение Карнаухова, что, пройдя деревню, его разъезд попал в засаду, был обстрелян и потерял 1 казака и 1 лошадь. Раненого подобрать не успели. В Сандиазе нас встретили Черноярoв с своим младшим офицером Васильковским и начальник пешей охотничьей команды поручик Остапенко; по их докладу выходило, что впереди деревни действует какая то партия японцев; кажется, в то же время пришло донесение Виноградова, что он где то видел издали 2 эскадрона противника. [179] Меня удивило, что пешая охотничья команда, - действовавшая самостоятельно и знавшая, что по близости стреляли по казакам, сидит сложа руки и ничего не предпринимает, тем более что тут же оставалась сотня и подходило еще несколько. Я не делаю упрека в том же Черноярову, потому что для него еще есть нечто вроде оправдания: он донес, что занимает Сандиазу, и не получил от нас нового приказания. Конечно Абадзиеву следовало сказать Остапенко: вы находитесь в районе моих действий, а потому, если вам угодно в нем оставаться, то я принимаю над вами начальство и приказываю делать то-то, а если вы на это не согласны, то либо сидите смирно, либо убирайтесь откуда пришли. Но Абадзиев предложил ему совместные действия, и когда ему придали спешенную полусотню под начальством Васильковского, то он соблаговолил действовать и пошел вперед со своими 90 винтовками. Одновременно я приказал сотнику Савицкому с его 2-й Уссурийской сотней вынестись вперед и прогнать японцев, ибо догадывался что их было несколько человек[18].

Савицкий и Юзефович быстро вынеслись вперед, ловко спешились и несколькими залпами прогнали японцев, которые конечно, заметив наши относительно значительные силы, могли только благоразумно отступить. Должен сознаться, что эти несколько японцев достойны великой похвалы, так как сумели остановить наступление нашей бригады, и задача, поставленная нам самим командующим армией, закончилась в своем выполнении почти на позиции этой горсти. Абадзиев убедился, что вошел в соприкосновение с неприятелем, а наступать дальше значило по его мнению пробиваться и рисковать уже не одним, а двумя знаменами. Я хотел в этот день

[18] Я настойчиво просил Абадзиева разрешить мне руководить высланной 2-й сотней, но он также настойчиво приказал мне оставаться при нем, а, после случая с сожжением Тхазелинского склада, когда приказание было отдано Абадзиевым в ту минуту, как я его оставил, я вообще опасался оставлять его одного, без моего надзора.

достигнуть Мади, но Абадзиев не только решительно уперся, но даже [180] желал отступить в Каучепфузу. Мне удалось уговорить его остаться в Сандиазе на ночлег, а пока хотя порекогносцировать несколько впереди деревни, что оказалось весьма кстати, потому что мы встретили наши два разъезда— Попова и Карнауха, спросившие указания что им делать. Я объяснил, что бывшая ничтожная перестрелка не должна препятствовать продолжению их работы, и направил их вперед. Карнаухов, понесший потери, пожалуй еще мог задержаться (он разыскал труп убитого казака, и мы его похоронили вечером), но почему не шел вперед Попов — непонятно. Но лучше всего поступил начальник третьего разъезда Виноградов. Когда я вернулся на бивак, то услышал, что этот господин уже болтается на биваке, а потому послал за ним. На вопрос, почему он возвратился, не осветив указанного ему района, он ответил, что видел 2 эскадрона противника, о чем донес, и потому возвратился. Я сказал, что ему был дан район разведки, и он не прошел и половины его; кроме того, противник отступил, и ничто не препятствовало ему продолжать движение; наконец, вернувшись, он должен был немедленно явиться к начальнику его посылавшему. Этот офицер не исполнил приказания и поручения, выказал полное непонимание службы и еще какое то пренебрежение начальству, а между тем он остался даже без словесного выговора. Только в донесении на имя начальника штаба В. отряда я написал, что его разъезд не выполнил своего назначения. На это в штабе не обратили никакого внимания, но за то ужасно обиделся Свешников. При такой нетребовательности со стороны начальников, конечно и такие негодные офицеры, как Виноградов, могли продолжать свою нечестную и вредную для армии службу, и вероятно продолжают состоять в ее рядах и поныне. Вот если бы штаб В. отряда запросил бы по получении моего донесения: а что же сделано с офицером за неисполнение задачи, то может быть мне и удалось бы тогда же избавить Верхнеудинский полк от Виноградова.

Итак на второй день выполнения нашей стратегической. [181] разведки, намеченной самим Куропаткиным, мы продвинулись на 16 верст вперед, имели перестрелку, потери (1 казак и 1 лошадь), но решительно ничего не узнали о противнике. Я надеялся, что Орановский потребует от нас наконец сведений и вообще энергии, тем более, что Тхазелинское бегство Абадзиева не могло внушать ему особенных надежд на его ретивость, но . . . нас не подталкивали, не беспокоили, и таким образом я не находил необходимой поддержки. За то тормозов еще прибавилось. Верхнеудинцев от Перевалова пе-

редали Свешникову, но, спрашивается, за какие заслуги? До сих пор он решительно ни чем себя не зарекомендовал, но разве не было всем известно, что этот офицер был совершенно неспособен к военной службе. Ему не доставало только одной ступни, вследствие чего он пешком ходить не может совсем, а ездит верхом с большим риском, ибо может управлять только особенно смирною или дрессированною лошадью. Ведь это был несчастный человек при боевой обстановке, одолеваемый естественною физическою робостью! Можно ли в самом деле не робеть, когда и верхом, и пешком чувствуешь себя одинаково пропащим и бессильным, когда, сняв с ноги особенный механизм, надо затем его приспособлять несколько минут; а если в эту минуту произойдет тревога, неожиданное нападение? Нечестно со стороны Свешникова служить в строю не только в военное, но и в мирное время, и безнравственно со стороны начальства терпеть такую аномалию. Но Свешников был шикарным гвардейским офицером с протекцией, и конечно Абадзиев с этим считался; к тому же они были солидарны в смысле оглядки назад: первый по своей физической немощи, а второй по своим слабонервности и малодушию. О, как часто глаза их высказывали друг другу сочувствие во время наших военных советов, и какие молнии ненависти проносились над моей головой... но оба меня боялись и относительно иногда слушались.

Вечером же я заявил Абадзиеву, что сидеть в Сандиазе не желаю, и требую выполнения задачи, т. е. наступления; [182] он вздумал дать мне понять, что я, как начальник штаба, являюсь только исполнителем его предначертаний; тогда я вразумил его, что, как это мне ни неприятно и даже невыгодно (выйдет инцидент), но я немедленно попрошу Графа меня отчислить и объясню ему причины сего. Тогда Абадзиев сдался, и 22 июня, в 8 часов утра, мы поползли вперед. Опасного не могло быть ничего, потому что впереди нас наступали Черноярoв с Васильковским и стрелковая охотничья команда; кроме того мы оставили в Сандиазе все вьюки, сотню Уссурийцев и взвод Верхнеудинцев, да в Каучепфузу выделили тоже один взвод. В 9 часов утра пришло донесение хорунжего Ушакова о присутствии японской пехоты у д. Семагю, вследствие чего остановились и ждали; затем несколько продвинулись вперед, а тем временем охотники и спешенные казаки заняли перевал южнее д. Киуцейгоу; сменив их 1-й сотней Верхнеудинцев, мы отошли в д. Чоненпен и остались там на ночлег, хотя Абадзиев склонялся к отступлению в Сандиазу. Таким образом на 3-й день стратегической разведки мы продвинулись на 6 верст. Высланные утром разъезды донесли:

1. ротмистр Юмуцкий, прошедший за перевал до д. Тадейзы, определил присутствие 1 батальона и 1 эскадрона;

2. хорунжий Щербачев нашел д.д. Мади, Куандепуза и Ундеапуза свободными от противника;

3. сотник Ладыженский нашел д.д. Упын и Туненпудза свободными от противника; он возвратился очень поздно вечером.

На ночь надо было выслать новые разъезды, хотя по одному от каждого полка. От Уссурийского шел Бровченко. Я пошел в фанзу к Свешникову и передал ему приказание о наряде офицерского разъезда, на что получил энергический отпор: «в полку нет свободных офицеров, и сейчас в наряде полковой адъютант Ладыженский». Я возразил, что исполнение приказания обязательно, на что Свешников ответил так; «не могу же я послать в разъезд командира сотни», и указал на есаула Маркозова. Я высказал, что с разъездами могут и [183] должны ходить командиры сотен, ибо ходят и полковники. Не успел я вернуться к Абадзиеву, как следом за мною прибежали Свешников и Маркозов и начали торговаться: идти, или нет, на такое рискованное предприятие такой важной особе, как господин Маркозов. Я успел внушить Абадзиеву, что освобождение от наряда Верхнеудинцев будет несправедливо по отношению к его Уссурийскому полку, и потому он настаивал на исполнении наряда Верхнеудинцами. Во время исполнения последнего марша, Маркозов не переставал критиковать действия нашей армии, а нашей бригады в особенности, находя что мы наступаем вяло, нерешительно, а опасаться нечего, так как можно двигаться не долинами, а прямо горами, ссылался на полную возможность таких быстрых пробегов его кровною английскою лошадью. Вот теперь судьбе было угодно испытать, насколько он обладал в действительности наступательным порывом, ибо ему представлялся отличный случай пробраться на своем скакуне далеко вперед в расположение противника и произвести энергичную разведку. Но, увы, весь его пыл пропал, все спортсменские скаковые стремления испарились, и он только обсуждал, насколько трудно выполнимо и опасно возлагаемое на него поручение, что ехать верхом невозможно, а надо ползти пешком. К несчастию судьба окончательно его доконала. Уссурийский офицер, молодчина Бровченко, принимавший всякое опасное поручение с удовольствием и выполнявший его блестяще, на этот раз оказался без лошади, вследствие повреждения его копыта, и мог идти в разведку только пешком. Из двух намеченных мною направлений разведки, как раз одно—кратчайшее не допускало движения на конях, а другое—кружное могло быть исполнено именно так; но, правда,

первое допускало незначительное удаление от наших передовых частей—некоторую связь с ними, а второе было в этом отношении несравненно опаснее. Казалось и разговаривать было нечего. Бровченко, спешенный силою обстоятельств, мог идти по первому направлению, а лихой гусар Маркозов, украшавший скаковые ипподромы, сидевший на стиплере, естественно [184] должен был желать разведывать во втором направлении. Однако, после часового дебата между Абадзиевым, Свешниковым и Маркозовым (я не вмешивался и только любовался), пришли к заключению, что пешком пойдет Маркозов, а верхом поедет Бровченко, который займет лошадь у казака сотни. Утверждаю, что такое решение было основано исключительно на удовлетворении чувства самосохранения Маркозова, которому Абадзиев приносил в жертву своего любимого офицера, по сравнению с особой Маркозова являвшегося простым смертным. Ясно, что такая посылка в разъезд, против желания, Маркозова, не взирая на его высокое положение и звание сотенного командира, сделало мне из него злейшего врага, а между тем доказательством его нежелания исполнить весьма обыкновенную задачу служат такие факты: 1. заступничество Свешникова, согласившегося послать его только по личному приказанию Абадзиева и после разговора с добрый час времени, и 2. отказ идти верхом, не смотря на затруднительное положение Бровченко достать себе коня[19]. А между тем некоторые сотенные командиры не находили неудобным лично водить разъезды: 29 июля того же года состоявший в моем отряде командир 3-й сотни 2-го Читинского полка, есаул Князь Долгоруков, сам просил у меня разрешение идти в разъезд, вместо назначенного мною его младшего офицера сотника Ребиндера, и пошел, а задача была не из легких. Крайнее недовольство Маркозова резко обозначилось следующей его бестактностью, а вернее недисциплинарным поступком. Зашла речь о том, что долго не возвращается [185] с разведки Ладыженский, и есаул позволил себе сказать: «после случая с Виноградовым полковник Дружинин так запугал наших офицеров, что они никогда не вернутся». И это смел сказать обер-офицер в присутствии старшего начальника, старому

[19] Лично я не видел никакого затруднения: следовало приказать казаку из сотни, имевшему порядочного коня, предоставить его офицеру, ибо для такой важной службы, как ведение разъезда офицером, некоторый ущерб казака (если бы лошадь погибла, то ему конечно было бы вознаграждение от казны, но некоторое время пришлось бы оставаться пешим) не заслуживает внимания и может быть принесен в жертву пользе дела. Но в Уссурийском полку смотрели на это иначе, и когда один раз у Юзефовича заболела лошадь, то я был вынужден дать ему собственную лошадь из под моего вестового.

полковнику—начальнику штаба. Во избежание инцидента, я должен был переварить дерзкую выходку, но все-таки обрезал, сказав: «прошу оставить в покое имя п. Дружинина и молчать».

В виду того, что, по всем данным, перед нами были совсем ничтожные силы противника, я рассчитывал вытащить отряд в Мади, но это мне не удалось. 23 июня мы выступили только в $10^1/_2$ часов утра и дошли лишь до подножия перевала у Киуцейгоу; здесь встретили возвратившегося с разведки Маркозова, давшего более чем неопределенные сведения. Взяв с собою до 30 пеших, казаков, оставляя частые посты для связи (для обеспечения своего отхода), он продвинулся перед сторожевое охранение не более как на 4 версты и узрел движение каких то партий японцев, не то в долине д. Туненпудзы, не то д. Санчан; он определял силы японцев в 1 батальон и 1 эскадрон, но конечно это было весьма гадательно. Тем не менее Абадзиев решил, что наступать, имея перед собою батальон японцев, невозможно и приказал отходить к д. Чоненпен. Производивший накануне разведку сотник Ладыженский неожиданно заявил мне, что только теперь догадался о своей ошибке, а именно: он доходил не только до д.д. Упын и Туненпудза, а на 8 верст южнее, к д.д. Чиндепфуза и Ундепфуза. Это значительно изменяло обстановку, ибо оказывалось, что далеко на юг, вправо от нас, совсем не было японцев, а так как их не было и влево, по донесению Щербачева, то конечно и перед нами их было весьма немного—может быть все та же партия, так удачно задержавшая стрелков-охотников у д. Каучепфузы, а потом у д. Сандиаза. Если бы Ладыженский сообщил такую важную данную накануне, то может быть Абадзиев решился бы продвинуться до Мади, но теперь мы уже отходили, а, главное, можно ли было доверять офицеру? Можно ли было поручиться, что [186] он не скажет через час времени, что опять ошибся, и был в другом месте. И такие ошибки делает офицер, разведывая днем, с отличной картой в руках. Я заметил Ладыженскому, что он сделал большой промах, но до некоторой степени искупил его честным сознанием своей ошибки. Тем не менее я решил избегать посылать его в разведку, так как объяснял неудовлетворительность его работы исключительно неспособностью: он проявил ведь и энергию и честность. В тот же день я имел случай убедиться в его непригодности для всякой полевой работы. Итак, за три дня наблюдения за Верхнеудинским полком, пришлось признать неудовлетворительными 3-х офицеров: Маркозова, Виноградова и Ладыженского, и, кроме того, конечно командующего полком.

Когда сотни пошли на бивак, Абадзиев, вместе со Свешниковым,

свернули с торной дороги. Нехорошо, когда старший начальник без особенной надобности удаляется от направления, по которому проходит артерия жизни отряда, в виду постоянной возможности получить экстренное приказание и донесение, а удаление вызывает потерю времени на розыск, отдачу распоряжений и выполнение приказаний. Поэтому я не поехал с моим начальником, а оставался на главном направлении, и скоро получил сообщение из штаба В. отряда: сообщалось об усиленной рекогносцировке японцами одной из наших позиций; в то же время из сотни, занимавшей перевалы в нашем тылу, сообщалось о неудачном нападении на передовые части японцев у Тхавуана. Я поехал догонять мое начальство и убедился, что ведший его Ладыженский сумел завести на самую неудобную и далеко не кратчайшую дорогу. Располагаясь в д. Чоненпен, мы выставляли 3 заставы: одну вперед на перевал, одну вправо к д. Чудиапуза и одну в тыл в д. Тулинза. Наряд был от Верхнеудинцев, и я ориентировал по карте полкового адъютанта. Выйдя на улицу деревни, я случайно заметил. что застава, назначенная стать на запад, идет на север, и потребовал объяснения от Ладыженского. Оказалось, что он опять ошибся, т. е. не сумел ориентироваться по [187] карте и неверно направил заставу. Я останавливаюсь на промахах Ладыженского по следующим соображениям. Это был молодой человек, развитой, смышленый, даже пописывавший статьи в газеты, обладавший интересом к делу и не лишенный энергии, но он был совсем не подготовлен службою мирного времени, как полевой офицер, а потому его полная неспособность, выказанная в разведке и даже в ориентировке по карте, происходила от плохой постановки кавалерийской службы у нас вообще: офицеров обучали ездить, скакать, рубить, но забывали о главном—искусстве ориентировки в поле и разведки. Этого не требовали и этому не обучали, или обучали слишком мало и плохо.

В $3^1/_2$ часа приехал на бивак жизнерадостный Бровченко и доложил, что Мади по прежнему японцами не занято, а только на масляном заводе стоит около одной роты и одного эскадрона. Этому офицеру Абадзиев доверял безусловно, а потому мне удалось убедить его, что задерживаться перед такой горстью противника совестно, а потому надо на следующий день, хотя бы и с перестрелкой, продвинуться вперед. Все распоряжения для наступления были сделаны, но позднее получились донесения с тыла от Арсеньева, занимавшего перевалы, о занятии японцами долины севернее д. Тинтей, а от Виноградова (из Каучепфузы) о появлении их южнее этой деревни; кроме того, Васильковский, ставивший пост в д. Ту-

линза, доложил, что встретил японский разъезд, по которому стреляли казаки. Абадзиев не только отменил наступление, но приказал всем быть в полной готовности(под седлом) и решил отойти в Сандиазу. Он спросил меня официально, как начальника штаба, считаю ли я нужным отступить. Я ответил ему, что ни под каким видом отходить назад не следует, потому что занятие японцами долины Тинтей, основанное на каких то слухах, очень сомнительно, что японские разведчики легко могли забежать и в Тулинзу, так как весь район левее нас свободен от наших войск, что, отдав противнику перевал Киуцейгоу, мы значительно стесним и затрудним себе ведение [188] разведки, наконец, что стоянка в Сандиазе лишь немного безопаснее стоянки в д. Чоненпен. Мы имеем задачу наступательного характера, а потому пятиться назад при отсутствии напора противника нельзя. Но я был только исполнителем предначертаний полководца, а потому в $6^1/_2$ часов утра мы начали отступательный марш и прибыли в д. Сандиазу.

Утром пошли к противнику 2 офицерских разъезда: Люмана (Уссурийцы) и Секретева (Верхнеудинцы), а на д. Тинтей разъезд Васильковского. По дороге мы оставили заставу под начальством хорунжего Ушакова (Верхнеудинцы) в д. Тулинза. Скоро Секретев донес, что близ перевала Киуцейгоу встретил пеших и конных японцев (это было естественно, потому что противник, видя наше отступление, выслал за нами свои разъезды и патрули), давших по нем несколько безвредных залпов. Молодец не только не ускакал от противника, а еще подобрал на своих лошадей пеших казаков 3-й сотни Уссурийского полка, которые, согласно первоначального предположения наступать, с рассветом выдвинулись на разведку. Я не успел вернуть их, так как они выступили ранее назначенного мною им часа. Около 4 час. дня Свешников пришел доложить, что на заставу у д. Тулинзы наступают японцы, и он выслал в подкрепление полусотню под начальством Маркозова. Я увидел, что происходит что то неладное: почему застава не донесла старшему начальнику? отчего последний узнает о сделанном уже распоряжении Свешникова? Абадзиев немедленно приказал седлать всем сотням, и мы поехали вперед к окраине деревни. К удивлению, все наши передовые части, а именно: разъезд Секретева, застава Ушакова и полусотня Маркозова находились уже на позиции у самой Сандиазы, а следовательно можно было думать, что их оттеснил противник. В данном случае Абадзиев правильно произвел тревогу всему отряду, ибо, если передовые части необыкновенно спешно отошли к самому биваку, даже не донося об этом, то с минуты на

минуту можно было ожидать атаки противника. Едва мы выехали [189] из деревни, навстречу прискакало несколько Верхнеудинских казаков; один вез на седле раненого японца в одном белье, без фуражки, другой седло японского образца. Рассматривать трофеи не было времени, но все-таки мне врезалось в память интеллигентное, красивое лицо молодого японца и страдальческое выражение его глаз. Мы ждали наступления противника, видели доказательства его близости, но решительно ничего не понимали в обстановке. Я увидел Юзефовича и приказал ему, взяв разъезд, вынестись вперед и осветить обстановку. Юзефович бывал якорем спасения: за него хватались всегда в трудные минуты. «За мной, наметом», скомандовал он, и маленький лихой татарин исчез с нашего горизонта, а я с этой минуты перестал беспокоиться.

Абадзиев верхом влетел на остроконечную сопку, на позицию ретировавшегося победителя (!) Маркозова. Казаки лежали, с заряженными винтовками в руках, готовые отрыть огонь против … мифа или миража. Свешников и другие офицеры смотрели в бинокль. Кто то сказал: «видно, как перевязывают раненого». А я в бессильном негодовании и тоске думал: что за позор! Расстреляли ничтожный японский разъезд, а затем отошли без оглядки поближе к своим, забыв о священной обязанности охранять отряд, лишь бы самим очутиться в безопасности, даже не подумав донести о своем отходе, особенно в виду того, что есть на чем отыграться— есть трофеи, и можно хвастаться блестящим делом. Я отношу все эти мои слова всецело по адресу Маркозова, пожавшего лавры этой перестрелки, описанной в реляциях, газетах и составившей реноме его имени. Впрочем он рекламировал себя при всяком удобном случае и даже за бой у д. Тунсинпу, где из всех чинов вверенного мне отряда оказался по доблести из последних, хотя и был ранен. Вот как на самом деле произошла ретирада Маркозова (но не Верхнеудинцев) в д. Сандиазу.

Как уже сказано выше, сотник Секретев был обстрелян выдвинувшимися вслед за нашим отступлением [190] партиями японцев, но он не бросил соприкосновения с ними, а, постепенно отходя, зорко следил. Поравнявшись с заставой, которой командовал его товарищ по Л.-Гв. Атаманскому полку Ушаков, оба офицера решили устроить засаду и выбрали весьма удачное место вблизи д. Тулинза. Японский разъезд, силою до 20 коней, весьма неосторожно продвигался вперед, и вероятно лихие офицеры расщелкали бы его в полном составе (они имели несколько десятков казаков), но на беду донесение о приближении японцев попало помимо старшего

начальника Свешникову, который и распорядился самовольно, послав Маркозова с полусотней. Этот едва не испортил все дело, но Секретев успел во время указать ему скрытый путь следования и место расположения, дабы не спугнуть зарывавшегося противника. Командование принял Маркозов, как старший, и открыл слишком рано огонь, так что японцы, потеряв одного раненого, одну раненую лошадь и одну убитую, успели ускакать. Немедленное затем отступление Маркозова к Сандиазе не может быть ничем оправдано. По его показаниям, тотчас же выскочила рота японцев и начала обстреливать казаков, так, что раненого японца подбирали уже под огнем противника. Допустим, что это было так, и за японским конным разъездом следовала близко пехота, но однако она не помешала взять раненого и не нанесла никаких потерь нам (не было ни одного оцарапанного пулей казака). Какое право имеет сторожевая часть отходить к биваку охраняемого отряда, не получив на то приказания и не будучи теснима или обходима противником? Ведь Юзефович проезжал место расположения заставы и донес, что ни одного японца не встретил; и действительно, если бы там была рота, то он подвергся бы обстрелу, наступая долиной совершенно открыто. Утверждаю, что после расстрела японского разъезда, Верхнеудинцам не угрожали никакие японцы, пешие или конные, доказательством чему служит еще тот факт, что их казаки успели не только увести раненого японца, но еще и обокрасть его. Это был несомненно унтер-офицер, а вернее офицер, на что указывали особенно [191] интеллигентная наружность и показания китайцев, которым на следующий день японцы прислали предложение большого денежного вознаграждения за доставку тела убитого. Следовательно при унтер-офицере или офицере должны были быть часы, компас, револьвер и бумажник с деньгами, но ничего этого не получило начальство, ибо все осталось у казаков, раздевших раненого. Вообще в отношении приобретенных трофеев было поступлено безобразно. По закону, все взятое у противника имущество представляется по команде и никоим образом не составляет собственности лиц его забиравших, но в данном случае, вопреки моим настояниям, Абадзиев оставил все в распоряжении Маркозова, который взял себе коня и роздал кое что другим участникам перестрелки. Замечательно, что нам не были даже переданы целиком разысканные в платье убитого книжки и документы, которые я должен был идти отбирать лично в расположение Верхнеудинских офицеров.

Это ничтожное само по себе дело принесло только существенную пользу Абадзиеву, воспользовавшемуся таким случаем доказа-

тельства присутствия перед нами японцев оправдывать свое бездействие и нежелание наступать. Для большего выяснения обстановки, с рассветом 25 июня, были направлены офицерские разъезды: Лутовинова (Уссурийского п.) и Черемухина (Верхнеуд. п.) по главному направлению на Мади и левее; оба шли на конях и потому добрались только до д. Чоненпен, лежащей в 6 верстах, не открыв ничего. Посланный правее на д. Упын Юзефович донес, что встретил японцев, возвратил на бивак лошадей и пошел вперед пешком; для этого офицера не было отговорки: «не пущают», и без выполнения задачи он не возвращался. В тот же день прибыл Васильковский, разведывавший у д. Тинтей и восточнее, и доложил, что присутствия японцев не обнаружил, но, по сведениям китайцев, их разъезды иногда посещают этот район. Обстановка вообще начинала выясняться, и оказывалось, что она почти совсем не изменилась за последний месяц. Одна японская армия медленно продвигалась [192] к позициям В. отряда на этапной дороге Ляоян—Фынхуанчен, другая оперировала против войск г. Засулича, в направлении от Сюяня на Далин—Хайчен; узел Мади был теперь в сфере влияния японцев, и они продвинули свои небольшие прикрывающие части по 3-м на- правлениям, на Тинтей, Тхазелин и Титуню. В виду полной пассивности наших передовых частей, японцы стали смелее и выдвинули даже вперед конные части, одна из которых попалась в засаду Верхнеудинцев. Так как, согласно донесений разъездов, японцы продвинулись к северу от Мади незначительными силами, а левее нас их также не было (донесение Васильковского), то я уговорил Абадзиева продвинутся вперед и, заняв перевал Киуцейгоу, или дойти до Мади всеми нашими силами, или хотя бы дать возможность пробраться туда отдельным разъездам.

26 июня в 8 часов утра первые сотни обоих полков выслали свои спешенные части по хребтам, окаймляющим долину Сандиаза—Киуцейгоу, и тем обеспечили наступление остальных сотен долиною. Хотя такой способ наступления кажется некрасивым по своей медленности, особенно для конных частей, но, будучи в соприкосновении с противником, наступать иначе слишком рискованно, ибо можно ожидать засад противника за каждой сопкой. В горах всякая конная часть представляет из себя не более как ездящую пехоту, и, только при таком взгляде на нее, может приносить пользу армии. Если судить по донесениям Лутовинова и Черемухина, то японцы должны были встретить нас ближе перевала Киуцейгоу, но вероятно они отошли при нашем приближении, и спешенные казаки заняли перевал беспрепятственно; кто то донес (кажется ротмистр

Юмуцкий) об отступлении 100 японских пехотинцев и $1^1/_2$ эскадронов. Пройдя д. Чоненпен, мы остановились. Абадзиев пришел в крайне нервное состояние, засуетил всех, посылал сбивчивые приказания подполковнику Маркову, командовавшему спешенными частями, и наконец приказал отходить в Сандиазу, находя слишком рискованным выдвинуться за перевал. Большинство [193] офицеров было недовольно, потому что который раз мы уже танцевали кадриль между Сандиазой и перевалом Киуцейгоу и все никак не могли продвинуться за перевал, а японцы либо отступали, либо отсутствовали. Я сужу о недовольстве офицеров потому, что даже такой образцовый, как Бровченко, позволил себе странную выходку при своем докладе о действиях спешенных частей, в которых он принимал участие. Вечером Абадзиев торжествовал, так как вернувшийся с разведки сотник Попов доложил ему, что видел у д. Лиудепузы (за перевалом) стоявших на привале 400 пеших и 150 конных японцев, расположение коих указывало намерение приготовить нам засаду. Я не имею оснований не доверять виденному Поповым, но, при условии высылки нами спешенных частей по хребтам, мы никак не могли попасть в засаду, и тот же Попов мог нас предупредить о ней. Но по крайней мере, подравшись с японцами, увидя, что они в серьезных силах преграждают нам дорогу, у нас больше не было бы сомнений в невозможности наступать к Мади, а пока все-таки были одни догадки. Так как вернувшийся с разведки Юзефович определил присутствие японской пехоты у д. Яндзелу и движение их разъездов по долине от этой деревни к д. Чиденпфуза, и поступили сведения, что противник обнаруживает наступление в окрестностях д. Намаю, против перевала Пханлин (южнее д. Титуню занятой отрядом Драгомирова), то можно было определить силы японцев на линии Мади—Яндзелу—Намаю в 2 батальона и 2—3 эскадрона. Этого было достаточно, чтобы наша наступательная задача замерла навсегда, и теперь мне оставалось только настаивать на удержании за собой Сандиазы, в виду того, что Абадзиев и Свешников склонялись к расположению за перевалами Фынсяолин и Чензелин, в Тхазелине. Как кошмар стояла перед ними возможность обхода нас противником со стороны Тинтей, или от перевала Пханлин, но я не уступал им и, пока состоял начальником штаба бригады, не отдал Сандиазы японцам.

Для нашего непосредственного охранения в д. Сандиаза [194] мы выставляли одну заставу на юг, к д. Аллотунь, и две на запад, на высоты д. Сандель и южнее д. Кучитен; кроме того 20 казаков, под начальством офицера, стояли в д. Каучепфузе, освещая

направление на д. Тинтей и держа связь с 2-м Читинским полком. 27 июня случилось неприятное происшествие на сторожевом охранении. Им ведал в отношении расположения и применения к местности, а также поверки службы, прикомандированный к Уссурийскому полку патентованный разведчик подполковник Марков, производивший впечатление дельного офицера, но его положение в полку было неопределенное, и Абадзиев относился к нему, как к постороннему ему человеку, хотя больше штаб-офицеров в полку не было, не считая Савицкого, остававшегося почти всегда при обозе в тылу. Думаю, что Марков, не чувствуя под собою почвы, не относился с достаточною требовательностью к выполнению сторожевой службы, и она часто хромала; обыкновенно он указывал офицерам по карте, пункты расположения застав и постов, не отдавая себе отчета в том, что заставу еще можно поставить по двух верстной карте, но посты ее никоим образом. Когда же наряд держали Верхнеудинцы, то Марков совсем не распоряжался. Абадзиев не обращал внимания на мои доклады о неисправности сторожевой службы и конечно не поручил бы мне ее поверку, опасаясь инцидентов, особенно с Верхнеудинцами. Наконец пришлось обратить некоторое внимание, ибо мы узнали, что японские пехотинцы напали среди белого дня на уссурийскую заставу у д. Сандель, захватили в плен не раненым часового, увели одну и убили 3-х лошадей; казаки заставы разбежались, побросав вьюки снятые с лошадей. Абадзиев немедленно произвел тревогу (о сколько тревог пережил я под его начальством в Мади и Сандиазе!) и выслал к д. Сандель сотню с Марковым, который теперь лично расположил части сторожевого охранения. Оказалось, что застава, вопреки приказанию, была под начальством не офицера, а урядника, расположившего ее на скате идущем от противника, имея перед собою лес, по которому и [195] подкрались японцы. Я сам осматривал это место по указаниям казаков бывших в составе пострадавшей заставы.

28 июня прошло спокойно. Из высланных 3-х разъездов 2 не доставили никаких сведений (у меня отмечено в записи: офицеры своих задач не исполнили), а один (Люман), разведывавший на д. Семагю, донес об отсутствии противника. Вечером командир 4-й Уссурийской сотни, стоявшей на южной главной заставе, донес о приближении японского эскадрона; посланный на подкрепление есаул Арсеньев выяснил, что это был китайский скот. В 3 часа ночи, в помещение занимаемое Абадзиевым, зашел без приглашения пьяный командир 1-й сотни есаул Мунгалов и занимал его своею беседой часа полтора. Отмечаю этот факт распущенности офицера и сла-

бости командира полка; благодаря сему мы провели ночь без сна.

28 июня сторожевое охранение занимали Верхнеудинцы, и этот день я назвал их бенефисом; ибо они весь день доносили о японцах, а последние как нарочно не показывались. На беду утром поступило тревожное донесение из Каучепфузы о нападении японцев на читинскую заставу между Каучепфузой и Тинтей. После полудня Елчанинов (прикомандированный к Верхнеудинскому полку конно-артиллерист с академическим ген. штаба образованием) донес с правофланговой заставы, что японцы группами перебегают мимо него к северу, направляясь в тыл д. Сандиазы. Абадзиев тотчас выслал 2-ю сотню Уссурийцев, дошедшую до д. д. Семагю и Манюхэ, и Юзефовича до д. Ванцзяпуцзы; никаких признаков японцев обнаружено не было. Около 5 часов дня прибежал испуганный Свешников и сообщил, что японский разъезд стоит на горе над нами (я сказал: «скоро ему покажется, что японцы заглядывают к нему в окна»); розыск этих отважных японцев 1-ю сотней Верхнеудинцев не увенчался успехом. Наконец уже в сумерках явился хорунжий Хвощенский, ходивший с разъездом по поручению своего командира сотни в направлении к д. [196] Чоненпен, и доложил, что, по словам китайцев, у д. Ходепфуза сосредоточено 4.000 ч. японской пехоты. Я не придал никакой цены этому донесению, но оно меня возмутило: сказать Абадзиеву, что в 8 верстах от нас собраны такие значительные силы противника, да еще на ночь, значило лишить нас спокойствия и сна на всю ночь. Я довольно резко пояснил офицеру. что указанный китайцами пункт находится всего в расстоянии 4 верст от расположения высылавшей его на разведку заставы и отделяется всего одним гребнем, при чем с высоты 210, в 3-х верстах от заставы, должна быть видна долина д. Ходепфузы и вероятно самая деревня; поэтому непроверку привезенного им слуха считаю полным непониманием отправления сторожевой и разведывательной службы. Я никоим образом не хотел и не хочу делать Хвощенскому, позднее доблестно павшему на поле брани, упрека в робости, но отмечаю факт непонимания им своих обязанностей. Допустим, что командир сотни не предписал ему разведки у д. Ходяпфуза, и он исполнил все ему порученное, но неужели, узнав о столь близком присутствии значительных сил противника, угрожавших прежде всего заставе, от которой он и был выслан для ее же обеспечения, он не должен был догадаться немедленно продолжить разведку, что допускало и время, и расстояние. К сожалению, командир сотни Арсеньев жестоко обиделся на меня, особенно в виду того, что Хвощенский был его товарищем по Л. Гв. Уланскому полку, и

в оправдание своего офицера говорил, что ему не было приказано высылать офицерских разъездов, а он по собственной инициативе (подумаешь какая жертва!) побеспокоил Хвощенского, и теперь вдруг, вместо благодарности, недовольство. Я сказал, что лучше и не посылать офицера, если он не имеет представления о службе разведывания и охранения, а может только кататься и ни о чем не размышлять. Я считаю Арсеньева одним из лучших и храбрейших офицеров армии, но, подобно и другим, он конечно не был далек от обшей рутины и не мог признать моего авторитета, ибо [197] для него таковым могли быть известные имена и фамилии, но не чины и опыт.

К вечеру ставший в Каучепфузе Бровченко немедленно выяснил, что нападение японцев на Читинцев было вздорным слухом. Я предложил Абадзиеву, в виду постоянной остановки наших разъездов перед японскими постами, послать целые сотни сбить эти посты спешенным боем, но согласия не добился, и поэтому результаты всех разведок на следующий день были нулевые. Разъезд Карнаухова был обстрелян у перевала Киуцейгоу и едва не охвачен японцами; разъезд Колесникова, высланный на Яндзелу, вернулся и донес, что был остановлен противником. Только Люману удалось разрешит свою задачу. Я приказал ему, в виду слухов о наступлении японцев значительными силами к Пханлинскому перевалу, во что бы то ни стало выяснить, заняты ли ими д.д. Манюхэ и Намаю, и дал ему, целый взвод казаков. Люман, пройдя д.д. Семагю и Манюхэ, повернул на юг к д. Намаю, где заметил присутствие противника; он развернул казаков лавой и пошел открыто долиной, чем вызвал на себя сильный огонь, по его определению до 2-х рот пехоты. Так как японцы начали стрельбу с 2 — 3-х тысяч шагов, то потери казаков были невелики: легко-раненый казак и 3 лошади. Когда Люман начал отходить, то японцы выслали конную часть, но она сейчас же прекратила преследование. К сожалению два казака показали себя трусами, бросив своих лошадей и убежав в сопки. Как по этому случаю, так и по другим, я все более убеждался, что японцы были плохими стрелками, потому что казаки часто попадали под их огонь и всегда несли ничтожные потери; кроме того они всегда открывали огонь со слишком дальних дистанций.

Вечером пришло сообщение штаба Восточного отряда о возможном наступлении японцев; 1 июля его же телеграмма гласила: «без перемены», а Бровченко доносил об отступлении японцев от Тинтея (сведения Читинцев) и Желтухин — об очищении перевала Киуцейгоу. Китайский шпион, посланный мною в окрестности Мади, сооб-

щил [198] довольно интересные сведения: в окрестностях этого пункта стоят 500 пехотинцев и 200 кавалеристов с 6-ю орудиями или пулеметами (не выяснено); начальник этого отряда имел резерв еще в 300 человек, но просил дать ему подкреплений для занятия перевалов Пханлин или Фынсяолин (не выяснено), так как определяет силу казаков в 4.000 человек; в подкреплениях ему было отказано. Эти сведения заслуживали доверия, потому что сходились с данными, добытыми нашими офицерами, а сам китаец, получив 30 рублей за свои услуги, отказался продолжать разведку, опасаясь быть замеченным японцами, или же выданным своими соотечественниками. К сожалению я опять был без переводчика, потому что уступленный штабом Восточного отряда кореец Чаденво был, вскоре по прибытии к нам, заподозрен комендантом штаба графом Комаровским в сношениях с японцами и, по приказанию Орановского, арестован и отправлен в штаб. Я знаю, что подозрения Комаровского оказались нелепыми, и Чаденво был восстановлен в своей честности.

2 июля было выслано 4 разъезда: 1) Бровченко из Каучепфузы через Тинтей, в район Мади-Нунунгоу-Татангоу, для проникновения с этой стороны к масляному заводу близ Мади; считая это поручение очень серьезным, я надеялся, что Бровченко удастся выбрать из своей заставы хороших людей и коней и таким образом избежать их назначения командиром сотни Мунгаловым, которому, по горькому опыту, имел полное основание не доверять; 2) Жигалин на перевал Киуцейгоу, или в обход его слева (к востоку); 3) Апухтин на д.д. Упын и Иендевейза; 4) Попов в район Семагю-Манюхэ-Намаю- Яндзелу. Свешников просил послать перед его двумя разъездами лазутчиков китайцев, но, если он это и сделал, то пользы от этого не было никакой. Апухтин прибыл в 5 часов дня и доложил, что у д. Упын много японской пехоты; идя пешком, он оказался между передовыми постами противника, но удачно выбрался, потому что японцы отвлеклись наступлением разъезда Жигалина [199] долиною Сандиаза-Киуцейгоу. Последний был сильно обстрелян, ушел в сопки и продолжал все-таки движение. Бровченко прислал донесение ночью, что между Нунунгоу и Татангоу стоит японская застава в 40 человек. Попов отправил лошадей на бивак и пошел пешком.

Вечером из штаба Восточного отряда прислали диспозицию о наступлении Графа Келлера, в ночь с 3-го на 4-е июля, от Хояна к Ляншаньгуань. Существует мнение, что это наступление было как бы авантюрою Графа, какою то отдельною частною его попыткою.

Но я утверждаю, что Граф наступал по идее Куропаткина, рекламировавшего это наступление почти так же широко, как свое наступление под Шахэ-Бенсиху. Нас также хотели тогда уверить, что стратегия терпения кончилась, и настала минута сломить дерзкого врага и гнать его перед собой. Но никто в Восточном отряде этому не верил, и все как бы предчувствовали заранее неудачу. Да и в самом деле, разве не было ясно, что наши силы еще недостаточны, что доказывало столь недавнее дергание командующим армией своих резервов то на юг, то на восток. Нерешительность Куропаткина и отсутствие определенного плана действий уже были для всех очевидны. И вдруг приказ одному только Восточному отряду, сняться с якоря и ход вперед, даже не намекая о наступлении других частей войск. Я думаю, что это безрассудное приказание было отдано Куропаткиным только потому, что Восточным отрядом командовал доблестный Граф Келлер, потому что в его храбрости и энергии нельзя было сомневаться, потому что он мог или победить, или умереть. В этом Куропаткин не ошибся, но за то имеет ли командующий армией право наступать только во имя львиной храбрости одного генерала, у которого были деморализованный штаб и деморализованные войска. Недавнее недоразумение по очищению Хояна и постоянные отходы без упорного сопротивления отдельных частей отряда показывали, что наступление Графа могло бы иметь успех, только будучи обставлено известными выгодными условиями которые отсутствовали в полном смысле слова. Обстановка [200] была туманна, не имелось точных сведений о противнике, резервов для развития успеха не было. Впрочем в данную минуту частный успех Восточного отряда и не мог принести существенной выгоды, потому что только при большом перевесе сил можно было заставить Куроки обходами флангов уйти в Корею, или хотя бы к Фынхуанчену. Кроме того, рисковать наступательным боем, не обеспечив его успех, было бессмысленно, потому что это значило деморализовать армию еще больше; до сих пор нашим неудачам еще можно было найти некоторое оправдание в превосходстве сил, которому мы уступали при обороне; сила солому ломит, и ореол мужества и искусства оставался еще хотя на словах. Наступать же самим и быть отбитыми значило понести фактическое, видимое, осязаемое поражение, доказывавшее, что противник или устойчивее, или искуснее нас. И вот на такую авантюру, с легким сердцем, сказав несколько громких фраз, Куропаткин бросил В. отряд и прежде всего пожертвовал жизнью своего храбрейшего генерала, (Граф искал смерти после этой неудачи), который ему очень пригодился бы под Ляояном, в

момент генерального сражения. Доказательством моих слов привожу донесение Графа на сделанный ему Куропаткиным запрос: вынесены ли все раненые, как велики потери, и какие силы были выяснены у противника?—«5 июля. Смею убежденно донести, что раненые вынесены все; что касается убитых, то их осталось не мало в руках противника; о потерях донесу, как только они выяснятся. Относительно сил противника должен высказать свое личное убеждение, по которому таковые не превышали сил колонны г. Кашталинского; со стороны же Модулина, хоть они не выяснены, но думаю, что было менее 4-х батальонов.—Неприятель превосходил нас только в умении действовать и в искусстве пользоваться артиллерией». Колонна Кашталинского состояла из 14 батл. и 12 орудий. Какой великой честности был незабвенный, мужественный Граф Келлер!!!

Но хороша же была и диспозиция для боя 4 июля, составленная Орановским. Она была не только неискусна, [201] неграмотна и несоответственна обстановке, но безнравственна, потому что сама заранее говорила не о наступлении, а об отступлении, не о доблести, энергии и успехе, а о бегстве, пассивности и спасении. Такую диспозицию мог только выдумать и разработать беглец Тюренчена со своим паническим штабом, на посрамление Русской армии и русского генерального штаба. Диспозиция распределяла все войска на 5 частей: 3 боевых отряда, 1 резерв и 1 часть для обеспечения отступления на заранее избранной позиции. Не знаю, в какой тактике рекомендуется, наступая, занимать сзади себя позицию особыми войсками, но во всяком случае такая мера противоречит здравому смыслу. Для обеспечения от случайностей в бою, как оборонительном, так и наступательном, служит резерв, но, даже при обороне, расположение в несколько линий сразу невыгодно, потому что отнимает часть сил из резерва и отнимает упорство от первой линии, как бы указывая, что ее оборона только временная; выделить же часть сил на позицию в тылу резерва, в наступательном боевом порядке, значит: ослабить себя для удара, ослабить свой резерв, подорвать всякую энергию наступления, сразу узаконив и разрешив отступление; в данном же случае, принимая во внимание, что пускали в атаку войска уже слишком привыкшие осаживать, деморализованные, такая мера была сугубо бессмысленной и безнравственной. Только по этому было сразу видно, что диспозиция не предвещала ничего хорошего и в себе самой носила зародыш неуспеха, но я сказал, что она была несоответственна обстановке, и, хотя не видел ее более 4-х лет, могу перечислить всю ее несостоятельность в этом отношении. Совсем не была принята в соображение данная

местности, т. е. что приходилось атаковать в горах, а не на равнине; войска должны были наступать слишком узким фронтом и слишком длинными кишками; читая диспозицию, уже рисовалась картина атаки головными ротами—батальонами, когда все остальное должно было смотреть, а затем опоздать или бездействовать, как и случилось на самом деле. Я не виню за диспозицию подписывавшего ее Г. Келлера, потому [202] что он отстал от службы в генеральном штабе и конечно доверял рекомендованному ему выдающемуся начальнику штаба; после этого случая доверие исчезло, но, к сожалению, слишком поздно. Я слышал обвинение Графа в неумении управлять войсками, но разве не служат смягчающими обстоятельствами следующие: 1) управлять не только корпусом, но и гораздо меньшею частью в современном бою нелегко, и нужны исполнительные органы, а если эти органы (штаб В. отряда) бредят отступлением, то они являются не помощью, а тормозом, чем и были при Графе Орановский, Ярон и компания; 2) начальники атакующих колонн не проявили никакой инициативы, чему служит доказательством факт командования Графом в последние моменты боя стрелковыми цепями, которыми он сам прикрывал отступление; это было не разменивание командной власти на второстепенные роли, а необходимость пополнить пробелы своих подчиненных. Слава и честь доблестно павшему на поле брани герою!

Штаб прислал нам 5 экземпляров диспозиции, несмотря на то, что о нашей бригаде в ней не говорилось (во всяком случае назначения никакого мы не получили), и бой происходил в расстоянии более 2-х переходов от нас. Казалось бы вполне достаточным дать нам 1 экземпляр, предоставив Абадзиеву ознакомить с содержанием его своих подчиненных. Я замечаю об этом, потому что с такими документами вообще обязательно быть осторожным, и зря раздавать их не следует, дабы они не попадали в руки противника. К огорчению нашей компании, я тотчас же сжег 4 экземпляра. Вечером мы получили неопределенное известие об оставлении Читинцами д. Тинтей.

3 июля в 11 часов дня патентованный офицер Абсеитов донес, «что он видит японцев и спрашивает что ему делать». Полагаться на него было нельзя, а потому послали на разведку есаула Желтухина с полусотней, прошедшего далеко вперед и противника нигде не обнаружившего. В 3 часа дня прибыл Попов с разъездом Верхнеудинцев и доложил что д. Намаю [203] занята 2-мя ротами японцев (подтверждение донесения Люмана от 30 июня), и за ними стоит столько же; проникнуть к д. Яндзелу его не допустили. Вечером

явился Жигалин, прошедший до гор, доминирующих над узлом Мади (отличная разведка в тылу противника), и доложил, что масляный завод не занят, но японцы стоят в лощине западнее, а на перевале Киуцейгоу имеют заставу. Бровченко, как всегда блистательно исполнивший свою задачу, донес, что Мади не занято, равно как и масляный завод. В виду таких успокоительных сведений, я предложил Абадзиеву произвести на следующий день наступление в виду наступательного боя нашего отряда, и хотя бы занять перевал Киуцейгоу, при чем заранее предупреждал, что, в случае контрнаступления японцев, надо держаться упорно, так как всякое наше малейшее отступление могло болезненно отозваться на операции Графа. Абадзиев не отказал мне, но созвал на совещание всех штаб-офицеров и командиров сотен. Военный совет, а главным образом Свешников, нашел непреодолимые затруднения к осуществлению моей идеи, ссылаясь на расход людей по охранению и тягости службы. Мне пришлось удовольствоваться разрешением выслать в 6 часов утра 1 сотню Верхнеудинцев и $^3/_4$ сотни Уссурийцев, под начальством Маркова. Так как Желтухин увлекся своей разведкой и долго не возвращался, то, для успокоения Абадзиева, я выслал по тому же направлению Юзефовича и китайца-шпиона, от которых получились конечно успокоительные донесения.

Считаю себя обязанным сказать несколько слов об есауле Желтухине. Этот гвардеец, переведшийся в казаки во время войны, представляет тип образцовейшего во всех отношениях офицера и командира сотни. Всякое поручение он исполнял немедленно, не теряя ни одной минуты, энергично и добросовестно; никогда не протестовал против наряда не в очередь, а между тем его сотню трепали больше и чаще всего. Он был вполне образован тактически: оценивал местность, применялся к ней, искусно располагался, отлично ориентировал своих [204] подчиненных, правильно вел разведку и образцово доносил в отношении честности, своевременности, точности и непрерывности. Я был бы счастлив видеть в рядах нашей кавалерии возможно больше таких офицеров, тем более, что и в совершенно чуждой ему среде он, при всей своей требовательности по службе, снискал себе всеобщи. любовь и уважение. Ему смело можно было доверить уже тогда любой кавалерийский или казачий полк. Надо отметить его особенную дисциплинированность, корректность и скромность.

Как раз перед заседанием военного совета к нам явился уже знакомый нам начальник охотничьей команды 11 стрелкового полка Остапенко, которого мы потеряли из вида с 22 июня; тогда он заяв-

лял, что идет искать противника и дел с ним; между тем мы стояли тогда в д. Чоненпен и были в соприкосновении с японцами, а он уходил к нам в тыл, где их не было. Какие он имел лихие дела не знаю, так как наши разъезды. всюду шнырявшие, его не встречали, но ходили слухи, что его команда где то подверглась панике. У меня была записка командира 11 полка, отзывавшая команду в полк. Остапенко заявил, что ему следует идти в полк, но, если нам предстоит завтра дело, то он останется с нами. На этот раз, не спрашивая Абадзиева, я сказал ему: «угодно вам войти в состав отряда п. Абадзиева, то для вас имеется отличное назначение; мы будем наступать долиною Сандиаза — Киуцейгоу и должны послать по хребтам долины спешенных казаков, которых с успехом заменит ваша команда, не имеющая лошадей и коноводов; если вам неугодно исполнить предлагаемого, то вы не нужны». Герой без колебания решил, что он уйдет в полк. Выходило очень странно: офицер болтается без всякого смысла и дела, говорит, что ищет противника, а, как только ему предлагают участвовать в перестрелке, он немедленно бежит назад. Позднее я узнал, что это был за шантажист.

Нельзя не остановиться на вопросах формирования, организации и эксплуатирования в нашей армии охотничьих [205] команд в рассматриваемую кампанию. В начале войны сибирские стрелковые полки имели только конные команды, вопреки всякому здравому смыслу. Нельзя было не предвидеть, что сибирские войска будут действовать в гористой местности, где конные части бесполезны. Но у нас обыкновенно ничего не предвидят, и вышло, что стрелки были лишены горных пушек, вьючного обоза и пеших разведчиков, а получили в изобилии конные части в лице своих конных команд и казаков; заметим, что в равнинной Европейской России сформировали пешие команды. Я объясняю происхождение конных команд у сибирских стрелков такими соображениями: конные нижние чины обеспечивали удобство пользования всеми чинами полка казенными лошадьми, конными вестовыми и посыльными, а хозяйственная часть получала экономию с фуражного довольствия. Офицеров любителей служить на коне найдется всегда сколько угодно. Как только грянула война, конные охотники оказались если не бесполезными, как ездящая пехота, то во всяком случае гораздо менее полезными, чем пешие, ибо кони ставили их иногда в критическое положение, как это случилось при обороне берегов р. Ялу не помню с командой какого полка, потерявшей большую часть своих лошадей. Я имею широкий опыт командования охотничьими командами в горах Маньчжурии и конечно предпочитаю пешие, обладающие боль-

шею независимостью действий, большим упорством в бою и большею силою, за ненадобностью иметь коноводов. Конечно, каждому пехотному полку нужны конные чины для ординарческой и посыльной службы, но для этого незачем обременять казну расходами на содержание 150 всадников. Мы совсем не так богаты, чтобы позволять себе такую роскошь, и у нас имеется слишком много конного войска (кавалерии и казаков), которого на театре военных действий было слишком достаточно с самого начала войны. Любой командир пехотного полка пожалуй скажет, что сотня или эскадрон не заменят полковой команды, что драгуны и казаки не станут так работать, как его команда, ибо они подчиняются ему лишь временно и не очень то его опасаются. [206] Но с такою ересью службы соглашаться нельзя: любой эскадрон или сотня, приданные полку, обязаны нести службу столь же добросовестно, как если бы они подчинялись своему прямому кавалерийскому начальнику, и командиру пехотного полка нечего с ними церемониться в своих служебных требованиях. Конечно сотня или эскадрон не доставят командиру и полковому штабу роскошного штата посыльных и конвойных, а также экономии от фуража в хозяйственные суммы. Одним из главных назначений конных команд на войне было составлять конвой и прислугу разных начальников и их штабов. Командуя отрядами из охотничьих команд, я получал часто, вместо команд, их половины или даже четверти, и сами начальники команд жаловались на расхищение людей полковыми и другими штабами.

Но в сибирских стрелковых полках конные команды, хотя и ошибочно, но существовали до войны, и пришлось организовать пешие; все же полки из западной Сибири и России прибыли в Маньчжурию сперва без конных команд, с одними пешими. На удивление, Куропаткин приказал сформировать и конные, чем загубил. напрасно много миллионов русских денег (формирование и содержание). И что это были за команды, на китайских лошаденках, некованых, с всадниками понятия не имевшими об уходе за лошадью и о верховой езде. С какою целью обременяли армию такой импровизованной конницей, не приносившей никакой пользы и только разорявшей казну, когда массы кавалерии бездействовали и часто праздно стояли на месте. За то мы вели войну роскошно, шикарно и, если неудачно сражались, то умели швырять на театре войны деньгами и потворствовать всякой блажи наших подчиненных, снискивая себе тем дешевую популярность, в обеспечение жизненного пути после проигранной кампании. Нажившиеся, обогатившиеся, эвакуировавшиеся, награжденные, осыпанные милостями все-

таки из чувства благодарности может быть будут молчать и даже поддерживать славу развенчанных кумиров. О тонкий, но все-таки неверный расчет, ибо были люди воевавшие не для наград [207] и наживы, а во славу и честь Родины; они были не ко двору, их стремились изгнать, но уничтожить не посмели, и вот они могут сказать слово правды и потребовать общественного суда.

Затронув вопрос о бесцельности формирования во время войны при пехотных полках конных охотничьих команд, не могу обойти молчанием интересного факта сформирования конных добровольцев есаула Шахматова, случившегося перед самым заключением мира. Вот история этого оригинального безобразия. Шахматов служил когда то в кавалерии и еще до 1890 года вышел в отставку; затем он сделался интендантом и следовательно не имел ничего общего со строевой службой более 12 лет. На войне он конечно оказался казаком и получил в командование 6-ю сотню 2-го Верхнеудинского полка. Когда я занимал Мади, то он был со своей сотней в составе дивизиона вверенного Свешникову, стоявшего в Сандиазе. Как уже сказано выше, отличиться этому дивизиону не пришлось. Кажется еще до Тхазелинского бегства Шахматов получил лестное назначение держать своей сотней летучую почту куда то от главной квартиры Ляояна, где и процветал, напоминая о себе на страницах газеты «Вестника Маньчжурской Армии», повествуя о необходимости проявлять более энергичную и деятельную разведку; не помню, летом ли 1904 года, или позднее, он дописался до призыва нашей кавалерии к партизанским действиям, при чем сам он продолжал партизанить в глубоком тылу армии и армий, в Ляояне и Харбине, потому что сотню и полк ему пришлось оставить. Случайно я встретился с ним в Харбине и в насмешку заметил, что вот мол он пишет о партизанских действиях, а сам не подает примера исполнения такой лихой службы. На следующий день Шахматов пришел ко мне и сказал, что мои слова задели его за живое, и он намерен испросить разрешение Линевича на вызов охотников из драгун и казаков, для составления партизанского отряда под его начальством. Я понимал, что человек, проведший всю войну вдали от противника, неспособен [208] к выполнению такой задачи и конечно не найдет охотников собраться под его знаменем, особенно среди офицеров, но ради шутки, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, сам редактировал его докладную записку на имя генерал-квартирмейстера главнокомандующего, г.-м. Орановского, на которого, в смысле содействия его затее, особенно рассчитывал Шахматов. Я был заранее уверен, что вся затея кончится ничем, но каково же было мое удивление,

когда через некоторое время, встретив Шахматова, я узнал, что Орановский отнесся очень сочувственно к докладной записке, и что уже Линевич дал разрешение навербовать добровольцев на целых две сотни, на что уже ассигновано 75.000 рублей (это никак не могло мне прийти в голову!!!).

Приказом главнокомандующего от 15 июня 1905 года было разрешено сформировать партизанский отряд Шахматова на следующих основаниях:

Отряд формируется на 3 месяца со дня формирования. Состав отряда: классных чинов 4, в том числе 3 переводчика и 1 почтово-телеграфный чиновник; вахмистров 2, унтер-офицеров 20, сапер 12, партизан 256, нестроевых 17, лошадей: верховых 307, вьючных 3 и под классных чинов 4.

На формировании отпускалось: на лошадь 150 р., на седло 25 р. и на вьюк 15 р., на канцелярские расходы в месяц 20 р., жалования партизанам по 12 р. в месяц.

Сделав подсчет стоимости формирования на основании этих данных, выйдет, что оно обошлось казне не менее 70.000 р., а содержание партизан и их коней за 3 месяца, по минимальной расценке фуража, около 30.000 р. Итого было выброшено не менее 100.000 р., а может быть и гораздо больше (говорят 180.000 р.).

Я сказал, что всю эту затею можно было назвать оригинальным безобразием, и полагаю, что оспаривать это довольно трудно. Известно, что наша армия совсем не нуждалась в кавалерии, ибо ее было слишком много на театре военных действий, и она далеко не принесла всей той пользы, которую могла бы принести, и которую от [209] нее ожидали. Наемных войск в нашей армии не было, если не считать Кавказскую казачью бригаду, формирование которой также было ошибкой, но эта ошибка произошла в самом начале войны, когда мы еще не были умудрены опытом, а формирование отряда Шахматова исполнено в самом конце кампании. Для того, чтобы ожидать от партизанского отряда успешной деятельности, прежде всего надо было найти соответствующий элемент для командования им, но что же представлял из себя Шахматов, кроме разве того, что был знаком с Орановским: до войны даже не был военным, а чиновником, а всю войну просидел в тылу и решительно ничем себя не зарекомендовал; популярности как воина и кавалериста не имел и даже вообще пользовался сомнительной репутацией, а следовательно нельзя было рассчитывать, что под его командой соберутся лихие офицеры-партизаны. Да откуда и взялись бы они, когда вся масса нашей кавалерии не проявляла за всю войну

склонности к лихим набегам и рейдам, а тем более к партизанству. Но посмотрим, каков мог и должен был быть в отряде Шахматова состав партизан—нижних чинов—добровольцев. Летом 1905 года война уже достигла высшего предела непопулярности и несочувствия во всей среде Русской нации; если и были в начале войны геройские люди, шедшие класть свою голову за общее дело, то к сожалению, надо сознаться, к концу ее мог идти добровольцем только тот, кто не знал как себя устроить, а следовательно представлял из себя нежелательный в нравственном отношении элемент. Из кого мог набрать Шахматов своих партизан в Харбине? Исключительно из разных отбросов, авантюристов, неудачных спекуляторов, торговцев, выгнанных служащих В.-Китайской жел. дороги и разных частных учреждений. А следовательно какую же пользу мог принести такой отряд, состоящий из совершенно негодного элемента нижних чинов и несоответствующего командного элемента. Наконец для партизана нужно иметь хорошего коня, хорошее снаряжение и уметь хорошо ездить верхом, если партизанить по кавалерийски. [210] В данном случае лошади были отвратительные, китайской и монгольской породы, седла представляли из себя китайскую рвань, а люди конечно едва болтались в седле. Значит для кого же понадобилась вся эта затея? Только для есаула Шахматова, преследовавшего конечно свои личные расчеты и интересы. Я их не знаю, но если бы напечатать то, что говорили про них в армии, то уже ради одного этого нельзя было допускать такого бросания ста тысяч рублей народных денег. Какую пользу принес сформированный отряд? Он был закончен формированием и прибыл в расположение боевых линий ко дню мира, а потому только возбудил насмешки у одних и справедливое негодование у других. Права главнокомандующего и его помощников огромны, но разве они не обязаны пользоваться ими разумно, а не бессмысленно, вводя казну в непроизводительные расходы, как было в данном случае. Я считаю, что убытки казны по формированию отряда Шахматова должны быть покрыты имуществом Линевича и Орановского, потому что последний провел эту затею; а бывший есаул Шахматов во всяком случае не должен бы был украшать ряды нашей кавалерии в чине подполковника, как это есть в настоящее время, потому что его бесполезная деятельность на театре военных действий обошлась России чересчур дорого, и следовательно нечестно.

Пример Шахматова был заразителен, и нашелся еще любитель партизанить с собственным отрядом, а именно князь Витгенштейн, но этот хоть требовал деньги на содержание своих кавказских доб-

ровольцев и их лошадей, предоставляя заводить им лошадей на собственный счет так же как и снаряжение. Этот отряд стоил меньше, но во всяком случае расходы и по сей забаве должны быть отнесены на счет ее разрешавших. Кажется партизаны Витгенштейна участвовали в какой то перестрелке, хотя также были готовы действовать только накануне заключения мира.

Итак в день наступления Графа Келлера его кавалерия предпринимала по собственной инициативе нечто в роде [211] наступательной операции, вернее, должна была ее обозначить, но она конечно могла бы принести несравненно большую пользу, а не бездействовать, как это ей предоставил Орановский своей диспозицией. В Сандиазе сосредоточилось к этому времени уже не 6, а 8 сотен, да за нами стояли еще праздно две, охраняя в нашем тылу два перевала и д. Чудяпузу и составляя наш резерв в д. Вандяпузе (перешла из д. Уцзяфан). Такое оставление двух сотен в нашем тылу имело бы еще смысл, если бы мы, согласно первоначального плана, продвинулись далеко на юг, но так как мы замариновались в Сандиазе, обратившись из подвижного разведывательного отряда в охранительную заставу, то оберегать наш тыл было совершенно излишне. Следовало сосредоточить все наши 10 сотен, вместе со 2-м Читинским полком, в д. Тинтей, придать им еще несколько уже сформированных охотничьих команд и направить от д. Тинтей на д. Чинчинзу и далее во фланг и тыл расположения японцев перед Янзелином. Если бы на рассвете 4-го июля этот отряд уже дал себя чувствовать противнику, то конечно этим нарушил бы моральное равновесие японских вождей на атакованной г. Келлером позиции и способствовал бы меньшему упорству ее обороны. Но штаб В. отряда не усвоил азбучного правила пользоваться в бою всеми своими силами, не пренебрегая ни одной боевой единицей, и забыл об имевшихся в его распоряжении 3-х казачьих полках. Впрочем Орановский всегда думал только об обеспечении своего отступления, а обеспечение успеха наступления являлось для него делом слишком второстепенным.

4 июля с рассветом мы вышли с поручиком Бровченко в поле и прислушивались к стороне Янзелина (Тхавуана). Артиллерийской канонады не было слышно, но долетели звуки нескольких отдельных орудийных выстрелов, скоро прекратившихся, что показало, что несчастное, стоившее нам жизни незабвенного Графа, наступление состоялось (мы ведь сомневались в его осуществлении) и прекратилось. Я сказал: «японская артиллерия замолчала, [212] потому что Граф взял их орудия». Бровченко спросил: «разве вы

так уверены в победе»? Я ответил: «во всяком случае, если победы не будет, то мы не увидим более Графа Келлера—он будет убит, ибо не переживет этого поражения». Мои слова оправдались, потому что, хотя судьба пощадила жизнь героя в эту минуту, но он нашел себе смерть в следующем же бою, через две недели.

Подполковник Марков со своими $1^3/_4$ сотнями занял беспрепятственно д. Чоненпен; справа показались полэскадрона японцев, немедленно отступивших на д. Упын, но через полтора часа оттуда появились их полторы роты. В то же время партии японцев начали наступление на нашу заставу у д. Аллотунь (взвод Уссурийцев). По донесению начальника заставы хорунжего барона Ферзена, 4 переодетых китайцами японца подошли на близкое расстояние к посту и ранили часового, при чем остальные 50 японцев едва не отрезали пост: застава отошла к Сандиазе, отстреливаясь из 5 винтовок (хорош был взвод, хотя, правда, казаки вели лошадей и несли раненого). Абадзиев немедленно произвел тревогу и выслал вперед 1-ю сотню Верхнеудинцев, а Маркову немедленно приказал отходить. Едва 1-я сотня вышла из ущелья Сандиазы, по ней было сделано несколько безвредных залпов со стороны д. Едепудзы. Затем японцы отступили, и Марков присоединился к нам, не сделав ни одного выстрела. Высланный с разъездом, в долину Сандель - Люцзяпудзы, Юзефович заметил отступление японцев и увлекся их преследованием, при чем сам был охвачен какою то их партией, но предупрежденный китайцами лихо прорвался вскачь под выстрелами и присоединился к заставе, с которой вместе огнем принудил противника окончательно отступить (кажется японцы понесли в этой перестрелке потерю в несколько человек). В 4-м часу дня сотни разошлись на бивак, а в 5 расседлали. Мы несколько усилили сторожевое охранение. Вот каким образом сводная казачья бригада поддержала наступление Графа Келлера: попробовали выслать вперед [213] около 2-х сотен, но появилась партия японцев человек в 50; мы забили тревогу, подождали, посмотрели и успокоились.

Следующие дни, с 5 по 9 июля, казаки бездействовали в полном смысле слова и даже не высылали разъездов. Нервное расстройство Абадзиева все возрастало и усугублялось тем, что его утвердили командиром полка, а следовательно он был исключен из списков Конвоя Его Величества, чем он особенно дорожил, в надежде, что, при таком высоком общественном положении, он будет менее уязвим, конечно не противником, а начальством; теперь же он делался просто уссурийским казаком, и это его огорчало. Замечательно, что офицеры полка и даже казаки отлично понимали, что их командир

вовсе не обрадован своим назначением, и конечно его популярность между подчиненными делалась все меньше и даже начала переходить в ненависть, что впоследствии выразилось разными недисциплинарными поступками офицеров. Но зачем же было вводить в искушение несчастных казаков и офицеров, отдавая их в руки таким неспособным и вредным элементам?

5 июля произошел характерный случай, кончившийся для меня инцидентом. Командир 4-й сотни Уссурийцев доложил, что вернулись в сотню 2 казака из 4-х, посланных еще в ночь с 3 на 4 июля на разведку местности впереди заставы, в направлении к югу от д. Едепудзы; эти молодцы вызвались идти охотниками пешком. На рассвете следующего дня они столкнулись с партиями японцев и были отрезаны от нашего расположения; они разделились на две группы, и, пробираясь чуть не ползком, эти два вышли на бивак, конечно ничего не зная о других двух казаках. Абадзиев выразил командиру сотни свое неудовольствие за потерю людей. По уходе виновного, я заметил, что не понимаю, в чем он провинился, потому что посылать казаков на разведки противника необходимо, а при соприкосновении с ним они конечно рискуют своею жизнью; но если ставить на вид проявленную для такой разведки инициативу, то и воевать не стоит. Наш [214] разговор закончился почти ссорой. На следующий день, около полудня, тот же сотенный командир привел и пропавших двух казаков. Они были совершенно оборваны, отощали, потому что не ели трое суток, но зато глядели молодцами и действительно были такими, ибо добрались почти до самого узла Мади и дали отличные сведения, подтверждавшие наше заключение о силах противника, а также донесение шпиона китайца о присутствии близ перевала Киуцейгоу 2-х(а не 6-ти) пулеметов (а не горных пушек). Против всякого ожидания, Абадзиев, в присутствии офицеров, попросил у меня извинение за недоразумение накануне.

6 июля мы получили сообщение штаба В. отряда об отбитии нашей атаки под Янзелином. Неудача г. Келлера подействовала на меня весьма сильно, и мне стоило больших усилий скрывать свое настроение. Я болел душою за несчастную армию, за отряд, которому выпало второе горькое испытание, а больше всего за Графа. Вместе с тем наша бездеятельность—вернее невероятно неспособное командование нами Абадзиева начинали меня тяготить в такой мере, что, я чувствовал это, мое терпение должно было истощиться. Мне нужно было сделать что-нибудь такое, чтобы развлечься и успокоиться, и я придумал. Я отправился 7 июля поверять сторожевое охранение, но избрал пути между заставами, пролегавшие в

сфере появления японцев. Начальник первой заставы, к которому я приехал, ни за что не хотел отпустить меня одного и настаивал сопровождать меня, но я сказал ему, что он не может покидать своего района. Медленно, шаг за шагом, огибал я хребты и долины, но тщетно ждал выстрелов. Все было тихо, мертво, и казалось даже птицы и насекомые попрятались от палящих лучей Маньчжурского солнца. Вдали, с нашей стороны, раза два появились наши дозорные казаки, вероятно принимавшие меня с моим вестовым за японцев, что доказывало бдительность охранения, в чем впрочем я и не сомневался, ибо начальниками застав были такие образцовые офицеры, как Желтухин, Юзефович и Карнаухов. Общение с этими товарищами подействовало на меня замечательно [215] ободряющим образом; я вернулся в несравненно лучшем состоянии, чем уехал, и сейчас же отправил на заставы только что явившихся в Уссурийский полк двух молодых драгунских офицеров, для практики и обучения моими надежными товарищами.

Отправившийся в полковой обоз войсковой старшина Савицкий прислал тревожное частное сведение, что японцы обходят левый фланг В. отряда, и поэтому наши войска отступили от Хояна. Вечером из Каучепфузы донесли, что Читинская застава оттеснена из д. Тинтей; в виду этого, с рассветом 8-го, туда был направлен разъезд Черемухина, сообщивший что в Тинтее 40 японцев, а, по сведениям. китайцев, от Сандолина наступают 4.000, Из отряда у д. Титуню сообщили, что у д. Намаю стоит полк пехоты противника и занимается разработкой дорог; носились слухи, что в этом участвуют и наши пленные.

8 июля было последним днем исправления мною должности начальника штаба казачьей бригады. Эта служба не давала мне удовлетворения. Мой начальник был совершенно не на месте, ибо не обладал никакой решимостью и до невозможности боялся всякой ответственности; ясно, что при таких данных нельзя командовать самостоятельною конною частью, находящеюся в соприкосновении с противником; к тому же командующий другого полка представлял из себя также тип боязливого, нервного офицера, физически неспособного к службе, и невольно поддерживал в Абадзиеве его боязнь как-нибудь потерпеть неудачу, понести потери, а главное быть отхваченным японцами. Это последнее опасение отравляло всякое существование, и мне стоило невероятных усилий удерживать бригаду в д. Сандиаза, ибо Абадзиев порывался отойти назад в более безопасное место, хотя бы в д. Каучепфузу, лежавшую в 5 верстах. Но на все его доводы я отвечал словами Графа Келлера: «отступают

только по полученному приказанию, или под напором противника». Несколько раз оба командира полков доказывали, что, вследствие слишком продолжительной стоянки бригады в Сандиазе (а ранее тут стоял дивизион казаков), деревня [216] пришла в анти-санитарное состояние, но я лишь посмеивался, возражая, что от начальников частей зависит улучшить санитарное состояние квартир и биваков; почему же они совсем не обращают внимания на содержание и зарывание отхожих мест. Полагаю, что Граф понимал всю неспособность Абадзиева, потому что только этим можно объяснить его распоряжение о передаче бригады такому сомнительному субъекту, как г. Греков (Митрофан). Когда у нас появились слухи о такой перемене, я все-таки надеялся, что названный генерал, имевший продолжительный опыт командования отдельными частями, будет более на своем месте, и мне станет легче добиваться положительных результатов, но, с другой стороны, прошлое г. Грекова обещало весьма и весьма мало хорошего.

Я впервые познакомился с ним, как с командиром Л. Гв. Атаманского полка. Его грудь украшена Георгием 4 ст., заработанным в Турецкую войну 1878 г., хотя доводилось слышать, что награда присуждена за ловкое донесение о захвате нескольких десятков турецких пушек, взятых не с боя, а подобранных брошенными противником в паническом бегстве (это даже напечатано ныне покойным полковником Белогрудовым). Прокомандовав довольно долго полком, генерал принял гвардейскую казачью бригаду, а затем получил на западной границе казачью дивизию. Уже по оставлении им рядов гвардии, в Л. Гв. Казачьем полку обнаружилось скандальное казнокрадство целым рядом командиров полка и чинами полкового хозяйственного управления (известное всей Русской армии дело Иловайского и комп.), причем оказалось, что и в другом гвардейском казачьем полку, а также и в гвардейской бригаде, хозяйство велось на особых основаниях. Репутация Грекова сильно пострадала, что слишком хорошо известно в гвардейской кавалерии, а традиционные неправильности хозяйства в Атаманском полку были мною обнаружены еще в 1901—02 г.г., когда, как начальник штаба дивизии, я, по приказанию начальника дивизии г.-л. Зыкова, проверял, или вернее, только начал (прекращено[20] по приказанию того [217] же Зыкова) проверять хозяйство полка. Греков был внезапно отстранен от командования дивизией, также вследствие недоразу-

[20] По той причине, что тогдашний командир полка напомнил Зыкову о том, как они вели вместе хозяйство в одном гвардейском полку, на ролях: Зыков—командира, а он его помощника.

мений по хозяйственной части. Казалось бы что дальнейшая служба генерала и офицера, скомпрометированного последовательно на всех степенях командования: полком, бригадой и дивизией, терпима быть в армии не может, а либо следовало его судить, дабы очистить от всяких подозрений, либо хотя только удалить из армии... Но у нас, согласно принятому обыкновению, поступали иначе, т. е., во избежание инцидента, куда то прикомандировали и держали подозрительного генерала на шикарном содержании, для украшения столицы, для поощрения служебного разврата. Наступила Китайская передряга 1900 г., и вот г. Греков просил разрешение военного министра Куропаткина ехать на поле брани, искупать свои грехи мирного времени, и согласился командовать чем угодно. Вероятно Куропаткин, предчувствуя, что ему самому придется переменить высшую степень власти на низшую, не отказал и дал бывшему дивизионному бригаду. Грекову пришлось искупить не службу, а только Государственную казну на несколько десятков тысяч рублей, в виде подъемных и прогонных, потому что на театр войны он съездил, но сражаться опоздал. Затем он вернулся, продолжал ежедневно гранить плиты Невского проспекта, пока не грянул гром, т. е. не началась настоящая война. Мы тотчас услышали, что Греков получил в командование казачью бригаду дивизии Ренненкампфа (по возрасту отец пошел служить к сыну); узнали также, что генерал имел неудачное дело и был вынужден выбыть из отряда Ренненкампфа. Вот тогда он и получил бригаду Абадзиева. Ниже, в своем месте, я опишу его подвиги, а теперь расскажу, как, благодаря желанию Грекова меня оскорбить, он оказал мне величайшую услугу: избавил от роли няньки, действующей из за спины своего младенца — роли особенно невыгодной при качествах младенцев соответствующих типам [218] Абадзиева и Грекова, и я сделался самостоятельным начальником отрядов, в каковой роли и продолжал всю кампанию, до Мукденского боя включительно.

9 июля, около полудня, дозоры известили, что едет новое начальство в двойной порции: новый бригадный и новый настоящий, а не временный, командир 2-го Верхнеудинского полка, гвардейской кавалерии полковник барон Делинсгаузен. Абадзиев, Свешников и я выехали навстречу и вместе прибыли в расположение Верхнеудинцев, где было отведено помещение бригадному и его штабу. С первой же минуты Греков стал меня усиленно игнорировать, а потому я не пошел в помещение, ожидая когда меня позовут, как начальника штаба, для доклада обстановки, но генерал вовсе и не интересовался обстановкой, т. е. расположением против-

ника, нашими бывшими и предстоящими действиями; он только заметил, что нам следует стоять не в д. Сандиазе, а в д. Каучепфузе, чем с места обнаружил свою отступательную тенденцию. Мой бывший ученик, только что явившийся в полк, по товарищески предупредил меня, что Греков уже решил меня выкурить. Верхнеудинцы пригласили к обеду, по окончании которого я подошел к бригадному и произошел следующий разговор:

Дружинин.—Вашему пр-ву известно, что я состою начальником штаба бригады.

Греков.—Какие это штабы в таких маленьких отрядах?

Д. — Но я назначен начальником штаба Графом Келлером.

Г. — Мне об этом известно, но я назначаю начальником штаба сведущего человека — войскового старшину Свешникова.

Д. — В таком случае я прошу разрешение немедленно уехать в штаб В. отряда, так как здесь не нужен.

Г. — Вы мне совершенно не нужны, и можете ехать, но может быть вы нужны командиру полка (указал на Абадзиева).

Д. — Я не состою при командире полка, а, согласно [219] письменного приказа Графа Келлера, при командующем бригадой, как начальник штаба.

Абадзиев. — Полковник Д. состоял начальником штаба бригады, а не в моем распоряжении, как командира полка, и не в полку.

Д. — Получив разрешение уехать, я воспользуюсь им сейчас и прошу также разрешить мне не являться, по случаю отбытия.

Г. — Пожалуйста не беспокойтесь.

Итак меня выгнали, показав на глазах у всех офицеров, что я представляю из себя нечто ненужное, лишнее в армии, человека, с которым можно обращаться не стесняясь, причем следует заметить, что в нашей армии вообще стеснялись, не удаляли, не прогоняли, а все терпели и прощали. О, сколько надо было силы воли, чтобы сдержаться и не преступить дисциплины (я не понимаю, как мог я это выносить, но вероятно чувствовал инстинктивно, что надо терпеть, и что голова моя еще пригодится для исполнения своего долга перед несчастной армией и Родиной), особенно потому, что меня оскорблял не просто офицер и генерал, а человек с опозоренной в мирное время репутацией и уже доказавший свою несостоятельность на войне. Действительно же я находился в немилости, если и этот провинившийся жалкий старик смел третировать меня. А ведь я могу припомнить иные времена: когда я был старшим адъютантом дивизии, то командир гвардейского полка ухаживал за мной, приезжал поздравлять меня по большим праздникам и даже с днем ан-

гела, насильно поил своим кислым донским вином, а когда я был начальником штаба дивизии, то отставленный от дивизии генерал заискивал при встречах первый приветствовал и рассыпался в любезностях. Зато теперь ему казалось была подходящая минута высказать всю свою фальшь и притворство. Должно быть картина была тягостная, потому что едва я отошел от начальства (и это называется начальство!!), ко мне подошел Свешников и начал клясться, что он ни при чем и не интриговал о своем назначении начальником штаба. [220]

Я сказал ему: «мне это и в голову не приходило, а кроме того я просто счастлив избавиться от подчинения такому..., а вас сожалею». Бедный Свешников был вообще очень огорчен, потому что ожидал сам получить Верхнеудинцев, и вдруг назначили другого, но, что делать, надо же было устроить и барона Делинсгаузена, о деятельности которого не скажу ничего, потому что не был ее свидетелем, но всем известно, что командование им полком кончилось более чем печально.

Придя в свою фанзу, я приказал вестовому седлать и вьючить. Проститься с офицерами и казаками мне не удалось, потому что они уже приводили в исполнение приказ нового начальника, а именно: готовились к выводке лошадей, и следовательно сотенные командиры были в полной суете, так как должны были представить на суд опытного кавалериста тела своих кляч. Совсем мирное время: посмотреть выводку, а что делает противник, для чего здесь стоит отряд, в чем состоит его назначение—дело второстепенное, а пожалуй и ненужное. Не служит ли тому доказательством то, что человека, день и ночь работавшего по направлению жизни организма—отряда, жившего его интересами, и все-таки же кое что ведавшего, удаляли в одну минуту, по личному капризу какого то авантюриста, приехавшего не воевать, а для устройства своих личных расчетов, может быть для поправления плохого состояния кармана. И какова же была дисциплина, когда по своему произволу отставляли человека назначенного на пост властью своего непосредственного начальника, ибо дальше будет видно, что Граф послал Грекова командовать бригадой, именно рассчитывая, что я буду при нем нянькой. Разве не доказывает все это, что в Маньчжурской армии шутили, интриговали, занимались личными счетами и дрязгами, но только не воевали, т. е. не исполняли своего долга.

Абадзиев и врач Уссурийского полка сделали мне что то в роде проводов, но позднее я был осчастливлен письмом от нескольких офицеров, с благодарностью за мою деятельность при Уссурийском полку.

[221] Это письмо храню как драгоценность, как доказательство того, что, при всей тягости своего служебного положения, мне все-таки удавалось приносить пользу, а не быть бременем. Я встретил на улице Михаила Юзефовича, и мы простились—тепло, но к сожалению мимоходом, потому что он также был занят этой дурацкой выводкой, а ведь я видел этого героя, которого полюбил как сына, в последний раз.

Выехав из Сандиазы, я был уверен, что бригада не простоит в ней и трех дней, что и случилось. Уже темнело, когда я прибыл в д. Ломогоу, близ которой стоял батальоны стрелков, и действовала телеграфная станция. Не желая явиться в штаб отряда ночью, я просил гостеприимства у нижних чинов—телеграфистов. К удивлению, они мне обрадовались, будучи знакомы со мною по моим донесениям, и приняли замечательно ласково: разбили палатку, достали походную постель, напоили чаем меня и вестового и накормили лошадей. Старший унтер-офицер оказался совсем интеллигентным человеком, и получасовая беседа с ним показала, что он не только интересуется военными операциями, но может и сделать оценку им; читая донесения в депешах, он составил себе картину обстановки с довольно верным представлением действительности. Я упоминаю об этом факте потому, что нельзя было не заметить, что такой относительно ничтожный рядовой армии как будто сознавал, что руководство нашими операциями идет неправильно; в его простых, правдивых словах сквозило какое то сомнение и недоверие к происходившему, и это его сознательно озабочивало и даже огорчало. А между тем сколько строевых и штабных начальников, даже генерального штаба, выказывали так мало интереса к нашим неудачам, принимая их совершенно равнодушно и проявляя энергию только по устройству своих личных дел, а в особенности по добыванию всяких наград и подачек после каждого нового поражения.

С рассветом 10 июля я продолжал путь и нашел штаб Восточного отряда в д. Холунгоу, в 3 верстах позади предшествующей стоянки в д. Нютхиай.

[222]

ГЛАВА IX.

5 дней при графе Келлере, в д. Холунгоу и на Янзелине, с 10-го по 14-е июля.

Графа не было в д. Холунгоу, так как он производил рекогносцировку неприятельского расположения, но, к моему удивлению, начальник штаба его не сопровождал и оставался при штабе. Орановский был крайне удивлен удалению меня из сводной казачьей бригады Грековым и дал мне понять, что это совсем не входило в предположения штаба, удостоив меня следующих лестных слов: «нам нужен был там человек твердый». Было сказано, что Греков будет запрошен. Это и было сделано, на что получился ответ, что я сам чуть ли не самовольно, уехал. Мне сказали в штабе, что не следовало уезжать, не подав соответствующего рапорта Грекову и не добившись от него письменного ответа, так как теперь Греков будет прав, а я даже могу быть виноват; но меня это не испугало. Вечером прибыл Граф, но я не мог с ним разговаривать, потому что он был при Великом Князе Борисе Владимировиче, который осчастливил в этот день войска Восточного отряда своим участием в рекогносцировке. Вечером за ужином, в собрании всех офицеров и чиновников штаба, Граф пил за здоровье Великого Князя по случаю его боевого крещения.

Наследующий день утром в день Святой Ольги, имеющий в моей жизни какое то особенное значение, я имел продолжительный интимный разговор с Графом, и с этой минуты мое служебное положение в армии резко изменилось. Св. Ольга на этот раз принесла мне счастье.

Вот слова, которыми Граф меня встретил: «Константин Иванович, вы знаете о моей неудаче, но знайте также, что в ней виноват только один я, и больше никто». Я видел и чувствовал, что этот честный слуга отечества страдал ужасно, и мне это было тем больнее, что именно он был виноват менее всего, искупая ошибки [223] своего предшественника г. Засулича и самого командующего армией; у меня было довольно ясное предчувствие, что этот достойный воин скоро оставит ряды армии, которой мог быть так полезен, и которую так украшал. Я доложил о поступке со мною Грекова. Граф возмутился и сказал, что Греков ответит за это, потому что, посылая этого генерала, он именно рассчитывал, что я останусь при нем начальником штаба, а потому я буду немедленно водворен на ту же должность. Тогда я просил Графа этого не делать по двум причи-

нам: 1) если отношения между начальником части и ее начальником штаба нехороши, то это принесет ущерб делу; 2) я сам настолько презирал Грекова, что не в состоянии был ему подчиняться. Затем я просил разрешить откровенно высказаться о своем служебном положении, подробно описал все инциденты с командиром драгунского полка и в Ляояне, закончив признанием, что более не в силах терпеть. Граф подал мне руку и взволнованно, но решительно и твердо, молвил: «теперь я все знаю, и вам безусловно верю; я был введен в заблуждение; больше ничего подобного не повторится; я дам вам соответствующее назначение, а так как вы все это время слишком много работали, за что вас сердечно благодарю и представляю к награждению орденом Св. Владимира 4 ст.(я получил этот крест), то даю вам три дня для отдыха, а пока оставайтесь при мне в штабе». Он сделался весел, еще два раза крепко пожал мою руку и отпустил.

Итак мне было разрешено отдохнуть, но для этого нужно было найти какой-нибудь приют, какой-нибудь угол, что в штабе В. отряда было довольно трудно. Комендант штаба граф Комаровский не считал своею обязанностью вообще что либо делать, а тем более отводить квартиру какому то штрафованному полковнику, а всем остальным чинам штаба до этого было еще меньше дела; но свет не без добрых людей, и меня призрело корпусное интендантство. На самом деле отдыхать не пришлось, потому что на следующий день рано утром меня разбудил адъютант Графа и сказал, что Граф спешно [224] едет, в предвидении атаки противника на позиции 6-й стрелковой дивизии, и берет меня с собою. Через полчаса я уже скакал за ним к Янзелинскому перевалу, где была избрана и укреплялась позиция. Там мы провели целый день на биваке штаба дивизии, не имея возможности выйти из палатки, вследствие непрерывного тропического ливня, вероятно и остановившего наступление японцев. Накануне настоящий начальник дивизии г. Романов упал с лошади и безнадежно расшибся. Нельзя не отметить, что в штабе дивизии царило по этому случаю чрезвычайно радостное настроение, и никто не скрывал своего удовольствия по поводу избавления от нелюбимого начальника.

13 июля рано утром Граф поехал осматривать позицию, и, таким образом, я получил представление о том священном для России месте, которое было обагрено кровью одного из лучших сынов ее. Судить о позиции, избранной самим героем и укрепленной по его указаниям, при содействии талантливого корпусного инженера подполковника Колоссовского, в подробностях не могу; каких-нибудь 3-4-х

часов времени, проведенного на ней при Графе, было слишком недостаточно прежде всего потому, что, уже прекрасно изучив всю местность, Граф занимался теперь лишь подробностями применения к ней фортификационных сооружений и тактического расположения войск на отдельных пунктах. Тем не менее думаю, что не ошибусь, если назову позицию вполне удовлетворительной, да впрочем иначе и быть не может, потому что в горах везде есть позиции для отрядов какой угодно силы, по причине повсеместных командования, крутизны скатов и возможности укрытия. Надо было быть школы нашего генерального штаба (равнинной), чтобы постоянно разыскивать какие то стратегические и тактические идеалы и сомневаться в возможности обороны где угодно; правда, после несчастного Тюренчена, везде мерещились обходы и охваты противника и удобные для него подступы; никак не могли разобраться в лабиринте сопок, стремились непременно засунуть войска в долины и забывали основное правило обороны, что нельзя сидеть пассивно на [225] одном месте, т. е., расположив войска на заранее избранных местах, не двигаться и ничего не предпринимать, а ждать и смотреть, что будет делать противник. Для доказательства приведу соображения, высказывавшиеся в этот день, по поводу возвышавшегося на левом фланге позиции отдельного пика, называемого горой Макутинзой.

На него обращались со страхом все взоры; только и слышалось: он командует всем, и если японцы его займут, то положение будет критическим, А между тем вопрос решался совсем просто: во-первых, гору следовало занять хоть небольшою частью, ибо с такой твердыни трудно было выбить и одну охотничью команду, во-вторых, следовало тщательно следить за наступлением противника, чтобы своевременно обнаружить его серьезное покушение, что и было возможно, потому что гора не выдавалась очень вперед перед фронтом позиции, и не могли же японцы свалиться на нее с неба, в-третьих, надо было держать наготове резерв, не сваливая его в одну кучу, а распределив по частям; в горной тактике без этого не обойдешься, потому что поспевать к решительному месту вообще трудно, и всякое движение сопряжено с большою потерею времени — приходится подыматься по кручам. Граф быстро переезжал с одного пункта на другой, внимательно исследовал расположение орудийных и пехотных окопов, часто давая свои указания, которые, скажу по совести, были верны, но он выслушивал также с замечательным терпением мнения строевых и штабных офицеров, допуская споры и разрешая их еще более тщательным исследованием; он просто бегал по сопкам, проявляя замечательную физическую вы-

носливость. Между его словами, вопросами и указаниями и всем слышавшимся из уст его окружавших была какая то особенная, резкая, чисто психологическая разница; бодрый, моложавый начальник говорил уверенно, весело, вселяя желание сражаться, надежду бить врага, а остальные говорили робко, неуверенно (конечно не из страха перед начальником, потому что представить себе генерала более любезного и обходительного очень трудно, если не невозможно), [226] с оглядкою назад. Я всматривался в лица, вслушивался в тон и наконец вспомнил: да ведь в них все еще жил проклятый Тюренчен! И действительно, артиллеристы спрашивали прежде всего, успеют ли они скатить свои орудия при отступлении, пехотинцы указывали, что роты будут фланкироваться огнем, а им придется прикрывать отступление орудий, или таких то частей, и т. п.; словом, все думали не о том как бить, а только о том, как уходить из боя, как с честью отступить, скатив орудия. Да, при таких Тюренченских началах и вообще при таком отступательном духе, все природные твердыни, усиленные часто весьма талантливыми инженерами, как напр. в данном случае, теряли всякую силу и доставались японцам сравнительно легко. Я любовался Графом, ибо если в его душе и были сомнения, то никто не мог о них догадаться; наоборот, в нем казалось не было никаких сомнений и никакой боязни непобедимости врага, и я убежден, что, не будь он убит, мы не отдали бы наших позиций 18 июля. Теперь, когда карты противной стороны до некоторой степени открыты, мы знаем, что в этот день 21-й стрелковый полк без всяких резервов остановил целую дивизию японцев, а если бы он был поддержан хотя бригадой, то неизвестно что бы было, но во всяком случае нам не пришлось бы отступить. Да не сделают мои ученые коллеги упрека герою, что он вмешивался в детали расположения рот и батарей (вроде Базена), будучи командиром корпуса. Время—досуг ему это дозволяли, а положиться было не на кого; по крайней мере временно командовавший дивизией, расположенной тогда на позиции, бригадный командир уже только благодаря своей службе мирного времени не мог внушить никакого доверия; к сожалению приходилось проверять расположение каждой роты, и выполнение этого было не ошибкою, а только добросовестно и правильно.

Начальник штаба Восточного отряда, полковник Орановский, блистал своим отсутствием; впрочем мне уже сказали в штабе, что последнее время Граф ездит постоянно один, оставляя его в штабе. В силу установившегося [227] в нашей армии правила, что начальник штаба никогда не отлучается от своего генерала, такое явление

возбуждало подозрение. Конечно поклонники выдающегося офицера генерального штаба, сумевшего сделать баснословную карьеру в кампании, не смотря на свое активное участие в баснословных поражениях под Тюренченом и Бенсиху, скажут, что оставление Орановского Келлером в тылу, в минуту ожидания атаки противника, обусловливалось какими-нибудь особенной стратегической важности соображениями; может быть даже будут ссылаться на личные слова Графа, который, как человек в высшей степени корректный, конечно, сохраняя еще Орановского начальником штаба, сумел замаскировать свое недоверие к нему от его же подчиненных, но я, хорошо зная Графа, отлично понимал, что он уже не считал Орановского своим помощником и потерял к нему всякое доверие. Разве мог такой прямой и честный начальник, как Граф, терпеть при себе тактичнейшего офицера генерального штаба, заботившегося только о сложении с себя в решительные минуты всякой ответственности, а в няньке генерального штаба, слава Богу, Келлер не нуждался. Доказательством всего сказанного также служит факт, что Граф пользовался услугами штабного офицера, генерального штаба подполковника Хростицкого, отличавшегося довольно редкою особенностью в среде своих товарищей по мундиру высказывать иногда свое мнение определенно и даже резко. Говорю иногда, потому что, наблюдая его деятельность, не могу не сказать, что он часто не мог отрешиться от общей рутины своих коллег. Сам Хростицкий говорил мне, что ему неловко перед Орановским, когда Граф иногда заменяет им при себе начальника штаба. К 4-м часам дня 13 июля мы возвратились в Холунгоу. По дороге Граф убедился, что офицер (из запаса кавалерии) не заботится о продовольствии людей конвоя, хотя исполнял обязанности его начальника. Он вышел из себя, и, правда сказать, было из за чего: офицер пристроился на тепленькое местечко и, ничего не делая, не мог даже подумать о желудках меньшей братьи. [228]

В это время в штабе Восточного отряда происходило необыкновенное событие, может быть даже отмеченное в его истории, а потому считаю нужным на нем остановиться. Все чины штаба восклицали: «граф Комаровский пошел на разведку». Я поинтересовался узнать, что это была за важная разведка, и услышал только, что граф взял с собой двух казаков, или охотников, и куда то отправился разведывать, по собственной инициативе. Было добавлено, что он хорошо сделал, потому что иначе его положение становилось ложным. Тогда я все понял. Граф Комаровский служил в гвардейском казачьем полку в девяностых годах прошлого столетия, вышел

в запас, или зачислился по войску, дослужился до высоких гражданских чинов, а с объявлением войны пожелал вынуть свой меч на защиту отечества. Добравшись до театра военных действий, он никак не мог добраться до врага, хотя казалось бы эта задача была легко разрешима, ибо он был зачислен в Уссурийский казачий полк, а, как видно из моего рассказа, полк вступил в непрерывное соприкосновение с противником уже в половине мая. Но графу как то не повезло; сперва в Ляояне он попал в распоряжение г. Романова и должен был заботиться об удобствах его путешествия к месту своего назначения в 6-ю дивизию, а, с назначением сиятельного начальника В. отряда, сиятельство получило должность коменданта штаба, исключавшую, по роду своих тыловых занятий, всякое общение с врагом отечества. Так вот, видимо выведенный из терпения такими препятствиями проявить свою доблесть, граф Комаровский в одно прекрасное утро решился на самоотверженный подвиг и пошел куда то, на разведку чего то. Рискованное предприятие увенчалось полным успехом, но только не по результатам добытых стратегически и тактически ценных сведений о противнике; о, нет, ибо, где был бесстрашный разведчик и что видел, осталось тайной, известной только ему одному (теперь уже погибшему в какой то шантажной истории от руки убийцы). Но за то он объявил, что попал в район противника, был обстрелян и получил две контузии: [229] одну - головы, а другую – сапога. О последней он отзывался пренебрежительно и говорил, что ее не стоит записывать в формуляр, но первая, сперва казавшаяся легкой и перевязанная только через день или два, после ее получения, увы, лишила нашу армию такого храброго боевого офицера. Тотчас после Ляоянского сражения Комаровский уехал в Харбин, где тягости страданий от боевого повреждения хотя и были смягчены присутствием красавицы графини, изображавшей сестру милосердия и пользовавшейся особенным успехом среди штаб-офицеров генерального штаба, но все-таки заставили героя эвакуироваться на Родину, последняя, в благодарность за оказанные отличия, подтвержденные боевыми орденами, послала его на окончательное поправление расстроенного здоровья к нашим друзьям французам, в чудные места под лазурным небом.

14 июля Граф Келлер объявил мне, что назначает меня начальником отряда, расположенного в д. Титуню, которым сперва командовал состоявший при штабе армии генерального штаба полковник Драгомиров, а затем 9-го В. Сибирского стрелкового полка подполковник князь Амилохори, напутствуя меня следующими словами: «посылаю вас в Титуню, потому что считаю назначение отряда чрез-

вычайно важным; вы должны держать связь между мною и 2-м Сибирским корпусом г. Засулича, действия которого не могут не интересовать меня, потому что между нами большое пространство (60 верст), удобное для прорыва противника, и, кроме того, кто же из нас может положиться на Засулича; таким образом вы в значительной степени обеспечиваете мой правый фланг и тыл; никакого резерва вам дать не могу, но знаю, что вы не уйдете и будете меня охранять. Отправляйтесь немедленно, потому что нынешнему начальнику отряда я не доверяю; этот командир батальона уже подвел раз Читинский казачий полк; командуя в тылу последнего, он ушел не сообщив об этом командиру казаков, войсковому старшине Закржевскому, который был отрезан японцами, но искусно вывел полк горами; к сожалению я не имею [230] в руках точных данных для обвинения Амилахори, вследствие постоянной путаницы в распоряжениях моего штаба; обстоятельства дела во многом остались не выяснены. Конечно если бы я был вполне убежден в виновности Амилахори, то уже отрешил бы его от батальона, но на всякий случай считаю нужным предупредить вас, потому что этот штаб-офицер будет вашим помощником и заместителем. Я знаю, что вы нуждаетесь в деньгах, так как, не смотря на мои требования, ваш полк не высылает на вас аттестатов, и вы с самого начала войны не получаете содержания; вам дадут авансом денег из сумм штаба. Когда вы поедете?» Я доложил, что выеду сегодня же и отправился собираться в путь, но выехать в этот день не удалось, так как мне выдали предписание и деньги только к вечеру, а ехать по незнакомой местности 60 верст ночью, с вьюком, имея только что купленную новую и неиспытанную клячу, не следовало. Я говорил выше, что вынужден была уступить одну из своих лошадей Юзефовичу, когда его лошадь заболела; он свалился вместе с ней ночью с обрыва, и лошадь сломала спину; Миша достал мне взамен другую лошадь, которая оказалась слепой на один глаз, а в Холунгоу ослепла и на другой; пришлось ее бросить и приобрести опять новую.

Меня возмущала халатность штаба, изобиловавшего количеством дельцов — писак и не желавшего сварганить коротенькую бумажонку для отправления к ответственному посту спешно назначаемого офицера, но, благодаря этой халатности, я имел счастье еще раз видеть Графа и даже вновь беседовать с ним. Он вспомнил, что 14 лет тому назад мы встретились с ним в Ницце, где я был тогда прикомандирован к французским альпийским стрелкам и изучал практически тактику в горах, под руководством одного из выдающихся офицеров французского генерального штаба; по специальному приглашению Графа я тогда же в Ницце делал ему доклад об

организации, обучении и маневрах этих отборных войск наших союзников; теперь он просил меня вспомнить [231] о системе сигнализации в горах и советовался, как лучше и скорее ввести ее в войсках вверенного ему отряда. Я доложил, что система сигнализации в высшей степени проста, и требует лишь некоторого времени, чтобы войти в жизнь, но приступить к обучению ей надо немедленно, потому что этот пробел давал себя чувствовать постоянно. Граф благодарил меня и сказал: «как жаль, что я только сейчас вспомнил, что вы прошли школу тактики в горах; вы были бы мне так полезны, а сейчас я не могу не отправить вас в Титуню, где вы нужнее». Конечно я не сказал ничего, потому что ответом могло быть только следующее: вообще жаль, что вот уже более 2-х месяцев меня то гоняют в роли хорунжего с разъездами, то предоставляют быть адъютантом полковника младше меня в чине, то держат в роли бесправной няньки при нем же, на положении начинающего службу офицера генерального штаба, в то время, как, казалось бы, можно было эксплуатировать несколько более соответственным образом. Во всяком случае я был безмерно благодарен Графу за его отношение ко мне, а главное счастлив тем, что мне наконец верили, дали самостоятельное назначение и фактически восстановили в правах командования.

ГЛАВА X.

Действия передового отряда в д.д. Титуню и Тыашентунь и на перевале Мяолин, между войсками Восточного отряда Графа Келлера (г.-л. Иванова) и 2-го Сибирского корпуса г.-л. Засулича, с 15-го по 23-е июля.

Едва лучи солнца осветили погруженный в глубокий сон городок штаба Восточного отряда, 15 июля, я уже выбирался из него мелкой рысцой, спеша прибыть к месту назначения в д. Титуню. Опять пришлось проехать в окрестностях д. Тунсинпу, где началось и завязалось наше первое генеральное сражение этой войны, под Ляояном, и опять, внимательно рассматривая местность, я испытывал какое то особенное удовольствие. Приходилось сделать [232] около 60 верст, и три четверти пути по весьма густо населенной местности, не встретив никаких наших войсковых частей и даже разъездов. Не могу сказать, чтобы путешествовать таким образом одному, без всякого конвоя, было непременно опасно; японцы никогда не рыскали в наших тыловых районах, хунхузов в этой местности не было, а китайцы позволяли себе нападения только тогда, когда их обижали, или грабили. Но я затрагиваю вопрос о конвое принципи-

ально. Почему мне, в моем чине, не полагалось такового, а всякий штабной обер-офицер его получал; штаб-офицеры же ездили с дозорами и мерами охранения? Почему моя жизнь была менее драгоценна, чем жизнь моих товарищей? Я никого не обвиняю в намеренном обречении моей головы на какой-нибудь риск, и уверен, что если бы я попросил конвой у Абадзиева или Орановского, мне дали бы десяток казаков или охотников, но в том то и дело, что просить конвой, по крайней мере для меня, было не только неприятно, но предосудительно: во-первых я ничего не боялся, а во-вторых конвой получают чины, которым он полагается на их штатных местах, из штатных же частей, а я был обездоленным, болтающимся полковником, состоявшим в распоряжении иногда одного, а иногда другого лица. Мне вероятно и в голову бы не пришел вопрос о конвое для поездки в д. Титуню, если бы не особенный случай в дороге. Я въехал в огромную д. Талинхо, где был какой то китайский праздник, и собралось окрестное население; действовали балаганы, базары, угощения; тысячи две народа шумели и галдели невообразимо. Мое появление в деревне, в которой еще не стояли русские войска, произвело впечатление, и я был немедленно окружен сотнями китайцев, конечно только из любопытства бравших под уздцы лошадей и ощупывавших меня и вестового. Я не мог выбраться из толпы около получаса. Спрашивается, что мешало этой толпе учинит надо мною насилие. Никто, никогда бы не узнал куда делся полковник Русской службы—без вести пропал и только. Напрасный риск на войне не только головою полковника, [233] но и всякого солдата не должен иметь места, но, мне, благодаря капризам наших отступательных стратегов, приходилось всегда и всюду рисковать совершенно зря; впрочем в этом риске и заключалась в боях моя сила; а Бог хранит именно таких гонимых и преследуемых.

Не доезжая 10 верст до д. Титуню, вестовой заметил вдали всадника и обратил на него мое внимание словами: «ваше в-е, едет конный, влево; не то казак, не то японец». На возражение: «какие тут японцы—скоро приедем в отряд», драгун добродушно усмехнулся и молвил: «а почем знать, может они и ушли». Истина говорила устами младенца, и юноша был глубоко прав, так как поручиться, что отряд стоял на месте, я конечно не мог; не видел ли я примеров, а их отлично оценивал и мой драгун, что целые полки уходили при одном воображении о наступлении японцев, а ведь они могли и наступать в самом деле. В бинокль мне удалось скоро рассмотреть казака, но несколько нового для Маньчжурии типа, потому что я привык к забайкальцам, а это был уралец. Казак понял мой призыв фуражкой и повернул ко мне, но не по забайкальски или уссурий-

ски, т. е. шагом, а полным ходом, вскачь. Огромного роста, могучего телосложения, красавец и богатырь, пришепетывая по-уральски, доложил мне, что его сотня частью на заставах, а около половины ее стоит в деревне не доезжая Титуню, где расположена пехота. Скоро повернув в ущелье, я въехал в д. Пейдзяпуцзы и нашел бивак полусотни, где был встречен как знакомый, потому что на лицо оказалось несколько казаков, служивших раньше в Петербурге, в составе гвардейской Уральской сотни, и знавших меня, как начальника штаба дивизии; с ними я расцеловался, приветствовал офицеров, кое что расспросил, оставил расковавшихся лошадей (в расположении штаба Восточного отряда подковать лошадей оказалось невозможным), взял одного из старых сослуживцев вестовым и к 4 часам дня прибыл в д. Титуню, где тотчас же вступил в командование отрядом. [234] Обстановка была следующая. Отряд состоял из 1-й (капитан Врублевский) и 4-й (штабс-капитан Гребенка) рот 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 2-й (подъесаул Прикащиков) и 3-й (подъесаул Голованичев) сотен 5-го Уральского полка. Пехота стояла в д. Титуню, а свободная от сторожевых нарядов часть казаков там, где я их видел, в 3-х верстах сзади. Стрелки выставляли днем одну заставу и несколько постов; на ночь это охранение отводилось ближе к деревне и усиливалось до одной роты, т. е. до половины всего состава пехоты; $1^1/_2$ сотни казаков были разбросаны на расстоянии 14 верст влево (к востоку) и к югу от отряда отдельными взводами. От штаба 2-го корпуса (окрестности г. Симучена) шла летучая почта из состава уральских казаков (4-го полка) корпуса; со штабом В. отряда поддерживалась связь по летучей почте бригады Грекова, отступившей уже в д. Тхазелин, для чего Уральцы отряда выставляли один пост; кроме того отряд держал свою летучую почту Уральцами через перевал на д. Тайпингоу до ст. Хайчен. Начальник отряда считал себя в одинаковом прямом подчинении, как Графу Келлеру, так и г. Засуличу, потому что пехота отряда принадлежала к составу войск В. отряда, а казаков считали в составе 2-го корпуса; отряд подчинялся еще штабу Маньчжурской армии, для чего и держал летучую почту на Хайчен, на случай донесений г. Куропаткину. Такую организацию службы отряда Амилахори принял от полковника Драгомирова[21]. [235]

[21] Командир 5-го Уральского полка, полковник Соловьев лично сообщил мне, что, при формировании отряда в Титуню, он стоял с полком при ставке Куропаткина, который, призвав его к себе, сказал, что назначает из полка 2 сотни, для специальной серьезной задачи, и приказал обратиться за указаниями по выполнению к начальнику штаба армии. Г. Сахаров, когда Соловьев явился к нему, заявил: «вы получили приказание от Куропаткина. а потому и обращайтесь к нему». Он получил необходимые указания от г. Харкевича. Недурная иллюстрация порядков армии и управления ею!

Противник недавно овладел перевалом Далин и наступал к северу на перевал Пханлин; войска 2-го корпуса имели бой, в котором принимали участие и роты из Титуню; до сих пор можно было еще ожидать доставления китайцами без вести пропавших и раненых наших нижних чинов (но только не из частей отряда в Титуню). В данную минуту, непосредственно перед отрядом, японцы занимали не только перевал Пханлин, но и перевал Ханцзялин, а также появлялись и севернее, в долине Синлунгоу; эту последнюю и обе боковые, ей параллельные долины стерегли день и ночь Уральские дозоры.

При отряде в д. Титуню находились две ротные походные кухни и несколько двуколок, а остальной обоз в д. Мацзяуайзы, где производилось хлебопечение; продовольствие подвозилось из Хайчена; всего при отряде было около 18 повозок.

Прежде всего я немедленно сократил чрезмерный сторожевой наряд, уменьшив его в пехоте до полуроты (этого желал и князь Амилахори). В отношении казаков я понял, что их сторожевой наряд соответствовал прежней, уже миновавшей, обстановке, а не настоящей. Когда штаб армии выдвигал п. Драгомирова с отрядом в д. Титуню, то предполагались активные действия сводной бригады Абадзиева, южнее линии перевалов Пханлин—Тхазелин (Фынсяолин), так как задача бригады состояла в наступлении в район Фынхуанчен—Сюянь; для охранения по линии перевалов, на ее левом фланге были выдвинуты 2 сотни из состава бригады (заставы на перевалах Чензелин, Фынсяолин и в д. Чудяпуза, см. стр. 177), а правый фланг линии от перевала Пханлин, у которого стояла пехота в Титуню, и был занят полковником Драгомировым отдельными заставами его Уральцев, причем он поставил некоторые из них на отдельных командующих вершинах, доступных лишь по горным тропам. Такое расположение конных застав вообще неудобно, ибо пешему противнику легко подкрасться по пересеченной местности (почти непроходимой для коней) к одиноко [236] гнездящейся заставе и вырезать ее, но тогда оно оправдывалось необходимостью тщательно наблюдать всю линию горных проходов от Титуню до Тхазелина. Теперь же казаки Грекова отошли сами за перевалы к д. Тхазелин[22], и следовательно расположение уральских застав вве-

[22] Это отступление Грекова было совершено на другой же день после моего отъезда из Сандиазы, сперва в д. Каучепфузу; я слышал в штабе В. отряда, что оно было мотивировано обходом японцев на д. Тинтей. Констатирую только бесспорный факт, что отступление из Сандиазы совершилось тотчас же, как я оставил бригаду, а через три дня Греков уже благополучно устроился за перевалами, в д. Тхазелин.

ренного мне отряда служило лишь охранением моих соседей, а вовсе не отряда и его района; поэтому я немедленно снял заставы, заменив их одною, в д. Уцзяфан, и постом для связи в д. Ханцзяпуцзы. Таким образом мы имели в наряде не $^3/_4$, а немного более $^1/_4$ казаков; конечно сотни, изнуренные непосильной службой в продолжение целого месяца, были мне очень признательны. Об охранении же Грекова я конечно не заботился, тем более, что, с присоединением к нему Читинцев, в его распоряжении находилось 3 казачьих полка, и кажется даже уже поступил батальон пехоты; связь с ним мы держали непрерывно. Я сосредоточил весь отряд на биваке в Титуню, так как разбрасывание таких малых сил в глубину на 5 верст не имело никакого смысла.

16 июля я знакомился с окрестностями стоянки отряда, выбирал, на случай наступления противника, местность для действий (но конечно не позицию), осматривал расположение застав и постов. Не могу сказать, чтобы нашел все в порядке. Штаб-офицер повидимому входил во все сам, предъявлял требования, интересовался исполнением, но со стороны его подчиненных было заметно какое то нежелание исполнять его приказания, хотя его требования были разумны и правильны; я узнал потом, что его вообще почему то не любили. В отношении меня он выказал полную готовность идти навстречу всем моим желаниям [237] исполнял все приказываемое немедленно и точно; если случались иногда недоделки, то отношу их всецело к неисполнительности командиров рот.

Утром того же дня произошел несчастный случай. Стрелковый пост принял возвращавшийся казачий дозор за разъезд японцев и ранил пулей урядника. Случай прискорбный, потому что стрелкам пора было знать, что конные японцы не приближались к нашим постам на расстояние ружейного выстрела; начальник поста знал, что впереди его ходит уральский дозор, и мог бы не горячиться. Считаю нужным остановиться на способе дозорной службы принятом Уральцами. Согласно устава полевой службы, застава высылает конные дозоры, которые должны доходить до известных впереди лежащих пунктов, возвращаться и заменяться новыми, делающими то же самое. Казаки поняли, что имея, как например в данном случае, 3 ущелья, ездить по ним хоть и ежечасно неразумно и не достигает цели; пока конные идут по долине, пешие лазутчики противника могут лазать по сопкам, и каждая новая смена рискует получить неожиданную пулю. Поэтому Уральцы наряжали в сутки по две смены дозоров, в 6 человек каждый, которых продвигали долинами возможно дальше вперед и обращали в конечной точке в наблюда-

тельный сторожевой пост, спешивавшийся и наблюдавший берега долины.

С 16-го июля я установил прочную связь со штабом В. отряда, выставив долиной Сидахыа летучую почту до Холунгоу, и снял все остальное, выставленное на Хайчен и к летучей почте Грекова. Согласно приказа Графа Келлера, я считал себя подчиненным только ему одному, а быстрое доставление важных донесений в Ляоян мне обеспечивала та же связь с Графом, который мог их передавать по телеграфу.

Так как сведения о силах и расположении противника были не вполне точны, то я начал производить разведки, посылая пеших стрелков прямо на юг горами к перевалу Пханлин и офицерские разъезды с флангов. К утру 18 июля мы имели точные данные: на перевале [238] Пханлин находилось не более одного батальона, главная часть которого стояла биваком непосредственно южнее перевала, имея при себе небольшой колесный и многочисленный вьючный обоз; перевал Ханцзялин был занят слабой заставой, выдвигавшей свои посты в долину Синлунгоу. Местность к юго-западу от Титуню, к перевалу Пейталин и далее, была свободна от противника, равно как и район южнее д. Уцзяфан. Очевидно японцы поставили батальон у перевала Пханлин, для прикрытия своего наступления на Долин против 2-го Сибирского корпуса.

19 июля я решил произвести еще раз разведку, как по долине Синлунгоу, так и с левого фланга от д. Уцзяфан, и, выслав разъезды и патрули, ожидал подтверждения имевшихся данных, но обстановка к полудню несколько изменилась. Может быть японцы были обеспокоены нашими энергичными поисками, а может быть некоторое наступление входило в их намерения, но они продвинулись вперед по обоим направлениям. В долине Синлунгоу они подались версты на полторы, при чем основательно обстреляли наш дозор, попавшийся в целый ряд засад и только уцелевший каким то чудом (опять подтверждение плохой и невыдержанной стрельбы японцев). Дозор лихо ускакал под частым огнем противника и при этом не потерял ни на минуту самообладания; один казак был ранен 2-мя пулями, одна лошадь подстрелена, один казак упал вместе с конем; дозор остановился, поймал лошадь и подобрал упавшего; как только казаки вышли из сферы огня, они остановились, выставили пост и продолжали сторожевую службу; раненый, уступив свою лошадь товарищу, взял его подстреленного коня и на нем поехал в отряд, при чем, чувствуя себя бодрым, отпустил провожатого с дороги; затем явился весь окровавленный ко мне, а не на бивак сотни, и об-

стоятельно, спокойно доложил, что, по мнению старшего, т. е. урядника, японцы специально охотились за казаками, и поэтому опасаться их наступления на отряд нельзя; то же подтвердил и высланный на подкрепление [239] сильный офицерский разъезд. Казак Бородкин был ранен замечательно счастливо: одна пуля прошла между винтовкой и спиной, содрав кожу с последней, а другая разорвала мягкие части руки; он остался в строю, хотя я уговаривал его съездить показаться доктору.

Против заставы у д. Уцзяфан, где работал еще офицерский разъезд, японцы выдвинули до полутора рот пехоты и потеснили заставу, при чем была перестрелка, окончившаяся для нас без потерь.

Таким образом по активности японцев выяснилось, что всякая наша попытка наступления вызовет серьезное дело, а между тем уже получились сведения с поста летучей почты в Холунгоу, что 18 июля В. отряд имел неудачный серьезный бой, и убит Граф Келлер. Так как записка урядника была написана не очень грамотно, то я надеялся, что роковое известие не подтвердится, но 21 июля пришло его официальное подтверждение. Связь со штабом 2-го корпуса была прервана—он не отвечал на мои запросы, хотя почта еще стояла на месте; с постов последней доходили слухи, что корпус был атакован под Симученом и поспешно отходил к Хайчену. Я видел, что в отряде начинается нервность. Ротный командир доложил мне, что вероятно пропали и погибли высланные с вечера накануне на разведку в тыл противника, за перевал Пханлин, стрелки: вольноопределяющийся Карпицкий и рядовой Чаус; я знал, что вольноопределяющийся участвовал в таком же рискованном поиске 17 июля и следовательно должен был быть переутомлен; он пошел по своей настойчивой просьбе; японцы значительно продвинулись вперед; к счастью охотники прошли линию японских передовых частей в ночь с 18 на 19 июля, и в день перестрелки в долине Синлунгоу наблюдали ее, находясь сзади противника; следующею ночью они приползли на бивак с самыми точными сведениями; В общем силы противника пред нами не увеличились, но большая часть батальона, стоявшего южнее Пханлина, выдвинулась к северу. Из сопоставления донесений Карпицкого и уральского дозора можно было поручиться за их правдивость [240] и точность, а также, что оба стрелка действительно проходили за линию передовых частей японцев; поэтому я представил обоих, а также и оставшегося в строю раненым Бородкина, к награждению знаком отличия военного ордена. Из них Карпицкий еще в 1905 и 1906 году несколько раз

просил моего содействия для получения вполне заслуженной им награды, но мои хлопоты не увенчались успехом; наконец он добился своего, благодаря ходатайству г. Линевича. Что же касается до Бородкина и Чауса, то они остались ненагражденными, и это их ненаграждение я не могу не поставить в упрек нашим штабам, относившимся к таким представлениям начальников отрядов чрезвычайно небрежно, что нельзя не признать безнравственным. Действительно, посылаешь людей почти на верную гибель, обещаешь награду за геройские подвиги, а в результате оказываешься обманщиком; не есть ли это подрыв авторитета начальника, парализование усердия и рвения подчиненных, и обида храбрым, тем более чувствительная, что рядом, в штабах, награждали знаками боевых отличий писарей и денщиков.

Наш командующий армией додумался еще до иного средства поощрения доблести вверенных ему войск, а именно: он предписал выдавать за каждого пленного японского солдата 100 руб., а за каждого пленного японского офицера 300 руб., в награду тем молодцам, которые доставят пленных. Полагаю, что вряд ли можно было придумать что-нибудь развратнее и вреднее. Точно русские люди пошли сражаться не по долгу присяги и службы, а по найму. К счастью, наши солдаты оказались выше этого разврата, и я по крайней мере ни разу не слышал, чтобы они требовали себе такой награды. Эта оригинальная мера угасла сама собою, и вероятно не обременила большими расходами нашу казну.

20 июля прошло спокойно; японцы не шевелились; по летучим почтам получались самые неутешительные известия, и не было никакого сомнения, что оба корпуса, между которыми мы держали связь, уже находились в полном отступлении, а в одном из них был убит старший [241] начальник. В сумерках ко мне явился офицер из сотни, державший линию почты со штабом 2-го корпуса, и доложил, что корпус ушел, а командир сотни приказал немедленно собирать посты и уходить на север (!!). Так как в отряде начиналось распространяться тревожное настроение, то мне не хотелось, чтобы бегство летучей почты его усилило, и я уговаривал офицера остаться до рассвета со своими, уже собранными в Титуню, казаками; он согласился, и мы условились, что он пойдет вместе с моим офицерским разъездом, которому я поручил установить связь с штабом 2-го корпуса, но через несколько минут я узнал, что он все-таки ушел на север. Этот юноша уже поддался панике, но трудно винить его, ибо при наших отступлениях проявлялась такая нераспорядительность начальников и их штабов, что войска знали только одно зловещее

слово «отступать», и, блуждая в полной неизвестности обстановки, стремились выполнять это приказание возможно скорее, дабы не быть брошенными другими. Тогда же я получил сообщение Грекова, что он немедленно отходит в Лаодитан—пункт, лежавший в той же долине р. Сидахыа, как и д. Титуню, но только в 35 верстах сзади нас. Не знаю, отступил ли Греков по приказанию, или под напором противника, но как раз перед этим я справлялся в его штабе о действиях Восточного отряда и получил ответ, что оттуда никаких распоряжений не поступило. Я склонен думать, что Греков ушел на основании моего сообщения, что я имею диспозицию Восточного отряда, по которой, при занятии Ляндясанской позиции, бригаде Грекова предназначалось стать у Лаодитана.

Итак все уходили, а об отряде у Титуню забыли, что впрочем было естественно: существование отряда обусловливалось необходимостью поддерживания связи между двумя корпусами, ну, а когда оба были заняты деликатною операцией отступления после достаточно неудачных боев, разыгранных по идее Куропаткина «ради тактического использования местности», то когда же штабам корпусов думать о связи с соседними корпусами, а тем более о [242] каком то ничтожном отрядике, когда надо было уводить дивизии, полки. С уходом Грекова в Лаодитан и предоставлением противнику сразу 50-ти верстного района на левом фланге и в тылу вверенного мне отряда у д. Титуню, положение наше делалось довольно оригинальным, тем более, что и на правом фланге корпус Засулича, вероятно, не оставил ничего, кроме без вести пропавших, в таком же районе, а потому нахожу остроумным замечание князя Амилахори, что «оставаться в Титуню значит лезть в лапы к японцам», и что, поступая таким образом, я беру на себя слишком большую ответственность за участь отряда. Ответственности я не боялся, но здравый смысл говорил, что напрасно рисковать не следует и нужно отойти; но в то же время не выходили из головы слова уже покойного Графа: «отступают или по приказанию, или под напором». Так как японцы нас не беспокоили, то я принял решение отвести отряд только на 5-6 верст назад, к д. Чаодзягоу, где его положение значительно улучшалось; в виду же того, что Греков перешел в Лаодитан, я решил укоротить свою летучую почту и пользоваться его средствами для связи со штабом Восточного отряда. Решение отойти, оказалось правильным: 1) с рассветом японцы начали наступление и охватили наш левый фланг, 2) еще до выхода из Титуню я получил предписание отойти еще далее назад к д. Тыашентунь.

Около 11 часов ночи я собирался заснуть, как вдруг на биваке

раздался выстрел, а через несколько секунд второй. Необходимо было произвести тревогу, и я отдал соответствующие распоряжения. К сожалению я заметил совсем нежелательные симптомы, в роде следующих. Я начал жечь имевшийся у меня экземпляр диспозиции, и вдруг из под окна фанзы мне крикнули: «гасите огонь»; это конечно означало, что боялись стрельбы по освещенной фанзе. Я вышел на улицу, где уже стояла в ружье 1-я рота и начал закуривать трубку; услышал замечание: «нельзя курить». Тогда я рявкнул: «а кто здесь начальник», и конечно получил извинения. Прибежал один офицер и доложил, [243] что «японцы стреляли по нашим пехотным постам» между тем как было отлично слышно, что выстрелы раздавались в тылу бивака. Другой офицер заявил, что «стреляли с правого фланга, с сопки». Я все время шутил с солдатами, а на последнее сообщение заметил: «спасибо японцам, что нас предупредили о своем нападении, и мы готовы их бить». Тут подъехал вахмистр одной из сотен и со страхом доложил: «простите В-е в-е, по своим стреляли». Оказалось, что у двух казаков заболели кони коликой; они вскочили на них не взнуздав и поскакали, дабы промять; лошади занесли, и вот, при возвращении, пост принял их за противника и сделал два выстрела, к счастью не задев никого.

Итак тревога оказалась напрасной, но отдых был нарушен, что было обидно, в виду, как это потребовалось, совершения затем ночных маршей. Выступление отряда было назначено в 5 часов утра; так как мне не спалось, вследствие начинавшегося на ноге нарыва, то уже в 4 часа я был на улице и разговаривал с дежурным по 1-й роте унтер-офицером. Мы одновременно заметили, что по направлению на юг, впереди заставы, неожиданно вспыхнул огонь, и быстро разгорелось пламя. Меня убеждали, что это был какой то сигнал для японцев; не оспариваю, и может быть действительно китайцы были в соглашении с противником. Я не ускорил выступление, которое еще замедлилось, потому что 4-я рота проспала, запоздав выниманием хлебов из печей (о таком хозяйстве я не был поставлен в известность). Застава силою в полусотню составляла наш арьергард и донесла, что немедленно после нашего ухода японцы заняли деревню; ее разъезды имели незначительную перестрелку.

Я сказал уже, что при выступлении из Титуню я получил приказание из штаба отойти к д. Тыашентунь и там оставаться. К сожалению, забыл какая была поставлена задача отряду, но, как тогда, так и теперь, не могу признать сделанное распоряжение правильным,

при тогдашней обстановке. Действительно, раз г. Греков со своим сильным конным отрядом в 12—16 сотен находился [244] в д. Лаодитан (всего 16 верст в затылок Тыашентунь), то разведка долины р. Сидахыа была обеспечена, и в Тыашентунь могла стоять его передовая часть; не ставили же меня специально охранять отряд Грекова. Гораздо важнее было обеспечить направления западнее, тем более, что, по отступлении 2-го корпуса к Хайчену и потере с ним связи, этот район получал особенно серьезное значение: японцы могли пробраться к перевалу на дороге из д. Мохоасан в д. Тайпингоу и даже к перевалу Мяолин. Я изложил свои соображения на полученное мною приказание и отправил их в штаб.

Прибыв в Тыашентунь и предполагая, что отряд останется в этом пункте неопределенное время, я решил принять некоторые меры в смысле большей свободы действий, а именно, отослать весь обоз; тогда, не имея ни одного колеса, обратив пехоту в легкий партизанский отряд, никакие обходы японцев мне не были страшны. Немедленно я отдал приказ о снаряжении колонны обоза, а для того, чтобы вселить в офицеров убеждение в необходимости отказаться от удобств походной жизни, предоставляемых их двуколками, приказал забрать и моего денщика с моим вьюком. Около 4 часов дня все 18 повозок при офицере направились через Лаодитан в обоз 9 стрелкового полка. Под вечер уралец, урядник Порушков, доставил на мое утреннее донесение в штаб корпуса ответ, чем при- вел меня в полное изумление. Во-первых, он пробежал более 70 верст в 10 часов времени, считая и время потраченное на ожидание приказания в штабе; во-вторых приказание начиналось так: «начальник отряда, соглашаясь с вашими доводами, приказывает Вам немедленно занять перевал Мяолин». Мог ли я ожидать, чтобы такой большой начальник в нашей армии написал так такому ничтожному офицеру, каким был я. Одной этой фразы было достаточно, чтобы понять, что генерал Иванов обдумывает свои решения, а не только подписывает то, что фабриковала инстанция с громким названием штаб В. отряда, постоянно только очищавшая [245] номера. Вероятно, поэтому и приказание дошло так быстро. И я не ошибался: Иванов, сменивший Графа Келлера, был в то время еще свежим человеком, не считавшимся с рутиной наших штабов, и чуть ли не сам отдавал все приказания и даже писал их; и дело пошло у него удовлетворительно, что доказывают результаты его боев под Ляояном. К сожалению, мне придется описывать его и совершенно другим военноначальником, но утверждаю, что причиною такой перемены было именно то обстоятельство, что он не устоял перед рутиной, или вернее перед разру-

шавшей нашу армию гидрой генерального штаба, успевшей даже совсем поработить этого мягкого и боязливого перед всяким начальством человека, преследовавшего, впрочем, достаточно тонко и искусно свои личные интересы и расчеты.

Согласно того же приказания, Мяолин должен был быть занят немедленно, а потому отряду пришлось совершить ночной марш на протяжении 20 верст. Казалось бы решение такой задачи для отряда, в составе 2-х рот лихих сибирских стрелков и 2-х сотен молодцов уральцев, не может представить никаких затруднений, тем более, что погода была отличная, а дорога, пролегая по широким долинам, представляла лишь небольшие затруднения при переправах в брод. Однако оказалось, что совершить ночной марш вовсе не так легко, благодаря тому, что офицеры русской армии незнакомы с самыми элементарными требованиями тактики и устава полевой службы. Заблаговременно отдав все приказания о времени выступления и порядке следования (1 сотня в авангарде, 2 роты и 1 сотня в арьергарде), пункте сосредоточения, с которого должны были дебушировать в колонну части, я хорошенько ориентировал казачьего офицера, которому поручил вести головную сотню, и в назначенное время был на перекрестке, указанном частям. Оказалось, что головная рота не готова, и пришлось два раза посылать к господину ротному, чтобы он торопился, на что было потеряно около получаса. Ночь была очень темная; я ехал в хвосте всей пехоты, т. е. за 4-й ротой; проехав десяток [246] верст, мне показалось, что мы идем не по настоящей дороге (я проезжал уже здесь, следуя в Титуню); поехал к голове роты, где нашел батальонного и ротного; признаков головной роты не было; стало ясно, что рота оторвалась и заблудилась. Выразив порицание за беспорядок, я повернул роту назад, и сам вывел ее на настоящую дорогу. Близко от перекрестка, где повернула 4-я рота, я нашел и 1-ю остановившеюся и нас поджидавшею. Уральцы не только вели колонну, но и щупали ее в глубину, заметили ошибку и остановились. Мы продолжали марш еще потеряв часа полтора. Через несколько минут я получил новый сюрприз. Князь Амилахори перегрузил из отправленных повозок запас хлеба и сухарей на нанятые китайские арбы и выслал их заблаговременно вперед, но арбы увязали в мокрый песок и глину и двигались со скоростью 1-й версты в час. Мы их нагнали, и пришлось впрягаться людям. С этой минуты наш марш обратился в какой то кавардак: роты тащили арбы, люди кричали, понукали и т. д. Я, смеясь, сказал Амилахори, что, по производимому нами шуму, японцы могут предположить, что у нас огромные силы. От д. Пахуд-

зай дорога стала много лучше, и движение продолжалось беспрепятственно.

Когда мы прибыли на перевал Мяолин, уже рассвело. Он представлял из себя прекрасную позицию, и я очень сожалею, что не пришлось на ней сражаться[23]. Никаких затруднений в ее занятии не представлялось, и нужно было лишь позаботиться об обеспечении правого фланга, откуда шли дороги в обход, но очень скоро прибыл офицер из отряда князя Трубецкого, командира 7-го Сибирского [247] казачьего полка, с сообщением, что его отряд занимает перевал по дороге от д. Мохоасан—на д. Чаодзягоу, т. е. вполне нас обеспечивает. В тот же день стало известно, что перевал Мяолин вверен обороне отряда г. Мищенко, в составе приблизительно 3 х казачьих полков, полка пехоты и 3-х батарей, а потому присутствие моего маленького отряда становилось лишним.

23 июля на нашу позицию стал передовой отряд Мищенко, в составе 1 батальона и 2-х сотен, а главные его силы остались в д. Сансычецзы. Я отправился к генералу. Подъезжая к расположению отряда, я видел почти все войска и не могу не высказать произведенного на меня ими впечатления, Никогда не случилось встретить на биваках такой ужасный беспорядок, такую разбросанность частей и такую распущенность. Везде, куда ни взглянешь, разбрелись солдаты и казаки; пасут лошадей, тащат всякий скарб с полей и из домов; везде костры и огни—словом, впечатление орды, табора, но только не войска. Более получаса искал я в деревне штаб г. Мищенко, потому что никто не мог мне его указать, даже казаки. Наконец, случайно наткнулся на поившую у колодца коня фигуру (какого она была войска сказать невозможно), указавшую мне на прилежащую фанзу. Я был принят немедленно, но нелюбезно. Может быть, я производил неприятное впечатление своим грязным видом, да еще одна ступня у меня была обернута тряпкой, потому что нарыв не позволял одеть сапога. Я доложил генералу, что имел задачу оборонять перевал Мяолин, теперь уже занятый его передовыми частями, а потому, впредь до получения новых приказаний от начальника В. отряда, буду считать себя в подчинении и распоряжении генерала. Однако Мищенко возразил, что «чужими войсками распоряжаться и командовать не желает». Я обратил его внимание,

[23] На рассвете 13-го августа (для Южной Группы Русской Маньчжурской Армии начало—завязка генерального сражения под Ляояном, т. е. на 2 дня позже, чем для Восточной Группы) авангард 2-го Сибирского корпуса, под начальством г. Толмачева, в составе 2 батальонов и 5 сотен, отдал эту твердыню противнику без всякого сопротивления. Даже Засулич называл это отступление преждевременным. И все это сходило, как ни по чем: кто не хотел сражаться, мог уходить безответственно и безнаказанно.

что в составе моего отряда есть, как войска В. отряда, так и 2-го Сибирского корпуса.

В эту минуту один из офицеров штаба подал генералу телеграмму, заключавшую в себе категорическое приказание произвести рекогносцировку на д. Пахудзай. Не [248] знаю от кого, или из какой инстанции, исходило это приказание, но, к моему удивлению, присутствовавшие офицеры начали настоящий торг: «да почему опять нам? Да мы устали! Да мы должны отдыхать! Да мы только что пришли; наши люди и лошади замотаны!» Генерал тоже хмурился и был видимо недоволен полученным приказанием. Тогда я позволил себе доложить следующее: «в—е п—во, в данную минуту мой отряд совершенно без назначения; имеет свойства партизан, так как ходит налегке, без всякого обоза; в виду утомления ваших войск, разрешите мне произвести требуемую рекогносцировку». На это последовал ответ: «чужими войсками не распоряжаюсь и вас послать не могу; делайте сами рекогносцировку». Я спросил: «а вы будете все-таки рекогносцировать своими войсками?»—«Да, буду, пошлю казаков и пехоту».—«В таком случае я не буду делать рекогносцировку и честь имею явиться». Я откланялся. Действительно больше здесь делать было нечего, потому что пользоваться вверенными мне войсками не желали, приняли меня как бы враждебно, а делать самостоятельно рекогносцировку, впутываясь в войска мне не подчиненные, и на согласие с которыми рассчитывать было трудно, конечно, было бы нелепо.

На пути к перевалу Мяолин я встретил скачущего уральца с экстренным пакетом, в котором заключалось приказание г. Иванова немедленно перейти к д. Тунсинпу, для выполнения особо важной задачи — обеспечения правого фланга перед фронтом Ляндясанской позиции Восточного отряда. «Возлагаю это особенно серьезное поручение на ваш отряд потому, что вы им командуете; оттуда ожидаю наступление японцев и их главный удар», писал мне мой новый начальник и конечно доставил мне своими словами огромное нравственное удовлетворение: нашелся же генерал, который не только не отказывал мне в доверии, но прямо заявлял, что считает меня офицером способным выполнять самые серьезные боевые задачи. Судьбе было угодно, чтобы японцы в точности исполнили предположение г. Иванова, а боями 11—13-го августа под Тунсинпу [249] и Тасигоу мне удалось оправдать оказанное мне доверие. Я имел в то время совсем неясное представление о том, кто был г. Иванов, и только догадывался, что это был генерал, имеющий репутацию самого знающего артиллериста в нашей армии, которого я видел один

раз в жизни, в Кронштадте. Он был там начальником крепостной артиллерии, а я сопровождал начальника штаба округа, приезжавшего, по приказанию командующего войсками, проверить боевую готовность крепости.

Отряд выступил с Мяолина около 3-х часов пополудни. Расстояние до д. Тунсинпу составляло около 30 верст. От д. Пахудзай дорога шла долиною р. Сидахыа, которая, приняв в себя несколько ручьев, становилась у д. Лаодитана довольно значительной речкой. В виду того, что в д. Пахудзай стояла застава из отряда Грекова, я не предполагал встречи с противником, тем более, что мои разъезды доносили утром, что японцы держатся на линии Тумынсян-Тинчан. Марш был организован так: сильный казачий разъезд, 3-я сотня, две роты и 2-я сотня. Когда голова пехоты достигла д. Пейюан, разъезд донес, что д. Пахудзай занята японцами, и их одиночные люди видны на высотах к югу от деревни. Выслав вперед 3-ю сотню, я догнал ее у д. Сяцуайцзы, где командир сотни остановился, считая, что при дальнейшем движении он может быть обстрелян, с высот между д.д. Тунмынсян и Пахудзай, где, по донесениям дозоров, показалось что то в роде цепи пехоты; головной разъезд осадил к сотне. Должен сознаться, что обстановка была совершенно не выяснена, и казаки выказали некоторую робость; я даже сомневался в факте оставления заставой Грекова Пахудзая, но для выяснения обстановки надо было потратить много времени, выслав пешие разведки. Потеря времени совсем не входила в мои расчеты, потому что отряд должен был спешить исполнением важной задачи, а в районе, где он находился, было достаточно наших войск. Отряд Грекова обеспечивал долину Сидахыа, а г. Мишенко только что получил приказание рекогносцировать у д. Пахудзая. В виду всех [250] этих соображений, чтобы не терять время, я немедленно решил свернуть кратчайшим направлением на север и миновать подозрительное место. Мой хозяйственный штаб-офицер ухитрился опять иметь при ротах китайскую арбу, запряженную ротным убойным скотом, которая конечно не могла следовать по плохим дорогам. Я отослал арбу в отряд Мищенко, подарив, находившееся на ней продовольствие, и немедленно двинулся дальше. В прикрытие я оставил 2-ю сотню, которая выяснила, что действительно на высотах к юго-западу находилось немного японской пехоты, а следовательно, если бы мы продолжали движение на Пахудзай, то имели бы напрасную перестрелку и вероятно прошли бы, но задержались на несколько часов.

День был необыкновенно жаркий, и уральцы догадались облегчить стрелков, взяв на лошадей их шинели. Когда мы перевалили в

долину д. Хуаинцзы, то, пройдя эту деревню, я приказал сделать привал, но не успели казаки слезть с лошадей, а стрелки составить ружья, как послышались залпы, и засвистали пули. Совершенная неожиданность обстрела отряда была тем более поразительна, что, как с юга, так и с востока, сторожевые разъезды и дозоры доносили о том, что противник остался далеко, за нами, и залп был дан с севера, где можно было ожидать появления только своих войск. Так и оказалось: это были охотники какого то стрелкового полка, принявшие нас за японцев и давшие около 4-5 залпов с 2000 шагов расстояния. Не понимаю, каким образом могли они ошибиться, видя перед собою 2 сотни вооруженных пиками. Стрельба прекратилась, когда я выслал вперед наметом сотню и приказал трубить горнисту. Мы отделались весьма счастливо, не смотря а то, что прицел был взят очень верно, а именно: была расщеплена одна винтовка, оцарапаны 1 или 2 лошади, и с рикошета пуля ранила в копыто мою лошадь; эту пулю вестовой подобрал и подал мне, так что я имею память и вещественное доказательство обстрела своими войсками. Конечно охотники поспешили скрыться, и мы никогда не узнаем, кто именно устроил нам такую неприятность. Впрочем этот случай [251] имел и свою хорошую сторону, так как показал насколько поддавались, или нет, чины отряда неожиданностям. Я заметил, что штаб-офицер весьма осторожный человек, потому что он быстро соскочил с лошади и укрылся под деревья. На стрелков огонь не произвел никакого впечатления и только возбудил их любопытство; 3-я сотня, находившаяся вблизи меня, бросилась к коням и села на них без всякого приказания—настолько нервно, что несколько лошадей вырвалось; я мгновенно скомандовал ей: «справа по три, в карьер», «вперед на выстрелы». Это было принято очень дружно. Хотя залпы прекратились, но я пропустил так всю сотню, внушая, чтобы впредь не смели волноваться. Состоявший при казаках переводчик китаец соскочил с лошади и убежал в гаолян, что было замечено несколько поздно; он больше к нам не возвратился.

Дав людям отдохнуть 15 минут, мы продолжали движение; у д. Лаодитан сделали большой привал с варкой чая. Отряд Грекова находился на рекогносцировке долины Ломогоу — Сяматун, в окрестностях д. Тунсинпу, и ожидалось его возвращение. Присутствовавшие офицеры Верхнеудинского полка ничего о противнике сообщить не могли и даже не знали, занят ли Пахудзай заставой их отряда.

В 9 часов вечера мы продолжали движение. Пришлось совершить тяжелый ночной марш, хотя, всего в 10 верст, но в совершен-

ной темноте (безлунная и облачная ночь), а, главное, перейти до 6 раз в брод реку Сидахыа, при чем вода доходила местами до пояса и выше. Я поручил организацию направления и связи движения 2-й сотне, и подъесаул Прикащиков выполнил свою задачу блистательно; мы шли ровно, спокойно, без оттяжек и наталкиваний, по лучшим колеям дороги и верным бродам; отсталых не было. Отойдя версты полторы от Лаодитана, мы встретили возвращавшийся с рекогносцировки отряд Грекова (около 12 сотен); я подъехал к генералу и обратился с просьбой ориентировать меня относительно всего выясненного отрядом, но получил лишь [252] краткую фразу: «обратитесь к начальнику моего штаба». Конечно я имел право заставить Грекова дать себе труд сообщить мне обстановку, потому что это составляло его обязанность, и, как начальник самостоятельного отряда, я имел право сношений с ним, но, не желая терять времени и наперед зная, что Греков не способен вообще обстоятельно рассказать что либо, я поехал искать Свешникова, который однако также ничего не знал. Действительно, отряд подошел к перевалу между д.д. Тунсинпу и Сяматун, выслал за перевал какие-то партии, постоял и ушел, ничего не разведав. Можно было только удивляться, зачем прогоняли несколько десятков верст 12 сотен и держали их под седлом, не желая совсем действовать. Но ведь то был отряд под начальством Митрофана Грекова, приехавшего во второй раз на поля Маньчжурии искупать свои хозяйственные грехи мирного времени в звании командира полка, бригады и дивизии; безрезультатность его рекогносцировки более чем понятна.

Отряд прибыл в д. Тунсинпу в $11^1/_2$ часов ночи. Пехота была очень утомлена. Биваком стали в совершенной темноте. Надо было прежде всего выяснить, есть ли впереди нас сторожевое охранение, оставленное, по словам Свешникова, отрядом. Я нашел в кумирне командира сотни, сказавшего мне, что на перевале стоит его застава, и поэтому вверенный мне отряд может не охраняться, тем более что за весь день присутствие японцев вблизи обнаружено не было. В виду сего я отложил выполнение службы до рассвета и сделал только немедленно соответствующие распоряжения.

[253]

ГЛАВА XI.

Действия передового отряда у д. Тунсинпу, впереди правого фланга Ляндясанской позиции Восточного отряда, с 24-го июля по 10-е августа.

Задача отряда: охранять линию от д. Шанматун (правый фланг) по долине Ломогоу (эта деревня расположена в 6 верстах южнее д. Шанматун), к северу до д. Кимисны, протяжением в 12 верст, производить разведки на всем этом фронте до соприкосновения с противником и держать связь, направо—с отрядом г. Грекова (1 бат. 12-го В. Сибирского полка, $11^1/_2$ сотен и 4 кн. горн. орд.), стоявшим в д. Лаодитан, и налево— с охотничьими командами, выдвинутыми в окрестности д. Ляндясань (бывший этап большой дороги Ляоян—Фынхуанчен), и войсками, занимавшими позицию между д.д. Кимисны и Тасинтунь (на этой передовой позиции обыкновенно располагался 1 батальон). Резерв отряда должен был быть расположен в д. Тунсинпу. Предписывалось иметь особенное наблюдение на линии охранения за высотою 161, лежавшей в $1^1/_2$ верстах севернее перевала между д.д. Тунсинпу и Сяматун; кажется эта высота была указана самим командующим армией. Таким образом отряд прикрывал все подступы к правому флангу главной позиции В. отряда, тянувшейся к востоку от д. Кофынцы, до высоты 300, обход и охват которого были тем более вероятны, что японцам представлялось особенно выгодным нанести свой решительный удар в разрез между обеими группами нашей армии—Восточной г. Бильдерлинга и Южной г. Зарубаева, занимавшей позицию у Айшаньчжуаня,

Принимая во внимание ничтожные силы отряда, трудно было рассчитывать не только на упорное сопротивление — задержку наступления противника, но нельзя было дать сторожевой наряд, достаточный для обеспечения фронта охранения от прорыва партиями японцев, по гористой пересеченной местности. На следующий же день, после рекогносцировки [254] позиции на перевале, я донес в штаб В. отряда, что для прочного удерживания имевшего столь серьезное значение района впереди стратегически важного (наиболее подверженного обходу и охвату, так как стоявшая правее В. отряда ближайшая часть войск, под начальством г. Засулича, была удалена от позиции более чем на переход, и потому являлось естественным стремлением японцев ударить в разрез) фланга, необходимо значительно увеличить силы отряда, а, для прочного охранения заданной линии, желательно получить еще хотя один ба-

тальон. Мои соображения не были приняты во внимание. При данных силах пришлось организовать службу следующим образом: было выставлено 3 заставы:

№ 1 (правофланговая) 1 взвод казаков, на дороге — Тунсинпу—Шанматун, в $5^1/_2$ верстах от первой деревни, на том месте, где дорога меняла свое направление, поворачивая на восток;

№ 2 (средняя—главная) $^3/_4$ роты и $^1/_2$ сотни, на перевале по дороге Тунсинпу—Сяматун, в 3 верстах от первой деревни; начальнику этой заставы подчинялся и выделяемый им взвод стрелков для обеспечения высоты 161, лежащей в $1^1/_2$ верстах севернее перевала;

№ 3 (левофланговая) $^1/_4$ роты и взвод казаков, на дороге Тунсинпу—Киминсы, в $4^1/_2$ верстах от первой деревни.

Заставы 2 и 3 выставляли пехотные посты, образовавшие непрерывную линию охранения на протяжении около 4 верст, считая от заставы № 3 до $1^1/_2$—2 версты южнее перевала, занимаемого заставой № 2. Продолжить такое же охранение до заставы № 1 было невозможно, вследствие удаления последней. Следовательно противник мог всегда ночью и даже днем проникать между заставами №№ 1 и 2. Так и случилось на самом деле: наступлением 2—3-х батальонов в обход правого фланга заставы № 2 японцы начали Ляоянское сражение 11 августа. Все 3 заставы высылали от себя постоянно конные дозоры—вернее разъезды — в долину Ломогоу, которые не только постоянно наблюдали ее участок от Шанматун до Киминсы, но [255] проникали на правый берег протекавшей (течение с юга на север) по долине речки. Застава № 2 высылала пеших разведчиков для исследования местности между ее правофланговым постом и заставою № 1. Таким образом в постоянном наряде на сторожевой службе находилась половина отряда (1 рота и 1 сотня); смена производилась через каждые 3 или 2 суток, в зависимости от состояния погоды (жары, перемежающейся с тропическими ливнями).

Резерв отряда расположился в Тунсинпу; 3 взвода занимали прекрасный импань китайского купца; внутреннее помещение магазина, занимаемое офицерами, было роскошно; один взвод размещался в фанзе по другую сторону улицы; уральская сотня стала биваком у западной окраины деревни; в близлежащей фанзе поместился штаб отряда. Деревня тянулась с востока на запад на $1^1/_2$ версты, имела две параллельных улицы—дороги и несколько поперечных, представляя неправильного вида четырехугольник, площадью около 1 кв. версты; на западной окраине деревни находилась обширная усадьба китайского офицера. Как местный предмет для обороны, деревня не имела никакого значения, будучи окружена с 3-х сторон (кроме за-

падной) высотами и холмами, прилегавшими к ней непосредственно довольно крутыми скатами (с севера и северо-востока), или подходившими к ее окраине на ближний ружейный выстрел холмами (с юга и юго-востока); на восток, к перевалу, тянулось довольно узкое дефиле—долина ручья, истоки которого находились у перевала; ручей во время дождей обращался в бурный поток, разрезывавший в двух местах главные улицы деревни; по прекращении дождей он немедленно высыхал.

Позиция у Тунсинпу не удовлетворяла требованиям тактики, потому что прилежащие к ней высоты, которые и приходилось занимать для обороны, совершенно командовались впереди лежащею местностью; тем не менее, в случае наступления противника с востока и юго-востока (как случилось 11 и 12 августа), можно было расположить войска по сопкам к востоку и юго-востоку от деревни, [256] причем первые отделялись от вторых долиною ручья (она же дорога из Тунсинпу в Сяматун). Фронт этой позиции не мог быть менее 2 верст, т. е. совсем не соответствовал силам отряда. Левый фланг—севернее названной долины—имел за собою еще одну относительно хорошую позицию на сопках, лежавших севернее деревни, круто обрывавшихся на запад в долину р. Сидахыа и имевших достаточное командование, но отступление с этой последней позиции было в высшей степени затруднительно, так как приходилось следовать по открытой широкой долине более 2 верст; в случае захвата же д. Тунсинпу, можно было уходить только сопками на север. Правый фланг находился еще в худших условиях, потому что, будучи сбит с невысоких сопок (скорее холмов) у деревни, должен был сразу отходить по открытой местности; кроме того сами холмы по своей ничтожной профили не представляли удобства дальнего обстрела и укрытия. Я не делаю оценки позиции на высотах по линии сторожевого охранения отряда (высота 161, перевал и сопки южнее), потому что оборонять их при данных силах отряда было совершенно невозможно, хотя нельзя не оговориться, что если бы, вместо 2 рот, было 2 батальона, и можно было бы рассчитывать на серьезную оборону отрядом Грекова высоты 282, а передовыми войсками, выдвинутыми к Ляндясань, высот между д.д. Тагоу и Тасинтунь, то овладение левым берегом долины Ломогоу обошлось бы противнику не дешево (на самом деле японская гвардия заняла его в ночь с 10 на 11 августа без выстрела), а ведение нашими войсками хотя бы и не упорного, а чисто рекогносцировочного боя на названных позициях позволило бы выяснить группировку сил и намерения противника. Это выяснение было много труднее при

условии боя в котловине Тунсинпу, окруженной полукругом командующих гребней и высот. Так случилось на самом деле, причем отряд Грекова и передовые части, занимавшие Ляндясань и сопки между д.д. Киминсы, Тасинтунь и Тагоу, отошли без боя, или с самой ничтожной перестрелкой. [257]

24 июля с рассветом я был уже на перевале. Не только заставы, но и никакого поста Верхнеудинцев там не оказалось. Я послал искать начальника заставы. Через два часа явился офицер, доложивший, что он решительно ничего не знает, и что его люди стояли ночью у самой окраины деревни. Следовательно приходилось не принимать сторожевую и разведывательную службу, в смысле их продолжения, а приступать к ним вновь с самого начала: осветить местность и искать противника. На заставы стала 2-я сотня подъесаула Прикащикова, самого энергичного и дельного офицера из всех имевшихся в данную минуту в отряде, и 4-я рота штабс-капитана Гребенка (убит под Бенсиху 29 сентября), офицера лишенного всякой инициативы. Выше я говорил, что местность на перевале была уже мне знакома с 19 июня; теперь я не мог лично произвести ей детальную рекогносцировку, потому что нарыв на правой ступне, вследствие надевания сапога на предшествовавшем марше, настольно усилился, что я совсем не мог двигаться. Прикащиков быстро расставил сторожевое охранение к северу от перевала, но с Гребенка, которому было поручено то же к югу, пришлось повозиться. Он не отдавал себе отчета в том, что требовалось от полуроты, потому что нельзя было применить в точности требования устава полевой службы, и на каждое мое указание выполнения наряда упорно возражал, что это невозможно, или неправильно, или что он не понимает в чем дело. Пришлось наконец внушить ему: «старший начальник не должен вмешиваться в детали выполнения службы ротою—заставою, но я уже и так принял во внимание все ваши затруднения по особенностям данного наряда и дал вам самые подробные практические указания, которые дополню и проверю еще, как только буду в состоянии ходить; потрудитесь в своем исполнении идти навстречу моих желаний, и бросьте ваши возражения и критику, или мне придется передать командование ротой другому офицеру». С этой минуты Гребенка сделался, что называется, шелковым и выполнил все ему указанное вполне удовлетворительно.[258]

Для освещения долины Ломогоу немедленно с перевала спустились 3 разъезда уральцев, получивших задачи: правый — дойти до д. Шанматун, средний — исследовать участок Сяматун—Хоганза—

Холунгоу, и левый—Эрдахэ- Кимисы-Ляндясань. Эти разъезды скоро встретили в окрестностях д. Сяматун несколько десятков конных и пеших японских разведчиков; я поддержал их стрелками с заставы; после перестрелки, продолжавшейся около получаса, мы заставили противника очистить не только деревню, но и сопки между д.д. Сяматун и Пьяндяван, на противолежащем берегу. С нашей стороны потерь не было, но у японцев были убитые и раненые, что подтвердилось не только нашим наблюдением и показаниями китайцев, но и 6-ю уральцами из левого разъезда, пробравшимися через д. Эрдахэ на крутые сопки севернее Холунгоу. 3 спешившихся казака влезли на сопку и, видя как китайцы несут носилки с ранеными, открыли огонь по сопровождавшим их японцам. Китайцы бросили носилки и убежали; японцы сперва хотели их подобрать, но также принуждены были бежать. Казаки не могли спуститься с отвесных скал, чтобы взять какие-нибудь трофеи, и просидели так до ночи. Надо полагать, что этот огонь в тылу японцев помог нам принудить их к скорейшему отступлению.

Когда все дело кончилось, ко мне приехал уссурийский казак вольноопределяющийся, хорошо знакомый по службе в полку, и доложил, что со своими двумя казаками принимал также участие в перестрелке, выехав с юга из окрестностей д. Мамакей, с донесением г. Грекову от начальника разъезда корнета Юзефовича. Юноша доложил мне, что японцы разъездом обнаружены не были, и Юзефович вероятно скоро возвратится. На мое замечание, что разъезд может неожиданно наткнуться на японцев, которых мы только что прогнали из Сяматуна, вольноопределяющийся весело ответил: «в е в-е, ведь это Юзефович—этот не попадется, да к тому же он слышал перестрелку». Это соображение меня несколько успокоило, потому что когда я вернулся в Тунсинпу, то застал [259] всех жителей деревни столпившихся на улице и находившихся в крайнем волнении, предполагая немедленное наступление японцев, в виду слышанной перестрелки; расстояние от Сяматуна до Мамакея, где мог быть Юзефович, равно расстоянию от той же деревни до Тунсинпу и следовательно допускало разъезду слышать нашу перестрелку. Тем не менее я отдал приказание всем постам и дозорам, в случае проезда мимо них какого либо офицера, немедленно прислать его ко мне, так как, во-первых, хотел просто видеть своего друга, а во-вторых, убедиться в его безопасности, но он так и не появился, и предчувствие меня не обмануло: в этот день он был окружен, отстреливался, рубился и, по одной версии, был убит и зарыт около д. Мамакей, а по другой взят в плен смертельно раненым и скончался на пути в

Японию. Мне стоило большого труда привить всем чинам отряда правило препровождать ко мне всех случайно появлявшихся в районе отряда представителей наших войск, что не исполнялось даже, когда они бывали в д. Тунсинпу, т. е. в нескольких шагах от меня. Иногда вдруг в разговоре с подчиненным узнаешь, что приходил казак или охотник, рассказывавший то-то и то-то — часто очень важное, например при возращении с разведки.

В общем деятельность отряда 24 июля, т. е. в первый же день расположения его в Тунсинпу, ознаменовалась полной удачей, так как противник отступил понеся потери, а мы, не имея урона, сделались полными хозяевами участка долины Ломогоу, вверенного нашему охранению, достигнув подробного освещения всего фронта и убеждения в отсутствии значительных сил неприятеля. Такой быстрый первый успех, в виду предстоявшего выполнения важной задачи, был очень полезен, ибо он поднял дух отряда и сплотил между собою его части. Принимая во внимание, что, начиная с 15 июля, нам пришлось порядочно поработать и находиться постоянно в полном напряжении, я счел нужным дать некоторую оценку, деятельности вверенных мне войск и отдал приказ отряду № 1 (приложение 2-е). Он произвел хорошее впечатление, особенно на [260] уральцев, которые выказывали вообще мне решительно всем свои симпатии. Наша деятельность была оценена и начальником Восточного отряда г. Ивановым, известившим меня о своем удовлетворении всем сделанным отрядом и приказавшим дать нижним чинам несколько чарок водки, которой мы достать не могли.

В отношении связи с соседними отрядами были приняты следующие меры: застава № 3 высылала своих казаков в д. Ляндясань, застава № 1—к д. Лаодитан; кроме того, связь с отрядом Грекова поддерживалась по выставленной им летучей почте, долиною р. Сидахыа в д. Чинертунь (штаб В. отряда); по ней же и я сносился со штабом отряда; такую связь с последним я сперва не считал надежной, не имея вообще никакого доверия ко всякого рода службе исполняемой частями отряда Грекова, но, на другой же день по вступлении моем в Тунсинпу, мне случайно удалось сделать летучую почту 2-го Верхнеудинского полка своим надежным исполнительным органом. Пост, стоявший в деревне (около 15 казаков) подчинялся мне, как начальнику гарнизона населенного пункта; я услышал, что на посту произошел беспорядок, и немедленно отправился в занимаемую им кумирню; люди перепились ханшином, и один из очередных, посланный с пакетами в Чинертунь, свалившись с лошади, потерял почту, подобранную другим казаком того же поста. Я про-

извел дознание, убедился в том, что ничего не пропало, и внушил старшему на посту, а равно и провинившимся казакам, что они подлежат преданию суду, но я готов оставить дело без последствий, если они поклянутся мне нести впредь службу исправно. Казаки согласились с радостью, и с этой минуты исправность их службы не оставляла никогда желать лучшего. Старший поста урядник по несколько раз в сутки являлся ко мне для исполнения моих поручений, и точно исполнял мое приказание, давать мне для прочтения, прежде отсылки в Чинертунь, все донесения из штаба Грекова. Ни одно из них меня не миновало, а это было необходимо, потому что штаб этот совсем не ориентировал меня в обстановке, а обращался [261] лишь в тех случаях, когда почему либо опасался противника и просил содействия. Кроме того, я мог иногда ориентировать штаб В. отряда в неточности посылавшихся ему донесений из Лаодитана, напр. после рекогносцировки предписанной Грекову в районе к юго-западу от Лаодитана (под носом у отряда), прилежавшем к сфере наблюдения моей заставы № 1, прочитав в донесении Свешникова такую фразу—«японцы не обнаружены, т. е. они были и ушли»—я приписал: «никогда японцев там не было, потому что уже двое суток там стоят и ходят посты и дозоры заставы № 1».

Деятельность отряда за все время стояния в Тунсинпу была довольно однообразна, так как продолжавшиеся большую часть дней тропические дожди сделали затруднительными какие-либо операции. До самого рассвета 11 августа противник выказывал полную пассивность, готовясь к решительному удару, что было совершенно в духе тактики японцев: не заниматься мелкими перестрелками и ничего не стоящими набегами маленьких партий, а начать сразу решительную операцию. Состав отряда был вскоре совершенно изменен. 27 июля пришло приказание отправить к своему полку, находившемуся при 2-м корпусе, уральцев; на смену им прибыли 5-я сотня 2-го Верхнеудинского полка (стала на сторожевое охранение днем 27 июля) и 3-я сотня 2-го Читинского полка (пришла в полдень 28 июля). Уральцы ушли от меня 28 июля, и мне было крайне отрадно видеть, что, как офицеры, так и казаки, уходили из отряда с сожалением. С 5-й сотней Верхнеудинцев я отлично познакомился, находясь в отряде Абадзиева, и поэтому был спокоен и уверен в отличном исполнении службы; командир сотни подъесаул Черноярoв способный и толковый офицер, а его оба офицера, сотник Васильковский и хорунжий Ушаков были мне известны по гвардии, а в особенности первый, как выдающийся офицер; оба успели себя зарекомендовать и боевой службой, которую я наблюдал в

Сандиазе. Должен откровенно сознаться, что прибытие на смену лихих уральцев 3-й сотни Читинцев повергло меня [262] в некоторое уныние; сотней командовал есаул Князь Александр Николаевич Долгоруков, и вот именно, узнав его, я огорчился. Будучи два года начальником штаба 1-й Гв. кавалерийской дивизии, я хорошо знал большинство ее офицеров, а потому знал также, что этот штабс-ротмистр Кавалергардского полка не пользовался репутацией лихого строевого офицера; впрочем мне было известно, что это очень развитой и образованный человек, окончивший курс восточных языков при Главном Штабе и стремившийся дополнить свое образование в академии генерального штаба, которую он теперь временно и оставил, отправившись на войну по собственному желанию. Ну, подумал я, когда крупная, с виду очень флегматичная, фигура симпатичного князя довольно грузно опустилась с седла на дворе моей фанзы, и мы приветствовали друг друга на театре военных действий, как старые товарищи придется пожалуй с ним повозиться; я опасался больше всего, что он не будет проявлять достаточно энергии. Нарочно описываю впечатление нашей встречи, чтобы показать, насколько трудно узнать и оценить боевые способности офицера в мирное время. Действительно, безмерно благоприятствовавшая судьба посылала мне в распоряжение одного из самых лучших, самых достойных русских воинов. По крайней мере за всю кампанию я не встретил в нашей армии офицера столь выдающегося во всех отношениях и столь высокоталантливого, как Князь Александр Николаевич; по совести, скажу, что мы обязаны во многом его талантам нашими успехами над японской императорской гвардией в боях 11 и 12августа.

30 июля был отозван штаб-офицер Князь Амилахори и уехал поспешно, с удовольствием, даже не простившись со мною. 5 августа, т. е. всего за 5 дней до решительного боя (я обращаю внимание читателей на то, как тяжело начальнику постоянно менять войска, которыми он командует, и, должен сказать, что это не только тяжело, но неминуемо вредит делу и даже может вести к катастрофам: калиф на час не начальник, и это в таком страшном деле, как бой) на смену 1-й [263] и 4-й рот 9-го В. Сибирского стрелкового полка прибыли 9-я и 10-я роты. Мне было грустно расставаться с нижними чинами, с которыми я совершенно сжился за трехнедельное командование ими и знал их всех в лицо, а многих по фамилиям, но в отношении офицеров, про которых не могу сказать, что они были плохи, я не сожалел их, кроме одного—капитана Врублевского, Этот симпатичный человек имел орден Св. Георгия 4 ст., полученный в

1900 году не в борьбе с китайцами или хунхузами в открытом поле, а за оборону нашего посольства в Пекине, где он проявил чудеса храбрости, мужества и выносливости. Я уверен, что те тягости, которые он пережил, оставили след на его нервной системе, и поэтому иногда мне приходилось обращаться с ним как с больным. Тем не менее я успел оценить высокие достоинства этого человека и прощал ему те маленькие недочеты, которые он к сожалению, проявлял довольно часто. Должен сказать, что, весьма мало интересуясь своими подчиненными, он, тем не менее был ими очень любим. Среди офицеров полка это был всеобщий любимец. Вновь прибывшие роты производили отличное впечатление, как офицеры, так и нижние чины. Это были роты третьего батальона, состоявшего из отборного элемента, высланного Русской армией на усиление сибирских стрелков в самом начале войны. По моему глубокому убеждению факт влития в эти войска одной третьей части такого отборного элемента во многом способствовал той славе, которую стяжали себе в эту кампанию сибирские стрелки. Командир 9-й роты капитан Кантаров, уже прослуживший 25 лет в офицерских чинах, был еще достаточно бодр, отличался находчивостью, исполнительностью и точностью. Командир 10-й роты капитан Томашевский был еще молодой человек, интеллигентный, деятельный и усердный, знаток ротного хозяйства. Младших офицеров было всего двое, но о них речь будет еще впереди, а тут только скажу, что они не оправдали первого произведенного на меня благоприятного впечатления. Я выехал ротам навстречу, и, увидев настоящих красавцев и богатырей, почувствовал подъем [264] духа и сказал им горячее приветственное слово, на которое они ответили мне могучим сердечным ура. Как сейчас помню, всматриваясь при первой же встрече в лица этих настоящих героев, из которых скоро я не досчитывался многих и многих, я прочел у них какую-то решимость и уверенность, и не ошибся: эти роты дали Куропаткину первую победу на полях Маньчжурии; они начали и трое суток вели победоносно и грозно начало—завязку его первого генерального сражения; они—эта горсть чудо-богатырей—искупили неудачу Восточного отряда под Тюренченом и сделали из него непобедимый под Ляояном 3-й Сибирский корпус. Много помогли и казаки, но основою боя были эти две молодецкие роты, пришедшие добровольцами из России положить за родину свои головы. Мир праху павших героев, слава и честь живым! Вы не только честно исполнили свой долг, но покрыли громкою славою свои знамена! Пусть же история отдаст вам должное, и пусть ваши, к сожалению, безвестные имена послужат примером

нашим детям в будущих войнах нашего отечества.

В общем, хотя перемена состава отряда и затруднила исполнение службы и командования, так как новым частям пришлось вновь знакомиться с местностью и обстановкой, но качественный состав прибывших войск с избытком искупал эти затруднения.

Разведывательная служба отряда. Выше сказано, что посылая отряд с перевала Мяолин в Тунсинпу, г. Иванов предвидел, что именно на Тунсинпу последует главный удар противника, при атаке Ляндясанской позиции Восточного отряда. Помня и веря в указание начальника, я старался всеми силами разведать группировку сил японцев не только перед фронтом вверенного мне отряда, но и много правее его, так как по группировке можно было судить о намерениях противника. Естественнее всего было предположить, что главные силы армии Куроки, все время оперировавшей против Восточного отряда по большой дороге от Фынхуанчена, отлично нами для них разработанной, сосредоточатся именно по ней; эта дорога, [265] идя с востока на запад, у д. Холунгоу резко меняет направление на северо-запад, но от этой деревни отходит кратчайший путь через Хоганзу, севернее Сяматун, прямо на Тунсинпу (8—9 верст); следовательно, так и должен был направиться от Холунгоу на Тунсинпу главный удар в охват правого фланга нашей укрепленной позиции, оканчивающийся близ д. Кофынцы, о расположении на которой наших войск японцы конечно отлично знали. Дальнейшее направление от Тунсинпу шло на Тасигоу, и я удивляюсь, почему г. Иванов, еще за 3 недели предрешивший замечательно верно направление атаки Куроки именно сюда, не принял к 11 августа никаких мер для парирования его, доказательством чему служит факт, что если бы вверенный мне отряд не удержал бы 11 августа натиск 5-ти батальонов японцев, то бой на Ляндясанской позиции в лучшем случае закончился бы утром 13 августа, а в худшем пришлось бы отступить уже 12-го, имея противника в своем тылу; резервы Восточного отряда прибыли на правый фланг Сесигоу—Тасигоу только к утру 13-го августа, а часть стратегического резерва Куропаткина из под Ляояна—Зарайский пехотный полк—только к полудню того же дня, когда их содействие было уже бесполезно, и бой был нами выигран. Мало того, когда боями у Тунсинпу 11 и 12 августа мы выяснили наступление на Тунсинпу всей японской гвардии, все-таки, во исполнение заблаговременно отданной Орановским диспозиции, мы должны были идти вдоль всего фронта Ляндясанской позиции с ее правого фланга на левый, и, лишь по прибытии в д. Чинертунь, 12 августа, г. Иванов лично направил мой отряд к

д. Павшугоу, лежавшей в $3^1/_2$ верстах северо-западнее Тасигоу.

Кроме вероятнейшего для действия армии Куроки направления от Холунгоу, на Тунсинпу выходили еще два важных направления, удобных для противника, чтобы оперировать в обход—охват правого фланга Восточного отряда, действуя в разрез между ним и левым флангом Южной группы нашей армии, а именно: долина Тхазелин—Ломогоу и долина р. Сидахыа, которую оборонял- [266] наблюдал Греков. Исходя из приведенных данных о вероятных действиях противника, мне приходилось разведывать по всем 3-м направлениям, т. е. и вне вверенного мне района, потому что рассчитывать на деятельность Грекова, разведывавшего по долине Сидахыа и на юг от Ломогоу, при существовавшей у нас безответственности, я не мог, зная состав заправил этой разведки в лице самого Грекова, Свешникова и Абадзиева, думавших всегда только о скорейшем отступлении. Уже 25 мая было установлено, что японцы, получив накануне достаточно неприятностей от наших сторожевых частей, благородно ретировались и очистили правый берег долины, держа свои передовые посты только в Нютхиай и по высотам севернее и южнее. В таком положении противник оставался все время перед нами; проникнуть через его линию охранения было почти невозможно (хотя мы пытались это делать, о чем скажу ниже), вследствие бдительности охранения японцев, а также вследствие дождливого времени, (иногда нельзя было переправляться через реку даже вплавь)[24].

28 или 29 июля пришло приказание штаба В. отряда произвести разведку противника в районе Шанматун-Ломогоу-Титуню, что ясно показывало недоверие к разведке отряда Грекова, так как этот район входил в сферу его действий. Действительно, вот что было донесено за последние дни:

24 июля. «Разъезды, высланные от Мяолина из отряда Мищенко, выяснили передвижение противника вниз по долине Сидахыа и занятие ими Пахудзая в 7 верстах от Мяолина. В общем всеми разведками и показаниями лазутчиков определяется эшелонирование значительных сил противника по мандаринской дороге между Хайчен [267] и Янтай, равно как и передвижение сильной обходной колонны к долине р. Сидахыа».

27 июля. «От наших разведок продолжают получаться сведения

[24] Есть донесение ротмистра Голеевского, командовавшего охотничьими командами в окрестностях Ляндясань, о попытках японцев переправляться через реку вплавь, но это было ошибкою; пытались плавать мои казаки, и не могли преодолеть течение бурного потока.

о сосредоточении значительных сил противника в долине Сидахыа, к югу от Пахудзай».

28 июля. «27 июля г. Греков с 7-ю сотнями и 2-мя охотн. командами, при 4 конно-горных орудиях, произвел усиленную разведку в долине Сидахыа, к югу от Пахудзай. У Тинчана (2 версты южнее Пахудзай) отряд был встречен сильным огнем противника. Наступление 2-х спешенных сотен, поддержанных огнем 2 орудий, заставило японцев в беспорядке отойти к югу. Г. Мищенко, прибывший с 2-мя сотнями и 4-мя орудиями от Сансычецзы, поддержал артиллерийским огнем наступление Грекова, который вынудил японцев отойти к Тыашентуню (всего на 3 версты, считая от Тинчана). Наступление ночи и туман заставили Грекова прекратить наступление, и отряд отошел к Лаодитану. У нас ранено 6 казаков. Разведчиками в Восточной и Южной группах армии движения значительных сил противника не обнаружено».

30 июля. «Разведчиками В. отряда определилось, что в долине Сидахыа передовые части противника остаются в Тыашентунь. Наша застава заняла 29 июля Тинчан, в 3 верстах на северо-восток от Тыашентунь. Также замечено присутствие значительных сил противника в долине правого притока Сидахыа, в окрестностях Лиудохыа (долина Ломогоу), верстах в 20 от Ляндясань, в южном направлении. Против Ляндясань ближайшая застава противника занимает Холунгоу. По сведениям лазутчиков Куроки прибыл в Тхавуан (Хоян)».

Воистину отряд Грекова решительно ничего не выяснил и только возбудил напрасное опасение о наступлении значительных сил долинами Ломогоу и Сидахыа. Усиленная рекогносцировка, руководимая двумя генералами, производит впечатление оперетки. Право, не стоило беспокоить так много войск (всего 9 сотен, команды и 8 орудий), чтобы отбросить на 3 версты ничтожную японскую [268] заставу, ничего не узнать и отойти домой отдыхать. Но у нас одинаково довольствовались в штабах всякими донесениями, и хорошими, и пустыми, лишь бы только можно было что-нибудь телеграфировать в Петербург и оповещать всему цивилизованному миру. Но вероятно г. Иванову понадобилось узнать что-нибудь верное относительно верховьев долины р. Сидахыа, и вот обратились к отряду в Тунсинпу, приглашая его разведывать в районе Грекова. Я послал 29 июля 6 стрелков 1-й роты, вызвавшихся идти на разведку охотниками (см. приложение 2-е). Они возвратились 2 августа и донесли, что доходили до самой д. Титуню (а они ведь эти места хорошо знали, простояв там более месяца), где видели лишь бивак ничтожных сил противника, и на основании этой разведки я мог утверждать,

что в то время ни в долине Ломогоу, ни в долине Сидахыа, не было даже и полка японцев. Следовательно все вышеприведенные донесения были или непроверенными слухами, или плодом фантазии. Вероятно верховья долины Сидахыа и Ломогоу занимали те же передовые прикрывающие части противника, с которыми мы имели дело в Титуню, и раньше в Сандиазе и Тинтее. Я ручаюсь за добросовестность 6 разведывавших стрелков, ибо они готовы были совершить какой угодно рискованный подвиг, а кроме того я обещал наградить их белыми крестами, но, к сожалению, и перед этими героями я оказался обманщиком, потому что мое представление о их награждении конечно завалялось в штабах.

1 августа штаб В. отряда предписал Грекову произвести рекогносцировку на д. Ломогоу, и, насколько помню, он должен был выслать для этого 3—4 роты, 4 орудия и 5 сотен. Свешников просил меня о содействии, намекал даже о выручке, в случае их критического положения, но зная, что никакого противника у Ломогоу мои храбрые соседи не встретят, я ограничился приказанием начальнику заставы № 1 сотнику Ребиндер держать связь с наступавшими частями отряда Грекова, что он и выполнил. Рекогносцировка свелась к высылке [269] 3-х сотен, исследовавших район между Шанматун и Ломогоу, после чего последовало донесение в штаб В. отряда, «что противник не был обнаружен», и оговаривалось, что «японцы были и ушли». О моем дополнении к сему донесению я уже сказал выше. Вот как разведывал и доносил со своим начальником штаба г. Греков, но вероятно удовлетворял своею деятельностью начальство, давая все-таки некоторый материал для писания.

К 5—6-му августа дожди прекратились, вода в горных потоках пошла быстро на убыль, и необходимо было посмотреть подробно, что делается на правом берегу долины Ломогоу. Разведка была произведена сотником Васильковским с 4-мя стрелками 9-й роты и 5-ю пешими казаками. Он должен был сперва обследовать местность вблизи Хоганзы и Холунгоу и, в случае если противника там не окажется, проникнуть далее уже с большим числом людей. Седьмого августа днем Васильковский донес мне, что может идти далее, и я послал ему в ночь на 8-е августа 6 стрелков 10-й роты и 15 стрелков 9-й, с 4-мя казаками (проводник от Васильковского и еще 3 конных для посылки донесений). Имея в своем распоряжении всего 35 человек, отважный разведчик пробрался до самого Нютхиая и, исследовав линию сторожевого охранения противника, отошел на другой день с рассветом. Он был почти окружен, но пользуясь темнотою ему удалось уйти.

Вечером 8 августа через д. Тунсинпу проследовали 2 сотни из

отряда Грекова, под начальством подъесаула Козлова, производившие рекогносцировку у д. Мамакей (5 верст восточнее д. Шанматун), главным образом для выяснения гибели разъезда Юзефовича. По словам Козлова, он обстрелял с высот над д. Мамакей несколько партий японцев и их транспорт, а от китайцев узнал о гибели всех 6 казаков разъезда и их офицера. Так как эта разведка обнаружила присутствие японцев к югу от Холунгоу, в тылу Васильковского, и пожалуй могла заставить их пошевелиться, то я начал опасаться, чтобы они не окружили моих разведчиков, и [270] в виду этого приказал полусотне читинцев под начальством сотника Зеленкова, находившейся на заставе № 2 на перевале, с рассветом 9 августа занять д. Холунгоу. Подтверждение гибели Юзефовича, которого я любил, как сына, подействовало на меня очень тяжело. Конечно война избирает свои жертвы, и каждый должен быть только счастлив найти себе славный удел смерти на поле брани, а гибель такого бешено храброго офицера, как Михаил Юзефович, была только естественна, но все-таки мне было досадно, что погиб едва ли не лучший из волонтеров прибывших на войну, воевавший действительно во славу Родины и армии, а не для отбывания номера. Теперь мною были посланы на отчаянно смелую попытку 35 храбрецов под начальством Васильковского и, сознаюсь, единственный раз за всю войну, я пожалел, что предпринял это дело, и даже не мог заснуть всю ночь. В 8 часов утра прискакал читинский казак с донесением, что, не доходя д. Хоганзы, полусотня была обстреляна из гаоляна, причем убита одна лошадь. Таким образом Хоганза и вообще путь отступления Васильковского был перерезан японцами, и возвращение разведчиков было сопряжено с большою опасностью уже только потому, что, приближаясь к Хоганзе и чувствуя себя как бы дома, они могли тем легче попасть в засаду. Поэтому надо было во что бы то ни стало очистить этот путь отхода разведчикам. Я прискакал на главную заставу к перевалу, но, в виду происходившей смены сторожевого охранения, мог собрать только $^3/_4$ роты и сотни. Еще по дороге к перевалу меня нагнал Князь Долгоруков, спешивший к полусотне, в виду обстрела ее японцами. Собрав людей под начальством капитана Кантарова, я объяснил им, что японцы занимают Хоганзу и отрезали путь отхода нашим разведчикам, а потому мы должны их выгнать. «Пускай будет хоть тысяча японцев, но мы их прогоним» — закончил я свою речь. Между тем сотник Зеленков, вопреки всякому здравому смыслу, не продолжая никакой разведки, отошел к самому перевалу, а потому, направляясь с пехотой кратчайшим путем к Хоганзе, я приказал [271] Долгорукову пе-

рейти у д. Сяматун на правый берег долины и выходить к Хоганзе во фланг японцам, если они занимали деревню, или в тыл им, если они встретят меня ближе деревни. Я предупредил есаула, что он может быть обстрелян также с высот у Сяматун, а потому, при всей желательности его скорейшего наступления, необходимо быть осторожным.

Так как, благодаря поспешной ретираде Зеленкова, нельзя было знать где нас могли встретить японцы, а вся долина между Сяматун и Хоганзой была покрыта гаоляном, закрывавшим всадника на лошади, то, по выходе в долину, мы выслали патрули и цепь. Перейдя несколько ручьев и наконец главный рукав речки, мы беспрепятственно заняли деревню Хоганзу, а одновременно подошла и полусотня. По показаниям китайцев, утром здесь было около 100 человек японской пехоты, часть которых ходила дальше и стреляла; узнав о нашем наступлении, они поспешно ушли в сопки севернее Хоганзы. Казаки немедленно осветили всю местность до д. Холунгоу, и тогда, убедившись, что путь отступления для наших разведчиков свободен, а также получив донесение от Васильковского, что он уже спокойно отходит к Холунгоу, я отвел войска назад, тем более, что они были в наряде трое суток и нуждались в отдыхе. Дело 9-го августа, если так можно назвать стрельбу японцев по казакам и затем наступление части отряда, имело однако некоторое значение для последующих событий, не говоря про то, что беспрепятственное возвращение Васильковского с разведчиками конечно явилось результатом наших действий. Японцы, может быть и выдвинувшиеся вперед, чтобы перехватить путь Васильковского, сами очутились окруженными с трех сторон, ибо с фронта на них наступала пехота, во фланг их брали казаки, а разведчики оказывались у них в тылу. Они уклонились севернее, откуда и обстреляли конных казаков, состоявших при разведчиках и спустившихся в долину между Холунгоу и Хоганзой. В этот день я мог оценить деятельность Князя Долгорукова. Проведя не мало дней с казаками, я знал насколько трудно наступление [272] конных частей в горах, в этих бесчисленных коридорах, где на каждом шагу можно нарваться на засаду. В данном случае князь, оценив значение обхода, шел замечательно быстро вперед, хотя, конечно, с некоторым риском. Я узнал, что этот офицер смел и решителен, идет навстречу интересу общего дела и оценивает обстановку. С этой минуты я вполне ему доверял.

Разведка Васильковского продолжалась трое суток и установила, что сильная сторожевая часть занимает д. Нютхиай, но присутствия японцев в д.д. Сидяпузе и Лиудяпузе не обнаружено. Следо-

вательно, никаких перемен в расположении противника не произошло: он по-прежнему держался за Нютхиаем и действовал пассивно, что доказывало быстрое отступление его полуроты из Хоганзы, но, повторяю, японцы не обнаруживали своих намерений до самой минуты их выполнения. 9 и 10 августа прошли совсем спокойно; мы привели в порядок обувь стрелков, пришедшую в такое состояние, что некоторые ходили босыми; пришлось купить китайские улы. На 11-е августа я задумал произвести с большею частью отряда наступление на Нютхиай, чтобы перестрелкой выяснить силы японцев, и, если возможно, проникнуть в глубь их расположения, а также произвести разведку казаками на Мамакей, но в этот день сами японцы приступили к активным решительным действиям и начали Ляоянское генеральное сражение.

Конец 1-й части.

[273]

ЧАСТЬ II.

Начало—завязка генерального сражения под Ляояном.

Бои у д. Тунсинпу 11 и 12 августа и у д. Тасигоу 13 и 14 августа 1904 г., впереди правого фланга и на правом фланге Ляндясань - Анпинской позиции Восточной группы Русской Маньчжурской Армии.

В эту несчастную для России и ее Армии войну сражались только те начальники, которые желали сражаться; те же, которые этого не желали, могли не сражаться. Естественным последствием такого полнейшего отсутствия требовательности являлась массовая неисполнительность, поощряемая полнейшими безответственностью и безнаказанностью.

К. Д . . . ъ.

Русский солдат в руках хороших начальников оставался таким же богатырем, как и в предшествующие более счастливые войны нашего Отечества. Этот факт подтверждает высказанное в 1877-м году, после неудачных штурмов Плевны, историческое мнение Военного Министра Графа Милютина, указавшего, что «необходимо беречь кровь Русского солдата». А следовательно теперь пора, после полувекового заблуждения, обратиться наконец к подъему искусства управления войсками в бою и к упорядочению всего нашего военного механизма.

К. Д . . . ъ.

Я и ныне повторяю, может быть в более условной форме, то, что я утверждал до войны (1904—05 гг.): «Будучи верным и самоотверженным, русский солдат представляет собою в руках хороших начальников, которым он вполне доверяет, такой материал, какой едва ли имеют еще другие армии всего света».

Барон Теттау,

ГЛАВА I.

Обстановка на театре военных действий к 11-му августа 1904 г.

Русская армия.

После неудачных для нас боев 18 июля 2-го Сибирского корпуса г. Засулича под Симученом, 10-го армейского корпуса г. Случевского на Юшулинском перевале и Восточного отряда Графа Келлера на Янзелинском [274] перевале, наши войска, разделенные на 2 груп-

пы—Южную и Восточную, отошли и расположились на следующих позициях:

Южная группа г.-л. Зарубаева.

Состав: 1, 2 и 4 Сибирские корпуса, с отдельным конным отрядом, всего: 57 батальонов, 158 орудий и 60 эскадронов и сотен.

Войска расположились на укрепленной Айшаньчжанской позиции, имея на правом фланге от д. Гушутунь 1-й и на левом до д. Кусанцзы 2-й корпуса, по фронту 14 верст. Расстояние до Ляояна около 30 верст.

Восточная группа г.-л. Бильдерлинга.

Состав: Восточный отряд г.-л. Иванова, 10-й армейский корпус г.-л. Случевского—всего 44 батал., 152 орд. и 29 сот.

Эти войска расположились на Ляндясань — Анпинской укрепленной позиции, по фронту 30 верст. Расстояние до Ляояна около 30 верст.

Кроме того г. Бильдерлингу подчинялись еще следующие войска:

Отряд г.-м. Янжула, силою 8 бтл., 44 орд. и 6 эск., расположенный на позициях правого берега р. Тайцзы.

Резерв, силою 19 бтл., 64 орд. и 6 эскад., находившийся в окрестностях Ляояна.

Всего в Восточной группе было: 71 бтл., 264 орд. и 41 эск. и сот.

Резерв в Ляояне, всего: 25 бтл., $14^1/_2$ сот. и 105 орд. Резерв в Мукдене, всего: 19 бтл. и 40 орд.

Отряды для обеспечения флангов.

П. Грулева у Бенсиху—5 бтл., $6^1/_2$ стн. и 6 орд.

Г.-м. Любавина у Уйнюнина—12 сот. и 4 орд.

Г.-м. Косоговского (Ляохейский отряд) у Давана—3 бтл., 8 сот. и 4 орд.

П. Мадритова у Лаочена—2 бтл., 12 сот. и 2 орд.

На охране тыла—6 бтл.

Всего в армии было: 188 бтл., 153 сот. и эск. и 592 орд. Численность армии, без нестроевых и артиллерийской прислуги, можно принять в 151.000 пехоты и 18.500 кавалерии, [275] но число штыков, по некоторым данным, можно принять только в 125.000 и следовательно считать боевой состав армии в 140.000 человек.

Японская армия.

1-я армия Куроки в составе 3 дивизий и 1 резервной бригады—76 бтл. 14 эск., 180 пол. и 36 грн. орд.

2-я армия Оку в составе 3 полевых и одной резервной дивизий—48 бтл. 26 эск., 216 пол. и 36 грн. орд.

4-я армия Нодзу в составе 3 дивизий—-36 бтл., 9 эск. и 108 грн. орд.

Всего в 3-х армиях: 160 бтл., 52 эск. и 576 орд.

Армия Куроки была расположена на направлении Фынхуанчен—Ляоян, в окрестностях Тхавуана (Хояна). До Ляояна 45 верст, а до Ляндясанской позиции 15 верст.

Армия Оку—на направлении Дашичао—Ляоян, в окрестностях станции Восточно-Китайской железной дороги Хайчен. До Ляояна 65 верст, а до Айшанчжанской позиции 35 вер.

Армия Нодзу—на направлении Симучен — Ляоян, в окрестностях Симучена. Расстояние до Ляояна 75 верст, а до Айшаньчжанской позиции 45 верст.

Боевая сила японских армий может быть с некоторою вероятностью определена в 140.000 человек. В виду этого можно принимать, что в генеральном сражении под Ляояном Куропаткин и Ояма имели равные силы, и никоим образом нельзя предположить, что мы уступали в силах нашим врагам. Мы имели большое превосходство в кавалерии, а японцы в количестве горных орудий, но, благодаря условиям местности, на которой происходил бой с 15-го по 20-е августа, горная артиллерия не давала особенных преимуществ японцам, особенно принимая во внимание, что технические качества наших полевых скорострелок значительно превосходили таковые японских орудий.

Сражение должно было начаться сперва отдельными состязаниями нашей Восточной группы с армией Куроки и Южной группы с армиями Оку и Нодзу, причем, [276] вследствие большей близости к нам Куроки, первое состязание должно было предшествовать второму. Так и случилось на самом деле, но только Восточная группа приняла это состязание и разыграла бои за Ляндясань-Анпинскую позицию 11, 12 и 13 августа, а Южная отдала свои Айшаньчжанския позиции без сопротивления и отошла на предгорья, окружавшие Ляоян.

В отношении плана наших действий, можно сказать, что таковогo у нас совсем не было. С одной стороны, пользуясь затишьем военных действий с 20 июля и прибытием к нам подкреплений, мы подумывали о переходе в наступление, не представляя себе определенно в каких направлениях и когда оно будет осуществлено. С другой стороны, мы укрепляли целых 3 ряда позиций и не знали на которой из них будем обороняться, а именно позиции: 1. Айшаньчжань-Ляндясань-Анпин, 2. так называемая передовая Ляоянская позиция Шоушаньпу-Кудяцзы-Яючи-Сяпу, и 3. линия фортов на левом берегу р. Тайцзы от Панцзяцзахе до Эфа.

Упорно оборонять первую позицию признавалось неудобным,

потому что общее ее протяжение достигало до 70 верст; на фронте ее между войсками обеих групп армии оставался ничем не занятый промежуток в 26 верст, в который противник мог нанести свой удар и разрезать таким образом армию на две части, при чем Восточная группа могла быть отрезана от Ляояна и опрокинута в р. Тайцзы; но Куропаткин считал удобным перейти с этой растянутой линии в наступление и потому не решался сказать, что оборонять ее не будет.

Вторая позиция, почему то называемая передовою, тоже не предназначалась для упорной обороны, на что указывает ее название, а также ее незаконченность, в смысле укрепления, ни к 11-му, ни даже к 17-му августа.

Наконец третья позиция, которую приходилось считать главною, если предыдущая являлась передовой, была совершенно абсурдна, как по тем соображениям, которые я высказал уже на страницах 54 и 55 части 1-й моего труда, так и потому, что к началу Ляоянского сражения в распоряжении [277] Куропаткина было слишком много войск, а протяжение этой главной (правильнее тет-де-понной) позиции было всего 15 верст. Если после сражения под Ляояном начали говорить об идее нашего командующего армией, благодаря устройству линии фортов и передовой позиции, маневрировать со своими войсками на обоих берегах р. Тайцзы, то я утверждаю, что эта идея придумана после сражения, на основании произведенного опыта 19 и 20 августа, вызванного исключительно необходимостью парировать обход слабых сил Куроки, переправившихся на правый берег реки и угрожавших нашей коммуникационной линии.

Приказ об обороне позиций Айшаньчжуань и Ляндясань-Анпин, отданный Куропаткиным 11-го августа г.г. Зарубаеву и Бильдерлингу, все-таки не требовал от них настоящей упорной обороны, потому что говорил только об отпоре, а это слово имеет понятие скорее временной обороны, и был именно таким образом понят, как этими генералами, так и их ближайшими подчиненными. Доказательством этому служит то, что именно так действовали оба командира корпусов, командовавшие стратегическими флангами обеих групп армии, т. е. левого Южной и правого Восточной. Г. Засулич не проявил никакого упорства в первый же день боя 13 августа, и например его авангард г. Толмачева просто отходил при появлении передовых японских частей. Г. Иванов, не смотря на блестящую победу его Восточного отряда, в продолжение трех первых дней боя 11, 12 и 13 августа, уже к вечеру последнего дня просил у г. Бильдерлинга разрешение ночью отойти и до рассвета снять орудия. Донесение

этого генерала было столь боязливое, что его начальник приказал ему лично обратиться за разрешением к г. Куропаткину.

Вообще же все войска настолько привыкли отступать, что, для выполнения ими упорной обороны, следовало потребовать этого от всех корпусных командиров и начальников дивизий не словами «дайте отпор», а категорическим внушением: «умирать и не уходить». Но Куропаткин [278] и не имел какого либо твердого решения, отдавая свой приказ Зарубаеву и Бильдерлингу 11 августа; он только приказал что то, так себе, и затем ежеминутно продолжал колебаться, а, как только японцам случайно удалось потеснить наши войска на высотах у Пегоу (высота 273) на относительно неопасном месте всей Ляндясань-Анпинской позиции, он тотчас же обратился к своей излюбленной тактике отступления и приказал победоносным войскам, только что одержавшим блестящую победу, ретироваться с обагренных их кровью позиций, а войскам Южной группы отдать без выстрела все с таким трудом укрепленные ими твердыни. На донесении г. Бильдерлинга о просьбе г. Иванова поспешно отступить, г. Куропаткин положил такую резолюцию: «все это было к сожалению вполне предусмотрено, и распоряжения об отходе делались, когда депеша эта (Бильдеринга) обдумывалась».

Интересно обратиться к плану действий японского главнокомандующего маршала Оямы. Один из наших профессоров военного искусства, состоявший в главной квартире Куропаткина и следовательно имевший возможность быть вполне осведомленным и получить все нужные материалы, а в особенности уже после войны, в 1906 г., так определил план японцев даже в их частностях: «1) 15 августа армии Оку и Нодзу должны были овладеть Айшаньчжанской позицией, а армия Куроки занять линию р. Танхэ; 2) затем армии Оку и Нодзу и гвардия (из армии Куроки) должны были демонстрировать против Ляояна; и 3) 12-я и 2-я дивизии с резервной бригадой (армии Куроки) должны были нанести решительный удар, обойдя левый фланг Русских». Если бы действительно у японцев был такой план действий, то можно было бы сказать только одно: русские послужили для японцев обозначенным противником, потому что их план был разыгран и выполнен в точности. Я склонен думать, что профессор высказал не план японцев, который он не знал, а только те фактические данные, которые произошли на самом деле, и в которых сказалось наше поражение. [279]

Действительно, неужели же мог японский главнокомандующий знать, что наша Восточная группа, имея силы во всяком случае не уступавшие Куроки, бросит свои позиции, отойдет к Ляояну и поз-

волит затем, совершенно игнорируя ее присутствие, перейти через непроходимую в брод реку и таким образом угрожать нашим путям сообщения. Я полагаю, что если Ояма решил атаковать в августе Куропаткина на левом берегу р. Тайцзы, то он никак не мог рассчитывать на то, что он позволит ему выделить хотя бы 2 дивизии на правый берег. Этот план возник уже тогда, когда Ояма узнал, что русские войска отдали без боя Айшаньчжань и потерпели неудачу под Ляндясань-Анпин (наше отступление есть в конце концов неудача).В противном случае Куроки не очутился бы в столь затруднительном положении для приведения в исполнение приказа Оямы, полученного им в полдень 15 августа, ибо его армия в это время была занята совершенно другою операцией; по крайней мере вот что пишет Гамильтон: «этот приказ с успехом можно было назвать невыполнимым; 1-я армия в данный момент была обращена фронтом на северо-запад и вела с неприятелем бой на протяжении около 20 миль (30 верст), на пересеченнейшей и труднейшей местности, какую только можно было себе представить. Прекратить бой или переменить направление такого растянутого фронта было не легкой задачей». По данным того же Гамильтона, в ночь с 17 на 18 августа 12-я дивизия переправлялась («к большому стыду казаков, которые допустили ее это сделать, не подняв тревоги и не оказав сопротивления») через р. Тайцзы у Лентована, а 2-я дивизия уже отошла из боя к Кусаоцину, и эту операцию прикрывали только 4 роты у впадения р. Тан в р. Тайцзы. «Если бы, говорит Гамильтон, бригада русских спустилась со своих позиций и опрокинула эти 4 роты, или даже если бы только один русский батальон обошел бы их слева и вышел в долину Танхэ, то он не встретил бы в Анпине никого, кроме носильщиков и обозных рот». А ведь наш левый фланг на позициях Мындяфан—Яючи- [280] Сяпу только пассивно оборонялся и 17 и 18 августа, а к 19-му уже оставил свои позиции без всякого натиска японцев.

В виду всего сказанного, я полагаю, что план японского главнокомандующего был несколько иной. Он вовсе не предполагал устраивать нам Седан, захватив наши пути отступления на правом берегу р. Тайцзы, а намеревался сделать нечто подобное и не прибегая к такому сложному, а, в близости противника, и рискованному маневру. Ояма надеялся воспользоваться разобщенностью нашей армии на две части и разбить каждую в отдельности, предполагая, что Куроки один на один справится с Восточной группой, которую он уже привык побеждать; для этой цели можно было поступить так: ударив в правый фланг Ляндясань-Анпинской позиции, опро-

кинуть оборонявшие ее войска в р. Тайцзы и угрожать левому флангу Южной группы, которую под Айшаньчжаном также бить в левый фланг, отбрасывая от Ляояна. Вероятность такого предположения подтверждает решительная атака Куроки от Холунгоу на Тунсинпу и Тасигоу, в охват и даже в тыл правого фланга г. Иванова 12 и 13 августа, и наступление Нодзу на левый фланг г. Засулича 13 августа. На самом деле удар на правый фланг Ляндясанской позиции был не только отбит, но выполнявшая его большая и лучшая треть армии была разбита, и только ее правому флангу (12-й дивизии и бригаде Кигоши) удалось одержать незначительный успех. Однако Восточная группа русских войск признала себя побежденной и ретировалась, что было обнаружено Куроки уже утром 14 августа. Равным образом Ояма узнал, что Айшаньчжань оставлен нами в ночь с 13 на 14 августа. Тогда то и родился смелый план, в виду пассивности наших действий, предпринять охват на правом берегу р. Тайцзы, который и даровал нашим врагам победу. Конечно, отдавая приказ своей 1-й армии Куроки переправляться через реку, Ояма шел на большой риск, но воевать без риска нельзя; между тем опыт всего предшествующего Ляоянскому сражению периода военных действий и [281] начало этого сражения в дни 13 и 14 августа давали Ояме полное основание рисковать, если не в надежде на неспособность русских войск выдержать натиск японских, то уповая на нерешительность—вернее робость нашего начальника. Для доказательства этих слов я обрисую здесь в кратких чертах положение обеих сражавшихся сторон в историческую минуту решения Куропаткина, принятого на рассвете 21-го Августа—отступить из под Ляояна к Мукдену.

Решение это было основано исключительно на убеждении в невозможности отбросить армию Куроки, угрожавшую пути сообщения нашей армии. По свидетельству Гамильтона, Куроки, начав переправу через р. Тайцзы в ночь с 17 на 18 августа, мог располагать утром 21 августа следующими силами:

1) 12 дивизия—переправилась к утру 18 августа;

2) Бригада 2-й дивизии—переправилась к полудню 18 августа;

3) Бригада 2-й дивизии—прибыла на поле сражения к полудню 20 августа;

4) Полк приданный ко 2-й дивизии—прибыл на поле сражения после полудня 20 августа;

5) Бригада Умецава—прибыла к Янтайским копям после полудня 21 августа.

Боевая числительность всех этих войск определена Гамильтоном

в 34.000 человек, а без бригады Умецава в 27.000 ч. Следовательно Куроки располагал на 21 августа никак не более 30.000 бойцов. Куропаткин мог противопоставить этим силам более чем двойное превосходство бойцов, а именно: X и XVII армейские, I и III В. Сибирские корпуса, что составляло по самому минимальному подсчету 57.000 штыков, при 4.500 сабель. Кроме того, на правом берегу р. Тайцзы находились отряды Янжула, Орлова, Самсонова и Любавина, в которых было 25 батальонов, 100 орудий и 37 сотен.

Итак мы слишком в два раза превосходили числительностью боевой силы нашего противника. Сомневаться в таком соотношении сил невозможно, ибо боевая сила наших [282] 4-х корпусов принята в 57.000 ч., а полутора японских дивизий в 30.000 ч. Может быть скажут, что у нас ощущался недостаток снарядов для орудий, но Гамильтон свидетельствует, что к 20-му августа каждый выстрел японского орудия отнимал у него день жизни. Именно в день 20 августа Гамильтон отмечает самую роскошную стрельбу нашей артиллерии на позициях у д. Сыквантун, на которую японцы не могли отвечать по недостатку снарядов. Эти данные говорят сами за себя и доказывают, что наше отступление от Ляояна было проявлением крайнего малодушия со стороны того, кому надлежало решить вопрос о судьбе генерального сражения.

Неужели же можно допустить возможность того, что испытанные в боях доблестные войска Сибирских, X-го и XVII-го корпусов не нашли бы в себе достаточно мужества, чтобы перейти 21 августа в решительное наступление против столь же, если еще не в большей степени утомленного и обессиленного потерями противника. Ведь если бы Куроки был в состоянии по численности и нравственному состоянию своих войск продолжать решительные действия, то конечно он развил бы с рассветом 21 августа одержанные им накануне успехи над войсками Бильдерлинга и Орлова; по свидетельству Гамильтона, успех над первыми был равен почти поражению и достался японцам слишком дорогою ценою, а успех над вторыми, хотя и доставшийся более чем легко, позволил лишь надеяться (но не быть уверенным) на избавление от критического положения всей части армии Куроки, сражавшейся на правом берегу Тайцзы.

Нравственное состояние наших войск, действовавших против Куроки, вовсе не было подавленным и следовательно безнадежным для активных действий. По крайней мере в отношении 3-го В. Сибирского корпуса могу с полною уверенностью засвидетельствовать следующее: он не потерпел во все дни Ляоянского сражения ни одной неудачи, а потому дух его был вполне победный; его командир

в 10 часов утра, 21 августа, отдавал [283] приказание проложить колонные пути для наступления на копи Янтая[25]; как раз в эту минуту прибыл командующий армией и отдал свой роковой приказ об отступлении. Конечно этот приказ тотчас же изменил настроение и дух доблестных войск: они сразу почувствовали себя побежденными, их тотчас оставила всякая энергия, и у всех, что называется, опустились руки. Можно ли сомневаться в том, что доблестные полки 1-го В. Сибирского корпуса не ринулись бы также беззаветно в атаку, если бы только это было им приказано, а разве плохо сражались накануне части 17-го корпуса. Если бой 20 августа под Сыквантуном был для нас неудачен, то в том виноваты не войска, а полнейшее отсутствие руководства боем. Я видел этот бой, наблюдая с той же высоты, на которой находился командующий армией со своим многочисленным штабом, и тогда же удивлялся столь легкому отношению к нему со стороны главной квартиры; точно они находились здесь в качестве зрителей какого то мало интересного маневра, а ведь этим боем могла быть решена судьба операции и всей кампании. Однако неумение руководить боем не может служить основанием для решения отступать: не честнее ли тогда тотчас отказаться от своих полномочий и предоставить решение участи армии другим. Во всяком случае это было бы продуктивнее, чем смотреть и терять время, а потом подтасовывать карты для своего оправдания. Вот и оценка деятельности командной власти нашей Маньчжурской армии, приводимой Гамильтоном со слов одного из офицеров штаба Куроки:

«Если бы мы вчера (21 августа) двинулись вперед, то неприятель мог бы окружить нас силами вчетверо превосходящими наши. Большое счастье для нас, что Куропаткин вчера или третьего дня не атаковал нас. Вечером 19-го мы решили ограничиться одними демонстрациями [284] против неприятеля, пока не подойдет из гвардии Мацунага, и 2-я и 12-я дивизии не окажутся в полном составе. Мы хотели, оставив заслон против сопки 131, продвинуться вперед к железной дороге, через Хейянтай и Сафутун, против самого фронта неприятеля. Однако известие, что Орлов, во главе почти целой дивизии, имеет возможность оперировать против нашего правого фланга со стороны угольных копей парализовало наше движение: всякий начальник счел бы рискованным идти вперед, когда на обоих флангах остается неприятель в превосходных силах. Генерал наш весь вчерашний день находился в очень неприятном затруднении.

[25] Совет проложить колонные пути к Янтайским копям был дан генерал-лейтенанту Иванову состоявшим в его распоряжении полковником Дружининым.

Нет сомнения, что у русских было 12 или 13 дивизий. которыми они могли уничтожить нас, если бы только решились на это, но они обнаружили большую нерешительность. Нашей удаче пока даже трудно верить. Я предполагаю, что Куропаткин все еще думает что у нас 6 дивизий.

Вчера и третьего дня генеральный штаб даже аппетит потерял... Может конечно случиться что мы потерпим неудачу; однако я вполне уверен, что наши атаки, наша смелость, которой мы маскировали свое затруднительное положение наступившее 20 августа, являются настоящей причиной переправы на северный берег находившихся на южном берегу Тайцзы неприятельских войск, что дало возможность II и IV армиям овладеть Ляоянскими фортами. Таким образом роль нашей армии была исполнена—по крайней мере наполовину».

Под словом «наполовину» подразумевается конечно тот факт, что хотя Куроки и удалось принудить нас к отступлению, но не удалось нас запереть.

Вообще из сделанного Гамильтоном описания боев у д. Сыквантун и его окрестностей видно, что штаб 1-й японской армии пребывал постоянно в жгучих опасениях за судьбу армии, а если таковые опасения были им подмечены, то надо предположить, что они были действительно серьезны, так как японцы наверное старались их маскировать. Если нам маленьким людям — [285] участникам великого исторического сражения, давшего окончательно поворот кампании в пользу наших врагов, тогда же казалось, что отступление начатое 21 августа было огромной ошибкой, то теперь, после появления в печати отчета Гамильтона, в этом не остается более никакого сомнения. Это служит и должно нам служить большим утешением: не японцы победили нас под Ляояном, а мы не пожелали их победить, и ушли именно в ту минуту, когда победа уже была в наших руках. Таков должен быть приговор истории и науки, и пускай армия и Россия знают кому они обязаны проигрышем кампании.

Так как моей задачей состоит описание начала — завязки Ляоянского сражения 11—14 августа, которое исполнено войсками Восточного отряда, то я остановлюсь более подробно на описании обстановки к 11-му августа в войсках Восточной группы, а в частности Восточного отряда г. Иванова.

Ляндясань-Анпинская позиция была занята следующим образом:

Восточный отряд г. Иванова.

Правый фланг и центр — полковник Лечицкий: 3 бтл. 24 В. С. п.

и 24 орд. и г.-м. Кричинский: 2 и $^3/_4$ бтл. 23 В. С. п. и 12 орудий, от высот к западу от д. Кофынцы до этапной дороги (Ляндясань-Ляоян).

Левый фланг—г.-м. Данилов: 5 и $^3/_4$ бтл. 22 В. С. п. п. и 12 орд., от этапной дороги до высоты 300 (не занимая ее).

Резерв, в двух группах: 1. правая—г.-м. Кашталинский: 6 и $^3/_4$ бтл. 9, 11 и 12 В. С. п. п. и 16 орд., в долине р. Сидахыа, к северу от д. Кофынцы; 2. левая— г.-м. Марданов: 3 бтл. 10 В. С. п., у этапной дороги, к востоку от высоты 189.

Передовая позиция между д. д. Тасинтунь и Ляндясань 1 бтл. 11 В. С. п.

Передовой отряд у Тунсинпу—полковник Дружинин: 2 роты и 2 сотни. [286]

Отряд у Лаодитана—г.-м. Греков: 1 бтл., $11^1/_2$ сот. и 4 кн. грн. орд.

Участки Лечицкого, Кричинского и Данилова были укреплены весьма основательно, так как работы по укреплению позиции начались еще в апреле. Кроме того укреплены тыловые позиции у д. Чинертунь, д. Сяолинцзы и на малом перевале Ванбатай.

10-й армейский корпус.

Правый фланг—г.-м. Гершельман: 16 бтл., 54 орд., 8 сот. и 2 охотн. команды, от высоты 300 до Мауэрлина.

Левый фланг—полковник Клембовский: 4 бтл., Тамбовского полка, 8 орд. и 2 сот., на высотах у д. Пегоу.

Общий резерв—г.-м. Васильев: 4 бтл. Пензенского п. расположились у д. Анпин и 8 бтл. 31 пех. дивизии у д. Шуншвянцзы.

Боевые участки Анпинской позиции были укреплены, но профиль их носил поспешный характер. Тыловая позиция была укреплена у Анпина.

Наиболее опасным флангом всей Ляндясань—Анпинской позиции был ее правый по следующим соображениям:

1. Левый фланг обеспечивался рекою Тайцзы, правым берегом которой мы владели вверх по течению до Бенсиху (отряд Грулева) и Уйнюнин (отряд Любавина), вперед от позиции на 40 верст, при том условии, что хотя река и была кое где проходима в брод, но все-таки переправа таким способом могла быть осуществлена лишь с большими затруднениями; задаться целью немедленно переправиться на правый берег и отрезать путь отступления на Мукден всей Русской армии, или хотя бы только угрожать оттуда флангу Ляндясань—Анпинской позиции, было для Куроки невозможно при данной обстановке, так как он не мог быть уверен в бездействии 10-го армейского корпуса и Восточного отряда, а выделить против них

достаточный заслон он не был в состоянии.

2. Левый фланг позиции состоял из неприступных, а во всяком случае трудно доступных хребтов и высот. которые приходилось эскаладировать.

3. В случае охвата (а обход стратегический был невозможен [287] вследствие указанного значения р. Тайцзы) и даже распространения в тыл Русской позиции, японцы могли препятствовать отступлению к Ляояну только незначительной части войск Восточной группы, расположенной на правом берегу р. Тан, к северо-востоку от Анпина; остальные войска могли всегда беспрепятственно отойти за р. Тан, где у них имелась следующая подготовленная позиция; фронт последней обозначался рекою Тан, а фланг этою же рекою и рекою Тайцзы, здесь уже совершенно в брод непроходимою; кроме того р. Тан сама по себе, особенно в дождливое время года (как в дни августа месяца 1904 г.), могла представить серьезное препятствие, весьма трудное для форсирования.

4. Правый фланг у д. Кофынцы—д. Тасигоу совершенно не был обеспечен местностью от охвата и обхода, представляя из себя холмистую площадь без каких либо резко обозначенных хребтов (конечно сравнивая его с местностью на фронте и левом фланге Анпинской позиции); наступающему было легко распространиться на всей площади между д.д. Тунсинпу, Шихуенцзы, Ванбатай и Сяолинцзы; распространившись на этой площади хотя бы только до линии Выцзыгоу—Сяолинцзы, японцы ставили всю Восточную группу в самое критическое положение, лишая ее возможности отступить к Ляояну и угрожая опрокинуть в р. Тайцзы.

5. Так как между правым флангом Восточной группы и левым Южной 11-го августа существовал открытый, никем не обороняемый, промежуток в 25 верст протяжением (от Кофынцы до Кусанцзы), то удар в правый фланг у Кофынцы, разобщая обе группы, препятствовал их соединению; мало того, быстро распространяясь на указанной площади, японцы угрожали и путям отступления к Ляояну Южной группы.

Вообще если бы японцам удалось одержать решительный успех не только обходом, но даже охватом правого фланга Ляндясанской позиции, то они сделали бы совершенно невозможным сосредоточение обеих частей Русской Маньчжурской армии и совместный отпор их армиям Оямы в [288] непосредственной близости Ляояна: левый фланг армии Куроки подал бы руку правому флангу армии Нодзу, и добрая часть нашей армии в случае дальнейшего успеха японцев была бы опрокинута в р. Тайцзы. Если Куропаткин счел нужным

пассивно обороняться 17 и 18 августа на укрепленной позиции, имея в своих руках превосходные над противником силы (с уходом части армии Куроки на правый берег р. Тайцзы, поэтому не принявших участия в боях этих двух дней, по свидетельству Гамильтона, силы наших 4-х Сибирских корпусов, 10 армейского и приданных им частей бесспорно превосходили силы войск Оку и Нодзу), то вряд ли ему удалось бы разыграть успешное сражение против всех трех армий Оямы, при условии растянутости наших сил от Маетунь до Анпина; пожалуй было бы легко ретироваться с войсками ближайшими к Ляояну, благодаря многочисленным мостам, прикрытым сильным тет-де-поном, но отступление Восточной группы при такой обстановке грозило ей катастрофой. Следовательно, удачная атака Гвардии, направленной Куроки на Тунсинпу—Тасигоу, сулила японцам несравненно более выгод, чем их тактический успех, одержанный бригадой Кигоши на нашем левом фланге у Пегоу.

Японский генеральный штаб не мог не оценить обстановку, и поэтому в плане разыгранной им операции против Восточной группы несомненно должна была существовать идея решительных действий на правый ее фланг, доказательством чему служит, что в этом направлении наступает Гвардия, т. е. лучшие войска, а когда она потерпела 11 и 12 августа неудачу, а к 7 часам утра 13-го очутилась в критическом положении, Куроки, не колеблясь, посылает ей в подкрепление свой последний армейский резерв, который однако уже не мог поправить дело. Тот факт, что Гвардия начала наступать в направлении на Тунсинпу, а не еще левее, не показывает, что Куроки не имел в виду обойти—охватить правый фланг Ляндясанской позиции, ибо он наверное имел сведения, что именно этот фланг был занят слабее всего и, кончаясь у [289] д. Кофынцы, позволял японцам выиграть его двигаясь в кратчайшем направлении: Холунгоу—Тунсинпу—Тасигоу, и, если бы не упорство наших войск под Тунсинпу, участь сражения была бы решена уже 12 августа.

Будет кстати заметить, что в сочинении Гамильтона, весьма точно описывающем бой 13 августа, можно пожалуй найти признание им торжества стратегии Куроки, вследствие решительного успеха одержанного его правофланговой дивизией (12-й) на высотах Косареи (Пегоу), заставившего нас очистить Ляндясань-Анпинскую позицию. Но это легко объяснить тем, что японцы вообще тщательно скрывали от всех военных агентов свои планы и конечно рады были замаскировать свой неуспех чем бы то ни было, а так как мы все же не воспользовались своею победою над японскою гвардией и отдали им наши позиции, то штабу Куроки было тем легче ввести в за-

блуждение Гамильтона. Надо обратить внимание также на то обстоятельство, что Гамильтон был допущен к наблюдению боя только утром 13 авг., а потому он не имел никакого представления о том, что происходило у Тунсинпу 11 и 12 августа, когда все попытки 11-го и самые решительные действия 12-го августа всей японской гвардии, овладеть сперва котловиною Тунсинпу, а потом и долиною Сидахыа, были отбиты и расстроены. Гамильтону кажется, что Куроки, овладев полем сражения Ляндясань — Анпин, выиграл свою операцию стратегически и тактически, а между тем сражение было выиграно только тактически, так как мы сами отдали свои позиции, вследствие тактического неуспеха на нашем левом фланге у Пегоу, и отошли в полном порядке: нет и признаков стратегического преследования японцами, а тактическое свелось лишь к перестрелкам с нашими арьергардами, дававшими самый решительный отпор всем попыткам японцев наседать на них. Что касается до войск собственно Восточного отряда, то они остались безусловно победителями в бою 13 августа, потому что не только не уступили противнику ни одного шага, но сами преследовали его 11-го и 13-го августа у Тунсинпу и Тасигоу. [290]

ГЛАВА II.

Бой у д. Тунсинпу 11-го августа.

Прежде чем приступить к изложению этого исторического события, я обращаюсь к вам, мои дорогие товарищи и соратники по четырехдневному бою за Ляндясанскую позицию, впереди, на страже ее, у Тунсинпу 11 и 12 августа, и на крайнем правом фланге, вернее вне его, опять на страже позиции, 13 и 14 августа у Тасигоу, и от всего сердца, всей души, приветствую ваше мужество и доблесть на страницах истории. Пусть этот беспристрастный, строгий и справедливый судья отдаст должное вам горсти чудо-богатырей Маньчжурской Армии, подвиги которых не были оценены; наоборот их умалили и замалчивали. Вы исполнили свой долг перед Родиной и Державным Вождем, вы уготовили им победу, покрыли славой ваши. знамена, дали полное торжество Русскому оружию над Японским; многие из вас остались спать вечным сном на обагренной вашею кровью земле, которую вы не хотели, не могли отдать врагу, и если бы вас разбудили теперь и показали, как далеко от славных, священных могил ваших были отброшены врагом Русские войска, вы не поверили бы; вы сказали бы: «умирая, мы чувствовали, сознавали свою победу; мы отомстили японцам за несчастие Тюрен-

чена, которое довлело над нами четыре месяца; мы его искупили своею доблестью, своею кровью, и отошли в вечность с полной верой, что к нашим холодеющим телам нагнутся русские победители и, предав нас земле, проследуют дальше вперед, пока не изгонят из пределов Маньчжурии и Кореи дерзкого врага...» но нет, Русская Армия оставила вас непогребенными; она ушла опять назад побежденною и не только от места, где оставила вас усопших, но уходила дальше почти целый год. Да, дорогие товарищи, отдельным ротам и сотням было невозможно одолеть врага в одиночку, несмотря на все их самопожертвование, ибо не нашлось энергии и поддержки свыше; там думали не о победах, а заботились лишь о [291] благополучном исходе боев в смысле своевременного отступления; ущерб русского оружия не сознавался; утешались какими то будущими успехами, обеспеченными вероятным будущим превосходством сил нашей армии над японской; обманывали себя и общественное мнение России; таким образом неуклонно вели все дело войны к катастрофе, которая случилась в конце февраля следующего года, после чего уже Армии не пришлось померяться силами с врагом.

Начало Ляоянского сражения, всецело принадлежащее войскам передового отряда у Тунсинпу, имеет огромное значение для Русско-Японской войны 1904—1905 года; оно настолько огромно, что если бы вверенный мне отряд не одержал бы фактической, настоящей победы, то я не имел бы права его пережить, потому что считал бы себя виновным за понесенное Маньчжурской Армией поражение в первом генеральном сражении; я поступил бы так же, как это сделал Граф Келлер, который не хотел и не мог пережить поражения вверенных ему войск, когда на их долю выпало первыми перейти в наступление; я уже выяснил выше, что доблестный воин невиновен, являясь жертвою бездарного командования армией. В данном случае судьбе было угодно осыпать нас своими милостями, т. е. даровать нам победу.

Что бои у Тунсинпу 11 и 12 Августа составляют начало Ляоянского сражения служит доказательством тот факт, что он не прекращался для войск 3-го Сибирского корпуса (так был переименован в начале августа Восточный отряд г. Иванова) до 18-го августа включительно, когда на 19-е число корпус был выделен в резерв, а мы знаем, что 17 и 18-е августа были наиболее решительными днями всей Ляоянской операции, и командующему армией оставалось только использовать успех этих и предшествующих дней.

Что начало Ляоянского сражения, или его завязка, есть достояние передового отряда у Тунсинпу доказывают те факты, что 11 ав-

густа, кроме него, не сражалась ни одна часть 3 Сибирского корпуса до 4-х часов дня (бой начался [292] у Тунсинпу в 7 часов утра), если не считать несколько выстрелов на каких-нибудь постах охотничьих команд; точно также и от 5 до 8 часов утра 12 августа бой шел только в отряде у Тунсинпу, ибо все передовые части, бывшие левее, уже отошли за ночь к главной позиции, а равно и отряд генерала Грекова, уклонившийся глубоко за ее правый фланг, не сделал ни одного выстрела. Мало того, из донесений на Высочайшее имя Генерал- Адъютанта Куропаткина о боях 11 и 12 августа видно, что действительно в первый день сражался только передовой отряд 3-го корпуса, у Тунсинпу, а на всем фронте Маньчжурской Армии никаких столкновений с противником не было; во второй день говорится только об артиллерийской перестрелке и упорном бое двух рот отряда полковника Дружинина.

Следовательно этот ничтожный по составу отряд (200—225 стрелков и 200 казаков) должен был один принять на себя ответственность за начало генерального сражения, от которого зависела судьба всей кампании, ибо если бы Ляоян был нами выигран, то мы выиграли бы и кампанию, а возможность такого исхода сражения доказана: превосходства сил у японцев не было; армии Оку и Нодзу и большая треть армии Куроки разбились о стойкость и мужество четырех Сибирских корпусов, а обходное движение Куроки, по времени и пространству, не могло увенчаться успехом, если бы только Куропаткин проявил какое-нибудь руководство вверенными ему войсками в положительном смысле и пожелал бы возложить лично на себя ответственность хотя бы за решительный акт всей операции; но руководство блистало отсутствием, принцип сваливания с себя ответственности применен в полном объеме, от первой до последней минуты боя; доминировало чувство самосохранения, в смысле нежелания ничем рисковать; все это вместе парализовало всякий успех и сделало напрасными доблесть и мужество Маньчжурской Армии, проявленные под Ляояном в самой высокой степени.

Итак бой у Тунсинпу имел выдающееся значение, как [293] завязка генерального сражения вообще, но это значение усугублялось в огромной степени исключительной обстановкой, в которой находились вообще войска всей Маньчжурской Армии и в частности 3-го Сибирского корпуса:

а) По отношению к войскам всей армии. Раньше я уже высказался, что определенного плана ведения всей операции у Куропаткина не было; находясь в полном неведении обстановки, не зная на что решиться, что предпринять, он успокаивал себя лишь двумя со-

ображениями: войска будут умирать и способностью усеивать своими телами поля сражений наконец положат предел энергии противника, который устанет отвечать тем же; Россия представляет неисчерпаемый источник боевого материала и в конце концов сломит японцев подавляющим превосходством своих сил. Отступать без боев Куропаткин все-таки не хотел, ибо допустил расстрел 11-го и 12-го полков на Ялу, а затем, как сам говорил впоследствии, желал использовать тактически все выгодные позиции, постепенно отходя до полного сосредоточения своих сил. Это тактическое использование местности выразилось, в самом начале, в разгроме наших войск у Тюренчена, а затем в ряде последовательных неудач, потому что бои, заканчиваемые отступлениями, фактически составляют поражения, хотя бы отступление и было предрешено заранее. Наступление противника, захват им занятой нами территории представляется конечно успехом и победой. Следовательно к началу Ляоянского боя, на который Куропаткин тоже смотрел, может быть, как на тактическое использование местности, но, вместе с тем, введя в дело имеющиеся уже значительные в то время силы (более семи корпусов) обратил в настоящее генеральное сражение, армия знала только ряд неудач, привыкла оставлять свои позиции и показывать тыл противнику; такою практикою нельзя поднять дух войск перед решительным столкновением, и конечно он был подавленным, а потому успех в начале столкновения неминуемо должен был способствовать его подъему, был необходим, как самая насущная потребность. И вот бой у Тунсинпу [294] 11 и 12 августа был в полной мере победен, т. е. дал именно то, что было столь необходимо Маньчжурской Армии.

б) По отношению к войскам 3-го Сибирского корпуса— бывшего Восточного отряда генерала Засулича, графа Келлера и наконец генерала Иванова, исход первого столкновения передовой части на позиции у Ляндясань, составлял решительно все, ибо нигде, ни в какой части армии, не жил так сильно Тюренчен, т. е. все его печальные моральные последствия. Выше, в 1-й части этого труда, я уже обрисовал положение войск Восточного отряда и скажу смело, что в 7 часов утра 11 августа оно было совершенно то же, как и за все время от несчастного дня Тюренченского поражения: значительная часть войск не имела достаточного упорства, не была способна удержать позицию при напоре противника; думали больше о временном задерживании, считали отступление нормальным явлением. Бой у Тунсинпу 11 августа имел волшебное действие, и уже в 2 часа пополудни на позиции у Ляндясань стоял не Восточный от-

ряд, привыкший уступать противнику свои позиции, а новая часть, познавшая свою силу, сделавшаяся грозной и страшной врагу, способная на самое упорное сопротивление, на самое энергичное наступление; в какие-нибудь 7 часов времени одни и те же войска переродились, и тогда действительно Восточный отряд отошел в область преданий, а явился 3 Сибирский корпус, считавшийся после 18-го августа самым победоносным и славным во всей Маньчжурской Армии. Эта слава осталась за корпусом и после отступления от Ляояна, но к сожалению закатилась весьма скоро, после операции у Бенсиху 25 сентября—3 октября того же года. Читатели увидят, что и тогда счастье было так близко; 3-й корпус мог выиграть всю операцию нашего злосчастного на самом деле наступления, но он не сделал ничего положительного, победного; наоборот его деятельность была пассивна и неискусна, но конечно войска корпуса тут ни причем: все опять погибло из за неумелого руководства операцией и боем.

Выяснив таким образом значение боя небольшого [295] отряда, выдвинутого перед правым флангом Ляндясанской позиции целого корпуса, нельзя не остановиться на разборе этого факта, т. е. на выяснении: правильно, или неправильно, поступил командир корпуса, возложив такую огромную задачу на этот отряд, поставив участь боя в зависимость от успеха или неуспеха ничтожной горсти своих сил; вообще интересно решить с научной точки зрения, на основании данного опыта, вопрос о возможности завязывать серьезное сражение подобным способом. Я конечно не могу обойти этот вопрос молчанием, но отвечу на него, сделав описание двухдневного боя вверенного мне отряда у Тунсинпу, что даст возможность читателям рельефнее судить о вопросе, благодаря фактическим данным.

10-е августа — канун боя — было особенно спокойным днем; утром на сторожевую службу отправлялась 9 рота; я узнал, что командир роты, капитан Кантаров, именно в это число августа был произведен в офицеры 25 лет тому назад; по этому случаю счел нужным сказать роте несколько слов, поздравил офицера и приказал прокричать ему ура. Очередной сотней пошла 2-я Верхнеудинская, но командир сотни принужден был остаться при резерве, так как с 7-го числа болел дизентерией. На заставы стали: на № 1—вахмистр сотни, на № 2—Кантаров, имея в отдельном взводе у высоты № 161 прапорщика запаса Бутовского, на № 3—сотник Ушаков. Не помню, кто именно из офицеров заявил мне, что теперь впереди последней заставы стоят посты от батальона, занимавшего

участок передовой позиции восточнее д. Тасинтунь; кроме того в д.д. Фынцзыай и Эрдахэ стояли посты из состава охотников Голеевского; поэтому можно было бы сократить наш наряд, упразднив совсем заставу № 3; но я отлично помню, что возразил на это следующее: «верю только своим войскам; начнут наступление японцы, и перед вами никого не окажется, кроме противника; требую бдительности и готовности». Эти слова оправдались, как увидим ниже, в ту же ночь. Мы обедали — наличные офицеры резерва отряда — в 3-й [296] сотне Читинского полка; во время обеда приехал Васильковский, которого я посылал в штаб корпуса (Чинертунь), и сообщил, что в штабе заметно полное удовлетворение деятельностью нашего отряда, а командир корпуса приказал передать свою благодарность всем его чинам. В этот день я наконец — через 5 месяцев по прибытии на театр войны — получил свое содержание, что составило порядочную сумму, так что я мог возвратить выданный мне Графом Келлером аванс. Князь Долгоруков просил разрешение съездить в Ляоян и собирался выехать на следующий день в 5 часов утра. За обедом зашла речь о боевых впечатлениях; один из офицеров сказал: «откровенно сознаюсь, что очень не люблю пуль»; на это я ответил, что «пули не должны производить неприятного впечатления, а наоборот испытывать настоящий огонь должно быть приятно». Офицер видимо отнесся к моим словам недоверчиво.

Как всегда, прослушав пение стрелками вечерней молитвы «Боже Царя храни», я побеседовал с ними и пошел спать. Около полуночи пришло донесение с заставы № 2, что японцы потревожили наши посты и ранили одного казака из наблюдавшего в долине у д. Сяматун дозора; донесение носило характер настолько тревожный, что можно было ожидать наступления противника, в виду чего я поднял резерв по тревоге; к 3-м часам ночи выяснилось, что все успокоилось; «после нескольких выстрелов с постов, японцы ушли в гаолян»—так доносил Кантаров. Я приказал всем ложиться спать, но сам заснул не ранее 4 — 5 часов утра. В 6 часов прискакал казак с донесением от Кантарова, что японцы силою не менее 2-х батальонов обходят его посты с правого фланга, т. е. между заставой его и № 1, и что положение очень серьезное.

Не могу сказать, чтобы это донесение меня порадовало, но не потому, что я не желал серьезного наступления противника. Наоборот я жаждал его уже столько месяцев и томился именно тем, что видел, или руководил какими то фантастическими переделками, когда приходилось [297] отходить перед невидимым врагом, когда не было слышно ни одного артиллерийского выстрела, а пули прилета-

ли, или вернее залетали совершенно случайно; до 11-го августа, я был серьезно обстрелян только один раз— своими же, на переходе от Мяолина к Тунсинпу 23 июня. Мне лично был нужен настоящий бой, в котором я хотел или умереть, или победить; я страстно хотел померяться силами с врагом, который до сих пор, по справедливому выражению японского главнокомандующего, видел перед собою только отступающих и разбитых. Но я был уверен, что тревога напрасная, что никаких батальонов противника нет; мне еще претили бесчисленные, чуть ли не ежедневные, тревоги против мифического врага, пережитые в отряде Абадзиева; наконец только что происшедшая ночная тревога оказалась также несерьезной; единственным доказательством присутствия японцев был один раненый казак. Натянув сапоги (спал всегда одетым), я вышел на двор и увидел своих молодцов стрелков 10 роты безмятежно спавшими, но точно они предчувствовали нечто серьезное, ибо ни один из них не разделся, а, только сняв мешки, положили их под головы. Мне жаль было будить людей. Выйдя на улицу я увидел такой туман, что буквально в 5 шагах нельзя было различить человека; это обстоятельство указывало, что противник мог воспользоваться покровом тумана и предпринять нападение, неудавшееся ему ночью, вследствие бдительности сторожевых частей. Я приказал становиться в ружье, выводить обоз (отряд не имел ни одной двуколки, но из полка прислали в каждую роту не менее 12 вьючных животных, что, вместе с вьючными и заводными лошадьми двух сотен, составляло все-таки некоторый обоз, который следовало убрать с поля сражения) к западной окраине деревни, а сотне—седлать.

В 6 часов 15 — 20 минут утра прискакал опять казак от Кантарова с донесением, что, вследствие обхода японцами в значительных силах с правого фланга, застава № 2 поспешно отходит к Тунсинпу, чтобы не быть отрезанной; на заставе № 3 слышны выстрелы. Скажу [298] откровенно, что и этому донесению не поверил, даже рассердился: как же это застава и. все посты уходят без единого выстрела? но конечно я не был на месте, и может быть противник, прикрываясь туманом, обходил расположение заставы, которая, как сказано выше (см. стр. 254), вовсе не имела непрерывной связи с заставой № 1, а наоборот была легко обходима в какой-нибудь версте южнее места расположения резерва заставы. Я послал за Князем Долгоруковым, но он уже шел ко мне. В сущности он мог уехать в Ляоян, так как, по окончании ночной тревоги, у нас не было разговора об отмене его поездки, разрешение на которую оставалось в силе; его казаки также провели остаток ночи в полуготовности, не расседлывая коней.

Еще через несколько минут пришло донесение с заставы № 3, гласившее, что японцы наступают в тумане весьма энергично, и застава отходит кружным путем, так как кратчайший путь к Тунсинпу уже занят противником. Это донесение меня удивило, ибо между заставами 3 и 2 было непрерывное охранение и постоянная связь; следовательно, если японцы их разобщили, то должна была быть перестрелка у взвода занимавшего высоту 161, а между тем не было слышно выстрелов, и не поступало донесений от Кантарова, что японцы теснят его левый фланг.

Я приказал капитану Томашевскому немедленно занять 10-й ротой высоты к северо-востоку от деревни, имея в цепи не менее трех взводов и, обратясь к Князю Долгорукову, сказал ему: «Ваш пост на высоте южнее деревни в тумане не видит ничего; пошлите дозоры осветить наш правый фланг.» Вероятно я тогда же приказал бы ему занять сотнею и самую высоту, составив правый участок позиции, но в данном случае инициатива осталась за Князем, потому что он ответил так: «разрешите занять сотней эту высоту.» Я ответил «великолепно, занимайте; в случае боя, я буду при стрелках на левом участке, а Вы командуйте правым, куда подойдут и остальные казаки (Верхнеудинцы были все в наряде); полагаюсь на [299] Вас». Мы встретились с Князем только через двое суток, хотя дрались все время на одной позиции, не теряя между собой ни на одну минуту общения, ибо одинаково стремились только к одной цели: не уходить, бить врага и побеждать; нам незачем было стоять плечом к плечу, говорить, объясняться; каждый знал, что нужно было делать, и один понимал другого; Долгоруков сразу постиг, что от его упорства и инициативы на правом фланге будет во многом зависеть результат боя, и не упустил ничего для того, чтобы обеспечить его успех. 7-й час утра был на исходе; туман все также препятствовал различать что либо. Прибыл Кантаров. Я встретил его сухо и строгим тоном спросил: «Капитан, не рано ли Вы отступили?» Он ответил, держа руку под козырек, просто и точно: «я сам не видел противника, но своим людям верю; японцев не менее 4-х батальонов.» Я приказал ему стать в резерве за 10-й ротой и быть готовым удлинить ее левый фланг.

Васильковский (адъютант отряда) напомнил мне, что пора подняться на сопки для управления войсками, но я ответил сердито: «никаких японцев не будет, и не хочу напрасно лазать по кручам.» Затем, обратясь к Черноярову, спросил его «а Вы как думаете—это опять ложная тревога?» Чернояров мучился от болей живота и только сказал: «надо проверить расчет казаков; всего набирается

полсотни», и повел свою часть к правому флангу позиции (или он оставался при мне—не помню). Мы стояли у западной окраины деревни, совершенно открыто: я, доктор и Васильковский; только вестовые и лошади, по счастливой случайности, были несколько укрыты в прилежащей улице.

Отрядный врач обратился ко мне с вопросом где будет перевязочный пункт, на что я ответил, что в деревне его устроить нельзя, так как она будет обстреливаться, а поэтому придется выносить раненых в долину Сидахыа, но пока еще об этом рано думать; доктор может пока оставаться при мне, и я дам ему соответствующие указания. Откровенно сказать я не верил в [300] возможность серьезного боя, и такие детали казались мне излишними.

Я обратился к Васильковскому со словами: «японцы будут так любезны, что дадут нам еще несколько времени.» В эту минуту туман начал быстро рассеиваться; было ровно 7 часов и... раздался залп нескольких десятков ружей... пули засвистали и зарикошетировали по камням и каменным стенкам... То головная полурота или рота японской Императорской Гвардии имела честь открыть первой Ляоянский бой, а мы—получить на себя ее первые пули. Почти в тот же момент послышалась стрельба справа: Князь Долгоруков салютовал противников, но не так безнаказанно, как это сделали они, обстреливая нашу группу у окраины деревни.

Крикнув Васильковскому: «наконец то пожаловали! на позицию!» я вскочил в седло и поскакал по деревне, чтобы одним из переулков вынестись на сопки. Сзади уже шла живая перестрелка: Долгоруков и Томашевский давали отчетливые залпы. Несясь по главной улице деревни, я заметил, что группа стрелков на сопках быстро двигается назад, остановил коня и закричал: «куда? .ни шагу назад, вперед на врага!» Васильковский своими могучими легкими повторил этот оклик, и стрелки мгновенно остановились[26]. В несколько секунд мы влетели по крутости в 45 градусов на командующую сопку, как раз за срединой расположения 10-й роты Томашевского.

Вот что говорится . в Всеподданнейшем донесении о бое 11 августа: «Против фронта Восточного отряда (ныне переименованного в 3-й Сибирский корпус) противник - силою до 8-ми рот, утром 11 августа, от Пьяндявана и Шанматуна, повел наступление на селение

[26] Не помню которой роты это были люди, но ротный командир докладывал мне позднее, что люди стояли, или сидели, открыто и будучи обстреляны, искали укрытия. Может быть было и так, но уверен, что энергичное внушение оказалось своевременным и принесло пользу: оно сразу ободрило людей и дало понять, что отступления не будет.

Тунсинпу в долине Сидахыа, в 7 верстах на юго-запад от Ляндясаня; [301] у Тунсинпу на подготовленной позиции был расположен наш передовой отряд полковника Дружинина, силою 2 роты и 2 сотни; наши передовые посты, к которым японцы приблизились незаметно под прикрытием утреннего тумана, отошли на свою позицию; с 8 часов утра завязалось дело: наступление японцев носило нерешительный характер. На высотах к востоку от Тунсинпу была обнаружена постройка окопов, но артиллерия противника в дело не вступила; к отряду полковника Дружинина были направлены подкрепления. К 2-м часам пополудни японцы прекратили наступление, имевшее вероятно только разведочный характер; отряд полковника Дружинина продвинулся вперед; о подробностях дела и потерях донесение еще не поступало. Одновременно, на главной Ляоянской дороге, японцы заняли Фынцзыай и Эрдахэ, в 2-х верстах на юг от Ляндясань, и здесь около 5 часов пополудни разыгралась сильная перестрелка, ослабевшая значительно через $^1/_2$ часа, о причинах и подробностях которой донесения не успели еще быть доставлены». Это донесение отправлено г-м Куропаткиным 11 августа, а 12-го августа добавлено еще следующее: «отряд полковника Дружинина в деле у Тунсинпу потерял до 20 нижних чинов убитыми и ранеными; последние большею частью легко; небольшой отряд полковника Дружинина с успехом сопротивлялся превосходным силам противника и всех убитых и раненых вынес с собою. На помощь отряду полковника Дружинина был послан 10 Стрелковый полк; с прибытием этого полка, противник прекратил наступление. Во время наступления 10 полка у нас был ранен 1 офицер, убито 4 и ранено 29 нижних чинов».

Только из этих донесений я узнал, что вверенный мне отряд дрался у Тунсинпу на подготовленной позиции. Г. Куропаткин был введен кем то в заблуждение. Полковник Дружинин не мучил своих людей устройством укрепленной позиции, ибо служба была и без того слишком тяжела, а устройство укрепленной позиции для его отряда, при данной обстановке, было совершенной [302] бессмыслицей. Впрочем, конечно, кому же могло прийти в голову соображение, что отбросить превосходные силы японцев, остановить их наступление, можно было каким-нибудь иным способом, кроме патентованного для Русских Армий в Маньчжурии единственного средства, состоявшего в том, чтобы зарываться в землю, окапываться и окапываться. Мы изрыли почву на протяжении сотен верст во время войны, мы применили новейшие технические усовершенствования полевой фортификации, но забыли главное, а именно: побеждает

не техника этой науки, не ее совершенство, не мертвые массы укреплений, окопов, траншей, а энергия, активность, искусство маневрирования; громадное большинство наших укрепленных позиций даже не были атакованы противником; они доставались часто без выстрела, иногда служа ему же на пользу, и во всяком случае являясь трофеями побед японцев над русскими, наглядным свидетельством бесплодных трудов и мучений последних. Вверенный мне отряд начал победно наше генеральное сражение именно потому, что он не был пришит к месту на заранее подготовленной позиции, а действовал в зависимости от обстановки, все время маневрируя, меняя места расположения частей, не только обороняясь, но и наступая решительно, смело; только благодаря такому способу действий, отряд понес ничтожные потери (11 августа и 12-го августа всего несколько более 50 убитых и раненых), а главное ввел в заблуждение противника относительно количества своих сил, благодаря чему остановил в первый же день наступление 4—5 батальонов и заставил развернуться против себя на следующий день дивизию со всею артиллерией. Хорошо было бы нам в этих боях, если, придя в Тунсинпу 24 июля, мы укрепили бы позицию на 2 роты и 2 сотни, фронтом в 500 шагов, и неподвижно уселись бы на ней при появлении 4-х батальонов противника: мы были бы окружены и переколоты через несколько часов, или, видя это окружение, должны были бы бросить свои окопы без выстрела и спасаться на главную позицию. Пример Тунсинпу поучителен для кое кого, ибо если бы его постигли, то может [303] быть не строили бы 70 верстного укрепленного кордона под Мукденом, могущество и незыблемость которого сокрушили 3 дивизии армии Ноги, вышедшей на наш правый фланг; командная власть тотчас потеряла голову, начала сперва оглядываться к Телину, а так как во-время ни парировать обход, ни отойти не успели, то на удивление народов всего мира показали военно-исторический пример бегства 200.000 массы. Если бы у нас умели руководить войсками и маневрировать, то не потратили бы миллионов русских денег на укрепления Ляояна во славу инженера Величко, а вероятно закончили бы Ляоян так, как мы его начали у Тунсинпу, т. е. победно—поражением врага, а не отступлением 130.000 славных русских штыков с 550 скорострельными, представлявшими последнее по совершенству техники слово, орудиями, которое кому-то удалось рекламировать в Европе, как образец стратегического искусства, и представит фатальной необходимостью нашему отечеству.

А ведь при нашем отходе от Ляояна за нами оставалось всего

100.000 расстроенных, обессиленных нашим геройским боем с 11 по 18-е августа японцев, которые не были в состоянии даже обозначить преследование. О слишком большой поспешности отступления от Ляояна свидетельствуют донесения железнодорожных агентов: оставлены 3 станции несчастной, неумело, эгоистично эксплуатируемой Восточно-Китайской железной дороги тогда, когда японцы не были даже в виду их; с легким сердцем подарена противнику работа добросовестных тружеников России, заставляемых строить и воздвигать на пользу врагов родины; мы подарили им массу материалов—средств и просто обогатили после Ляояна японскую армию.

Я более чем кто либо не могу простить нашего поражения под Ляояном, потому что, насколько имел возможность, а судьба дала мне в этом отношении широкое полномочие, исполнил свой долг; моему отряду было вверено начало—завязка генерального сражения, и, после стольких неудач наших войск, он одержал первую [304] настоящую победу над врагом, но ее не использовали и свели на нет управлением и руководством, погубив все победно начатое дело. Пусть же справедливый суд истории решит, что сделал для Ляоянского сражения ничтожный по своим силам передовой отряд у д. Тунсинпу.

Продолжаю описание боя. Заняв самую высокую сопку, я мог окинуть взглядом все поле сражения и сразу заметить, что войска стоят правильно—для данного положения дел, несмотря на то, что между крайней стрелковой винтовкой левого фланга и крайним спешенным казаком правого было более двух верст; только удерживая все это пространство, можно было оказать сопротивление значительным силам противника, не дать ему охватить себя с обоих флангов; тем не менее конечно необходимо было проявить значительную упругость, так как противник мог легко обойти; я не очень опасался за левый фланг, где был батальон на передовой позиции севернее д. Тагоу, и должны были действовать несколько охотничьих команд; на самом деле и до первого и до последних было далеко, и они существенной поддержки не оказали, но застава № 3, отойдя левее занятой ротами позиции, заняла выгодную сопку в полуверсте от их левого фланга и тем обеспечила незанятый промежуток. Хуже было на правом фланге: если бы японцы действовали согласно сказанного во Всеподданнейшем донесении, т. е. от Шанматуна, примерно на Пейлинцзы, с юга, то конечно они скоро охватили бы не только фланг, но и тыл Князя Долгорукова; однако и японцам было свойственно делать ошибки, ибо я получал пока успокоительные донесения с заставы № 1, и она еще оставалась на

месте. Японцы не наступали на нас долиною Ломогоу и не прошли у Шанматуна, а весь день они держались на фронте перед нашей позицией; впрочем их наступление замерло с самого начала, и вот почему.

Кантаров поступил превосходно, немедленно и быстро отступив без единого выстрела; что мог он сделать при таком тумане и столь значительном превосходстве [305] сил противника? Удерживать противника огнем невозможно, когда нельзя различать предметы в 5—10 шагах, а бороться грудь с грудью было бы безумно, так как наши силы были слишком слабы. Японцы вероятно знали расположение постов (мы стояли там уже более двух недель) если не заранее от шпионов, то по своей ночной попытке;, они даже верно наметили себе и дыру для обхода сторожевого охранения; но они конечно узнали и об отступлении наших сторожевых частей, вероятно их не удивившем; как часто, при первых признаках наступления японцев, наши передовые части уходили, не выказывая никакого упорства; следовательно все шло по обыкновению. Я утверждаю, что японцы знали отлично, что в Тунсинпу стоит ничтожный сторожевой резерв, ибо главная позиция была только на высотах у д. Кофынцы, т. е. в 5 верстах сзади.

Направив 4—5 батальонов, чтобы смести слабое наше сторожевое охранение у Тунсинпу, победоносные, смелые японцы поставили себе главнейшею целью возможно скорый захват всего пространства сопок между долинами Ломогоу и Сидахыа; утвердившись, окопавшись, выставив батареи, они могли затем нанести решительный удар правому флангу Ляндясанской позиции, от Тунсинпу в охват его на Тасигоу[27].

Под покровом непроницаемого тумана, воодушевленные своими знающими местность и обстановку генералами, авангарды г. Куроки спешили доблестно выполнить первый акт великого события, Ляоянского Генерального Сражения— его начало-завязку; они успешно дебушировали из долины Ломогоу на ее левый берег, быстро, как кошки, как это умеют делать только аборигены гор, вползли на [306] гребни высот, командующих над котловиной Тунсинпу, и следовательно сразу без выстрела заняли весьма выгодное тактическое положение; конечно будь у них хоть одна—две батареи, то оборона

[27] Я писал это в начале 1906 года, а вот что говорит Швейцарский военный агент, полковник фон Герч (перевод К. Адариди, изд, В. Березовского стрн. 114): «Начальник гвардейской дивизии (генерал Хасегава) принял решение овладеть прежде всего высотами, находящимися к северу и юго-западу от Холунгоу, оттеснить затем передовые посты противника, утвердиться на высотах у Киминсы и Тагоу с тем, чтобы выставить на них артиллерию».

Тунсинпу не была бы возможна; но эта помощь не была им нужна; ибо зачем же тратить время на подъем орудий, рекогносцировку позиций, расположение батарей, когда, по всем данным и расчетам, по опыту 4-х месяцев борьбы с Восточным отрядом, 5-ю батальонами не трудно смести сторожевые части противника; а вот, заняв правый берег долины Сидахыа, овладев самым Тунсинпу, можно подтянуть артиллерию и поставить ее сразу на место для подготовки решительного удара: верная экономия времени, труда, снарядов, да и некоторая маскировка подготовки атаки, ибо, если нет пушек, то и опасаться серьезного удара в современном бою нельзя. Но, г.г. японцы, на этот раз вы ошиблись: пренебрегать основными правилами тактики не следует; и при завязке боя, артиллерия должна быть близка, должна сопровождать пехоту; только благодаря игнорированию вами этого принципа, ничтожный отряд наш у Тунсинпу одержал над вами победу, хотя, повторяю, вы имели некоторое основание так действовать.

Может быть раздадутся протесты за то, что я позволяю себе говорить о столь легком отступлении перед японцами передовых частей Восточного отряда, но разве действия последних 11-го и 12-го августа не подтверждают наглядно, фактически моих слов. Обратитесь к Всеподданнейшему донесению 11-го числа и прочтите «.. одновременно, на главной Ляоянской дороге, японцы заняли д.д. Фынцзыай и Эрдахэ, в 2-х верстах на юг от Ляндясань»... Что это значит? Значит, что эти пункты были уступлены им легко, без упорства (я не говорю даже без выстрела), а ведь у Ляндясань действовали не менее 5 охотничьих команд 3-го корпуса, под начальством причисленного к генеральному штабу ротмистра Голеевского. Это по официальной реляции, а вот сведения, которые я могу засвидетельствовать. Выше было сказано, что подчиненные [307] просили меня облегчить сторожевой наряд сокращением заставы № 3, так как перед нею стояли две линии наших же сторожевых постов, но я не согласился. Однако сотник Ушаков по-видимому уповал на выставленное впереди его заставы охранение и расседлал; в результате японцы появились перед ним внезапно, как он сознался потом; застава седлала под выстрелами противника. Куда же девались все многочисленные посты и разведчики? Почему отряд охотников—отборных нижних чинов и выдающихся офицеров отдал вверенный район мгновенно, без малейшего упорства, между тем как отряд у Тунсинпу, несравненно слабейший по составу (охотники имели не менее 700—800 винтовок, а у нас всего 400) сохранил его за собою? Читаем далее в том же донесении Генерал-Адъютанта Ку-

ропаткина: «... и здесь (у Фынцзыай и Эрдахэ) около 5 часов пополудни разгорелась сильная перестрелка, ослабевшая значительно через $^1/_2$ часа...». Никакой перестрелки в это время там быть не могло, ибо японцы к полудню 11 августа прочно владели высотою 161, а деревни Фынцзыай и Эрдахэ находятся в тылу последней, в расстоянии 3—5 верст; перестрелка началась, но только то было наступление 10-го стрелкового полка (западнее Киминсы) и вверенного мне отряда.

В нашем сторожевом наряде была 9-я рота; один взвод, под начальством прапорщика запаса Бутовского занимал высоту 161; я уже сказал, что не мог понять, каким образом японцы вышли на кратчайший путь между Тунсинпу и расположением заставы № 3. К сожалению не спросил об этом Кантарова, когда он явился ко мне в 7-м часу утра, немедленно послав его на позицию. Затем руководство боем в течение целого дня не позволяло вспоминать и расследовать что либо; только вечером 12-го числа я узнал, что Бутовский со своим взводом, ничего не донеся, поспешно отступил, и, как вы думаете? Куда? К нашему обозу, в долину р. Сидахыа. Разве это не бегство при первом же появлении противника? Я виноват в том, что не донес о таком [308] преступлении по начальству, и прапорщик Бутовский не был предан суду и исключен из армии. но ведь я был калифом на час, я знал к чему приводят жалобы на офицеров, как к этому относится начальство, и наконец во внимание к доблести обеих рот отряда, проявленной в продолжение всего боя, не хотел из за какого то одного урода подымать столь неприятное для славного полка дело. Каюсь в этой своей вине, но конечно не могу считать себя ответственным за Бутовского, ибо мог ли я отвечать за действия вверенных мне войск, когда состав их менялся чуть ли не ежедневно.

Правее отряда у Тунсинпу стоял передовой отряд генерала Грекова (4 роты, $11^1/_2$ сотен, 4 конно-горных орудия). Во Всеподданнейшем донесении 12-го августа читаем: «11 августа японский батальон повел наступление по долине Сидахыа от Айцзяпуцзы, через Пахудзай, на Лаодитан, в окрестностях которого был расположен наш передовой отряд г. Грекова; наступление японцев около 3-х часов пополудни было остановлено у Лаодитана ротою 12-го полка, потерявшей 5 нижних чинов ранеными»... Как понимать такие действия передового отряда? Превосходя противника силою, имея артиллерию, он подпускает противника без выстрела к самому месту расположения (он должен был стоять в Лаодитане, если только в тот день не отошел от него, на что впрочем есть некоторые указа-

ния), и тут только одна рота одерживает легко победу над вчетверо сильнейшим противником. Что же делают остальные силы отряда? Что он выяснил? Почему не развил успеха одной храброй роты? Нет, по всему видно, что японцы только обозначили наступление, а отряд уже приготовился отходить, что и сделал с рассветом следующего дня без выстрела, но об этом еще скажем далее.

Полагаю, что всех приведенных фактов достаточно, чтобы не считать моих слов о поспешных отступлениях передовых частей Восточного отряда, при появлении противника, недоказанными. Может быть возразят, что передовые части не обязаны ввязываться в упорный бой с [309] противником, без особого приказания, а должны отходить, но тогда для чего же эти части существуют, и какую пользу приносят? Только упругостью, известным упорством, наконец боем, могут передовые части выяснить силы и намерения противника. Действительно, что выяснил отряд Грекова, поспешно скрывшийся от Лаодитана за правый фланг Ляндясанской позиции, в течение двух дней подготовительных действий японцев 11 и 12 августа? Только то, что 11-го августа свалился с неба к Лаодитану один батальон (из Айцзяпуцзы—посмотрите на карте и увидите, что действительно с неба!). Вверенному мне отряду также не было отдано категорическое приказание драться упорно, но мы проявили столько упорства, что заставили противника показать дивизию с артиллерией, заставили его обнаружить направление своего удара на Тасигоу, т. е. в тыл правого фланга Ляндясанской позиции, дали время командующему армией подтянуть резервы из Ляояна (всю 35-ю пехотную дивизию), из за 20 слишком верст; словом дали возможность и ему, и командиру корпуса, удержать Ляндясанскую позицию, т. е. победить; кроме того мы подняли дух войск, чем удесятерили их силы; мы, правда, ушли от Тунсинпу 12-го августа, но ушли победителями, с сознанием исполнения своего долга. Разве все эти стратегические и тактические фактические результаты не окупают сравнительно ничтожные потери, понесенные отрядом в боях 11 и 12 августа—мене 20 % состава.

Все-таки японцы захватили одним махом командующие высоты левого берега долины Ломогоу: высоту 161, перевал и сопки южнее,[28] т. е. одержали первый тактический успех. Спускаться всегда легче, чем подниматься: лучше, виднее местность перед собою,

[28] 25-го июля (смотр. стр. 253 и 254 1-й части) я донес генералу Иванову, что для удерживания, в случае наступления противника, этих высот необходимо увеличить состав отряда по крайней мере до одного батальона; но кроме того конечно было необходимо и хотя некоторое упорство других передовых отрядов.

меньше физическое напряжение; [310] поэтому является больший порыв вперед. И упоенные успехом, если еще не видевшие в тумане, то конечно знавшие об отступлении наших сторожевых частей, японцы безостановочно, по пятам спешно уходивших, как казалось им, русских, начали спускаться в котловину Тунсинпу. Но тут погода, благоприятствовавшая им до сих пор, сыграла плохую шутку; туман мгновенно рассеялся, и, вместо отступавших частей, перед ними оказались Князь Долгоруков и Капитан Томашевский со своими доблестными 3-ей сотней и 10-й ротой. Дружные залпы обеих частей с хорошего расстояния 1200—1000 и менее шагов озадачили противника: русские не ушли, не сдали, а встречают выдержанными залпами. Сильный перекрестный огонь на площади в 2 версты, полное спокойствие на позиции значительного фронта, не обозначенной ни окопами, ничем видимым, конечно произвели неожиданное впечатление на головные части японцев, шедшие открыто (некоторые спускались в колоннах); при такой неготовности к бою, результаты первых залпов отряда, хотя может быть и не слишком губительных, были сильнее самого смертельного огня при отражении штурма; противник от полной уверенности перешел к тяжелой неизвестности; нарвались—вот роковое сознание каждого офицера, каждого солдата, и, вместо смелого порыва вперед, явилось стремление назад. Мы видели, как колонны растаяли, как бежали и прыгали солдаты, прячась за складки местности; началась какая то дробная, несмелая трескотня; видимо стреляли не целясь, для собственного успокоения, чтобы что-нибудь делать, чем-нибудь успокоить свои нервы; то учащенный огонь в одном месте, то одиночные выстрелы в другом. «Шальные пули—ничего не стоят», сказал Васильковский, когда несколько прожужжало вблизи нас; а в ответ японцам все такие же спокойные, отчетливые залпы. Скоро я прекратил стрельбу 10-й роты, боясь тратить патроны ибо только в ту минуту сознал сделанное упущение. Мы не имели ни одной патронной двуколки, и я не позаботился, приспособив вьюки (а их было достаточно), потребовать из полка патроны; правда роты прибыли в [311] Тунсинпу только 5 дней тому назад, и сношения с полком были не так уж легки.

Я послал донесение г. Иванову, определяя силы японцев в 4-5 батальонов, так как перед нами было уже обнаружено не менее 8—10 рот, а за ними должны были быть и резервы; позднее я мог пересчитать и резервы; с тем уведомил и г. Грекова такими словами: «на меня вышло около 5 батальонов японцев, предполагаю удерживать позицию».

Кажется около 9 часов утра разгорелся бой на правом фланге: Князь Долгоруков, заметив наступление японцев от перевала, решил продвинуться вперед и, расположившись на отдельной сопке, уже занятой противником, во-первых лучше обстреливать во фланг наступающие части, а во-вторых вообще выиграть пространство на правом фланге позиции. Это смелое, можно сказать дерзкое, наступление, предпринятое им по собственной инициативе, было выполнено настолько решительно и умело, что в несколько минут он выбил огнем японцев укрывавшихся на сопке, и сперва полусотней, а потом и всеми людьми, открыл меткий огонь по передвигавшимся частям противника, чем принудил их к отступлению. Этому геройскому подвигу Князя Долгорукова мы конечно во многом обязаны успехом боя у Тунсинпу, во-первых, потому, что он окончательно ввел в заблуждение японцев относительно нашей числительности, ибо такое решительное наступление должно было показаться им основанным на сознании своих сил; они не знали, что за Долгоруковым шли какие-нибудь 50 винтовок Черноярова, а я никогда не успел бы дослать ему хотя один взвод стрелков; во-вторых, потому, что, не займи он этой сопки, японцы утвердились бы на ней, а тогда удерживание правого фланга нашей позиции оказалось бы совершенно невозможным; следовательно, Князь Долгоруков этим подвигом безусловно заслужил награждение Орденом Св. Георгия 4-й степени, к которому и был три раза представлен, но не награжден до сего времени. [312]

Со своей командующей высоты я видел, как эта горсть отважных самоотверженных людей, по воле настоящего героя, носившего в себе глубокое понимание искусства и техники ведения боя, бросилась вперед и достигла своей цели. На слишком громадном для ничтожного отряда поле сражения, представляемом котловиною Тунсинпу и видимом мне как на ладони, Читинцы Долгорукова, даже с поддержкою Верхнеудинцев Черноярова, представляли из себя такую крупинку[29], такую малость, висели в такой степени на воздухе, что мне

[29] Это слово вдруг вызвало в памяти давнюю беседу с А.Н. Куропаткиным. Он приезжал в столицу из Закаспийской области отдать отчет о своей командировке в Персию. Я воспользовался случаем поднести ему свои сочинения по вопросам о стратегической деятельности кавалерии. Был удостоен любезных слов, но между прочим услышал следующее поучение: «части вашей стратегической кавалерии, выдвинутой перед фронтом армий, представляются мне такими ничтожными крупинками на всем театре военных действий при нынешних массовых армиях; что могут они сделать?» Я не помню, что ответил тогда, но зато могу ответит теперь: «в Ляоянском бою мы видели, что могут сделать крупинки, вдохновленные начальниками, желающими победить во что бы то ни стало, и что случилось с массами руководимыми людьми другого направления; первые побеждали, а массы только терпели поражения и отступали». Цель моих

становилось жутко; один лихой порыв многочисленного противника, бешеный натиск желтых фанатиков, и я не досчитался бы рядов моих соратников, я лишился бы их всех, ибо не трудно было догадаться, что Долгоруков умеет наступать, а [313] обороняться будет до последней крайности, до потери последнего казака.

Конечно на правом фланге нашей позиции было легче всего проиграть дело; он был важнейшим; тем не менее я решил, что мне незачем быть там самому. Только оставаясь на своей командующей сопке, я мог видеть все поле сражения; мало того, с участка Долгорукова я, совсем не видя участка стрелков, не видел бы и местности окружавшей его фланг так далеко, как видел от себя. Руководить тактикой Долгорукова было не нужно, ибо этот человек не нуждался в руководстве; наоборот, следовало дать ему самостоятельность. Он понимал цель боя—не отдавать сколько возможно дольше ни шагу, боем разведывать противника; он знал, что если будет отдан правый вверенный ему участок, то падет вся оборона котловины Тунсинпу.

Большую пользу принесла в отношении обеспечения правого фланга бывшая застава № 1, где Верхнеудинцы, под начальством вахмистра (забыл его фамилию) или старшего урядника, замечательно настойчиво, верно и непрерывно вели разведку противника, останавливая его разведчиков и отдельные партии; я был постоянно ориентирован, а главное знал, что с юга не наступает сильная часть противника; один только раз был намек на появление батальона, но и то скоро опровергнутый. Удивляюсь японцам, почему они не предприняли обхода нашей позиции; но... всякому бывает свой черед, и, если бой у Тунсинпу составляет часть боя у Ляояна, то все-таки не имеет с последним ничего общего: здесь желание победить во что бы то ни стало было у нас сильнее, чем у японцев, и поэтому мы победили; к сожалению, они отыгрались на всей совокупности Ляоянских боев.

Я послал и подкрепление Князю Долгорукову. Согласно заблаговременно отданной генералом Ивановым инструкции, в случае

трудов по стратегической деятельности кавалерии состояла исключительно в желании дать армии орган, освещающий обстановку, ибо зрячий бьет слепого. Мы были в Маньчжурии все время слепы, наша армия пребывала в неведении обстановки, и поэтому имели только одни поражения. В данном случае, на Маньчжурском театре военных действий, вследствие особых условий местности, роль кавалерии, как органа стратегии высшей командной власти, умалялась, а в горах сводилась к нулю, но разве нельзя было применить иные способы разведки. По существу, идея, пропагандируемая мною в армии десятки лет, на курсах академии, в военных школах и училищах, публичных лекциях—сообщениях, остается верной: только, при условии организации действительной результатной разведки, можно иметь успех над противником.

боя вверенного мне отряда у Тунсинпу, генерал Греков обязан был поддержать нас двумя сотнями, и я ожидал их прибытия. С наблюдательного пункта мне была видна долина реки Сидахыа по направлению [314] к Лаодитану (на запад) верст на 6—7, и вот задолго до полудня было замечено движение частей-колонн от Лаодитана; я подумал сперва, что это именно высланное мне, согласно инструкции, подкрепление, но потом, по количеству движущихся частей, казалось, что идут целые конные полки, и я помню, что донес генералу Иванову так: «в тылу генерала Грекова заметно большое движение — точно он отступает». Во всяком случае утверждаю, что какие то части ушли от Лаодитана до или около полудня 11 августа. Время от 7 до 2 часов дня сливается в памяти, ибо я был занят наблюдением, руководством боя, который не прекращался все время, получением и отсылкой донесений. Восстановить точно по времени все происходившее невозможно, тем более, что я не имел книжек донесений; приходилось писать на обрывках китайской бумаги, без копий; все полученные мною документы были после боя сданы в штаб корпуса.

Наконец мне доложили, что к нам направляется долиною казачья сотня. Я рассмотрел ее в бинокль. Долго, вяло двигалась эта сотня, но наконец приползла к окраине Тунсинпу; явился командир 2-й сотни 2-го Верхнеудинского полка есаул Маркозов, хорошо мне знакомый по отряду Абадзиева (см. часть I, стр. 183). Я обрадовался прибытию сотни: «отлично, что вы прибыли на подкрепление; мне это нужно; пока благополучно, но противник сильнее нас, а где другая сотня подкрепления?» Ответ: «я прислан генералом Грековым для связи, и ничего не знаю о подкреплении вас; да у меня здесь собственно только полусотня». Я сказал весьма определенно и точно: «если вы присланы только для связи, то распоряжаться вами не могу, но нуждаюсь в каждой винтовке; угодно вам с нами сражаться, то принимаю вас под свое начальство, и в таком случае вот вам место. Смотрите (я показывал), есаул Долгоруков продвинулся вперед, на его место не стал Черноярoв, а идет правее; займите ту позицию, которую занимал раньше Князь и таким образом составите резерв. Если вы не хотите сражаться, а только желаете держать связь по поручению вашего начальства, [315] то станьте где вам угодно. Если вы согласитесь на первое, то вместе с тем ваше положение на правом фланге позиции ближе к Лаодитану, и вам легче держать связь, чем отсюда». Есаул Маркозов ответил: «я буду сражаться». Я добавил: «вы подчиняетесь Князю Долгорукову, который командует всеми казаками». Маркозов ушел и затем повел

сотню к назначенному месту. Когда он удалился, я сказал Васильковскому: «у этого офицера такое выражение лица, как будто он обижен и чем то недоволен». Впрочем я знал, что он был больше всего недоволен попасть под мое начальство.

Японцы все-таки не решились окончательно отказаться от наступления и до 2-х часов дня производили ряд попыток продвинуться вперед против расположения стрелков, но каждый раз вовремя открываемый огонь останавливал их импульс. Однако, пользуясь пересеченностью местности, они довольно удачно углубились в долину деревни Тагоу, несмотря на то, что ее обстреливала застава Ушакова и, казалось, какие-то еще части, расположившиеся на высотах южнее Тасинтунь. В виду этого я удлинил левый фланг частью 9-й роты и приказал фельдфебелю Серову с частью 10-й роты перейти в наступление по правому берегу долины Тагоу; последний исполнил это весьма быстро, удачно обстрелял сомкнутую часть японцев у группы фанз, заставил их отойти и занял выдающееся положение впереди левого фланга. Около того же времени Князь Долгоруков начал, опять по собственной инициативе, наступление вперед, но, так как я получил донесение о наступлении батальона противника с юга, от Шанматуна, то к 4-м часам прекратил наступление обоих своих флангов, ибо дальнейшее движение вперед к командующим высотам, занятым многочисленным противником, повело бы лишь к напрасным потерям; позиция и вся котловина Тунсинпу осталась за нами; мы были обоими флангами на полверсты — версту впереди того расположения, где начали бой; все сознавали победу; для воодушевления людей, [316] я приказал пропеть Боже Царя Храни и, обойдя стрелков, поздравил их с победой.

Позволяю себе называть противника многочисленным, ибо мы в этом убедились воочию, Смело говорю, что 11-го августа мне представился единственный случай видеть такую массу японцев. Действительно, около 2—3 часов дня, они увенчали все гребни занятых ими высот, полукругом от высоты 161, на юг, версты на 4; они стояли густо, плечом к плечу, совершенно открыто, обрисовываясь во весь рост; стояли долго и смотрели. Это была не сплошная линия, а с промежутками, и, принимая отдельные группы за роты, мы насчитали их не менее 15—20. Так стояли они продолжительное время— несколько минут, а может быть и десятков минут.

Что думали и переживали эти люди, что заставило их, таких умелых, знающих тактиков, всегда скрывающихся искусно за каждою складкою местности, вдруг предстать перед нами как бы для того, чтобы мы могли оценить их количество? Или любопытство

наших врагов, почувствовавших, что перед ними творится что то особенное, небывалое, заставило их пожелать взглянуть на виновников этого события? Знали ли они, что перед ними горсть людей, что 400 винтовок занимают по фронту 2 версты и не имеют никакого резерва? Впрочем боем этого и следующего дня они доказали, что не знали этого. Можно лишь догадываться; но знаю наверное, что эти, сравнительно с нашими силами целые массы японцев не смели и не дерзали против нас—крупинок; они окапывались, ждали свою артиллерию, может быть решили, что у Тунсинпу сосредоточено много сил, что мы нарочно не открываем сами стрельбу артиллерией; это их дело; только история японской армии может открыть истину, а пока остается лишь исторический факт, что наступление 5 батальонов японцев было остановлено на 24 часа 2-мя слабого состава ротами и 2-мя сотнями русских войск.

Не назову фамилии того, кто сказал следующее: «смотрите, японцы любуются нами; они думают, что перед ними не русские войска, а что наняли немцев». Грустная, [317] обидная фраза, но это так было; это правда, и ею мы обязаны исключительно и только печальному командованию нами.

В 4 часа пополудни бой прекратился совершенно; не раздавалось ни одного выстрела; отовсюду, от ближайших по расположению частей корпуса ко мне скакали ординарцы, частью с сообщениями, а частью просто по-видимому посмотреть, убедиться, что отряд ведет бой и не отступает... Ведь к такой тактике вообще не привыкли. Надо было воспользоваться перерывом, чтобы накормить людей; в этом отношении оказали большое содействие жители Тунсинпу, которые тотчас же согласились резать своих чушек, варить и доставлять на позицию стрелкам. Я никак не ожидал, что наш успех произведет столь приятное впечатление на китайцев. Переводчик, нанятый из местных же жителей, сообщил, о довольстве последних, что мы победили ибенов и не пустили их в Тунсинпу, и что у противника большие потери. Пришли два китайских старосты и поздравили нас с победой. Я велел переводчику передать им, чтобы жители спокойно сидели в деревне, так как я ни за что не пущу сюда японцев и намерен прогнать их совсем. Бедные китайцы послушались и жестоко поплатились, к несчастию, за это на следующее же утро.

В 3-м часу дня я получил сообщение из штаба корпуса о движении левее вверенного мне отряда всего 10-го стрелкового полка и одновременно приглашение командира полка наступать на противника. Я ответил, что в настоящее время хочу дать людям отдых; со-

действовать его наступлению буду демонстративно, так как передо мною фронт противника,[30] а атаку следует направить в его правый фланг. [318]

В 6-м часу обозначилось наступление 10-го полка, завязавшего перестрелку; направление было взято отлично: от Тасинтунь на высоту 161, т. е. в охват правого фланга противника. Я тотчас объяснил командирам рот, что, хотя главную атаку поведет 10 полк, но мы во всяком случае должны энергично наступать, дабы во-первых отвлечь на себя внимание противника, а во-вторых и попытаться сбить его с высот южнее 161; в особенности желательно захватить перевал и заглянуть по ту сторону его, в долину Сяматун. Не помню, послал ли я приказание Долгорукову также наступать, или он тот- час двинулся по собственной инициативе. Кажется просто был подан на трубе сигнал «наступление». Так как местность на первой половине нашего сближения с противником была довольно открыта, то наступление стрелков велось возможно широким фронтом, тремя участками: правый—3 взвода 10-й роты, цепью без поддержки, средний — взвод той же роты, под начальством фельдфебеля Серова, несколько впереди уступом, и за ним застава № 3 Ушакова, которая постепенно выходила несколько левее и на линию Серова. За 10-й ротой, в расстоянии не ближе 600 шагов, Кантаров вел свои 3 взвода 9-й роты. Думаю, что фронт наступления был не менее $2^1/_2$ верст, а если считать спешенных казаков Долгорукова (только его сотня Читинцев; остальные казаки не наступали), то около 3-х верст. Сперва японцы молчали, но затем открыли редкий, весьма рассеянный огонь, настолько плохо его направляя, что мы не имели ни одного раненого даже на первых 600—800 шагах движения, когда вероятно можно было пересчитать каждого стрелка. Правда, что Томашевский прошел это расстояние чрезвычайно быстро, а затем начал пользоваться укрытиями, которых встретилось конечно в изобилии, т. к. шли по сопкам. Дальнейшее [319] движение было задержано, ибо пришлось подготовлять атаку передовых частей противника; но охват Серова с одной стороны и Долгорукова с другой заставил их отойти; кажется они сосредоточили все внимание

[30] Безусловно недоволен своим ответом и до сих пор не понимаю, почему я в ту минуту говорил о демонстрации, об отдыхе. Полагаю, что это произошло вследствие неопытности. Я вел бой первый раз. Так как это напряжение уже продолжалось с 6 часов утра, и бой затих, то настоящее дело казалось на сегодня конченным. Ведь вообще до Ляоянского сражения никто не предполагал, что можно вести бой не одни-двое суток, а чуть ли не целые недели непрерывно. Наши последующие действия покажут, что, как только обозначился бой 10-го полка, мы перешли в самое решительное наступление; через $^1/_2$ часа-час я уже сообщил командиру 10-го полка, что наступаю.

на взводе Серова; тот, хотя и весьма осторожно, но все-таки быстро подавался вперед. Уже наступали сумерки. 10-й стрелковый полк вел перестрелку, как нам казалось не ближе 800—1000 шагов от противника, занимавшего командующую высоту 161; в бинокль иногда можно было видеть шевеление японцев; наш левый фланг сближался с правым 10-го полка; между ними кажется еще наступал один батальон 6-й дивизии, который, как я знал из сообщений штаба корпуса, или командира 10-го полка, должен был быть отозван. Я послал сообщить командиру 10-го полка, что подведу в сумерках обе роты возможно ближе к позиции противника, который убрал все свои передовые части на главный гребень, а в 9 часов полагаю, одновременно с атакой его батальонов, штурмовать позиции противника. Мы подошли на расстояние не далее 500 шагов и залегли в густом кустарнике; я обошел людей, объяснил им предстоящую задачу—ночной атаки противника—и без 5 минут 9 отдал приказание, начав подъем по крутым склонам высот, лезть безостановочно до встречи с врагом, т. е. до удара в штыки, когда ко мне явились два охотника и передали от имени командира 10-го полка, что генерал Иванов приказал прекратить наступление, в виду слишком значительного количества сил японцев, которых считали с дивизию. Первый посланный был из охотничьей команды не 10-го полка (какой части не помню); несмотря на то, что он передавал поручение весьма толково и твердо, я не поверил ему, во-первых потому что такое важное приказание корпусного командира надо было передать письменно, или с офицером; во-вторых, я полагал, что происходила путаница, т. е. приказано было отходить именно тому батальону 6-й дивизии (но не 10 полка), к составу которого принадлежал передававший приказание охотник, и об отозвании которого сказано выше. Но вслед [320] за первым гонцом явился немедленно охотник 10-го полка и передал то же самое, добавив, что полк уже отходит на позицию. Наступление 10-го полка вообще велось очень вяло; насколько я мог судить раньше, пока было светло, и я не присоединился еще к своей цепи, наблюдая с более возвышенных пунктов, мы были ближе к позиции противника, чем передовые части полка. Я поверил второму гонцу и конечно не без огорчения отдал приказание всем частям отходить на нашу позицию у Тунсинпу.

Таким образом закончился бой 11-го августа, т. е. все-таки отступлением. Генерал Иванов на следующий день спросил у меня: «как вы находите, правильно ли я поступил, отменив вашу атаку на японцев». Я ответил так: «если Ваше Превосходительство предпо-

лагаете, что у японцев была уже дивизия, то нас было слишком мало», но я должен признаться, что ответ был дан на основании быстро промелькнувшей у меня мысли: сейчас не время волновать начальство, ибо во всяком случае дело уже непоправимо; кроме того я знал, что к рассвету 12-го числа действительно было не менее дивизии японцев, так как только что покончил свое с нею состязание. Но нисколько не желая брать свои слова назад, я все-таки позволяю себе сказать, что конечно можно было бы действовать 11-го августа совершенно иначе.

Бой начался в 7 часов утра; сразу обозначилось наступление 5 батальонов японцев; полагаю, что мое донесение о наступлении противника, было получено задолго до полудня; поэтому можно было немедленно двинуть подкрепления (пехоту и батареи), как в мое непосредственное распоряжение, так и левее, куда и был выслан 10-й полк. Противник не имел артиллерии, уже потерпел неудачу, и вероятно главные силы его дивизии могли подойти лишь поздно вечером, а может быть и с рассветом (он не рассчитывал на серьезный бой 11-го августа); поэтому, если бы наступление началось хотя бы около полудня и велось энергично, то можно было бы опрокинуть противника на долину Ломогоу, самим утвердиться на высоте [321] 161 и южнее; тогда 12-го августа противник не овладел бы котловиной Тунсинпу; ему пришлось бы атаковать выдвинувшиеся вперед наши части, что было бы очень нелегко, так как они занимали бы сильные позиции, или производить дальний обход. Конечно нужно предположить, что у Лаодитана отряд Грекова также оказывал бы сопротивление противнику, по крайней мере хотя бы настолько, чтобы разведать его, а не ушел бы без выстрела. Во всяком случае, как увидим ниже, японцы атаковали нас не со стороны Лаодитана, а только в котловине Тунсинпу, и Греков ушел без выстрела; следовательно, 12-го можно было бы вести борьбу за обладание левым берегом долины Ломогоу. И это вовсе не академическое предположение[31]: ведь на самом деле, посылая наступать 10-й

[31] Вот что говорит Швейцарский военный агент полковник Ф. Герч:

«В штабе гвардии (11 и 12 августа) считали, что если бы противник вздумал атаковать превосходными силами отделенную от остальных войск гвардию, то это предприятие имело много данных на успех, и потому ожидали перехода русских в наступление. Для усиления левого фланга туда был послан 2-й кавалерийский полки». Герч заканчивает так: «в общем день (11-е августа) прошел спокойно», но он не был допущен наблюдать действия авангардов гвардии, так как его попридержали в д. Холунгоу, и следовательно он не видел их неудачи, о которой конечно докладывать ему японцы не считали нужным. Действительно, он пишет: «до полудня 11-го августа изредка раздавались выстрелы, а затем наступила полнейшая тишина (странно: а перестрелка 10-го В. С. полка в 5—6 часов дня), Узнать что либо о положении дела нам не удалось».

полк, ему приказали взят высоту 161, но приказать еще мало, а надо позаботиться, чтобы приказание было исполнено, для чего прежде всего следовало руководить боем у Тунсинпу. Конечно было бы совершенно правильно, если к полудню у Тунсинпу был бы сам командир корпуса; во всяком случае должен был приехать кто-нибудь из офицеров генерального штаба, состоявших в его распоряжении (их было трое, не считая причисленных), и обязательно тот начальник, участок главной позиции которого находился ближе всего к Тунсинпу; но никто из всех названных [322] лиц не побеспокоил себя и не поинтересовался происходившим боем, а, между тем, это было начало—завязка Генерального Сражения. На самом деле чувствовалась необходимость что то предпринять, развить сразу так легко доставшийся успех, но ограничились полумерой, послав наступать 3 батальона и дав им задачу, на исполнении которой никто не настаивал; результат таких мер никогда не может быть хорош, и если до 4-х часов дня отряд у Тунсинпу оказывался действительно победителем, сломив совершено энергию наступления противника, и подавшись вперед, то дальнейший период боя послужил только к поднятию духа противника: наступали, пытались атаковать, но не дошли и повернули назад, при чем мы—ничтожный отряд—все-таки хоть сохранили свои позиции, занятые к 2-м часам дня, а 10-й стрелковый полк, не задерживаясь, отмаршировал в резерв главной позиции. Наше наступление было совершенно бесцельно:

1) В моральном отношении по своему результату (отступление) выгодно только японцам.

2) В тактическом отношении никакой выгоды единственным войскам, оставшимся сражаться у Тунсинпу, т. е. вверенному мне отряду не принесло, а скорее ухудшило его положение, так как 10-й полк совершенно обнажил его левый фланг.

3) В разведывательном отношении наступление не выяснило сил и намерений противника более того, как это было сделано до 4-х часов дня; наоборот у меня явилось сомнение в решительных намерениях противника, на что указывала его пассивность против вверенного мне отряда, и может быть поэтому я упустил принятие каких либо мер для боя следующего дня. Откровенно говорю, что, ожидая все-таки на 12 августа серьезное дело, я не думал, что японцы начнут его такими значительными силами и так решительно.

4) Вообще это наступление имело характер легкого отношения к исполнению боевой задачи, характер какой то шутки, т. е. представляло образчик всей нашей системы ведения войны против

японцев: попробовать, попытаться [323] что-нибудь делать, а там— что Бог даст. Так давали бои под Тюренченом, Вафангоу, Дашичао, Янзелином, Тхавуаном; так дали Генеральное сражение под Ляояном. У кого то было намерение отобрать у противника высоту 161, но по крайней мере я лично не получал категорического, решительного указания на это, а между тем, если такая задача была поставлена моему соседу слева, то разве я не должен был способствовать ее выполнению, и в этом отношении не могу сделать себе упрека, ибо решил штурмовать позицию противника во что бы то ни стало; меня остановили в ту минуту, когда я уже отдал последнее приказание, и стрелки вели меня под руки на кручи занятые японцами.

Около полуночи отряд расположился на своей позиции. Левый участок — стрелки: севернее д. Тунсинпу в боевой части вся 10-я рота и уступом влево полурота 9-й; другая полурота последней в резерве, также на сопке. Правый участок—казаки: Читинцы впереди; правее уступом 2-я сотня Верхнеудинцев и за ними 5-я сотня.

Тяжелое впечатление возвращения после неоконченной задачи совершенно изгладилось, когда я прибыл в д. Тунсинпу, в ту же фанзу, где прожил предшествующие дни. Китайцы встретили нас с неподдельным восторгом, приветствиями и проявили небывалое радушие; тотчас начали готовить чай, предлагали еду. Вот что значит побеждать: сейчас эти люди готовы были для нас сделать все, что угодно, потому что считали нас сильнее японцев; между тем раньше, я помню, Князю Долгорукову приходилось настаивать на выдаче всяких припасов, несмотря на то, что он платил очень щедро. Китайцы сообщили мне, что японцы потеряли около 400 человек убитыми и ранеными и сидят смирно; особенно много трупов и раненых лежит близ д. Тагоу. Я обещал заплатить за каждого раненого по 5 рублей, если мне принесут их; обещали, но не исполнили. Для боя следующего дня было отдано только одно распоряжение: в случае наступления противника, отряд окажет упорное сопротивление. [324]

Согласно диспозиции г. Иванова (составленной Орановским), вверенному мне отряду было предписано, по окончании боя у Тунсинпу, т. е. на крайнем правом фланге Ляндясанской позиции, перейти на ее крайний левый (не помню теперь пункта)—в окрестностях Цегоу, где усилиться одной казачьей сотней и служить связью с войсками 10 корпуса. Задача довольно оригинальная, ибо отряду пришлось бы сделать огромный марш, так как проследовать кратчайшим путем по фронту главной позиции наших войск было вряд ли возможно. Что за надобность тащить такой ничтожный отряд, да

еще после упорного боя, с правого фланга на левый, с риском его опоздания? Не проще ли было ту же задачу возложить на войска левого боевого участка, или наконец выделить для этого часть из резерва; отряд попадал на новую, незнакомую местность, между тем как войска левого боевого участка уже были знакомы с нею. Впрочем я заранее знал, что задача была невыполнима; надо было просто выдержать бой, а затем, отходя, наводить противника на нашу главную позицию. Однако все-таки бессмысленное требование диспозиции заставило при отступлении взять направление на Чинертунь, вместо Сесигоу-Тасигоу; оказалось, что штаб отменил требование диспозиции, но так поздно, что я узнал о том лишь по прибытии 12 августа в Чинертунь.

Относительно ведения боя на правом участке, я условился с Князем Долгоруковым, что он не должен отходить ранее левого участка; в отношении выбора момента отступления я предоставил ему самостоятельность, так как мое приказание могло не дойти; вообще я всецело на него полагался, и Князь Долгоруков доказал, что я имел основание это делать.

В отношении связи с соседними войсками не могу припомнить почему, но был убежден, что 10-й стрелковый полк имеет ночлег на позиции левее нас, т. е. что оборона передовых позиций Тасинтунь — Тунсинпу на 12 августа не отменена; впрочем было ясно, что, раз нам не было приказано очищать свою позицию, то как же [325] могла быть очищена местность непосредственно левее ее. Что касается генерала Грекова, то мы были с ним в связи посредством его летучей почты, действовавшей до рассвета 12 августа. Я получил от него уведомление, что он выслал мне на поддержку одну роту, но приказал ей расположиться где то в 5 верстах от правого фланга моей позиции; на это ответил, что не считаю таким образом расположенную часть входящей в состав моего отряда, но, если его превосходительству угодно, то готов принять эту роту под свое начальство; видимо генерал Греков был озабочен выполнением номера вышеназванной инструкции (поддержать), чтобы сказать потом, что он меня поддерживал, в то время, как на самом деле и не думал этого делать.

Ночь прошла спокойно, но спать не пришлось; писал реляцию о бое, отдавал распоряжения по разведке и охранению и наконец ел; увидев у вестового вареную свинину, я вспомнил, что днем не пришлось хорошо поесть; начатый обед был прерван обозначившимся наступлением 10 полка. Казак дал огромный кусок, а на вопрос, не обидел, ли он самого себя, ответил: «у нас, еды на несколько дней;

китайцы наварили своих чушек столько, что мяса девать некуда.» К сожалению мы не расплатились с ними, так что угощение пришлось получить даром. Ночью поступили донесения, что японцы ставят батареи и маскируют их гаоляном.

ГЛАВА III.

Бой у д. Тунсинпу 12-го августа.

В 4-м часу утра была легкая перестрелка у Князя Долгорукова, остановившая попытку японцев продвинуться вперед с рассветом. Ровно в 5 часов утра я взобрался на свой наблюдательный пункт в затылок 10-й роте, на командующую сопку; в ту же минуту туда въехал верхом есаул Маркозов. Появление этой особы меня несказанно удивило, ибо я его не требовал, а в [326] такую серьезную минуту, когда вот-вот ожидалось начало боя, оставить сотню по собственной инициативе довольно странно.

«Что нужно?»—«Я приехал, чтобы узнать когда мы будем отступать». — «Вот что, но видите ли, есаул, сперва еще надо подраться, а потом уже думать об отступлении».— «Но ведь надо же и отступать, полковник?» — «Не беспокойтесь, вы подчинены Князю Долгорукову, а он знает, когда нужно и можно отступать; к нему и обращайтесь. Не забудьте передать, что приказание об отступлении может не дойти, ибо дело будет серьезное, а вот вы совершенно напрасно вылезли верхом на эту самую командующую сопку; сюда пули залетали и вчера, а сегодня вероятно будет почище;— поезжайте с Богом». Есаул повернул лошадь и молча удалился. Я конечно сдержал себя, да кроме того, не знаю почему, меня сопровождало в эти минуты особенное спокойствие, или вернее я заставлял себя быть таким; это было нужно, необходимо. А между тем поступок Маркозова был возмутителен: уехать с позиции без разрешения своего прямого начальника (Князя Долгорукова) к старшему начальнику для того, чтобы напомнить ему об отступлении! Это говорит само за себя, и называть чувство, заставившее этого человека так поступить, не стоит. Я не считал нужным и вразумлять его, ибо знал, что ни он, ни один казак не уйдут. Конечно, если бы Князь Долгоруков выбыл из строя... но об этом я не думал, ибо знал, что заместителя ему не было; судьба нам благоприятствовала и сохранила драгоценного офицера на все необходимое время критического положения, а через несколько минут оно действительно сделалось таким.

В $5^1/_4$ часов утра начался ружейный огонь противника, открытый сразу на протяжении более 3-х верст, что ясно обозначило бое-

вой порядок не менее бригады пехоты; на этот раз огонь был уверенный, массовый, стремившийся залить пулями всю котловину Тунсинпу. В $5^1/_2$ часов грянул первый артиллерийский выстрел, и шрапнель, сделав перелет, за позицией казаков дала высокий разрыв. [327] Это был первый виденный мною разрыв японского снаряда, и он врезался у меня в памяти. Затем последовало еще несколько перелетов в том же направлении, но, казалось мне, пристрелка была закончена, хотя и очень не скоро. Одновременно начали рваться шрапнели и шимозы над позицией стрелков, но к счастью давали все перелеты, или разрывались в глубоких лощинах между сопками занятыми моими молодцами. Сосредоточенный огонь многих батарей не прерывался ни на одну минуту и велся площадями; японцы искали наших резервов и потратили не мало снарядов; но резервов у нас не было: стрелки и казаки были в одну линию, а за нами на 5 верст пустота; сильно досталось д. Тунсинпу, жители которой, к сожалению, оставались спокойно в своих домах, вероятно надеясь, что мы снова удержимся на позиции.

Как и накануне, я больше всего опасался за правый фланг, считая левый обеспеченным, но скоро получилось донесение, что японцы обходят нас слева; кроме того, Васильковский, рассматривая местность на левом фланге, утверждал, что видно наступление противника; я послал его на левый фланг, но еще до его возвращения, по направлению огня, теперь уже бравшего высоту, на которой мы стояли накрест, понял, что левее нас не было никого, что 10-й полк ушел на главную позицию, или в резерв, не предупредив об этом.

Японцы распространялись весьма быстро в охват нашего левого фланга и в 6 часов развили силу огня до предела его напряжения. В виду сего я отвел сперва 9-ю роту, а затем и 10-ю на 2-ю позицию. Во время этого маневра я лег на гребне и смотрел через него; ружейные пули в буквальном смысле слова пахали гребень. по обеим сторонам; так пролежал я 8 минут, отсчитывая время по хронографу; затем стал на гребне и в бинокль долго любовался фигурою Князя Долгорукова, стоявшего в цепи своих спешенных казаков; сопка, которую они занимали, имела вид редута, неправильного четырех-угольника; они могли занять только $1^1/_2$ фаса, загибая несколько фланг назад; люди лежали, а [328] командир стоял в нескольких шагах сзади, на дне редута, немного сгорбившись и все время поднимая правую руку; фигура выражала замечательное хладнокровие. Мне хотелось послать ему приказание отступать, потому что, как казалось, его позицию осыпали шрапнелью, но я ждал еще некоторое время.

Вообще через полчаса после начала боя, убедившись, что на передовой позиции нет никого кроме нашего отряда, я отлично понимал, что борьба была слишком неравна, и следует уходить, но я знал также, что быстрое отступление опаснее, чем отход с боем; повидимому противник считал нас гораздо сильнее и обратился к подготовке своего наступления огнем; следовательно можно было выиграть некоторое время, Многие осуждают меня за то, что я обрек на расстрел казаков, но в горах кавалерия не может действовать иначе; как пешим боем, а раз их нельзя заменить пехотой, то они должны драться совершенно так же, как последняя, если только бой необходим; а что он был необходим— это доказывают последующие события:

1) мы заставили противника развернуться, а главное поставить свои батареи не против главной позиции 3-го Сибирского Корпуса, а против нас, т. е. этим выиграли целых два дня боя; противник мог вступить в артиллерийское состязание только на следующий день 13-го августа. А так как большая часть артиллерии В. отряда была к 11-му августа снята с Ляндясанской позиции, отведена назад и поставлена вновь только к утру 12-го августа, то задержка боем у Тунсинпу дебуширование гвардейской (отборной) дивизии противника имеет колоссальное значение.

2) Боем 12-го августа был окончательно установлен охват правого фланга Ляндясанской позиции, и могли быть приняты меры для его парирования.

3) Геройская борьба горсти Русских войск с огромными силами японцев при условии даже отхода (но в полном порядке), имела огромное моральное значение для наших войск и вместе с тем конечно заставила противника действовать еще более осторожно и медленно; японцы утвердились в долине Сидахыа [329] к вечеру 12-го августа, но начали атаку нашего правого фланга только 13-го утром.

Принимая все это во внимание, не могу поставить себе в упрек, что в $2^1/_2$ сотнях казаков пострадали 3 офицера, человек 30 казаков и несколько десятков коней. Может быть кому-нибудь, приехавшему из С.-Петербурга в Забайкальское войско, для получения наград и отличий, не понравилась такая хорошая баня, как $2^1/_2$ часа боя у Тунсинпу 12-го августа, ибо у нас уже успели слишком привыкнуть к тактическому правилу не употреблять конные части в бою наравне с пехотой, да к опыту протекшего периода кампании, сводившемуся к отступлению, при появлении нескольких японцев; но до недовольства таких элементов мне нет никакого дела, и все их

попытки злословить на страницах печати конечно не произвели на меня впечатления.

В исходе 7-го часа я приказал пехоте занять последнюю позицию на гребне, составляющем берег долины Сидахыа, к северу от Тунсинпу. Было пора, ибо японцы значительно выиграли наш левый фланг и в то же время угрожали выйти в тыл казаков; Томашевский уже ставил прицел на 600 шагов. Я посоветовался с Васильковским, стоит ли посылать приказание Долгорукову отходить, ибо надеялся что он сумеет совершить выход из боя достаточно своевременно, но Васильковский настоял на немедленной посылке приказания; «ради обеспечения от нареканий,» сказал он. Я позвал казака Мамонтова, того самого, который сопровождал сотника Зиновьева (смт. стрн. 113 части I) и сказал ему: «получишь белый крест, скачи во весь дух к Князю и передай, что я приказал немедленно отступать, так как занимаю последнюю позицию и с нее отойду на Катасы и Чинертунь». Я не писал этого приказания, потому что каждая секунда была дорога, а казак был надежный; если бы он погиб по дороге, то и письменное приказание пропало бы. Мамонтов доскакал и передал приказание. Я знаю с каким удовольствием принимают многие приказание уходить из боя, и как спешат, ни минуты не задерживаясь, [330] приводить его в исполнение; в данном случае отступление было естественно, обусловливалось обстановкой: нельзя сражаться дольше известного времени один против 20—30, причем эти 20—30 представляют из себя врага одинаково доблестного, одинаково мужественного с нами; и это время уже наступило. Но истинно храбрый офицер не обрадовался приказу — «отступать», не бросился лихорадочно, поспешно его исполнять, а сказал:—«как же такое важное приказание не письменное, а устное, и можно ли уходить?» Князь был прав, тысячу раз прав; следовало черкнуть 2 слова: «отступайте, Дружинин», и я виноват перед ним. Не волнение, не поспешность ухода с позиции заставили меня не написать приказание, а только стремление не терять более ни одной секунды; я считал уже, что слишком. поздно отдаю приказание; кроме того я знал Мамонтова и думал, что в его словах Долгоруков сомневаться не будет. Но повторяю, я виноват.

Отступление казаков произведено под сильным огнем; в это время они и понесли наибольшие потери; подробности отступления 2-й сотни Верхнеудинского полка мне не известны, хотя ее деятельность больше всего рекламирована в Харбинской и даже Петербургской прессе; я слышал рассказы, что 12-го августа у Тунсинпу бежал полковник Дружинин, говорили (но меньше), что бежал и

Князь Долгоруков; о своем бегстве читал в Харбинском Вестнике и С.-Петербургских Биржевых Ведомостях; следовательно вся тяжесть боя выпала на долю этой сотни, и единственным героем этого дела оказывается есаул Маркозов. Но последней отступила 3-я сотня Читинского полка и последним Князь Долгоруков, под которым шимозой была разбита лошадь; обе другие сотни ушли раньше, причем 5-я сотня присоединилась ко мне в долине Сидахыа; от 3-ей сотни прибилось лишь несколько казаков, так как путь на север был отрезан, и Князь Долгоруков ушел кружным путем на Елюлинцзы; 2-я сотня направилась в отряд Грекова, где [331] и могла получить полный отдых от боя во все последующие дни.

Расположив на последней позиции 10-ю роту, причем особенное содействие оказал Васильковский, я обошел цепь (всю роту) по гребню. В это время артиллерийский огонь достиг особенной силы; мне приходилось потом выдерживать его несколько суток подряд (в Мукденских боях), но такой сосредоточенной стрельбы, как в эти минуты, я не видел: снаряды рвались одновременно над нами со всех сторон; в ушах стоял звон от разрывов и звуков полета, дополняемых жужжанием и свистом пуль. Ободряя людей я предупреждал, что, когда обойду 9-ю роту, то дам приказ отходить правым флангом. Между обеими ротами был трудно проходимый овраг; я спустился вниз, а затем начал подниматься к 9-й роте, но, обернувшись, увидел, что уже часть стрелков 10-й роты спускается с кручи в долину Сидахыа; добежать до роты было невозможно; я начал кричать, чтобы люди не уходили, но либо они не слыхали моего голоса, либо раз начатое движение назад уже не было возможности остановить, и постепенно вся рота спустилась в долину. 9-я рота стояла крепко на своей позиции; я бросился по кручи вниз, чтобы остановить и собрать 10-ю роту, на что потребовалось несколько минут времени; наконец я достиг долины, но так как большинство стрелков уже были здесь, то махнул рукой капитану Кантарову, что бы он также отступал Рота скатилась вниз по почти отвесным скалам. Мне подвели лошадь, ибо молодцы вестовые, обойдя долиною, следили за мною. В данную минуту мы были в безопасности—в мертвом пространстве крутого берега долины, но с каждою минутою можно было ожидать, что японцы увенчают гребни, и тогда конечно им легко было бы перестрелять нас; следовало возможно скорее отодвинуться к противоположному берегу; поэтому, не задерживаясь, на ходу собирая людей, отряд двинулся на левый берег реки, мимо д. Кофынцы; обширные поля гаоляна были нам отличной защитой, маскировавшей движения. [332] Японцы дали нам несколько

необходимых минут, и пули их засвистали над головами тогда, когда мы собрались к небольшому перевалу южнее Кофынцы; я остановил Кантарова, шедшего сзади своей роты, и уже приказывал ему занять ротою позицию, когда совсем близко раздался треск наших скорострелок; это наша артиллерия у дерв. Кофынцы открыла огонь по зарвавшейся вперед японской пехоте; батареи отчетливо, равномерно давали сперва выстрел за выстрелом, а затем быстро перешли на очереди. Мгновенно затих ружейный огонь противника, и мы могли продолжать движение. Этот орудийный огонь доставил мне огромное удовольствие не только потому, что благодаря ему отряд избавился от напрасных потерь, а потому что двухчасовой бой у Тунсинпу был так сказать санкционирован в отношении своей результатности: мы навели пехоту противника под наш артиллерийский огонь, на который ему отвечать было нечем, ибо его батареи оставались далеко сзади, празднуя вероятно свою победу над двумя ротами и двумя сотнями, но эта победа и была поражением японцев в день 12-го августа; мы в праве считать себя настоящими победителями.

Отряд не мог двигаться быстро, потому что мы несли несколько раненых, и между прочим, как мне сказали, смертельно раненого в живот 3-й Читинской сотни сотника Зеленкова: он сильно стонал и мучился; но доктор сообщил мне, что рана совсем не так опасна. Через две недели Зеленков поправился в Харбине, получил за рану орден на шею и был эвакуирован в Россию; думаю, что бой у Тунсинпу не сопряжен для него с дурными воспоминаниями.

По дороге явился хорунжий Секретев, без шапки, раненый в руку, на коне с прострелянной шеей; и всадник и лошадь были залиты кровью; не смотря на это, он имел самый веселый и бодрый вид; поэтому я только спросил его: «выскочил благополучно! можете скакать дальше?» Он ответил: «Конечно могу». Тогда я сказал: «Поезжайте как можно скорее в Чинертунь и доложите генералу [333] Иванову, что отряд благополучно выдержал упорный бой с противником и теперь отходит, во исполнение диспозиции, на Чинертунь, к левому флангу позиции; кстати расскажите о самом бое». Секретев в точности исполнил мое приказание.

Позднее я узнал, что Маркозов посылал его ко мне опять за разрешением отступать, что он нарвался у Тунсинпу на японцев, был обстрелян с близкого расстояния и счастливо ускакал, отделавшись для себя и коня легкими ранами. Для чего, зачем так усиленно желал напоминать мне об отступлении Маркозов, почему не обращался он к своему непосредственному начальнику? Это рисует

с известной стороны его психологическое состояние и вместе с тем характеризует служебную дисциплину.

Не доходя д. Кофынцы, я остановил отряд на довольно продолжительное время, чтобы проверить людей, их потери, и воспользовался случаем выяснить причину начала отступления правого фланга 10-й роты, которое все-таки было исполнено помимо моего приказания, Так как Томашевский не мог дать мне удовлетворительного объяснения, то я собрал роту и сделал ей строгий выговор, предупреждая что в будущем не оставлю безнаказанным ни одного человека, повернувшего спину противнику без приказания начальства. Я знаю, что Томашевский был очень обижен, знаю также, что во все дни боев его рота действовала безупречно доблестно; думая, что и в данном случае произошло лишь недоразумение[32], и ничего похожего на бегство не было; люди отошли в полном порядке и не производили совсем впечатления какого-нибудь расстройства; я был убежден, что по первому слову они готовы сейчас же идти в самый сильный огонь; но факт отхода [334] без приказания был налицо, и, принимая во внимание все что я говорил выше о деморализации нашей армии, я не пощадил героев, доблесть которых уже видел и должен был еще увидеть столько раз. Впечатление моих слов было сильное, ибо через 3 месяца, во время зимней стоянки на передовых постах, один из охотников 9-го полка чинил каны (китайская печь) в занимаемой мною фанзе; когда я спросил его какой он роты, он воскликнул: «вашей, ваше высокоблагородие, 9-й; помните, вы остались нами довольны, когда 10-я рота ушла; и задали же вы им тогда под сосенками». Действительно мы делали привал в сосновой, или вообще какой то роще.

Дальнейшее движение отряда от Кофынцы к Чинертунь шло безостановочно; мы проходили в тылу главной позиции, видели парки, лазареты; все войска встречали нас с особенным интересом; в нескольких местах нам кричали ура. При переправе в брод через речку я увидел несколько двуколок с патронами 9-го полка и воспользовался случаем пополнить запас своих стрелков; о, как пригодились эти патроны на следующий день.

Не могу сказать наверное, когда именно, т. е. под Тунсинпу, или уже на походе, я получил из штаба извещение, что на подкрепле-

[32] Совершенно случайно летом 1906 года, состоя на службе в крепости Владивосток, в гарнизоне которого состоит 9-й Восточно- Сибирский стрелковый полк, я узнал точно, кто именно был виновником преждевременного отхода правого фланга 10-й роты с последней позиции у д. Тунсинпу, и не преминул отдать его на суд непосредственного начальства, но, насколько мне известно, виновник остался ненаказанным.

ние отряду высланы 2 роты 9-го стрелкового полка, под начальством подполковника того же полка Князя Амилахори; во все время следования к Чинертунь я поджидал с минуты на минуту их прихода; во время пополнения патронов офицер 9-го полка сообщил что роты выступили в 7 часов утра и следуют к отряду, но я тщетно ждал их все 12-е, 13-е и даже 14-е августа. Почему не присоединился ко мне Князь Амилахори, составляет для меня вопрос до сих пор не разрешенный. При встрече летом 1905 г. в Харбине, когда он возвращался из России, куда был эвакуирован перед Мукденским боем по болезни, он сказал мне, что не присоединился потому, что получил на то приказание; 13-го августа он сражался рядом с вверенными мне войсками, а затем в 1904 и 1905 гг. долго оспаривал свое право на получение ордена Св. Георгия 4 ст. у получившего [335] таковой командира Зарайского полка полковника Мартынова.

Прибыв в Чинертунь, явился г. Иванову и тут только узнал, что вверенный мне отряд, во изменение существовавшей диспозиции, получил новое назначение, а именно: перейдя в д. Павшугоу, обеспечивать разведкою правый фланг корпуса (подробности задачи не помню, но это не имеет значения, так как, вместо разведки, пришлось вступить в бой с противником); в связи со мною, там же, должен был действовать и г. Греков. Я просил разрешение дать людям отдых и время для варки пищи и доложил о бое и потерях, которые выяснились так: по 8 человек убитых стрелков в каждой роте и 20—25 раненых, большею частью легко; половина их, если не гораздо больше, остались в строю. Относительно казаков я знал только, что в 5-й сотне Верхнеудинского полка потери незначительны; во 2-й сотне ранены: сильно есаул Маркозов в седалище и легко сотник Секретев; о Князе Долгорукове имелись сведения весьма неутешительные, а именно: коноводы были рассеяны шрапнелью, и сотня окружена японцами; поэтому я считал Князя погибшим и доложил так г. Иванову: «этот офицер. за оба дня выказал такую доблесть, такое мужество, искусство и инициативу, что безусловно заслужил Георгиевский Крест, и хотя в данную минуту я опасаюсь, что он погиб, но надо его удостоить этой награды, ибо ему отряд обязан по крайней мере наполовину своими успехами в боях». Командир корпуса отнесся очень сочувственно и принял меня вообще весьма ласково, приказал немедленно составить донесение о бое 11-го и 12-го августа в такой форме, чтобы оно могло быть послано на Высочайшее Имя. Я написал его в палатке начальника штаба; не знаю было ли оно послано командующему армией, но знаю, что Всеподданнейшее донесение от 13-го августа не обрисовывает картины

боя вверенного мне отряда, даже как бы указывает на то, что отряд ушел, без упорного сопротивления противнику. Вот оно:

«Ночь на 12-е августа прошла спокойно. Части 3-го корпуса [336] расположились на укрепленной позиции у Ляндясань, с правым флангом у Кофынцы; передовая позиция у селений Ляндясань и Кимисны была занята 5-ю ротами; с вечера 11-го августа японцы, оттеснив наши сторожевые посты, заняли высоты к юго-востоку от Ляндясань и приступили к возведению на них окопов и засек. В 5 час. 45 минут утра батарея противника открыла огонь по нашему правому флангу у Кофынцы; ей отвечала наша батарея; несмотря на значительную дальность, огонь нашей батареи был успешен; японские орудия замолчали, и было замечено, что прислуга их попряталась. С утра 12-го августа противник, силою до бригады пехоты с 4-мя батареями, двинулся вниз по долине Сидахыа на Тунсинпу и Тасинтунь и потеснил наши две роты отряда Дружинина, отошедшие к позиции; следовавшая долиною Сидахыа одна из передовых японских рот подверглась огню нашей батареи и, видимо понеся большие потери, поспешно отступила».

По этой редакции можно думать, что наступление противника велось долиною реки Сидахыа, между тем как именно вверенный мне отряд и боролся за участок местности (котловину Тунсинпу), отделявший долину Сидахыа от долины (вернее ее левого берега) Ломогоу; японцы могли проникнуть в первую не иначе, как взяв сперва Тунсинпу[33], что и было ими исполнено только к 8 часам

[33] Не даром они занимали эту деревню с музыкой, как говорили мне казаки; она досталась им дорогою ценою: потерею людей, а главное потерею времени, разрушением плана быстрого и легкого овладения Ляндясанской позицией; два дня потратили они на овладение котловиной Тунсинпу, и, овладев ею, оказались под огнем нашей артиллерии, без содействия своей, которую надо было еще передвинуть.

По данным Швейцарского военного агента полковника Ф. Герч, вся японская гвардия дебушировала от д. Холунгоу в направлении на Хоганзу и Тунсинпу, и ни один японский солдат не шел южнее—долиною р. Сидахыа; следовательно, совершенно непонятно перед каким противником отходил так поспешно от Лаодитана г. Греков. Ни одна часть армии Нодзу также не появилась в районе Тунсинпу—Тасигоу, а следовательно не наступала на Пахудзай—Лаодитан; может быть, двигаясь от Пахудзая на перевал Мяолин, японцы имели какой-нибудь боковой отряд, вошедший в соприкосновение с Грековым, но не более этого. Именно отступление Грекова и ввело в заблуждение штабы В. отряда и армии, предположившие наступление японцев к правому флангу Ляндясанской позиции долиною Сидахыа. Гамильтон констатирует установление связи японской гвардии с правым флангом армии Нодзу только 13-го августа. По свидетельству того же полковника Ф. Герч, 1-я гвардейская бригада г. Асада, выделенная Куроки из Фынхуанчена в г. Сюянь, присоединилась к своей дивизии в д. Кюдяпуза (6 верст южнее Тхавуана) 18 июля и проследовала к Тхавуану; ее путь от Сюяня (схема № 2, приложенная к сочинению Ф. Герча) шел через Мади и Тинтей, т. е. она миновала не только долину р. Сидахыа, но и долину Тхазелин—Ломогоу; последняя осталась к западу от ее пути следования.

[337] утра, по отступлении отряда в долину Сидахыа. Противник не шел этою долиною, ни от Лаодитина, ни даже от Пейлинцзы, ибо в таком случае он уже 12-го утром угрожал и даже охватил бы правый фланг Ляндясанской позиции, кончавшейся у Кофынцы. Может быть существуют донесения о таком наступлении противника из отряда Грекова, но я положительно утверждаю, что последний ушел с рассветом 12-го августа (а может быть и ранее) из Лаодитана без всякого напора противника, нисколько не заботясь о нашей участи, несмотря на то, что, находясь на пути севернее Лаодитана, мог даже наблюдать наш бой. В том же Всеподданнейшем донесении сказано:... «Конный отряд генерала Грекова от Лаодитана отошел к правому флангу нашей позиции...» По какой же причине? Чтобы не быть отрезанным от Ляндясанской позиции, но разве нельзя было развернуться на участке к западу от Тунсинпу, наконец у Тасигоу, поддерживая соприкосновение с противником, а не идти прямо (не «к», а «за») за позиции, в Чандяопу, где я имел счастье лицезреть его превосходительство во всеми вверенными ему войсками вечером 12-го августа. Я уже не говорю про то, что, имея приказ поддержать отряд полковника Дружинина, видя два дня его неравный бой с превосходными силами противника, ограничиться отбытием номера инструкции ($^1/_2$ сотни для связи и 1 рота в 5 верстах) и удалиться от боя, представляет из себя факт невыручки своих войск. Конечно отряд [338] генерала Грекова мог значительно помочь нами 11-го, и 12-го августа.

По свидетельству одного из командиров сотен отряда Грекова, дело происходило так: 11-го. августа была только стычка у охотничьей команды, находившейся в составе отряда, одной сотни и части сторожевого охранения, в окрестностях д. Айцзяпуцзы (не ближе 15 верст от д. Лаодитан) окончившаяся ничем; японцы наступления не обозначили. К вечеру сотня, занимавшая заставу у Пахудзай, была спешно потребована в Лаодитан, где отряд уже был в полной готовности к отступлению: все 3 казачьих полка и артиллерия стояли на огородах в резервном порядке. Так простояли всю ночь, опасаясь нападения противника. Утром, несмотря на то, что противник не появлялся, отряд поспешно выступил к северу и, через д.д. Елюлинцзы и Тасигоу, проследовал на Павшугоу, в Чандяопу. Во время перехода южнее Тасигоу, исполненного на рысях, для прикрытия со стороны Пейлинцзы и Тунсинпу была выслана одна сотня, которая видела в долине Сидахыа $^1/_2$—1 эскадрон японцев, по которым и открыла огонь. Японцы также спешились и стреляли. Затем сотня, составляя арьергард, также отступила.

Когда я прибыл в Штаб Корпуса, то произошло следующее: Начальник Штаба полковник Орановский спросил ординарца поручика фон-Ланг: что спрашивали по телефону от Генерал-Адъютанта Куропаткина?» Ответ: «поддержал ли генерал Греков полковника Дружинина?» «Что вы доложили?»—«я доложил, что не поддержал». Я почувствовал себя удовлетворенным; казалось, действия генерала, столь грустные для доблестных боевых частей, получат должное воздаяние, но... я скажу ниже, как продолжал относиться к этому военноначальнику командующий армией, выказавший это 15 августа, при нашем свидании.

Я был приглашен обедать и ел с особенным аппетитом, точно предчувствуя что затем не будет времени на еду несколько суток. При превосходном настроении и никогда еще в такой степени не переживаемом [339] подъеме духа, отчего все казалось симпатичным, меня поразила инертность многочисленного штаба. Бой (и какой бой!) уже начался, а не было проявлено никакого интереса; меня не расспрашивали не только о подробностях, но даже вообще об обстановке, как она мне казалась; а я мог дать в этом отношении весьма полезные указания; равным образом ни в чем и не ориентировали; я уехал совершенно не осведомленный о том, что предполагал корпус делать дальше, как действовать. Впрочем ведь никто в нашей армии никогда не знал, что будет завтра, ибо мы делали лишь то, что хотел противник, отказывались от всякой инициативы, послушно подставляли свою шею под его удары и старались, получив по этой шее, поскорее уходить от него; инициатива и энергия просыпались только тогда, когда нужно было подумать об отступлении; сейчас же этот первостепенный вопрос еще не поднимался. С позиций раздавались редкие артиллерийские выстрелы, как мне казалось, только с нашей стороны; кажется командир корпуса собирался куда то ехать. Живым контрастом со всей штабной кликой был сидевший тут же сотник Васильковский: он весь горел интересом к прошедшему и предстоящему бою и шумел на весь стол. Но я не мог; не сочувствовать этому храброму, энергичному юноше. Замечательно, что все ученые чины штаба были налицо: ни одного где-нибудь наблюдающего, исполняющего обязанности ока начальника; конечно сидеть в Чинертуни было приятнее— меньше беспокойства и меньше риска, а также не было вопроса об ответственности за выяснение обстановки. Говорю о генеральном штабе корпуса. Напротив меня сидел тактичнейший из офицеров, сам начальник штаба корпуса-бывшего Восточного отряда; я видел его при Засуличе и Графе Келлере; теперь по наследству он перешел к г. Ива-

нову и продолжал держать себя также корректно, т. е. молчать, не вмешиваться в какие либо соображения, одобрять всех и все, стараясь только и исключительно не быть. ответственным. Я никак не ожидал, что в эти дни он зарабатывал себе Георгиевский крест, ибо получил [340] его за бой на Ляндясанской позиции; этот знак блистал у него на груди, когда я встретил его в вагоне генерала Гродекова 3-го февраля 1906 года; на свое поздравление получил ответ: «я обязан этим генералу Иванову», а, спустя несколько минут, один капитан генерального штаба сказал мне: «а вы видели на Орановском свой Георгий—это за ваши бои 11 и 12 августа». О, герой Тюренчена, виновник 5000 напрасных жертв под Бенсиху! Таким ли можно присуждать высшую военную награду?

Отношение начальства и конечно штаба были ко мне не только ласковы, но даже предупредительны; готовы были исполнить все, что я просил; так, осталось в силе приказание усилить отряд двумя ротами Князя Амилахори, что было тем нужнее, что ряды стрелков поредели, а казаков оставалось не более одной сотни. Я попросил разрешение принять в отряд офицера 2-го Читинского полка, сотника Белогорского, для командования остатками 3-ей сотни. К сожалению, я не мог знать, что этим разрешением подписывался смертный приговор красивому, симпатичному юноше, которого мне суждено было видеть в первый и в последний раз. Дело в том, что, не доходя до Чинертунь, я встретил его едущим в свой полк, о месте нахождения которого он и спрашивал. Я сказал ему, что генерал Греков конечно уже давно покинул столь опасное место, как Лаодитан, и что у д. Тунсинпу проехать теперь нельзя, так как она занята противником; надо направиться кругом, много западнее; если же сотник желает, то я буду очень рад подчинить ему присоединившуюся к отряду часть 3-й сотни. Офицер с большою охотою согласился. И так, я пригласил его в отряд и санкционировал это разрешением корпусного командира, велевшего отдать соответствующее приказание. Направив Белогорского к казакам Черноярова, я больше его не видел, а на следующий день получил донесение, что он убит наповал. После этого случая никогда никого не приглашал к себе в отряд, а тому, кто просился, говорил: «устраивайтесь помимо меня, через начальство, заявляя, что я согласен». [341]

Из Чинертунь отряд перешел через Кофынцы и Чандяопу в Павшугоу; таким образом, вместо того, чтобы после двухдневного боя у Тунсинпу, отойти всего на 5—6 верст и стать на позиции севернее Тасигоу, для продолжения правого фланга Корпуса, нам пришлось, во исполнение диспозиции, сделать марш в 25 с лишком

верст и стать в 2-х верстах за своей позицией. Впрочем при нашем выступлении из Чинертунь, там все еще не сознавали, что противник уже действовал решительно.

В Чандяопу отряд делал небольшой привал; там стоял в полном составе отряд генерала Грекова и конечно бездействовал в полной мере. Офицеры Уссурийского казачьего полка сделали мне нечто в роде оваций, в чем принимал участие и их командир полковник Абадзиев, хотя держал себя как то странно.

Мы пришли в темноте в д. Павшугоу и кое как разместились; люди были столь утомлены, что даже никто не варил чаю. Перед рассветом пришло новое приказание командира корпуса: немедленно выдвинуться вперед и занять позицию на высотах севернее д. Тасигоу, для продолжения и обеспечения правого фланга Ляндясанской позиции; об этом додумались только поздно вечером 12-го? а японцы не дремали; поэтому отряд едва успел, прибыв вовремя на место, своим упорством искупить сделанные промахи.

Описав таким образом во всех подробностях исполнение отрядом выпавшей на его долю огромной задачи—начала-завязки Генерального Сражения при Ляояне, я возвращусь теперь к затронутому выше вопросу (стран. 295), по выяснению с научной точки зрения возможности, или вернее правильности, завязывать серьезные бои ничтожными по своим силам отрядами. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что от такого способа действий не только не следует отказаться, но даже можно рекомендовать его. Без передовых частей, выставляемых перед фронтом корпусов, нельзя обойтись, при чем эти части должны состоять не из одной кавалерии, а непременно [342] из пехоты и даже с артиллерией; они обязаны быть в некоторой степени устойчивы, т. е. не уходить без боя (как это сделал генерал Греков), а наоборот останавливать наступление противника и заставлять его развертываться (как это сделал в 7 часов утра 11-го и в 5 часов утра 12-го августа отряд у Тунсинпу); они могут и должны ввязываться в упорный бой, нести серьезные потери; им можно иногда предоставлять борьбу с много превосходными силами противника и даже продолжительное время. Конечно нельзя требовать от каких-нибудь 2-х рот и 2-х сотен, чтобы они заставили противника развернуть дивизию с артиллерией; однако мы видим, что в данном случае именно столь ничтожный отряд выполнил такую задачу, благодаря тому, что ввел в заблуждение авангарды японцев. Ведь в самом деле, что стоило противнику продолжать решительное наступление, хотя бы и без артиллерии, .только двумя батальонами, 11-го августа в 9—10 часов утра? Подкреплений отряду выслано не

было, и конечно он либо был бы вынужден к отступлению, либо был бы окружен; однако ничего подобного не случилось; упорство отряда сломило стремление противника и заставило его, выставив несколько батарей и развернув по наименьшей оценке бригаду, обнаружить свои намерения в отношении дальнейших действий по атаке позиции целого корпуса. Считать такой успех отряда частным случаем, объяснять его случайным же неискусством противника, нельзя. Если можно упрекать японцев, по опыту ведения ими настоящей кампании, в несовершенстве стратегии, то их тактика, именно в применении к условиям современного боя, не оставляет желать лучшего. Вот почему я позволяю себе сказать, что в данном случае мы обязаны не исключительно их промаху, а просто правильности и целесообразности действий небольшого передового отряда.

При современных условиях боя, рекогносцировка сил является делом весьма трудным; мы знаем, что весьма часто заглянуть за линию сторожевого охранения невозможно; поэтому, когда противники находятся даже в расстоянии [343] возможности каждую минуту начать бой, нельзя знать наверное на фронте в 10 или более верст, с какой точки и на какую они поведут наступление главными силами, а со стороны обороняющейся остается одно средство: упругостью — устойчивостью передовых частей определить сперва силы противника, что можно сделать только боем. Нынешнее вооружение и соответствующая ему тактика сильно возвышают силу сопротивления небольших частей—отрядов, делают их более самостоятельными, ибо верная оценка количества сил чрезвычайно затруднительна, и легко вводить в заблуждение. Мало того, когда бой бывает не позиционный, а встречный, то иногда передовая часть своим упорным сопротивлением даст возможность удержать за собой весьма важный тактический пункт, так как могут подоспеть подкрепления, а от владения одним—двумя такими пунктами может зависеть исход и генерального сражения[34].

Существует принцип новейшей тактики: действовать только массами и никогда отдельными небольшими организмами, так как вполне вероятные частные поражения последних приносят армии только вред. Я не оспариваю его, но требовать упорной разведки боем от передовых (и вообще обеспечивающих фланги) отрядов не значит обрекать их на частное поражение; они действуют в связи с

[34] В 3-й части своих воспоминаний о войне я укажу на положительный пример удержания в своих руках двух таких пунктов передовыми частями японцев, благодаря чему не удалось наше наступление под Бенсиху, а следовательно и вся задуманная Куропаткиным наступательная операция Шахэ-Бенсиху.

массою, в ее интересах, могут быть ею поддержаны, приняты на себя. Не иметь же их перед собой совсем, или иметь в огромном числе (так было всегда у нас), но разрешать им отступать при первом напоре противника, без боя, значит не разведывать противника и ввязываться в него на авось, в потемках. Мало того, такие отступления служат только и исключительно к деморализации армии, приучают войска показывать тыл противнику, уступать ему свои позиции; безусловно выгоднее [344] потерять истребленными (конечно не сдавшимися в плен) один, два, три отряда, чем сохранить все, при условии их легкого и стремительного отхода. Но конечно необходимо, чтобы все отряды действовали одинаково устойчиво—упруго, в общей связи, поддерживая друг друга. Когда же, как то было 11 и 12-го августа 1904 года, у Тунсинпу сражались, а от Эрдахэ и Лаодитана отступали без выстрела и даже не видя противника, то выходит нечто совершенно ненормальное: кто хочет—исполняет свой долг, кто не желает—уходит.

Из всего сказанного заключаем, что командир 3 Сибирского корпуса поступил правильно, предоставив небольшому отряду завязку боя за Ляндясанскую позицию, но конечно остается удивляться тому, что он разрешил другим отрядам, и при том значительно большей силы, в ней не участвовать, или во всяком случае оставил действия их начальников без последствий.

ГЛАВА IV.

Бой у д Тасигоу 13-го августа[35].

Результатом боя у д. Тунсинпу вверенного мне отряда 11 августа было предположение командующего армией о возможности обхода—охвата противником правого фланга Ляндясанской позиции, и в 6 час. 15 мин. пополудни он сделал следующее указание г. Иванову: «Завтра возможно, что противник будет обходить ваш правый фланг значительными силами; не признаете ли полезным, в виду передвижения вам резерва, незаметно для противника удлинить свой правый фланг версты на 2, даже при слабом занятии этого участка, и довольно прочно занять хотя бы спешенными казаками высоту 201 к югу от Павшугоу. Конно-горные батареи облегчат удлинение фланга. Эти меры послужат к задержанию обхода, дабы выиграть время [345] для подхода резервов». Г. Иванов однако или не исполнил этих преподанных ему довольно определенных указа-

[35] На приложенной схеме этого боя сделана ошибка: напечатано «левый» фланг, а надо читать «правый» фланг отряда г. Столица.

ний, или же его распоряжения почему то замедлились в своем исполнении. Может быть причиной нерешительности или медленности приведения в исполнение рациональных мер по прочному занятию новых позиций, для удлинения правого фланга Ляндясанской позиции, послужило указание того же Куропаткина, данное г. Иванову в тот же день 11-го августа, но только несколько раньше вышеприведенного, а именно: «начатое японцами движение может оказаться демонстрацией или разведкой; возможно осторожнее расходуйте ваши резервы».

Я полагаю, что противоречие между двумя указаниями, данными Куропаткиным почти одновременно, а также противоречие между донесениями и действиями передовых частей Восточного отряда заставили г. Иванова не спешить принятием мер к парированию решительного удара противника. Я говорю о противоречии между донесениями и действиями передовых частей потому, что из сделанных мною описаний того, как держали себя отряд Грекова и передовые войска в окрестностях Эрдахэ и Фынцзыай с одной стороны и отряд у Тунсинпу с другой, видно это противоречие: первые отходили без выстрела и запугивали, не выясняя обстановки, а второй, не уступая ни шагу и при первой возможности подавшись вперед, точно определив серьезные силы противника, продолжал отстаивать вверенный ему район. Я позволяю себе думать, что г. Иванов, в виду удачных действий отряда у Тунсинпу, решил, что, пока этот отряд еще стоит твердо на своем месте, нечего опасаться охвата фланга и ограничился лишь поддержкой его 2-мя ротами (которые однако не прибыли). Тем не менее из совокупности всех донесений за 11 августа, к вечеру этого дня, казалось бы, Иванов мог составить себе ясное представление о наступлении серьезных сил японцев на Тунсинпу, что доказывается приказанием переданным мне во время атаки позиции противника, «немедленно отойти, так как перед нами не менее дивизии», подтвержденным мне лично Ивановым [346] на следующий день. Следовательно было бы правильнее было бы правильнее со стороны командной власти Восточного отряда прежде всего приказать своевременно отряду у Тунсинпу отходить не на Чинертунь, а прямо на позицию севернее д. Тасигоу, а во-вторых исполнить указания Куропаткина немедленно, заблаговременно расположив войска на участке, где пришлось сражаться 13 августа вверенному мне отряду.

Незанятие же прочно высоты 201, указанной в инструкции Куропаткина, для меня совершенно непонятно, тем более, что с утра бездействовали в окрестностях Чандяопу 10 сотен г. Грекова. Во

всяком случае только 12 августа были сделаны следующие распоряжения по удлинения правого фланга позиции: отряд г.-м. Столица должен был удлинить фланг, пристроившись к отряду п. Лечицкого (24-й полк), в составе 2-х батальонов 12-го и 1-го батальона 9 полков. Вверенному мне отряду, вопреки установившемуся мнению, вовсе не было приказано продолжить фланг г. Столица и занять позицию на высотах к северу от Сесигоу, а только перейти в долину Павшугоу и обеспечивать в сторожевом и разведывательном смысле некоторый район местности, держа связь с отрядом Грекова. Приказание о занятии высот правее г. Столица было получено мною уже на рассвете 13-го августа в д. Павшугоу, поэтому я начал встречный бой с 4-мя батальонами бригады Асада, на половинном расстоянии между д.д. Тасигоу и Павшугоу. Утверждаю, что если бы в 5-7 часов утра 13 августа мы не успели бы остановить наступление этой крайней обходной части японцев, то к 8 часам утра оборона Ляндясанской позиции не могла бы существовать, и, вместо того критического положения, в котором очутилась японская гвардия уже в это время (а это подтверждает Гамильтон), в критическом положении очутилась бы вся Южная группа Русской Маньчжурской Армии. В эти минуты кризиса Ляндясанского боя, т. е от 5 до 9-10 утра 13 августа, уже расстрелянные в предшествовавшем бою войска вверенного мне отряда сражались одни, совершенно самостоятельно, без поддержки каких-либо других войск, [347] и потому им и только одним им принадлежит всецело честь отбития обхода— охвата правого фланга Ляндясанской позиции 13-го августа, а так как это оказалось возможным выполнить лишь вследствие геройских боев той же горсти стрелков и казаков в два предшествующие дня 11-го и 12-го августа под Тунсинпу, то не может быть и речи о каком то подвиге Зарайского полка, явившегося на поле сражения Павшугоу—Тасигоу только около полудня 13-го августа.

Кроме того бои передового отряда у Тунсинпу 11 и 12 августа позволили командующему армией значительно усилить Восточный отряд из своего армейского резерва (хотя эти войска значились в подчинении г. Бильдерлинга, но, по своему месту нахождения—под самым Ляояном, конечно составляли армейский резерв, что доказывает и направление их самим Куропаткиным), направив к д. Сяолинцзы 3 полка и 4 батареи 35 пехотной дивизии, а той же дивизии Зарайский полк, с батареей и 1 эскадроном Черниговских драгун, из Цофантунь на Вейдягоу и Кофынцы. Кроме того в отряд г. Столица была послана одна конно-горная батарея. Эти части, заключавшие в своем составе всего 16 бтл., 32 полв.,6 кн. грн. орд. и

2 эск., прибыли к Ляндясанской позиции: Нежинский и Болховский пех. полки с 3-мя батареями в 11 час. пополудни к д. Сяолинцзы 12 августа; Моршанский полк с 1 батареей—туда же в 4 часа пополудни 13 августа; конно-горная батарея на позицию г. Столица—с рассветом 13 августа; Зарайский полк свернул утром 13 августа с дороги на Кофынцы, не дойдя до нее на 5 верст, и вступил в бой южнее д. Павшугоу около 12 часов дня 13 августа; шедшая с ним батарея не пожелала следовать по пересеченной местности и была отправлена назад. Относительно этого факта, начальник 35-й пехотной дивизии отзывается так: «Полковник Мартынов не сумел использовать приданную ему батарею».

Г. Иванов передвинул Нежинский и Болховский пех. полки к $6^1/_2$ час. утра 13 августа к д. Кофынцы. По поводу этого распоряжения г. Бильдерлинг донес в 7 час. [348] утра 13 августа командующему армии следующее: «г. Иванов включил 1-ю бригаду 35-й дивизии в свой резерв у Кофынцы, и еще полк 35 дивизии. У Сяолинцзы остается лишь один полк с батареей. Признаю такое распоряжение неправильным. Только я, принимая общее командование на фронте, могу, в зависимости от обстановки и хода боя, располагать резервами. Бригада ночью пришла в Сяолинцзы и без отдыха пошла в Кофынцы. Тем не менее, чтобы не отменять раз отданное приказание, я это распоряжение утвердил. В 7 часов утра еду из Ляояна в Сяолинцзы». Это донесение показывает полную анархию существовавшую в управлении войсками. Командующий армией сам распоряжался резервами начальника Восточной Группы и по-видимому посылал их просто г. Иванову, почему тот конечно и воспользовался возможностью обеспечить ими свой наиболее опасный фланг. Г. Бильдерлинг, зная, что уже второй день происходят серьезные бои в окрестностях Ляндясань, продолжает благодушествовать в Ляояне и только в 7 часов утра 13 августа находит возможным побеспокоить себя прибытием в пункт, находившийся в 12 верстах от места боя.

К концу боя 13 августа из всех подкреплений присланных Куропаткиным генералу Иванову приняли участие в бою только 3 батальона Зарайского полка, конно-горная батарея и 14 рот Болховского полка, потому что, благодаря стойкости войск В. отряда, противник разбился о них, и уже с 10 часов утра критическое положение правого фланга Ляндясанской позиции не существовало.

Одновременно с получением новой задачи, к вверенному мне отряду прибыли на подкрепление $1^1/_2$ сотни Уссурийских казаков: 3-я есаула Желтухина и полусотня 1-й под начальством поручика

Бровченко. Должен сказать, что это ничтожное по силам подкрепление было велико по качеству: во-первых оба офицера были выдающимися по способностям, храбрости, знанию и энергии; во-вторых казаки Уссурийского полка, а в особенности первых трех сотен, представляют из себя отличный боевой материал, что мне было известно по совместной службе в отряде Абадзиева. [349]

Выслав еще до рассвета всех казаков под начальством Желтухина[36] (составлявших менее 3-х сотен), я приказал ему наступать долиною Павшугоу до встречи с противником и широко разведывать вправо и влево; следом за ними повел обе роты. Около 5 часов утра Желтухин донес мне, что обнаружено наступление 4-х батальонов японцев. Кажется в своем донесении я нарочно убавил силы противника до половины. В этом же или следующем донесении казаков было сказано, что они уже ведут перестрелку. Тогда я поскакал к ним полным ходом и скоро в лощине, отходящей от главной долины к востоку, нашел коноводов сотен отряда и еще двух (или трех) сотен подполковника Маркова, из отряда г. Грекова. Я стал подниматься на южный гребень верхом, но так как очень скоро начали свистать пули, то, не желая терять единственного бывшего при отряде моего коня, слез и, вместе с Васильковским, быстро вбежал наверх. Пересчитать наступающих японцев, хорошо применявшихся к местности, было невозможно, но, по силе ружейного огня (сильная трескотня и осыпание пулями гребня), я убедился, что если и нет еще развернувшихся 4-х батальонов, то во всяком случае противник ведет серьезное наступление. Ориентировавшись на поле предстоявшего сражения и определив именно на этом кряже позицию для стрелков, я послал приказание ротам следовать возможно скорее(они пошли бегом) и спустился вниз. Здесь, подойдя к коноводам, я встретил Маркова и хотел условиться с ним относительно совместных действий, но положительно не мог добиться от него чего либо: он все время двигался верхом взад и вперед и был чем то очень озабочен; думаю, что он [350] хотел вывести из под огня коноводов, так как мертвое пространство, их прикрывавшее, было слишком недостаточно. Вдруг он исчез. Мне жаль, что мы больше не виделись, так как если бы условились, то вероятно я передал бы ему своих казаков и расположил бы все 5—6 сотен на западном бе-

[36] Я уже знал, что Князь Долгоруков в высшей степени счастливо и искусно вышел из самого критического положения, при своем выходе из боя 12-го августа, и скоро присоединится к отряду; до его прибытия, а затем опять через небольшой промежуток времени когда Князь был сильно ранен и принужден выбыть из строя, казаками отряда 13-го и 14-го августа командовал есаул Желтухин.

регу долины Павшугоу — Тасигоу. Роты подошли тотчас, и я повел их на позицию, где расположил в цепи обе. Кажется только правофланговая 10-я рота имела небольшой резерв, В это время Васильковский выбрал командующую сопку в затылок 10-й роте, на которую мы и поднялись, как на удобнейший пункт наблюдения. Все это произошло около 6 часов утра. Обе роты тотчас открыли частый огонь, так как противник производил перебежки, стараясь распространиться по берегу главной долины, представлявшему из себя кряж; примыкавший к правому флангу нашей позиции; японцы остановились и открыли сильнейший огонь. Правее пункта наблюдения находилась также командовавшая над правым флангом позиции несколько уступом от него сопка. Я приказал сотне Черноярова расположиться на ней и наблюдать за противником; в случае его малейшего поползновения продвинуться вперед открывать огонь. Полусотню поручика Бровченко я направил на правый (западный) берег долины Павшугоу — Тасигоу, в виду того, что если противник уже занимал левый (восточный) берег долины, то он естественно должен был стремиться охватить нас, как по самой долине, так и по ее правому (западному) берегу; в резерве осталось около $1^1/_2$ сотен казаков. Подполковник Марков со своими казаками исчез в то время, когда я располагал стрелков на позиции.

В реляции о своих действиях, представленной Марковым при рапорте с требованием себе награждения Орденом Св. Георгия 4-й степени за подвиг, оказанный им именно в описываемые минуты боя, он говорит так (приблизительно): «я лично расположил такую то роту отряда полковника Дружинина на позиции, а затем передал командование этому последнему, как старшему.» Совершенно [351] опровергаю такое искажение фактов и данных, ибо никто, кроме меня и помимо меня, не отдавал приказаний вверенным мне ротам, которые стали на позицию непосредственно мною избранную и мною им указанную. Никакого командования мне передавать Марков не мог, потому что я с ним ни о чем ни в какое соглашение не вступал и, повторяю, его почти не видел, кроме тех кратких 1—2 минут, когда он суетился около коноводов, внизу, в долине, а не наверху, на позиции; наконец, что мог он мне передать? роты прибыли ко мне и стали на новой позиции, где казаков не было; может быть он считает, что командовал несколько минут моими казаками до моего прибытия, но из них одна сотня стала на позицию опять по моему указанию, полу-сотня получила задачу от меня, а резерв также находился в моем подчинении; вообще же, во все время моих распоряжений, я не видел ни Маркова, ни одного его казака; он

буквально исчез со своим отрядом. Если бы он остался, то конечно, считая его опытным боевым офицером, я воспользовался бы им и его отрядом, ибо понимал серьезность положения не только по отношению ко вверенным мне войскам, но и ко всей обороне Ляндясанской позиции[37].

Отлично помню, что в приказании командира корпуса о занятии вверенным мне отрядом высот севернее д. Тасигоу было добавлено, что отряд г. Грекова должен расположиться правее нас; следовательно, когда мы стали на левом берегу долины Тасигоу-Павшугоу, у самой долины, и позднее оказались в непосредственной связи (в этот день без перерыва—плечом к плечу фланговые стрелки отрядов) с отрядом генерала Столица, то естественно генерал Греков должен был расположиться [352] правее нас на западном берегу долины Павшугоу-Тасигоу; однако он, я констатирую это, приказание не исполнил, так как, кроме казаков подполковника Маркова, исчезнувших с моего горизонта (а он был довольно обширен), я не видел ни одного человека из отряда генерала Грекова на западном берегу (кажется ходили по долине какие то разъезды), т. е. следовательно позиция правее нас занята не была. Сам генерал Иванов в своем представлении к награждению меня Георгием 4-й степени за бои 11—14 августа пишет: «.. Дела этих (предшествующих 13-му августа) двух дней, в особенности же 12-го августа (бои отряда полковника Дружинина у Тунсинпу) обнаружили настойчивое стремление японцев продвинуться к западу, т. е. действовать против крайнего правого фланга Восточного Отряда, или же в обход этого фланга. Это последнее облегчалось большим промежутком (свыше 25 верст) между сим флангом и левым флангом соседнего 2-го Сибирского Корпуса. Выигрыш времени, достигнутый этими делами полковника Дружинина, дал возможность усилить правый фланг Восточного отряда, частью из его резерва, а частью из города Ляояна Зарайским полком с пешею батареей и одною конно-горною батареею. Первый подошел в самый разгар боя 13 августа, а последняя на рассвете того же дня. В ночь с 12-го на 13-е августа полковник Дружинин с его отрядом, усиленным $1^1/_2$ сотнями, получил приказание, расположившись по левую (восточную) сторону долины Павшугоу-Тасигоу, поддерживать связь правого фланга

[37] Все эти соображения написаны мною в 1906-м году, а 5 марта 1908 г., на сообщении генерала Мартынова в собрании армии и флота: «Участие Зарайцев в бою при Ляндясань», а равно, прочитав страницу 12-ю соответствующей брошюры того же автора, я понял в чем было дело. Марков счел за лишнее продолжать бой и немедленно отступил со своими частями к Грекову, который не пожелал так же сражаться в этот день, как и в оба предыдущие.

главной позиции Восточного Отряда с отрядом Генерал-Лейтенанта Митрофана Грекова (2 батальона, 9 сотен и 4 орудия), который, с целью обеспечения правого фланга от обхода, должен был с ночи прочно занять командующие высоты правого берега той же долины и наблюдать за долиною реки Сидахыа к югу, что однако в действительности было выполнено лишь около полудня 13 августа, когда генералом Грековым на западный берег долины Тасигоу-Павшугоу был выдвинут отряд войскового старшины [353] Висчинского, в составе 1-й роты и 2-х сотен. Таким образом обеспечение правого фланга Восточного Отряда с ночи до полудня 13-го августа легло на отряд полковника Дружинина».

Спрашивается, на каком основании и вследствие каких обстоятельств генерал Греков осмелился не исполнит приказание генерала Иванова; от исполнения этого приказания зависела участь обороны всей главной позиции Восточного отряда. Высылка к полудню ничтожного отряда войскового старшины Висчинского не есть исполнение приказа; это только очистка служебного номера, вроде того, как генерал Греков выполнил приказание поддерживать отряд у Тунсинпу назначением для связи с ним полусотни Маркозова и расположением одной роты в расстоянии 5 верст от отряда. Не считаю возможным, чтобы столь важное приказание не дошло до г. Грекова, ибо во-первых я получил его своевременно, находясь (в Павшугоу) на 3—4 версты (до Чандяопу—штаба Грекова) дальше от штаба Восточного отряда; во-вторых оно шло через штаб Грекова, ибо из его же отряда, и надеюсь с его ведома, я получил подкрепление—$1^1/_2$ сотни Уссурийцев. Невольно задаешь себе вопрос: почему этот генерал не побоялся не исполнить приказ вести вверенные ему части в бой и тем поставить в критическое положение целый корпус русских войск. Ведь если бы отряд полковника Дружинина был сбит японцами, в продолжение периода времени от 6 до 11 часов утра 13-го августа, то оборона Ляндясанской позиции, продолжавшаяся до полудня 14 августа, пала бы тогда же, и последствием могло быть не только более раннее ($1^1/_2$ сутки) отступление Восточного фронта Маньчжурской армии, а катастрофа на этом фронте, ибо противник прорвался бы в тыл 3-му Сибирскому Корпусу. Но у нас в армии тогда все сходило безнаказанно, и вероятно останется безнаказанным навсегда. Я обращаюсь все-таки к Суду Истории.

Итак мы в 6 часов утра 13 августа опять, как и накануне, были одни и снова вступили в неравный [354] бой с врагом, и снова Бог благословил нас. Обещанное подкрепление 2-мя ротами 9-го стрел-

кового полка, под начальством князя Амилахори, не прибывало. Прежде всего пришлось подумать о снабжении патронами, и я поручил это дело есаулу Желтухину, которому удалось достать (кажется при любезном содействии генерал-майора Столица) 2 двуколки, но конечно это случилось не скоро, а между тем пришлось не жалеть патронов, так как только сильным огнем можно было удерживать наступление противника.

С своей стороны японцы подобно тому, как и в предшествующие дни, обратились к подготовке своей атаки огнем; но они повторили ту же ошибку, как и в день боя 11 августа у Тунсинпу: у них не было артиллерии, а ружейный огонь, несмотря на всю энергию и роскошь (японцы обливали наш участок пулями), не достигал цели, ибо мы дрались на сопках. Конечно, находись мы в равнине, то физически не удержали бы позиции, ибо полегли бы на ней все; а здесь разили только те пули, которые попадали в головы стрелков на самом гребне; конечно все пространство сзади нас до невысокого перевала было смертельно, и каждый раз, что приходилось посылать кого-нибудь с приказанием или донесением, я ожидал его ранения, или смерти, что и случилось. Но счастье благоприятствовало, и потери были сравнительно невелики. Наша неравная борьба с противником была выиграна главным образом благодаря умелому ведению огня обоими ротными командирами; они не тратили патронов зря, а, постоянно наблюдая за противником, не позволяли ему шевелиться, хотя все-таки японцам удалось выиграть несколько пространства против нашего правого фланга; но тогда они получили двухярусный огонь 10-й роты и сотни Черноярова, так что и здесь им пришлось остановиться. Вероятно к этому времени относится мое донесение в штаб В. отряда: «мои 2 роты отбили 2 батальона японцев, которые отошли и стали обходить меня справа». Отсутствие войск Грекова увеличивало серьезность положения, ибо если бы противник повел серьезное наступление [355] по правому берегу долины Тасигоу-Павшугоу, то конечно мог бы взять нас во фланг, но японцы медлили; и огонь постепенно к 10 часам утра ослабел. Однако комплекта патронов стрелков, даже пополненных патронами казаков из резерва, не хватило, и у некоторых людей оставалось по одному, по два, даже ни одного, Пришлось бы принять атаку в штыки без выстрела; поэтому я постепенно отвел 10-ю роту на сопку, с которой управлял боем, а 9-ю роту на сопку левее; эта позиция была совершенно недоступна с фронта (почти вертикальные скаты к югу), а фланг ее обеспечивался сотней Черноярова. Меня могут упрекнуть, что я допустил расстрел патронов, но во-первых бой

продолжался 3 слишком часа, во-вторых впечатлением силы огня только и можно было удерживать противника, который в конце концов и отказался от атаки в штыки; в-третьих я ожидал прибытия подкрепления в две роты; в-четвертых я послал за патронами. Как раз, когда стрелки закончили маневр, на перевал прибыла двуколка. При помощи отрядного адъютанта, патроны были разобраны и разосланы в несколько минут; полурота 10-й роты осталась на прежней позиции; бой совершенно затих. Вероятно противник отказался от форсирования нашей позиции, а сведений о появлении его на правом берегу долины еще не поступало.

Вероятно к этому времени относится мое донесение в штаб Восточного отряда: «по-видимому неприятель предпринимает какой то маневр, так как прекратил ружейный огонь; мне кажется что его 3—4 батальона залегли, отойдя немного от моей позиции; пробую перейти в наступление сам». А затем вероятно вскоре я доносил: «В наступление не перешел, потому что опять был усиленный огневой удар противника, который отбит сильным же огнем. Теперь японцы двигаются постепенно западнее долины Тасигоу—Павшугоу; сколько сил—определить не могу, но уверен, что там или сегодня, или завтра будут их батареи».

У меня не сохранилось копий моих донесений, потому [356] что не было полевых книжек, да кроме того, я, каждые 2—3 недели военных действий, сдавал все документы в штаб Восточного отряда (3-го Сибирского корпуса). Приведенные здесь 3 донесения почерпнуты из книжки Мартынова: «Участие Зарайцев в бою при Ляньдясань», изданной весною 1908 г., но вероятно в ней, к сожалению, помещены не все мои донесения, потому что, согласно его личного мне свидетельства (в г. Харбине в августе 1905 г.), мои подлинные донесения были им разысканы не в штабе 3-го Сибирского корпуса, а в руках войскового старшины Висчинского, тогда, когда эти донесения понадобились и этому участнику боя 13-го августа и самому Мартынову (занимавшему тогда должность начальника штаба 3-го Сибирского корпуса), для составления совместного описания своих действий в день боя 13-го августа, имевшего целью: для Мартынова—оправдаться от нападок на него князя Амилахори, а для Висчинского — получить Георгиевский крест. Вероятно Мартынова могли интересовать только те из моих донесений, которые он находил подходящими для себя, в смысле создания такой обстановки боя 13-го августа, которая, умаляя значение действий вверенного мне отряда, в то же время способствовала бы увеличению заслуг Зарайского полка и следовательно его командира. Сопо-

ставляя мои два донесения, помеченные в книге Мартынова—одно в 10 часов утра, когда я доносил, что предполагаю перейти в наступление, и другое в $11^1/_2$ часов дня, в котором сказано, что в таковое не перешел, Мартынов хочет показать, что до самой минуты вступления в бой Зарайского полка продолжалось критическое положение правого фланга Ляндясанской позиции, и что следовательно вверенному мне отряду не удалось остановить его охват японцами. Но я утверждаю, что кризис боя миновал в 10 часов утра, а во всяком случае к 12 часам дня, когда Зарайцы выпускали свои первые пули, и мои оба донесения именно это доказывают: первое говорит о возможности наступать, а второе только указывает временную задержку (обстановка в серьезном бою меняется не только ежечасно, но ежеминутно), [357] а вовсе не на отказ от наступления, которое вверенный мне отряд и предпринял до прихода Зарайцев. Мне было крайне приятно прочитать в книге Мартынова, спустя почти 4 года после сражения, мои донесения, ибо я увидел, что они только подтверждают точность сделанных мною описаний боя 13-го августа (все напечатанное в настоящем труде было мною написано в начале 1906 года, т. е. когда память уже могла не сохранить некоторые подробности), а, главное, рельефно обрисовывают стойкость и мужество войск вверенного мне отряда. Во всех трех донесениях прежде всего бросается в глаза их спокойный и уверенный тон; нет и тени опасений за исход боя, и нет и намека на желание получить подкрепления (хотя даже обещанные не приходили). Фраза третьего донесения: «Японцы двигаются западнее Тасигоу—Павшугоу; там сегодня или завтра будет их артиллерия», показывает, что на этот день, в данную минуту, я считал дело выигранным, и понятно почему: две доблестные железные роты отбивали уверенно все попытки противника на восточном берегу долины; западный берег наблюдал Бровченко и не доносил об опасности, а этому офицеру я верил, как самому себе; в резерве были $1^1/_2$ сотни под начальством Долгорукова и Желтухина, под начальством которых эта крупинка стоила больше чем масса; а, главное, у противника не было артиллерии, и следовательно, по опыту нравственных сил вверенного мне отряда за два предшествующих дня, я знал, что батальоны японцев нам не страшны. Но я не считал японцев плохим противником и должен был ожидать, что они догадаются ввести в дело артиллерию, и следовательно тогда обстановка должна была измениться к худшему, о чем и предупреждал, но опять таки не запугивая начальство, давая даже срок до завтрашнего дня. Повторяю, что, прочитав свои донесения впервые через почти 4 года, я испытывал чувство, какое ис-

пытывает человек, когда может сказать себе, что он вполне успешно выдержал выпавшее на его долю испытание. И действительно, ведь вверенный мне отряд с 7-ми часов [358] утра 11-го августа и до 10 часов утра 13-го парировал решительные удары противника на правый фланг Ляндясанской позиции Восточного отряда, а вернее всей Южной Группы Маньчжурской Армии; уже по неоднократным натискам японцев на нас—горсть или крупинку всей массы—командная власть испытывала много тревог и опасений: командующий армией (Куропаткин), командир корпуса (Иванов) и начальник фланга (Кашталинский), сидевший за нашею спиною начальник довольно значительного отряда (Греков)—все просили, требовали, получали и посылали резервы и подкрепления, а мы, стоя на страже, бессменно, непрерывно, отражая удар за ударом, ни разу не попросили о подкреплении, а, как ни были слабы и ничтожны своим числом, исполняли свой долг и ни мгновения не опасались, не сомневались и не только не преувеличивали опасность, а скорее в своих донесениях ее умаляли. Теперь, когда пишу эти строки, я хочу чтобы они были для Вас победным гимном, мои дорогие, доблестные соратники: Князь Долгоруков, Кантаров, Томашевский, Желтухин, Черноярoв, Васильковский, Бровченко, Зеленков, Ребиндер, Секретев, Ушаков, Самохвалов, Быков, павшие на поле брани Белогорский, Серов и другие, до последнего стрелка и казака, имен которых к сожалению я не знаю и никогда не узнаю.

Когда я раздавал патроны ко мне подъехал войсковой старшина Висчинский с сотником Эксэ и заявил, что он командует частями, высланными из отряда генерала Грекова; это было не ранее $10^1/_2$ часов утра. Я отлично помню свое заявление, что совершенно не понимаю, зачем он находится здесь, если не прислан в мое распоряжение, так как моя позиция упирается правым флангом в долину Тасигоу-Павшугоу, а потому не только ему, как составляющему часть отряда Грекова, но всему отряду последнего давно пора занять высоты правого западного берега долины, так как противник может охватит нас с этой стороны. Оба офицера скоро ушли и явился какой то капитан генерального штаба, заявивший что прислан из главной квартиры (точно не помню от [359] кого, а также и фамилию офицера) ознакомиться с положением дела и очень рад, что встретил именно меня. Я указал ему на два пункта, удобных для наблюдения: позиция конно-горных орудий левее нас, на участке генерала Столица, и мой наблюдательный пункт; первый был конечно выгоднее, как более командующий и центральный; мои казаки могли провести его туда; второй также имел большой

кругозор. Капитан отправился ко мне, где сидел с полуротою Томашевский; как раз его передовая цепь открыла редкий огонь. Капитан спросил меня: «по ком стреляют ваши люди?»—«По японцам» —«Но я не вижу противника».—«Вы хотите увидать японцев— это трудно, ибо они отлично применяются к местности, а вот вы сейчас их услышите».—«Что это значит?»— «Значит, что начнут свистать пули». Капитан сказал, что ориентировался в обстановке, побыл минуты две и уехал. Противник снова начал перестрелку. Я приказал Кантарову со своей ротой продвигаться вперед до первоначальной позиции, а если возможно дальше, и хотел двинуть резерв Томашевского, когда увидел, что к нам поднимается Князь Долгоруков. Мы расцеловались; я сказал ему, что докладывал командиру корпуса о представлении его к Георгиевскому кресту. Князь сообщил весьма утешительные сведения о состоянии его сотни. Он получил в полку людей и привел с собой до 60 винтовок. Не задерживая его более, я отдал ему такое приказание: «сейчас перехожу в наступление; вот идет вперед Кантаров; принимайте начальство над резервом—казаками и наступайте вслед за ними; можете сперва спешенными частями занять сопку, с которой спускается Кантаров; но вообще вам указывать нечего; вы знаете что нужно делать». Кажется именно в это время я заметил, что в долине и по обеим ее берегам развертываются Зарайцы; около $11^1/_2$ часов их передовые части (цепи) выровнялись с нашими. Полк вел все время бешеный огонь и, по моему мнению, совершенно зря. Вообще наблюдая бой пехоты правее и левее вверенного мне отряда в этот и последующие дни, я пришел к заключению, что у нас слишком не берегут патроны. [360] Я приказал Томашевскому вести вперед свой резерв и хотел идти с ним, но должно быть вследствие утомления (я не спал уже трое суток, считая с 10 августа), а может быть и легкого солнечного удара (было невыносимо душно перед ливнем) мне сделалось дурно. Казаки, не смотря на сильный обстрел нашего тыла учащенным огнем противника, сбегали вниз и принесли две коробки от патронов, наполненные грязной водой, которой облили мне голову. Васильковский помог спуститься с высоты, но стоять на ногах я не мог и, лежа, приветствовал стремившихся вперед стрелков 9 роты и Уссурийскую сотню. Васильковский поднял меня[38] и сказал: «мы внесем тебя на верх». Стрелки и

[38] Теперь, отдавая себе отчет в своем положении, как командира сражавшихся 11-14-го августа 1904 г. войск, я не могу не признать всей той трудности, с которою было сопряжено это командование, а в особенности во многие и многие серьезные минуты. Да, управлять в современном бою даже и такою маленькою горстью людей, та-

казаки бросились ко мне, схватили под руки и понесли. С правой стороны ущелья показались Зарайцы: я крикнул им «ура»; все устремились вперед на гребень, у подошвы которого лежало несколько убитых и раненых. Силы окончательно вернулись ко мне, так что я был в состоянии подниматься по крутостям без посторонней помощи. Став на следующем гребне я увидел такое положение дела: от этого слегка командующего над впереди лежащею местностью гребня прямо перед [361] нами шел довольно пологий скат в лощину; от левого и правого фланга гребня отходили два кряжа в перпендикулярном направлении, а впереди за лощиной небольшой параллельный кряжик, в расстоянии 600-700 шагов, на котором засели японцы и слегка окопались; отсюда они на выбор били, как моих стрелков, так и Зарайцев, наступавших вперемешку по обоим кряжам. Так как гребень, на котором я стоял, сильно обстреливался, то резерв, полурота 10-й роты, лежал за ним, а у самых моих ног лежал фельдфебель Серов; сзади нас по всему склону подтягивались поддержки Зарайцев; я крикнул Серову: «займи этот гребень (показал рукой) и выбей, как выбил третьего дня японцев из Тагоу.» Серов вскочил, за ним вся полурота и, как один, покатились под гору, а через минуту уже лезли на окоп. Японцы отступили и стрелки залегли на гребне. Кажется мы потеряли тут человек 5 убитыми наповал. Теперь наступление облегчилось, и боевой порядок вверенного мне отряда с Зарайским полком пошел быстро вперед; мои роты не стреляли, а соседи справа и слева продолжали бешеную пальбу. Я оставался еще на гребне, когда получил печальное донесение: «сотник Белогорский убит наповал и одновременно серьезно ранен в грудь навылет Князь Долгоруков, и доносил сотник Ребиндер, вступивший в командование 3-ей сотней. Я удивляюсь, как мало впечатления произвело на меня тогда это известие, а между тем оно было более чем горестно: всё-таки убит по странной случайности офицер лично мною приглашенный в бой, а гибель Долгорукова (можно было думать что его жизнь в опасно-

кою крупинкою, какую представлял из себя вверенный мне передовой отряд, нелегко. Поэтому я с особенною благодарностью вспоминаю действительную помощь, оказанную мне. в деле управления и командования в бою отрядом, исправлявшим обязанности отрядного адъютанта сотником Карлом Карловичем Васильковским. Этот бешено храбрый офицер имел столько врожденной способности к полевой службе всякого рода, обладал таким верным взглядом в оценке местности и всей боевой обстановки, что мне постоянно думалось; вот юноша, не окончивший академию, а между тем он исполняет обязанности офицера генерального штаба так, как дай Бог это сделать самому премированному ученику академии. Искренно, сердечно благодарю доблестного товарища за незаменимую помощь, за его самоотверженную, до истощения своих физических сил, работу на поле брани.

сти) составляла такую огромную потерю для всей нашей армии[39]. Но в решительную минуту боя нельзя сожалеть о жертвах, ибо они необходимы; без них нельзя воевать. Характерный разговор произошел у меня с одним унтер-офицером Зарайского полка; [362] люди его роты, поднявшись на гребень, залегли за ним, а так как я все время стоял открыто, то унтер офицер обратился ко мне с вопросом: «ваше высокоблагородие, неужто вы их совсем не боитесь?» Я ответил ему: «конечно нет, ибо во-первых пули меня не трогают, а главное, что может быть лучше смерти на поле брани, ибо Господь сказал, что больше сего никто же имат, кто душу свою положит за други своя. Ведь ты и каждый из нас много грешил, и потому нам страшно умирать, а здесь тебе все простится, и ангелы понесут тебя в Царствие Божие».—«Верно ваше высокородие».—«А теперь братцы вперед на врага». И новая волна людей бросилась по тому же направлению смело и решительно вперед, и опять упало несколько человек, но думаю ничто не могло остановить наше воодушевление... Однако, точно злой рок преследовал нас в эту злосчастную кампанию. Неожиданно разразился такой ливень, что никакое наступление, никакой бой не стали возможны; положительно смывало людей с крутых скатов; мы только что страдали от жары, а теперь дрогли от холода; не осталось ни одного клочка не размокшей бумаги, так что писать донесения было не мыслимо. Бой затих совершенно, и только после, когда прояснилось, раздавались лишь одиночные выстрелы и совсем редкие залпы. Обе мои роты сообразовались с действиями Зарайского полка, но исполнили отход последними, так как мы пропустили мимо себя по крайней мере 8 рот полка, которые я поздравлял с победой; я сказал им, что «хорошо знаю их командира и провозгласил за него «ура». Один из батальонных командиров на вопрос, останутся ли Зарайцы на позиции, заявил, что «полк исполнил на сегодня свою задачу и теперь собирается к командиру полка, чтобы идти в свой корпус». Ни от кого никаких распоряжений не поступало. Принимая во внимание, что противник был отброшен на значительное расстояние, а люди отряда переутомлены, после 3-х дневного боя и 3-х бессонных ночей, а, оставаясь на позиции, были обречены мокнуть и дрогнуть, я решил в сумерках отвести отряд за позицию, в ближайшую [363] деревню, чтобы дать им хоть несколько часов отдохнуть, а главное обсушиться. Впереди же оставил $1^1/_2$ сотни Уссурийцев, поручив Желтухину охранение и соприкосновение с противником. Хотя люди не ели с 4

[39] За то, как я был счастлив встретить Князя у Ляоянского моста 20 августа и узнать, что он вступил в командование сотней и охраняет этот мост через реку Тайдзы.

часов пополудни вчерашнего дня, и удалось достать мяса для варки пищи (свиней), никто не ел, и выданные порции (варили на китайских очагах по фанзам) были съедены на следующий день утром уже на позиции. Серьезно опасаясь за переутомление частей отряда, в виду неприсоединения обещанных рот князя Амилахори, я донес об этом начальнику 3 стрелковой дивизии, которому мой отряд был подчинен генералом Ивановым. Должен заметить, что это подчинение стало мне известно лишь к вечеру, в конце боя, или даже по окончании его.

Я все время доносил непосредственно в Штаб Корпуса (или Восточного Отряда). Впоследствии, в сентябре месяце, генерального штаба капитан Ратель говорил мне, что в Штабе Корпуса совершенно не знали, что делал вверенный мне отряд 13-го августа; я не обратил внимания на эти слова, потому что тогда уже все отлично знали о том, что, только благодаря именно нашим действиям, японцам не удалось сбить правый фланг Ляндясанской позиции, а роль Зарайского полка является совершенно второстепенной, но еще позднее, уже при заключении мира, я узнал от генерала Мартынова, что мои подлинные донесения остались у войскового старшины Висчинского, который передал их ему, как важнейшие документы на пользу интересов Мартынова в его споре с Князем Амилахори; генерал любезно дал мне снять копию с одного из них[40], и не мог найти в своих бумагах другие. Интересно знать на каком основании, по какому [364] праву, Висчинский перехватывал мои донесения и не посылал их по назначению—командиру корпуса, или в корпусный штаб. А может быть он получил их из этого штаба впоследствии, но, насколько мне кажется, такие документы не дарятся штабами кому бы то ни было. Странно также, что г. Мартынов, состоя в должности именно начальника штаба 3-го Сибирского Корпуса и занимаясь расследованием боя 13-го августа, даже составлением какого-то официального документа: «описание совместных действий трех героев (Мартынова уже получившего Орден Св. Георгия, генерал майора Столицы и войскового старшины Висчинского, требовавших себе ту же награду) для отражения атаки японцев на правом фланге Восточного отряда в бою 13-го августа», не счел своим служебным долгом, взяв подаренные ему мои подлинные донесе-

[40] 13-го августа. Место боя у Тасигоу. «В 1-м часу дня весь правый фланг: Зарайский полк, кажется часть 12-го полка и вверенный мне отряд перешли в наступление, которое продолжается и сейчас. Несмотря на упорное сопротивление, я надеюсь, что противник будет опрокинут в долину Тасигоу. Артиллерия ни с нашей, ни с неприятельской стороны не действует, исключая нашей конно-горной батареи, которая дает иногда несколько выстрелов.» Полковник Д—н.

ния, потребовать от Висчинского объяснения, каким образом они попали ему в руки; ведь это есть прямое упущение по службе, которое однако он настолько не сознавал, что сам говорил мне: «надо выяснить, почему Висчинский перехватывал эти донесения.»

На основании слов капитана Рателя, отличающегося точностью и аккуратностью, заключаю, что мои донесения попали в руки Висчинскому именно во время боя 13 августа, и поэтому установлен факт их перехватывания. Но этот факт дает повод сделать еще один небольшой вывод. Названный офицер совершил выдающийся подвиг, за который не был удостоен соответствующей награды; о подвиге его пока официально свидетельствуют своими подписями два генерала генерального штаба: Мартынов и Столица. Но где же находился герой во время совершения своего подвига?. В 11-м часу утра он был в тылу моей позиции у патронных двуколок, где я имел с ним вышеприведенный разговор; затем, когда началось и даже уже отчасти было выполнено наступление правого фланга войск сражавшихся на Ляндясанской позиции (мое донесение помечено 3 часа 10 минут дня), Висчинский занимался перехватыванием моих донесений, которые конечно направлялись мною только через тыл нашего боевого [365] порядка, т. е. на север, и ручаюсь, что ни один из казаков не повез бы донесение в боевые линии, а тем более на западный берег долины Павшугоу—Тасигоу, где, согласно официального описания подвигов трех героев, и заслужил свои лавры Висчинский. Итак он все время находился в тылу вверенного мне отряда, т. е. там же, откуда управлял боем своих 4-х батальонов полковник Мартынов, о месте нахождения которого мне докладывали Князь Долгоруков и сотник Ребиндер, составлявшие сперва наш резерв. Гибель Белогорского и ранение Князя Долгорукова 13-го августа потому особенно обидны, что произошли, хотя и при наступлении, но не в боевой линии, а в резерве—от залетевших пуль.

Во всяком случае перехватывание моих донесений Висчинским, или просто неполучение их в штабе корпуса сделали то, что генерал Иванов был введен в заблуждение относительно того, какие из войсковых его частей больше всего способствовали его победе над врагом в день 13-го августа, доказательством чему служит факт награждения, по его же представлению, Орденом Св. Георгия 4 степени только одного командира Зарайского пехотного полка, и несправедливость такой оценки подвигов 13-го августа частей войск и их начальников осталась до сих пор (я писал эти строки 14 марта 1906 года, а ныне уже вторая половина 1908 г.) неисправленною. Я

остановлюсь на этом факте подробно, но конечно не из личного чувства обиды, что у меня нет на груди Ордена Св. Георгия 4 степени, а исключительно для ограждения на будущее время подрыва авторитета и значения величайшей награды, присуждаемой в нашей армии за проявление самой высокой и при этом приносящей действительную пользу доблести—следовательно только ради интересов нашей Армии, которая столь нуждается ныне в усовершенствовании, оздоровлении, и в которой в последнюю войну именно присуждение наград составляет одно из больных мест. Доказательством моих слов служат факты, а именно: 1) за дело у Тасигоу 13-го августа [366] требовали себе награды Георгием 5 лиц, а именно: генерал-майор Столица, подполковник князь Амилахори, полковник Марков, войсковой старшина Висчинский и начальник охотничьей команды 12-го стрелкового полка, поручик Вадецкий; один полковник Дружинин не требовал себе такой награды; 2) только он же был удостоен генералом Ивановым представления к награждению Георгием, при чем первое представление было отклонено Генерал-Адъютантом Куропаткиным, а второе Генерал-Адъютантом Линевичем на том основании, что его отклоняет Генерал-Адъютант Куропаткин. Впоследствии оно отклонено и Георгиевской Думой летом 1907 г., так как я добился, чтобы представление г. Иванова было отдано на ее суд.

Это отклонение Кавалерской Георгиевской Думою, в составе которой находился и бывший во время боев 11—13 августа 1904 г. моим непосредственным начальником генерал-лейтенант (ныне генерал-от-артиллерии) Иванов, им же сделанного представления к награждению меня заслуженною доблестью вверенных мне войск наградой, результатом которого является непризнание подвигов этих войск и утверждение таковых за другою частью, и составляет главнейшую причину моего выхода в отставку весною 1908 года. Когда слухи о таком решении Георгиевской Думы дошли до меня, то я экстренно отправился из г. Уральска (где состоял Начальником Войскового Штаба Уральского Казачьего Войска) в г. С.-Петербург и 15 сентября собственными глазами в канцелярии Капитула Орденов удостоверился в печальном факте. Тогда, убедившись, что мне не удастся восстановить справедливость оценки заслуг вверенных мне войск, я не считал себя в праве продолжать службу в рядах армии и хотел немедленно подать в отставку, о чем лично докладывал исправлявшим должности военного министра и начальника генерального штаба и начальнику главного управления казачьих войск, но данный мне Высоким Авторитетом совет оставаться на своем посту

заставил меня сперва взять свое решение назад. [367] Тем не менее отклонение Георгиевской Думой награждения меня, вследствие которого я сопричислен к сонму офицеров, домогавшихся всяких наград и их не удостоенных, лишая меня необходимого авторитета, как начальника и подчиненного, заставило меня, при следующем неблагоприятном стечении служебных обстоятельств, привести свое решение в исполнение.

Обращаясь к дорогим моим соратникам по 4-х дневному доблестному георгиевскому бою у Тунсинпу и Тасигоу, я объявляю Вам, что покинул ряды армии, вследствие непризнания наших истинных боевых заслуг и при этом говорю Вам честно, что со своей стороны сделал решительно все возможное, для восстановления истины, но это не удалось не по моей вине.

Мне пришлось закончить боевые действия под Ляояном уже 16-го августа, вследствие расформирования вверенного мне отряда; я вынес в своей душе полное нравственное удовлетворение, основанное на сознании исполнения своего долга; тогда, гораздо меньше чем теперь, я отдавал себе отчет о важности и значении положительных результатов, достигнутых нашими боями у Тунсинпу и Тасигоу, но конечно не мечтал, не думал и не интересовался о том, что заслужил какую-нибудь награду; клянусь, что был далек от суетного тщеславия, тем более, что надо было напрягать все силы для дальнейшей борьбы с врагом отечества, и ей отдавать все свои помыслы. Только в средине сентября 1904 г., случайно за обедом в штабе 3-го Сибирского корпуса, я впервые услышал, что полковник Мартынов получил Георгия за бой у Тасигоу. Мне показалось это настолько неправдоподобным, что я позволил себе высказать предположение, что награда присуждена ему за другой бой. Однако через минуту понял, что против меня сидел генерал, подписывавший, а рядом его начальник штаба, составлявший представление к награждению Мартынова за бой у Тасигоу. Генерал Иванов сказал полковнику Орановскому: «знаете, нам надо в этом разобраться и выяснить»; а после обеда начальник штаба корпуса посоветовал [368] мне, в виду получения Мартыновым Георгия, потребовать себе такой же награды. Но заниматься во время разгара военных действий требованием себе каких бы то ни было наград недостойно офицера, желающего только честно исполнить свой долг. Кроме того, тогда я ничего не имел против того, что Мартынов, которого до войны считал выдающимся офицером, получил Георгиевский крест, тем более, что я сам видел его полк доблестно и победно сражающимся; то же обстоятельство, что забыли удостоить такой же награ-

ды и вверенные мне войска,—казалось в то время не важным, так как всегда можно было легко восстановить истину. И я не ошибся, ибо уже в декабре месяце, как только начали поступать требования на Георгия от участников боя у Тасигоу, генерал Иванов приказал мне донести о подробностях боя и представил меня к награждению, но только уже весною 1905 года; однако высшее начальство, в то время удалившее меня из Армии, конечно не могло согласиться пропустить такое представление: действительно, если бы вдруг Дума присудила мне Георгиевский крест, то в каком положении очутились бы Куропаткин, Сахаров, Харкевич и компания, сплавившие георгиевского кавалера, во время войны, в управление В. Китайской железной дороги...[41]. Теперь хорошо известно каким образом достался Георгий полковнику Мартынову. Генерал Иванов, корпус которого после Ляояна считался самым победоносным, ходатайствовал перед Генерал-Адъютантом Куропаткиным о награждении Георгием его начальника штаба полковника Орановского, но Куропаткин, отклонив это ходатайство, указал ему, что следует представить полковника Мартынова, как отличившегося в бою 13-го августа. Генерал Иванов немедленно исполнил [369] приказание, и уже в 20-х числах сентября Дума присудила эту награду. Причина почему Куропаткин повелел представить Мартынова—тоже известна: этот офицер, как командир части, входящей в состав 17-го корпуса, надоумил своего корпусного командира, а последний ходатайствовал перед командующим армией. Доказательством сего служит сохранившееся в делах штаба 3-го Сибирского корпуса письмо Мартынова к Орановскому приблизительно такого содержания: «Посылаю вам требуемое описание; оно составлено в стиле, в котором они обыкновенно составляются; в исторической комиссии мне пришлось прочесть много документов такого рода. Благодарен за товарищеское содействие. В случае, если бы представление к Георгию не прошло, не откажите доложить г. Иванову, что я желал бы быть произведенным в генералы». Это письмо было получено Орановским ранее, или одновременно, с получением приказа от г. Иванова заготовить представление к награде. Но была и еще причина особенного желания генерала Куропаткина поскорее украсить грудь героя наградою. Дело в том, что полковник Мартынов давно уже

[41] С апреля месяца 1905 года я состоял в распоряжении Управляющего Восточно-Китайской ж. д. генерал-майора Хорвата и даже получил предписание отправиться в Харбин еще 16 февраля 1905 г., но, будучи приглашен в свое распоряжение Г.-Л. Церпицким, я этого приказания не исполнил и в Мукденских боях командовал его войсками и был контужен.

был известен не только в армии, но и в обществе, как самый неумолимый критик войны 1877—1878 года, историю которой он разрабатывал с десяток лет в особой комиссии главного штаба; он первый дерзнул в публичных лекциях разоблачить такие неприглядные картины командования нашей армией на предгорьях Балкан, что можно только удивляться каким образом сохранил свои погоны, при существовавшем тогда режиме; впрочем его все-таки не допускали до кафедры академии генерального штаба. Хлесткое перо и красноречие представляли большое оружие и в те времена—с ним считались. Ну, а после Ляояна Куропаткин не мог не сознавать, что фонды его по командованию если еще не упали, то во всяком случае пошатнулись (заметим, что, к несчастию, они были столь сильно вздуты биржевою спекуляциею на сподвижника гениального Скобелева, что, пошатнувшись после поражения под Ляояном, неожиданно поправились до высоты главнокомандующего [370] за еще большее поражение под Шахэ-Бенсиху), не мог не предчувствовать, что рано или поздно на страницах военной истории, в прессе и в аудиториях будет говориться горькая правда.

Так вот, заранее привлечь на свою сторону, обласкать, так сказать, закупить такого оратора и публициста, как Мартынов, казалось не только выгодным, но даже необходимым... и предусмотрительный Алексей Николаевич конечно не упустил подходящего случая. На этот раз он ошибся и никак не ожидал, что, без меры награждая Мартынова после Ляояна и постоянно лаская его до самого отъезда с театра военных действий, посвящая в свои глубокие стратегические и тактические тайники, он своими ласками отогревал на груди змею, а откровенностью давал оружие одному из злейших критиков своих подвигов. Впрочем заблуждение Куропаткина в отношении Мартынова может быть до некоторой степени объяснено. Перу последнего принадлежит, не помню который том официального издания Русско-Турецкой войны, с изложением именно всех действий Куропаткина; во время издания последний занимал уже высокий пост военного министра. Комиссия представила предварительно свой труд на утверждение Его Высокопревосходительства, и составитель удостоился особенной благодарности. Там обрисована высокоталантливая, высокопоучительная и творческая роль начальника штаба давно почившего Скобелева. Конечно теперь мы не удивились бы прочитать, что Куропаткин играл при штабе Скобелева роль писаря, но тогда... Я не хочу сказать, что Мартынов поусердствовал; совершенная деятельность Куропаткина обрисовывалась сама собою вполне естественно, ибо он сиял блеском

Скобелева, а параллельно ходу его карьеры, росту его силы, как лица облекаемого властью, рос и этот блеск; когда он достиг зенита власти, держа портфель министра, конечно его боевые заслуги рекомендовались возможно шире, и том истории, в котором они изложены, не мог быть написан иначе, как к вящему удовлетворению честолюбия Куропаткина. Вот этот том и ввел в заблуждение великого [371] Маньчжурского полководца; но главная беда заключалась в том, что, обеспечивая себе путь отступления, в лице задабривания публициста Мартынова, Куропаткин совершенно упустил из вида, что полковник Орановский также может быть не бесполезен, как зять заслуженного генерала Линевича, и поэтому сделал крупный промах, отказав Иванову в ходатайстве о награждении его тем же знаком отличия. Настала минута, когда пришлось раскаиваться, но наш высоконаходчивый и решительный вождь сумел выйти из затруднения. Действительно, когда новый командующий первой армией, вернее разжалованный из главнокомандующих, водворился с марта 1905 года, в своей штаб-квартире—в Херсу, куда добежали доблестные русские войска после своего долгого страстнотерпения под Мукденом, он приказал представить за Ляндясанский бой к Георгию 4 степени полковника Орановского (зятя нового главнокомандующего). Так ознаменовал Куропаткин свою боевую деятельность командующим после главнокомандования, поставив себе это вероятно важнейшею целью, так как, если чего другого и не достиг, то все-таки украсил грудь Орановского знаком, свидетельствующим о необъятной и высокой доблести, столь хорошо нам всем известной по Тюренчену и Бенсиху.

Казалось бы все здесь приведенное не имеет существенного значения для истории войны, а между тем на самом деле подобные награждения по личным соображениям Командующего Армией, ради его собственных личных интересов и расчетов. выдвигали не только для продолжения войны, но и для будущего Русской Армии таких людей, которые если и не принесли ей существенного вреда, то все-таки оказались бесполезными (Мартынов) или же которые были прямо вредны (Орановский), и получили возможность принести еще больший вред. Кроме того, неправильное удостоение такою наградою, как Георгиевский крест, войсковых начальников искажает истину доблести войсковых частей, заставляя армию и общественное мнение верить в славу тех полков, которые завоевали ее себе на самом деле в гораздо меньшей степени; [372] наконец оно искажает историю, в ущерб просто истине. Принимая во внимание все это, я позволил себе, по окончании военных действий (в августе 1905

года), напомнить генералу Иванову о совершенной им несправедливости и написал ему письмо, в котором выразил следующее:

Орден Св. Георгия присужден за бой у Тасигоу, на основании пункта 2-го статьи 295-й Статута, начальнику, который дал решительный оборот сражению в нашу пользу, и, заняв участок позиции, не оставил его до получения на то приказания.

В данном случае предполагается, что полковник Мартынов, овладев участком японского расположения на берегах долины Тасигоу—Павшугоу и тем остановив обход правого фланга всей Ляндясанской позиции Восточного отряда, способствовал последнему удержать ее за собой, а затем оставался на позиции до получения приказания отступать, На основании реляции, Зарайский полк подошел к позиции правого фланга наших войск 13-го августа в 10 часов утра. Утверждаю, что его передовые цепи выравнивались с цепями рот вверенного мне отряда около 11 часов дня; следовательно Зарайцы могли участвовать в бою лишь с этого времени. Между тем, согласно полученного мною ночью приказания Генерал-Лейтенанта Иванова, вверенный мне отряд двинулся из д. Павшугоу вперед, для обеспечения правого фланга позиции Восточного отряда, к 6 часам утра, и с этой минуты отбивал и отбил все попытки японцев охватить наш правый фланг. Противник не обошел последнего лишь потому, что его наступление было нами решительно и неожиданно для него остановлено; мы не нуждались к 11 часам дня в подкреплениях войсками, а, удачно пополнив расстрелянные патроны, готовились продвинуться вперед, независимо от наступления Зарайского полка; во всяком случае отряд наступал одновременно с последним, причем первый, ближайший окоп японцев был взят мною лично с полуротою 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Я не был подчинен ни Генерал-Майору Столица, [373] действовавшему левее, ни Полковнику Мартынову, подошедшему справа, а руководил боем самостоятельно.

Утверждаю, что если Зарайскому полку принадлежит честь победы дня 13-го августа с 11 часов, то вверенный мне отряд разделяет ее с ним на одинаковых основаниях, но с тою разницею, что от 6-ти до 11-ти часов мы сделали несравненно больше, ибо вынесли на своих плечах одни весь кризис боя в продолжение 5-ти часов, причем к концу этого продолжительного периода были в состоянии продолжать бой, без содействия Зарайцев, доказательством чему служит факт наличности еще нетронутого резерва—около 2-х сотен казаков.

Я не умаляю значения наступления Зарайского полка, так как в дальнейшем развитии боя [42] противник мог предпринять обход нашего правого фланга, но утверждаю, что, в минуту вступления в бой полка, отряд не только вышел из кризиса боя победителем, но уже готов был перейти к активным действиям; мало того если бы японцам удалось сбить с позиции вверенный мне отряд, то Зарайцы не могли бы даже развернуться, ибо только прочное положение и успех отряда обеспечили быстрое и решительное вступление в бой Зарайского полка.

Если бы вверенный мне отряд был подчинен Полковнику Мартынову, то его награждение орденом Св. Георгия за наш подвиг могло бы еще быть оправдываемо в некоторой степени, как награждение старшего, но доблесть отряда была проявлена исключительно по инициативе и под руководством его начальника, и имя п. Мартынова тут не причем.

Отнесение чести всего боя на долю одних Зарайцев, при факте успешного выполнения войсками вверенного мне отряда своей боевой задачи, во исполнение приказа Начальника Восточного отряда, совершено самостоятельно и еще [374] до прихода Зарайского полка на поле сражения, нельзя не считать не только несправедливым, но просто нелогичным.

Если п. Мартынов украшением своей груди Орденом Св. Георгия свидетельствует перед всей Русской Армией и Россией о доблести командуемого им полка, то п. Дружинин, во имя справедливости и авторитета величайшей боевой награды, должен быть ее удостоен, как начальник войск, проявивших еще большую доблесть, чем Зарайский полк, так как они выполнили более серьезную задачу, действуя в значительно меньших, по сравнению с полком, силах и подготовили—обеспечили самый успех Зарайцев[43].

Из всего вышеизложенного следует, что если Полковник Мартынов, ныне Генерал-Майор, имеет какое либо право числиться Георгиевским Кавалером, то только при условии, что начальник отряда, решившего ход сражения на участке позиции у Тасигоу в нашу пользу еще до прихода Зарайского полка, также состоит таковым; в

[42] Главным образом вследствие бездеятельности генерала Грекова, не исполнившего приказания генерала Иванова: «прочно занять командующие высоты правого (западного) берега долины Павшугоу-Тасигоу.»

[43] Из дальнейшего описания боя на правом фланге Ляндясанской позиции читатели увидят, что на следующий день 14 августа только вверенный мне отряд оставался на той же позиции, тогда как Зарайский полк стоял уступом назад; следовательно мы одни исполнили требование Статута; мы же прикрыли отступление из боя Генерал-Майора Столица.

противном случае, т. е., если п. Дружинин за бой у Тасигоу не заслуживает награждения Орденом Св. Георгия, генерал-майор Мартынов заслужил его еще менее, а он награжден им через месяц после совершения подвига, и оба главнокомандующих Русских Армий не допустили представление о награждении Полковника Дружинина к рассмотрению в Георгиевской Думе, вероятно опасаясь, что последняя может оказаться справедливой и нелицеприятной.

В приложении 2-м помещено «Краткое описание совместных действий для отражения обхода японцев на правом фланге Восточного отряда в бою при Ляндясань 13-го августа», составленное генералами Мартыновым и Столица [375] и войсковым старшиной Висчинским. Прежде всего можно задать вопрос: зачем понадобилось это совместное составление (вернее фабрикация) совместных действий? В виду сего я привожу историю его возникновения. Участникам боя было ясно, что награждение Орденом Св. Георгия только одного Мартынова было несправедливо; знали также, что главную черную работу в этом бою вынесли 2 роты 9-го стрелкового полка и несколько сотен казаков, что Зарайский полк хотя и одержал победу, но легкую, уже подготовленную, вернее только разделил ее; конечно если бы этими частями командовал человек пользовавшийся милостью начальства, то их беззаветное мужество и доблесть были бы оценены по заслугам; к несчастию одно имя их случайного в этом славном бою командира вызывало уже негодование и злость у заправил в нашей армии; ну конечно его обошли, а что могут сказать какие-нибудь ротные и сотенные командиры? Однако соделанная несправедливость не могла не выйти наружу и прежде всего потому, что нашлись охотники попытаться, придравшись к ней, на ее шатких основаниях, также получить Георгия; их, как сказано выше, объявилось ни более ни менее, как 5 человек. Тогда заговорила совесть генерала Иванова, и он пожелал восстановить истину, но, как человек слишком преклоняющийся перед сильными и богатыми, ограничился полумерами. Зато один из участников посмотрел на дело практически: если дали Георгия Мартынову и лишили Дружинина, то пусть же дадут всем, кто только пользовался успехами последнего, а такими являлись все, участвовавшие в бою после 10 часов утра. До этого, во время кризиса, и Столица, и Висчинский, и Амилахори, и какой то начальник охотничьей команды гуляли себе кругом, да около, и глядели, как дерутся, причем один даже доходил до моих патронных двуколок, а другой вероятно разыскивал меня уже вторые сутки. И вот князь Амилахори не только потребовал себе высокую награду по команде, но об-

ратился и к содействию прессы. Кроме того, действительно, действуя самостоятельно, не будучи подчинен [376] полковнику Мартынову, Амилахори со своими двумя ротами проявил не меньшую доблесть чем Зарайский полк, а, раз последний не сделал того, чего достиг отряд полковника Дружинина, то почему же предоставлять все лавры Зарайцам. Во всяком случае требования и вопли Амилахори (меня совершенно не касается вопрос, прав он, или нет; это дело подлежащего начальства) произвели своего рода сенсацию, тем более неприятную для Мартынова, что он принял штаб 3-го Сибирского корпуса, отлично знавшего, что бой был выигран главным образом его частями, т. е. 9-ю и 10-ю ротами 9-го стрелкового полка, а вовсе не Зарайским полком. Желая успокоить общественное мнение, полковник Мартынов возымел намерение подтвердить свою реляцию еще другими участниками боя, на что согласились генерал-майор Столица и войсковой старшина Висчинский; он вызывал для этого из Харбина и меня, якобы для нового представления к награде, но я был во-время предупрежден о действительных его намерениях одним товарищем; хотя я конечно воздержался бы от участия в таком фабрикованном историческом документе, и по весьма простой причине: больше того, что сказано мною о бое 13-го августа в моей реляции и здесь сказать не могу ничего, так как говорю лишь то, что видел и переживал. Не понимаю, каким образом может свидетельствовать Столица о подвигах Висчинского, или Мартынов о подвигах Столицы, когда ни тот, ни другой их не видели. Ведь каждый из участников подал свою реляцию, и вероятно достаточную, ибо по одной из них был присужден Георгий Думою, а две другие были признаны начальством заслуживающими быть переданными на ее рассмотрение. К чему же тут понадобилось какое то соглашение о совместных действиях? Для кого, для какой цели? Чтобы судить Князя Амилахори, за его неприличные, как находит Мартынов, статьи, но если они неприличны, то можно ли было оставить на должности командира полка офицера, пишущего нечто неприличное в целях очернить другого командира, и может ли терпеть такую клевету полковник Мартынов? [377] Неужели он, при своем всесильном положении в Армии, не мог потребовать суда и предложит ультиматум: или покарайте клеветника и восстановите славу героя, или же я буду принужден оставить ряды армии. Ничего подобного мы не видели и не слышали. Мартынов обратился к засвидетельствованию своей доблести двумя соучастниками, также требующими себе великой награды, и вероятно в то время еще надеявшихся на получение ее, а князь Амилахори продолжал поно-

сить его имя (он это делал и при мне) на всех перекрестках и в военной прессе (№№ 518—520-м 1906 года Вестника Дальнего Востока, бывшего Вестника Маньчжурских Армий), и благополучно командовать Бузулукским полком. Какая грязная история, позорящая нашу армию! Обидно, больно за нее!..

Что касается до содержания знаменитого «совместного описания трех героев», с которым предоставляю ознакомиться также в Русском Инвалиде за 1905 год, то не могу не высказать того впечатления, которое оно производит на «боевого» офицера, а таким меня признает в той же статье сам генерал-майор Мартынов, высказывая сожаление, что я отсутствовал при его составлении. По-видимому ни один из составителей не знает ни поля, ни сражения, ни настоящего положения дел, бывшего на правом фланге Ляндясанской позиции от 11 часов дня 13 августа, т. е. именно тогда, когда началось их высокопоучительное (талантливое) управление вверенными им войсками, увенчанное лаврами Св. Георгия. Да, так могут описывать бой люди, ознакомившиеся с ним по рассказам, по кратким (но не подробным) его описаниям, но только не руководившие им. Они совместно решали колоссальную задачу обеспечения правого фланга Ляндясанской позиции от обхода его японцами, они спасли его в критическую минуту, отстояв местность своей грудью. Но почему же они не говорят, где была эта историческая в Ляоянском генеральном сражении точка, где был разбитый, или по крайней мере близкий к разбитию грозным врагом правый фланг? Что происходило на этом важнейшем стратегическом участке позиции? Иногда кажется, [378] что там не было никого, иногда кажется, что п. Мартынов дерется рука об руку с г.-м. Столицей, действующим однако не непосредственно, а через 2 роты князя Амилахори и при содействии в. с. Висчинского, но в таком случае выходит, что они заняли какое то пустое пространство, пристроившись вероятно к полковнику Лечицкому (сражался левее г. Столица). Однако все это как то непонятно, неточно, делано; точно ученики академии решают на довольно неточном плане тактическую задачу, при довольно неопределенном задании о противнике, действующем также весьма неопределенно: то он сосредоточивает бригаду пехоты, то появляются его одиночные люди, то он понемногу накапливает свои силы где то в воздушном пространстве. Так продолжается до 11 часов дня, пока п. Мартынов находится еще в нескольких верстах от поля сражения, в. с. Висчинский присутствует при пополнении патронами отряда п. Дружинина, уже выпустившего, при экономном огне, более 300 на винтовку, а г.-м. Столица, фланг которого, заметьте, еще находился

вне всякой опасности (ведь отряд п. Дружинина и не помышлял об отступлении) тоже вероятно еще мало видел японцев.

Вдруг в 11 часов все изменяется: вступают в бой 4 батальона Зарайцев, лихо наседает на врага в. с. Висчинский, ухитрившийся ознакомиться с положением дел по перехватываемым донесениям п. Дружинина; с ними конкурирует князь Амилахори, уже вторые сутки не присоединяющийся к отряду, расположенному на том же правом фланге Ляндясанской позиции, куда он уже прибыл и которую теперь начал спасать. В результате всего летит телеграмма на Высочайшее имя [44] о молодецких [379] действиях Зарайцев, т. е. п. Мартынова, 12-го Стрелкового полка, т. е. г.-м. Столицы, и казаков, т. е. в. с. Висчинского. Но все-таки в описании остается что то непонятное и недосказанное. А то, что правый фланг Ляндясанской позиции оберегала и отстояла та же горсть, которая разбила японцев под Тунсинпу 11 и 12 августа; теперь, подобно тому, как и в предшествующем двухдневном бою, противник не мог с нею справится, ибо в два дня не переучишься, а ведь господам японцам приходилось обратиться к новым способам действий, к новой тактике, ибо обыкновенная, по опыту Тюренчена, Янзелина, Тхавуана, Вафангоу, Долина и многих других боев и стычек, применявшаяся до сих пор против русских войск, здесь разбилась о стойкость и искусство горсти стрелков и казаков.

Противник в продолжение пяти часов времени—с 6 ч. утра до 12 ч. дня—сам разбился в бесплодных усилиях об одну точку (в буквальном смысле этого слова), Вот почему в 11 часов дня героям совместного описания, имевшим в руках силы в 12 раз большие, чем вполне устойчиво и победно державшийся отряд п. Дружинина, было не трудно развить его наступление. Да, дешево достался составителям образцового описания своих побед успех дня 13 августа: их лавры были подготовлены другими.

Пусть же опять справедливый Суд Истории отдаст должное Вам, непризнанные, забытые, дорогие мои соратники! Пусть же признают заслуженную славу за знаменами 9-го Восточно-Сибирского Стрелкового, Уссурийского, 2-го Читинского и 2-го Верхнеудинского Полков, ибо их дети сделали великое дело, несравненно большее, чем

[44] Всеподданнейшее донесение Г.-А. Куропаткина от 14 августа: 3 Сибирский Корпус, усиленный 2-мя полками 35 пех. дивизии, отразил (13-го августа) все атаки японцев на своем фронте; Зарайский полк под начальством П. Мартынова действовал молодецки и, вместе с 12 стрелковым полком и казаками, остановил производившийся противником обход правого фланга Ляндясанской позиции у с. Кофынцы, в направлении от Тасигоу на Павшугоу и Чандяопу. Войска правого фланга вечером, перейдя сами в наступление, отбросили японцев к Тунсинпу и Тасинтунь.

славный Зарайский Полк, который конечно не виновен в том, что на его долю выпала сравнительно более легкая с Вашей задача, которую он выполнил также в совершенстве.

Все это было написано в начале 1906 года, но, в виду появления весною 1908 года печатного труда Генерального Штаба генерал-майора Е.И. Мартынова: «Участие Зарайцев [380] в бою при Ляндясане и в сражении на Шахэ», я вынужден добавить еще следующее:

Вот как повествует Мартынов свое вступление в бой 13 августа:

«В 6 ч утра отряд (полк с батареей и эскадроном) остановился на отдых у Вэйдягоу. В это время с юго-востока доносился уже гул артиллерийских выстрелов. После небольшого привала отряд выступил дальше по пути Сянсанцзы, Безымянную и Чандяопу, на Кофынцы. На перекрестке дорог южнее Сянсанцзы к отряду присоединились охотники Зарайского полка, возвратившиеся из Сяолинцзы. При дальнейшем движении, в 9-м часу утра, я получил от г. Грекова, охранявшего с казачьим отрядом правый фланг Ляндясанской позиции, следующую записку: 7 ч. 45 м. утра, из Чандяопу. Противник наседает на наш правый фланг у Кофынцы. Просил бы подкрепить наш правый фланг. Немного спустя прибыл офицер с такою же словесною просьбой. Приказав насколько возможно ускорить движение, я поехал вперед к г. Грекову, которого застал с начальником его штаба в. ст. Свешниковым и несколькими офицерами в Безымянной деревне, не доезжая версты 2 до Чандяопу. Расспросив о ходе боя, я узнал, что правый фланг Ляндясанской позиции расположен на высотах к юго-западу от Кофынцы, и что японцы, несмотря на выдвинутые против них заслоны, глубоко охватили этот фланг, заняв совершенно перпендикулярное к нему положение, на горных отрогах восточнее долины Павшугоу-Тасигоу. Относительно того, где находится в данный момент оконечность обходящего крыла японцев—мнения расходились. Я остановился на утверждении в. ст. Маркова, указавшего на Павшугоу, что впоследствии и оправдалось. По этому поводу во французском труде Ниесселя «Тактические выводы из опыта Русско-Японской войны» говорится: «п. Мартынов мог атаковать фланг японцев и одержать блестящий успех, благодаря тому, что получил от кавалерии Грекова подробное донесение о расположении японцев». [381]

В полученном мною перед выступлением из Цофантунь письменном приказании, без всякого объяснения цели движения, предписывалось идти в Кофынцы. Г. Иванов ожидал моего прибытия именно в этот пункт. Г. Кашталинский (начальник правого участка

Ляндясанской позиции) предполагал назначить Зарайский полк в свой резерв. Однако я знал, что желание командующего армией[45], хотя и не выраженное в письменном приказании, заключалось в том, чтобы обеспечить от обхода правый фланг В. отряда. Между тем из сведений, полученных мною в штабе г. Грекова, было ясно, что, при существующей обстановке, исполнить это желание было гораздо лучше не движением на Кофынцы, а выходом во фланг обходящему противнику. В виду этого, вопреки полученному мною письменному приказанию, я решил, по своей собственной инициативе, вместо Кофынцы, направиться на Павшугоу».

Все это очень красиво, и я не удивляюсь, что французский тактик оценил и блестящую инициативу героя Мартынова, и блестящую разведку героя Грекова. Но только вот что немного странно. Блестяще разведывавший герой Греков в 7 ч. 45 м. утра, находится в д. Чандяопу и оттуда шлет подходившему герою Мартынову отчаянный призыв спасать правый фланг у Кофынцы, а между тем у него под носом, в расстоянии 2-х верст, происходит бой, продолжающийся уже около $2^1/_2$ часов времени, а он продолжает бездействовать в полном смысле слова, имея не только казаков, но и пехоту; г. Греков сообщает Мартынову, что правый фланг позиции у Кофынцы, точно он сам находится от него в таком же расстоянии, как и командующий армией, так намечавший этот фланг из Ляояна; Греков не знает, что японцы угрожают [382] вовсе не Кофынцы, а направлению Тасигоу-Павшугоу, а может быть и еще западнее; и это казачий отряд, охраняющий, как говорит Мартынов, правый фланг позиции! Затем, для большего вероятно охранения этого фланга, Греков со штабом, а вероятно и с войсками, подается через час не к направлению вероятных действий противника, т. е. на Павшугоу, а осаживает назад, навстречу Зарайцам, из Чандяопу на 2 версты в д. Безымянную, где его встречает Мартынов, догадавшийся поехать вперед и обогнать медленно двигавшуюся колонну. Здесь то и происходит замечательная ориентировка Мартынова Грековым. Мы читаем о глубоком охвате противника и о его перпендикулярном расположении... но где?—На горных отрогах восточнее долины Павшугоу; мы слышим однако, что мнения расходятся о том, где находится оконечность обходящего крыла, и только один Мар-

[45] Относительно направления Зарайского полка из окрестностей Ляояна к Ляндясанской позиции, начальник 35-ой пехотной дивизии пишет так: «В реляции полковник Мартынов позволил себе приписать, что эта задача дана именно ему непосредственно командующим армией, что в действительности совершенно не соответствовало истине, почему я приказал это несоответствие исправить в реляциях и копиях с них».

ков знает этот секрет и определяет место нахождения загадочной оконечности с точностью прямо удивительной—у Павшугоу, т. е. уже в расстоянии $2^1/_2$ верст от места ориентировки, где по-видимому происходило нечто в роде военного совета. Я полагаю, что если бы было в действительности так, как утверждал 13 августа 1904 года Марков, или писал спустя 3 года после войны Мартынов, то Зарайский полк никогда бы не развернулся в боевой порядок на высоте д. Павшугоу, и не вышел бы из долины Безымянной деревни, а либо принял бы оборонительный бой в окрестностях этой деревни, либо может быть наступал бы из нее, как исходного пункта. Однако полк прошел в Павшугоу только в 10 часов утра (а может быт и несколько позднее), где он занимался еще перестроением в резервный порядок. Тут только, следовательно вне сферы огня противника, Мартынов свиделся с третьим героем того же дня в. ст. Висчинским, высланным из отряда Грекова во исполнение приказания г. Иванова «продолжить правый фланг позиции», с 1-ой ротой и 2-мя сотнями (и это из всего отряда Грекова силою 2 батал. и 9 сот.). [383]

Но хотя ориентировка, данная Мартынову разведкою Грекова , и была ему слишком понятна, я все же могу дать к ней некоторые пояснения, и при том весьма существенные.

Я сказал, что в. ст. Марков неожиданно исчез с моего горизонта, и теперь я знаю, благодаря Мартынову, что он просто собрал свои 3 сотни и не счел нужным продолжать бой с противником, раз пришел навстречу японцам вверенный мне отряд. Вместо того, чтобы вести упорный бой, в который мы ввязались с этой же минуты, он даже не пожелал следить за его развитием и уехал в тыл, в разведывательное бюро Грекова, в Чандяопу, или в Безымянную, где и давал Мартынову точнейшие сведения о расположении оконечностей японцев. Вероятно он не заметил в пылу своего поспешного отступления, что встретил мои сотни, под начальством есаула Желтухина, а затем и меня, не на высоте Павшугоу, а по крайней мере на $1^1/_2$ версты южнее и непосредственно на восточном берегу долины Павшугоу-Тасигоу; а следовательно, если до 9 часов утра вверенные мне войска еще не были опрокинуты (тогда вряд ли бы отряд Грекова благодушествовал без дела в долине Чандяопу—Безымянная), то японцы не могли восстановлять перпендикуляров к моей позиции и иметь свою оконечность у д. Павшугоу.

Интересно также как ориентировал Мартынова Висчинский. Привожу опять повествование из брошюры Мартынова:

«Пока походная колонна подтягивалась и в совершенно укрытом

месте перестраивалась в резервный порядок (спешить значит не нужно было, ибо полк легко переходит в боевой порядок из походной колонны, а в горах вообще перестраиваться в резервный порядок лишнее—это исключительный случай), я с несколькими офицерами поднялся на высоту (где был отряд Висчинского, по показанию Мартынова, в полуверсте восточнее Павшугоу). Из осмотра с нее, из переговоров с Висчинским, а также их донесений охотников (?) можно [384] было заключить, что неприятельские цепи и ближайшие к ним поддержки (точно решали тактическую задачу на плане) находятся на горных кряжах к востоку от долины Павшугоу-Тасигоу. В самой долине, у ее восточной стороны, также виднелись небольшие пехотные и кавалерийские части. Познакомившись с обстановкой, я решил перейти в наступление от Павшугоу на Тасигоу, прямо во фланг обходящему крылу японцев. Это второе решение было также принято мною по собственной инициативе, на мою личную ответственность». И далее: «К 8 часам утра обходящее крыло японцев протянулось своим крайним левым флангом почти до самого Павшугоу, угрожая обходом не только отряду г. Столица, но и небольшому отряду полковника Дружинина, стойко державшемуся на своей позиции (хорошо, что нас похвалили, очень благодарен герою!). При таких условиях, для дальнейшего обеспечения фланга, Греков выдвинул Висчинского. В 9-м часу утра Висчинский занял высоту в полуверсте восточнее д. Павшугоу. К нему присоединилась охотничья команда 12 стр. полка. Открыв огонь, Висчинский на некоторое время задержал распространение японцев вверх по долине, но тем не менее они продолжали готовиться к производству атаки на линии Тасигоу-Павшугоу, понемногу накапливая свои силы в горных лощинах восточнее долины и поддерживая оживленную перестрелку с нашими войсками».

Я не сомневаюсь, что Висчинский и Мартынов совещались и ориентировались, но если только это было на означенной Мартыновым высоте, т. е. к востоку от Павшугоу, то они были просто в тылу моей позиции, в расстоянии не ближе одной версты, а никоим образом не вне моего фланга, потому что мой правый фланг упирался сотнею Черноярова в долину Павшугоу-Тасигоу. Вот если бы Мартынов проследовал бы несколько вперед, в сферу огня противника, то мог бы получить настоящее ориентирование, но так как он дальше не поехал и оставался все время боя у, или даже за, д. Павшугоу, то он и по сие время, через 3 года, получив в [385] свои руки все военно-исторические документы, полевые записки и приказы, никак не может ориентироваться; и вероятно это ему и не

удастся, потому что для этого следовало бросить взгляд на самое поле сражения, что из за Павшугоу сделать было невозможно, так как в его распоряжении не имелось ни воздушного шара, ни особенной вышки. Доказательством моих слов служит тот факт, что, как на сообщении 5 марта 1908 года, так и в изданной соответственной книжке, Мартынов дал схему боя под Тасигоу, изображающую его настолько неверно, что это можно только объяснить именно тем, что он не был на поле сражения и даже его не видел. На приложенных к сему схемах изображены, как воображаемое Мартыновым расположение войск, так и нанесенное мною действительное их расположение. Из сравнения их видно, что вверенный мне отряд, показанный Мартыновым в одной версте к востоку от д. Павшугоу и на одной с нею параллели, фронтом на юго-запад, в действительности начал встречный бой с 4-мя батальонами (я всегда старался уменьшать, а не преувеличивать силы противника и доносил о 2-х батальонах, не считая резервов, ибо о них можно только догадываться) японцев, спустившись к югу долиною Павшугоу по крайней мере на полторы версты, и расположился на сопках составлявших восточный берег долины, т. е. у самой долины непосредственно, выдвинув на западный берег, который должен был быть занят Грековым, но занят им не был, полусотню Уссурийских казаков под начальством Бровченко. Висчинский еще в 10 часов утра находился сзади вверенного мне отряда и если перешел вперед, то только одновременно с наступлением Зарайцев, т. е. не ранее 12 часов дня, что удостоверяется самим Мартыновым, сообщившим мне, что мои все подлинные донесения попали в руки Висчинскому, а они могли отправляться только назад (я доносил г. Иванову), а не вперед, и не направо, или налево. П. Мартынов был сзади меня, потому что его видел там Князь Долгоруков, следовавший к отряду и командовавший моим резервом, Впрочем, [386] судя по бесспорному документу[46] за подписью самого Мартынова, он находился даже в тылу Висчинского, а не на позиции последнего; ибо вот что он писал в 11 часов 10 минут дня: «Войсковому старшине Висчинскому, 13 августа, вершина за вашей позицией позади и левее Вас находятся 4 батальона Зарайского полка. Если вы находите своевременным перейти в наступление, то мы поддержим вас. Полковник Мартынов». На обороте: «Если есть сведения о противнике—сообщите, если нужна поддержка—сообщите».

Далее, на плане Мартынова наступление Зарайцев показано па-

[46] Этот документ, к сожалению, не попал в документальнейшее произведение г.-м. Мартынова: «Участие Зарайцев в бою при Ляндясане».

раллельным фронту позиции вверенного мне отряда, а я утверждаю, что оно происходило перпендикулярно ее фронту, и через нее прошло не менее 2-х батальонов Зарайского полка, наступавших в районе наступления моих рот очень узким фронтом; я сам двигал и направлял вперед их несколько рот. По тому же направлению и отступило вечером не менее 8 рот Зарайцев, которые я поздравлял с нашей общей победой, как разделивших ее с нами. Даже Гамильтон и Герч показывают на своих планах расположение наших войск на правом фланге Ляндясанской позиции, севернее Тасигоу, несравненно точнее и вернее, чем это сделал г.-м. Мартынов в своем военно-историческом исследовании; для доказательства следует только взглянуть на план XXII, приложенный к II-му тому сочинения Гамильтона, на котором этот правый фланг изображен гораздо южнее Санчжаго (Павшугоу) и на план № 7, приложенный к сочинению Герча, где опять таки русские войска изображены южнее Павшугоу.

Непонимание до сей поры Мартыновым хода и порядка боя под Тасигоу явствует из сделанной им в своей брошюре заметки такого содержания:

«Между отрядами Столицы и Дружинина, находившимися [387] вблизи друг от друга, почему то не было установлено связи. Это видно из того, что в 1-м часу дня Столица доносил Кашталинскому: «для п. Дружинина патроны отправлены на правый фланг нашей позиции, чтобы его там разыскали; п. Дружинина в д. Тасигоу быть не может, так как у нас все время идет стрельба по направлению к Тасигоу».

«Последнее недоразумение (относительно Тасигоу), по всем вероятиям, возникло у г. Кашталинского вследствие того, что п. Дружинин обозначал на своих записках место отправления словами: «бой у Тасигоу».

Если судить по тому воображаемому бою, который представляет себе и тем, кто желает его слушать и читать, Мартынов, а также рисует на своих схемах, то он прав, но так как вверенные мне войска начали сражение 13-го августа на половинном расстоянии между д.д. Павшугоу и Тасигоу и все время стремились к активным действиям на Тасигоу, а в 12 часов дня были ближе к Тасигоу, чем к Павшугоу, то весьма естественно было называть место отправки донесений по деревне расположенной впереди, а не сзади, которую и не было видно с нашей позиции. Может быть для п. Мартынова будет правильнее называть бой по той деревне, близ которой он находился во все время его ведения Зарайцами, но для меня—

начальника войск, вынесших на себе всю тяжесть боя, своею грудью отстоявших позицию севернее Тасигоу, этот бой останется всегда под названием боя у Тасигоу, и обозначение на полевых записках правильно.

Что касается до мнения Мартынова об отсутствии связи, то не знаю, почему г. Столица не знал моего места нахождения, ибо у нас была с его войсками самая действительная связь: его правофланговый стрелок лежал на хребте и стрелял рядом плечом к плечу с моим левофланговым уже в 6—7 часов утра. Но вот Мартынов этого не знал, ибо не знает и сейчас, как был расположен отряд Столицы. На его схеме фронт позиции Столицы показан, как и моего отряда, на юго-восток, а в действительности он тянулся с востока на запад, [388] и разрыва между флангами наших отрядов, как это нарисовано Мартыновым, не было. Курьезнее всего то, что в знаменитом «описании совместных действий», подписанном Мартыновым (см. приложение 2-е), сказано: «г. Столица к рассвету занял позицию на высотах в $1^1/_2$ верстах южнее д. Чандяопу, фронтом на Тасигоу—Сесигоу, т. е. фронтом на юг, или даже на юго-запад, и затем нигде не говорится, что этот отряд осаживал назад, хотя бы своим правым флангом. А, через $3^1/_2$ года после войны, Мартынов пишет новое, подробнейшее, историческое, документальнейшее исследование и изменяет расположение фронта войск г. Столица только на 90 градусов. Далее, в том же «описании» говорится: «конечно, целью наступления (Зарайского полка) было поставлено: по возможности совершенно оттеснить обходившие неприятельские части, для чего следовало продвинуться на высоты севернее Тасигоу, т. е. выйти на одну линию с фронтом позиции Восточного отряда»; другими словами, надо было продвинутся на юг от Павшугоу, поближе к Тасигоу, где и находился крайний правый фланг позиции Восточного отряда, т. е. вверенный п. Дружинину отряд, а на схеме № 2 брошюры Мартынова этот фланг подрисован у самой д. Павшугоу.

Правда, к минуте блестящего сообщения в Собрании Армии и Флота, 5 марта 1908 г., где продавалась и соответствующая брошюра Мартынова, генерал-майора Столица уже не было в живых, Князь Амилахори удалился из Армии, Русский Инвалид еще в 1906 году отказался печатать что либо намекающее на заслуги частей доблестно но скромно, исполнивших свой долг в бою 13-го августа 1904 г. (см. приложения 3-е и 4-е: официальное объявление Русского Инвалида в № 87 за 1906 год о том, что «честь отбития обхода японцами правого фланга позиции под Ляндясань всецело принадлежит Зарайскому полку под начальством Мартынова» и статья

за подписью Командира 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Полковника Месхиева), а полковнику Дружинину Георгиевская Дума уже отказала в награждении орденом Св. Георгия 4-й степени. [389] При такой обстановке конечно можно было рискнуть помещением нового займа на популярность и повествовать с кафедры о воображаемом бое. Я слушал это повествование, считал себя обязанным указать на сделанные автором чудовищные неточности, но, к сожалению, по совершенно непонятным мотивам, председательствовавший на сообщении в Обществе Ревнителей Военных Знаний, лишил меня слова. Тогда я подал ему, через 3 или 4 дня, свое письменное возражение на данные, изложенные в своем сообщении Мартыновым, для напечатания его в «Вестнике Ревнителей», но этого до сих пор (август 1908 года) еще не сделано.

В общем, как схема приложенная к брошюре Мартынова, так и увеличенный с нее план, вывешенный на публичном сообщении 5-го марта 1908 года, имеют своею главною целью изобразить блестящую атаку Зарайцев на левый фланг японцев, а для этого было удобнее всего возможно лучше подставить на плане последний под решительный удар, нанесенный героем по своей инициативе; словом Мартынов изображал и описывал не действительный бой, о котором он по-видимому имеет весьма смутное представление, а пример известного тактического идеала, что конечно поучительно для слушателей и читателей, наставляя их, как следовало бы действовать, и весьма выгодно для автора. Но если мы хотим знать правду, поучаться военной истории, то в таком случае, как сообщения, так и брошюры такого воображаемого содержания, не только не могут дать желаемого удовлетворения, но вредны, вводя в заблуждение и публику, и начальство, и создавая популярность геройству и доблести, которых на самом деле не было и не существует.

На обложке книжки Мартынова написан приговор его собственной работе: «мелкие натуры начинают оправдываться и клеветать». Эта книжка есть не военно-историческое исследование, а оправдание от возводимых на автора обвинений: 1) в том, что вовсе не ему принадлежит честь отбития обхода японцев под Тасигоу, и 2) в том, что в сражении под Шахэ он не выказал достаточного [390] мужества и упорства в двухдневном бою и предал на расстрел целый полк Русской Армии. Я не могу судит о том, насколько Мартынову удалось оправдаться против второго, весьма тяжкого обвинения, но, что касается первого, то, кроме довольно грубой подтасовки в свою пользу разных данных, он не сделал ничего, и его книжка еще более устанавливает тот факт, что он пожал чужие лавры и успехи; за

ним лишь может пожалуй остаться заслугой, что он в 9 часов утра решился идти не в Кофынцы, а на Павшугоу, где и пристроил свой полк к вверенному мне отряду. Но, спрашивается, можно ли было поступить иначе? И тот, кто не сделал бы этого, вряд ли заслуживал бы право числиться в армии. Да, в нашей армии, к сожалению, и это считается каким то особенно доблестным проявлением инициативы. Конечно, все относительно, и может быть нашлись бы командиры полков, которые не поступили так, как в данном случае поступил Мартынов, ибо были и такие, которые просто уходили с позиций после первого выстрела противника, но нужно оценивать действия военноначальников не по отрицательным примерам, а по положительным. Иначе у каждого из сражавшихся найдется слишком много заслуг, и для оценки их не хватит даже столь многочисленных степеней наших орденов.

Наконец вышеприведенный документ—записка Мартынова Висчинскому от 11 часов 10 мин. дня—окончательно уничтожает существование заслуги командира Зарайского полка, в смысле инициативы перехода в наступление против японцев, ибо он просит сообщить ему о своевременности перехода в наступление и только предлагает свою поддержку. А так как сия инициатива не может принадлежать никаким образом и Висчинскому, пребывавшему до 11—12 часов дня в тылу вверенного мне отряда, то следовательно более чем ясно, что оба военноначальника—и Мартынов и Висчинский—перешли в наступление только тогда, когда пошел вперед вверенный мне отряд, к которому они оба и пристроили вверенные им части. [391]

Я сказал, что в книге Мартынова есть подтасовка данных, а вот и наглядное доказательство. Автор считает, что блестящая победа над японскою Императорскою Гвардией одержана нами исключительно благодаря участию в бою за Ляндясанскую позицию Зарайского полка 13-го августа, и документальнейшим подтверждением этого факта приводит отзыв английского военного агента, генерала Сэра Яна Гамильтона, который безусловно признает полное поражение своих союзников. Так вот Мартынов почему то выпускает те места из сочинения Гамильтона, которые говорят, что Гвардия была разбита еще до появления на поле сражения у Тасигоу Зарайцев, между тем как приводит остальные места, которые могут, при условии выпуска первых, служить доказательством блестящей победы Зарайцев. Я привожу их:

Том 2, стрн. 39 (изд, В. Березовского под редакцией Ю. Лазаревича)... В 8 часов 26 мин. утра (13 августа) в штаб Куроки на сопку

Гокареи прибыл ординарец из Императорской Гвардии и доложил, что положение на этом фланге становится весьма серьезным. По его словам Гвардия не могла добиться никакого успеха, ни в артиллерийском огне, ни в наступлении своей пехоты. Напротив, неприятель быстро усиливался перед ее фронтом и угрожал охватить и вынудить к отступлению левофланговую бригаду Асада, которая повидимому перешла Танхэ в верхнем течении и немного оторвалась. Выражения лиц сделались серьезными, и, после краткого совещания, был отдан приказ: всему резерву армии выступить из Тасинтунь на помощь Гвардии.

Стрн. 41... Позднее я узнал, что именно в этот момент (т. е. до 8-ми часов утра) положение было чрезвычайно критическим, т. е. правое крыло русских не только удерживало левое японское, но угрожало зайти в тыл его центру и правому флангу.

Стрн. 45... Несколько минут спустя (т. е. около $8^1/_2$ часов утра) появился офицер, говоривший по-немецки, и доложил, что части 4-й армии (Нодзу) усмотрены с крайнего фланга 1-й армии. После того, как он передал [392] это донесение, я вступил с ним в разговор и узнал от него, что левофланговая гвардейская бригада, произведя большое захождение, наступала в настоящее время в северо-восточном направлении, стараясь охватить правый фланг русских, находившийся в одной или двух милях от Когоши (Кофынцы). Я сказал ему, что командующий армией надеялся, что Гвардия займет Когоши до наступления ночи, на что он лишь ответил, что Гвардия была слишком занята своей обороной, чтобы думать о Когоши.

Из этих данных, выпущенных автором самооправдания, видно, что не может быть и речи о том, что японская Императорская Гвардия разбита благодаря участию в бою при Ляндясань Зарайцев. Куроки получил донесение о поражении Гвардии в 8 ч. 26 м. утра, причем привезший это донесение ординарец употребил на проезд из расположения гвардии в штаб армии (расстояние не менее 20 верст) еще некоторое и конечно не малое время. Зарайцы же начали бой позднее 11 часов дня. Следовательно еще до прибытия их, тогда, когда Мартынов еще не ориентировался о положении дел у Кофынцы—Павшугоу, в д. Безымянной у Грекова, и находился в нескольких верстах от поля сражения (впрочем он и потом находился от него в почтительном расстоянии), японская гвардия была уже разбита и не вследствие боя у Тасигоу только, а вследствие также и боев двух предшествующих дней. И теперь Зарайцам оставалось лишь добивать нами (Восточным отрядом) разбитого врага, в чем они и оказали нам энергическое содействие. Сам Мартынов под-

тверждает факт, что японцы были уже разбиты до прихода его полка, а именно он пишет на странице 21-й: «японцы тщетно старались удержаться на сопках и кряжах восточнее долины, вследствие того, что мы наступали прямо во фланг их обходящему крылу; они каждый раз могли противопоставить нам лишь очень небольшое количество ружей».

Это значит, что японцы не оказывали почти никакого сопротивления наступлению Зарайцев, и, по мнению Мартынова, [393] только потому, что ухитрились подставить свой фланг; утверждаю, что японцы вовсе не подставили Мартынову своего фланга так, как он это воображает, ибо никогда, во всю войну, они не выказывали себя столь беспечными и неостроумными; и здесь, как и везде, наш враг не был ни беспечен, ни робок, а был сломлен нашею грудью; наконец вероятно Мартынову неизвестно, что те роты его Зарайцев, которые наступали в районе моих рот, имели и упорное сопротивление противника; и приходилось на него наседать, а не только любоваться, как он бежал, или уходил. Вообще же я не доверяю донесениям тех наших героев, которые доносили о бегстве японской Гвардии, или хотя ее части, в день 13 августа, ибо во всяком случае был к японцам ближе и видел их больше, чем эти герои, а бегство японцев я не заметил. Впрочем, когда успех на поле сражения достается слишком легко, то фантазия разыгрывается сильно, а в особенности у людей, которые, по роду своей службы и деятельности мирного времени, занимались исключительно или писанием, или словоизвержением, для чего у нас в армии существует широкое поприще во всяких военно-исторических комиссиях, а в таковой разрабатывающей уже полстолетия Турецкую войну 1877— 1878 гг. в особенности. В вышеприведенном письме Мартынова к начальнику штаба Восточного отряда п. Орановскому, он говорит, что составил для представления себя к награждению Георгием реляцию о бое под Тасигоу в том духе, как писались вообще реляции на этот предмет во время Турецкой войны, по опыту изучения последней в военно-исторической комиссии. Этот опыт по-видимому очень пригодился Мартынову в войну 1904—05 гг., так как весьма скоро украсил его грудь белым крестом за бой, который он даже не видел, а лишь слышал, оставаясь все время далеко позади сражавшихся войск.

А между тем как обидно, как больно, что, благодаря личному тщеславию, личным расчетам, искажается истина одного из прекраснейших боевых дел нашей армии, [394] насчитывающей так немного ему подобных на театре военных действий в Маньчжурии.

Войска В. отряда совершили огромный подвиг в дни 11, 12 и 13 августа, и конечно не их вина, что им пришлось отдать залитые их кровью позиции. Но по крайней мере даже симпатизирующие нашим противникам англичане признали за нами блестящую победу. Я уже привел несколько данных из Гамильтона, но считаю нужным привести и еще другие из того же источника, а именно:

Стрн. 47,.. В 5 ч. 30 м. пополудни один из штабных офицеров присел ко мне под куст. Он сообщил мне, что главная забота теперь была о первой бригаде гв. дивизии Асада, которая, пытаясь обойти правый фланг русских, слишком оторвалась от 2-й бригады Ватанаба. Асада по-видимому находился в некоторой опасности, так как против него сосредоточилось много войск, и, по последним сведениям, он только-только мог держаться благодаря прибытию общего резерва армии из Тансятунь в 8 ч. 30 м. утра.

Стрн. 49... 1-я гв. бригада Асада на крайнем левом фланге внушает все большее беспокойство. Крайний правый фланг русских окопался на сопках, образующих западный склон долины, по которой течет верхняя часть Танхэ. Бригада Асада взяла направление северо-западнее Тунсинпу с намерением обойти и охватить эти окопы. При выполнении этого маневра она оторвалась от 2-й бригады Ватанаба, и ее атака не только была отбита, но в настоящую минуту она находится в опасности быть окруженной подкреплениями, которые русские быстро выдвинули по большой дороге из Ляояна.

Стрн. 50... Не удайся Кигоши захватить северную часть Косареи (высота 273 у д. Пегоу), центру и правой его части по всей вероятности не удалось бы закрепить за собой успех, принимая во внимание местность и плохое положение дел Гвардии на нашем левом фланге.

Стрн. 55... По-видимому русские, почти одержавшие победу, окружавшие Асада и отбившие Ватанаба, были принуждены отступить вследствие успешных действий 2-й и [395] 12-й дивизий. Тем не менее Куроки не вполне доволен своим левым флангом, почему и отправляется завтра рано по утру в Рошисан (Ляндясань), откуда ему можно будет лично войти в соприкосновение с Императорской Гвардией.

Стрн. 56... Неприятелю представлялось несколько удивительно благоприятных случаев для охвата обоих флангов, но он упустил их вследствие недостатка инициативы. На нашем левом фланге он проявил известную энергию и поставил нас в весьма неприятное положение.

Последнее записано со слов самих штабных офицеров Куроки.

Очень интересные данные, также подтверждающие победу В. отряда над левым флангом армии Куроки, т. е. над Гвардией, дает сопровождавший последнюю во время боев 11—18 августа швейцарский военный агент полковник фон Герч. 11-го августа, как я сказал уже выше, ему не удалось ничего узнать о положении дел. На 12-е августа японский проводник хотел непременно удалить всех военных агентов к северу от Холунгоу, т. е. на такое расстояние, чтобы они не могли видеть, что произойдет в окрестностях Тунсинпу. Герчу удалось самовольно пробраться утром 12 августа в долину к д. Сяматун, и следовательно он опять не видел боя, так-как ему разрешили подняться на высоты левого берега реки только после 10 часов, когда уже с нашей и японской стороны действовала одна артиллерия. 13 августа Герч находился по-видимому в районе действий бригады Ватанабе, и поэтому ему также не пришлось видеть, что происходило на левом фланге, но из его описания видно, что японцы успеха не имели, и, как он пишет (стрн. 78), «насколько можно судить, японцы оставались на тех же местах, как и накануне». Так как утром этого дня они наступали, то очевидно они были в течение дня отброшены назад. Затем дальше из всего описываемого Герчем обрисовывается полное разложение японской гвардии, что конечно можно объяснить только материальным и моральным ущербом, нанесенным ей нашими войсками [396] в трехдневном бою 11—13 августа. На стрн. 81 он говорит уже 14 августа: «наконец гвардия нуждалась в отдыхе; она дралась и передвигалась в продолжение четырех дней». 15 августа, наблюдая действия 1-й гв. бригады у Ванбатая, он пишет: «По отношению к японцам бой этот никак не может считаться веденным мало-мальски правильно. Почему 1-й полк допустил столь слабым силам задержать себя, в течение нескольких часов, так же мало понятно, как и остановка 2-го полка за перевалом». 16 августа гвардия бездействовала, и в ней преобладало осторожное настроение. Относительно действий 17 августа написано следующее (стрн. 87): «3-й гв. полк все время вел упорный бой, цель которого трудно понять, так как 4-ый полк и вся 1-я бригада бездействовали. Получив одновременно с 3-м полком приказание начать наступление, 4-й полк двинулся вперед, но затем, когда над ним разорвалось несколько шрапнелей, остановился и залег. Вечером в Сыфантае мы узнали от одного из дивизионных адъютантов, что генерал Хасегава приказал всей дивизии двинуться вперед, но что это приказание было выполнено только во 2-й бригаде и то одним только 3-м полком, так как командир 4-го полка нашел, что наступление невозможно. Асада очевид-

но также считал, что это предприятие слишком опасно и поэтому предпочел бездействовать». 18 августа гвардия «в общем бездействовала».

В другом описании действий 1-й армии Куроки Ф. Герч говорит о бое бригады Асада 13 августа следующее: «Начиная с полудня, русские значительно усилились; со стороны Кофынцы стреляло 38 орудий, а от Дайденши 16. Русские пытались перейти в наступление, по-видимому попытка эта увенчалась успехом, так как сообщают, что около 2-х часов две роты были почти уничтожены. В час дня Хасегава получил от Куроки телеграмму, сообщавшую, что последний включил в состав гвардии подходивший 29-й резервный полк, который должен был прибыть в Тунсинпу к 6 часам вечера». И далее: «с утра Гвардии [397] не удалось продвинуться вперед; она только удержала занятые ею позиции, на которых и заночевала».

Наконец в последней главе своего труда «Управление армией» Герч на стрн. 159 говорит, «что силы противника, занимавшие позицию на Танхэ произвели на Куроки подавляющее впечатление», а на странице 160 так отзывается о деятельности Гвардии: «Во время первого периода Ляоянской битвы гвардейская дивизия решила успешно весьма трудную задачу, так как атаковала и отбросила превосходные силы противника (мы ушли сами 14-го по приказанию Куропаткина и отчасти из за желания отступать Иванова). Как сам Хасегава, так и его ближайшие помощники, проявили энергию и осмотрительность. С особенно хорошей стороны выказал себя Асада, деятельности которого японцы обязаны большею частью своих успехов; этим он как бы загладил свое бездействие 18 августа. Но бой 13 августа, как кажется, навсегда исчерпал его энергию. Уже 15-го, во время преследования, он действует ощупью, а 17-го выказывает полную несостоятельность. В этот день действия его препятствуют Гвардии выполнить свою задачу».

На основании всего описанного двумя представителями военного искусства, сопровождавшими в боях под Ляндясань,—один штаб Куроки, а другой японскую Гвардию, мы, участники боев против Императорской японской Гвардии,—можем быть теперь уверены, что честно выполнили свой долг и даровали славу Русскому Оружию. Наша победа признана не только нами, но и нашими врагами, и мы не нуждаемся в каком либо приукрашивании фактов и данных, в их подтасовке и подрисовке, как делают это Мартынов и ему подобные. История отдаст справедливость скромным и непопулярным.

[398]

ГЛАВА V.

Бой у д. Тасигоу 14-го Августа.

Ночь прошла совершенно спокойно в отношении противника, но конечно отдыхать не пришлось: установление связи с непосредственным начальством, с Зарайским полком, а главное забота об эвакуации раненых своего отряда и Зарайцев, которых кажется было всего около 150 человек.

Ночью пришло приказание Начальника 3 В.-С. Стр. Дивизии г.-м. Кашталинского оставаться на предстоящий день на занимаемых накануне позициях и оборонятся во что бы то ни стало. Тон приказания был таков, что не допускал и помысла об отступлении. К 6 ч. утра отряд занимал ту же позицию, на левом (восточном) берегу долины Павшугоу—Тасигоу: обе роты по гребню; левый фланг их в этот день не соприкасался с правым флангом войск г. Столица. так как между расположением 12-го Стр. полка и нашим оставался небольшой интервал. Не стояла более на позиции и конно-горная батарея пограничной стражи; я предполагал сперва, что она переменила позицию, в виду возможности открытия ее месторасположения противником накануне, но потом убедился, что батарея участия в бою не принимала, а между тем ее содействие нам в этот день было бы очень полезно. Все казаки отряда стали в резерве, потому что к нашему правому флангу уступом назад протянулся Зарайский полк, и не было надобности занимать сопку, на которой накануне была расположена сотня Черноярова. Я приказал Желтухину, командовавшему казаками, стать возможно укрыто, вне выстрелов. так как был уверен, что японцы в этот день вытащат наконец артиллерию, т. е. исправят свою ошибку предшествующего дня, и конечно будут искать наши резервы, стреляя на поражение площадей.

Отряд составил крайний правый фланг всего боевого участка г. Столицы, которому нас подчинили на этот [399] день; указания, полученные от него, все-таки уже намекали на возможность отступления: так, нам ставилась задача упорно удерживать свою позицию лишь до отступления 12-го полка, которое и прикрывать; кроме того было сообщено, что «вероятно придется удерживаться до 5 час дня».

Теперь это вполне понятно, так как командующий армией еще в ночь на 13-е августа приказал г. Иванову начать отступление, вследствие тактической неудачи на левом фланге (потеря на левом фланге Анпинской позиции высоты № 273 у д. Пегоу) 10-го корпуса, своим отходом обнажавшего левый фланг 3-го Сибирского кор-

пуса, но нам было странно, неприятно слышать даже о возможности отступления, ибо мы сражались уже трое суток вполне победно. Г. Куропаткин в своей резолюции на докладе г. Иванова о необходимости отступления говорит, что «так и было предположено». Да, может быть, по его стратегии и тактике «терпения», оставление победно обороняемой Ляндясанской позиции составляет шедевр военного искусства, равный отходу от Ляояна, но мы маленькие люди, честно исполнившие свой долг, не уступавшие ни шагу противнику и даже его преследовавшие, отлично сознавали уже тогда, что командующий губит все дело, играя в руку врагу и только развращая дух нашей доблестной Армии.

Нельзя не заметить, что 11, 12, 13 и 14 августа серьезный бой велся исключительно на Восточном фронте Маньчжурской Армии; спрашивается, отчего г. Куропаткин не желал лично руководить боем, а предоставил это занятие генералу Бильдерлингу, выказавшему себя неспособным, допустив 10-й корпус слишком быстро очистить весьма сильную позицию. Правда, в некоторой степени командующий сам руководил действиями войск на Восточном Фронте, отдавая непосредственно некоторым начальникам свои распоряжения (я приведу позднее еще некоторые доказательства, описывая действия или вернее наше бездействие 15 августа): так 35-я дивизия была прислана на подкрепление 3-го Сибирского Корпуса по его личному приказанию; отступление с Ляндясанской позиции [400] предписано лично им. Вернее всего будет признать, что и здесь применена обыкновенная система нашего полководца: кое что указывать и чаще всего по мелочам, а все-таки иметь какое-нибудь лицо, на которое можно было бы свалить ответственность в случае неудачи[47]; в данном случае он отыгрывался на г. Бильдерлинге. С легким сердцем доносил великий представитель стратегии терпения, последователь Кутузова, об оставлении им Ляндясанской и Анпинской позиций, а между тем именно в этом отступлении и заключалось начало нашего поражения под Ляояном. На этом вопросе считаю необходимым остановиться подробно.

Японцы вели одновременно две огромные операции: одну против Порт-Артура, другую против Маньчжурской Армии. Многие стратеги считают крупной ошибкой с их стороны одновременное пре-

[47] На берегах р. Ялу—на Засулича, у Янзелина—на Графа Келлера У Вафангоу и Дашичао—на Барона Штакельберга, у Ляндясань, Анпина, Сыквантунь и Янтай—на Барона Бильдерлинга, у Бенсиху—на Барона Штакельберга, у Сандепу—на Гриппенберга, наконец у Сандепу (второго—наступательного, предполагавшегося) и у Мукдена на Барона Каульбарса.

следование двух целей, ибо они не располагали сразу достаточными силами, чтобы, обложив первоклассную крепость, нанести решительный удар врагу в поле. Положительное решение вопроса стратегией состоит в том, чтобы прежде всего сосредоточить все силы для достижения одной главнейшей цели, а в данном случае важнее всего было покончить с Маньчжурской Армией, так как, при условий полного господства на море, достигнутого японцами с минуты неожиданной атаки на нашу Тихоокеанскую эскадру в ночь с 26-го на 27-е февраля, падение Артура было обеспечено в случае поражения русских войск в Маньчжурии (так на самом деле оно и случилось); наоборот даже взятие Артура не могло дать японцам выигрыша кампании, если бы они потерпели неудачу в поле; наконец успешное ведение осады могло быть всегда остановлено решительным наступлением Маньчжурской Армии. Следовательно [401] наиболее рациональным способом действий было бы: блокируя Артур с моря, выставить против него заслон на Цзыньчжоуском перешейке, а все остальные силы двинуть против русской; армии; действия японцев конечно должны были бы быть в высшей степени энергичны, так как выигрыш времени больше всего обеспечивал успех: русская армия не успела бы сосредоточить достаточное количество сил. Так учит стратегия, но может быть японцы имели настолько точные сведения о состоянии крепости Порт-Артуре и о мобилизации сосредоточении наших войск на театре военных действий, а также о качестве наших военноначальников, что могли с большою вероятностью на успех поставить себе задачей достижение одновременно обеих целей (к сожалению расчет их оказался верен, хотя, правда, исключительно благодаря последнему обстоятельству, т. е. неудовлетворительности качеств наших военноначальников; во всем остальном они ошиблись, а именно: к минуте начала генерального сражения под Ляояном—мы оказались в равных, если не в превосходных силах; провозоспособность Китайской ж. д. и даже всей Сибирской магистрали превысила все ожидания; попытки разрушения железных дорог, задуманные весьма широко— начиная от моста через Волгу— не увенчались успехом). Кроме того нельзя не считаться с тем значением Артура, которое он имел для всей японской нации; японцы просто не смогли бы терпеливо выжидать и только смотреть на него; ведь владение русскими этим пунктом положительно не давало спать всем подданным Микадо. Хотя наши враги принесли много лишних жертв, благодаря своему желанию поспешно овладеть этой твердыней, тем не менее их энергия и сама поспешность атаки Артура являлись необходимостью

удовлетворения национальной потребности, и казалось бы нашим стратегам следовало это предвидеть.

Как бы то ни было, японцы сами усложнили и затруднили себе задачу[48]; поэтому то вопрос времени и получал [402] для них такое огромное значение; они должны были дорожить не только каждым днем, но даже часом времени, так как, зная базу русской армии в Ляояне и следовательно надеясь нанести ей там решительное поражение, они должны были обеспечить себе надежное превосходство сил, которое в начале кампании конечно было на их стороне.

Японцы вели совершенно естественно операцию наступления против Куропаткина по двум направлениям: 1) с юга, потому что они прежде всего прикрывали таким направлением осаду Артура и кроме того, захватывая железную дорогу (любезно предоставляемую им в самом образцовом порядке, без разрушения мостов, пути и станционных сооружений, и даже с постепенным по мере наступления японцев развитием подъездных путей и самих станций), получали в приобретаемых морских портах самую удобную базу; 2) из Кореи, так как направление от Фынхуанчен—Сюянь на Хайчен—Ляоян выводило во фланг операций русской Маньчжурской Армии, а направление Фынхуанчен—Саймацзы—в тыл ее. К тому же японцам было необходимо покорить всю Корею от г. Сеула до р. Ялу, чтобы в этой стране основать базу на случай неудачи в Маньчжурии, где они могли. быть опрокинуты в море.

Если я говорил в начале 1-й части, что отказ Оямы от наступления через Саймацзы к Мукдену, чем он мог заставить Куропаткина очистить Ляоян без генерального сражения, был вызван также тем обстоятельством, что Куропаткин подготовил ему для наступления [403] к Ляояну пути сообщения, то с другой стороны надо полагать, что Ояме было также выгодно нанести решительный удар русской армии именно у Ляояна, так как этим достигался значительный выигрыш времени, на что вероятно и рассчитывал японский стратег. Тем не менее операция наступления всех 3-х японских армий велась крайне медленно, ибо расстояние от Тюренчена до Тунсинпу

[48] Мне возразят, что если бы японцы ограничились только выставлением заслона против Артура, то Маньчжурская Армия произвела бы свое сосредоточение не у Ляояна, куда притягивал ее именно Артур, а гораздо севернее, но я отсылаю читателей к 1-й части моего труда (стр. 60), где уже высказал, что базирование нашей армии на Ляоян не могло помочь Артуру; здесь напомню только, что в сущности у нашего полководца не было никакого плана кампании, а он пассивно выжидал, что будет делать противник, и, в зависимости от действительных и кажущихся ему операций японцев, пробовал, использовав тактически выгодные позиции, осуществлять какую то несбыточную идею сосредоточения колоссального превосходства сил.

протяжением всего в 200 верст пройдено почти в 4 месяца (18 апреля—11 августа), а расстояние от Бицзыво—Дагушань до Айшаньчжаня протяжением в 250—200 верст пройдено в $3^1/_2$ месяца (1мая—15 августа). Я не могу конечно знать всех причин, заставивших Ояму жертвовать столь драгоценным для него элементом, как время, но уже только в этом одном факте ясно видно несовершенство проявленного в эту войну нашим врагом военного искусства. Действительно: а) план войны был не только составлен заблаговременно, но прорепетирован за несколько лет назад (японско—китайская война); б) подготовка армии к войне во всех деталях, т. е. в отношении мобилизации, сосредоточения, перевозки морем, снабжения и пополнения, конечно была блистательна; г) знание театра военных действий баснословное, потому что армию вел тот же генеральный штаб, который уже провел ее один раз, и большинство которого жило на театре военных действий в продолжение нескольких лет до войны; д) пути сообщения были разработаны в совершенстве противником, т. е. русскими, и е) наконец противник же позаботился подготовить до некоторой степени и продовольствие. Ну, при таких условиях, подвести к полю решительного сражения 200—150 тысячную армию со скоростью полутора верст в сутки не есть образец военного искусства.

Да не подумают однако читатели, что такое медленное, не выдерживающее никакой критики наступление японского полководца было обусловлено тем сопротивлением, которое ему оказывал его русский коллега, стремившийся «использовать все тактически выгодные позиции [404] Маньчжурии[49]. Такое заблуждение легко опровергнуть. Избранных Куропаткиным на несчастие русского оружия в первом же столкновении с врагом на сухом пути (на морском мы уже давно пострадали) знаменитых генерала Засулича и полковника Орановского Куроки одним боем отогнал сразу на 150 верст; как только был убит Граф Келлер, Восточный отряд тотчас вспомнил опыт Засулича, тем более что начальником его штаба оставался: тот же герой тюренченской паники Орановский, и поспешно убрался на Ляндясанскую позицию, поближе к Ляояну; если он не промахнул дальше, то конечно лишь благодаря принципу нашего противника: никогда не преследовать,. не развивать одер-

[49] Да послужит смягчающим Куропаткину вину обстоятельством то, что он покрыл себя лаврами в песчаных степях Аравийской пустыни, т. е. в Средней Азии, где действительно позиций немного; в Маньчжурии же позиция на каждой сопке, и естественно увлечься их использованием... Однако капитан, позднее подполковник генерального штаба Куропаткин воевал и на Балканах... но и там, и тут он состоял при Скобелеве, исполнял поручения Скобелева, а здесь. в Маньчжурии, увы, Скобелева не было.

жанный успех — словом строить побежденному золотой мост. Что касается Южного фронта Маньчжурской Армии, то конечно не Вафангоу остановило японцев, ибо все остальные позиции были отданы почти. без боя; на юге, благодаря таким кавалерийским офицерам, как Воронов и комп., лихорадка от одной мысли о появлении японцев вибрировала чуть ли не с 20-х чисел марта месяца, когда еще не было в Маньчжурии ни одного японца (кроме конечно переодетых китайцами шпионов); перед же самым генеральным сражением— 13, 14, 15-го августа мы просто приглашали противника наступать, даря ему железную дорогу с оборудованными станциями и даже обильными запасами интендантского довольствия, вероятно заманивая к Ляояну... и заманили.

Итак японцы потеряли массу времени и доползли до сцены «трагедии Ляоян» только к 7-ми часам утра 11-го августа, когда начали обстреливать, или вернее сами были обстреляны передовым отрядом 3-го Сибирского [405] Корпуса у д. Тунсинпу; это было начало последнего акта задуманной Оямой операции наступления на русскую армию, с целью нанесения ей решительного удара, т. е. завязка генерального сражения под Ляояном.

Интересно решить вопрос: был ли уже задуман японским главнокомандующим, в минуту завязки генерального сражения, план его выполнения, т. е. нанесения решительного поражения врагу не только принуждением очистить окрестности Ляояна, но и совершенным разбитием армии. Конечно вряд ли Ояма мог предугадать, что участь сражения будет решена на правом берегу р. Тайцзы, в окрестностях Янтайских копей, но все-таки полагаю, что на этот вопрос можно ответить утвердительно.

10-го августа, готовясь на следующий день одним смелым порывом захватить котловину Тунсинпу и сбить правый фланг Ляндясанской позиции, японцы вероятно предполагали, что участь великого исторического события будет решена на левом берегу р. Тайцзы; они намеревались опрокинуть Восточную группу Русской Маньчжурской армии в р. Тайцзы и отрезать пути отступления Южной группы; когда же этот план не удался, вследствие поражения Японской Гвардии 11—13-го августа, при Тунсинпу и Тасигоу, но все же победившие Русские войска, очистив свои позиции и отступая к Ляояну, тем самым продолжали выказывать абсолютную пассивность и отказ от маневрирования, то Ояма решился на более рискованную операцию—перенесение действий своим правым флангом на правый берег р. Тайцзы, чтобы устроить Русской армии нечто вроде Седана, для чего однако у него не хватило сил, ибо своим доблестным боем

русские корпуса окончательно их подорвали. Такое предположение основано на соблюдении нашим противником самых простых требований военного искусства: 1) элементарное правило стратегии состоит в том, чтобы стремиться отрезать путь отступления противнику, 2) полное игнорирование русским военноначальником своего важнейшего левого фланга; ведь Куропаткин обратил все свое внимание на укрепление и прочное занятие позиций [406] для обеспечения южного и юго-восточного фронта своей базы Ляояна; без всякого сомнения японцам было известно, что мы не позаботились достаточно приспособить позицию Сыквантунь—копи Янтай.

А если это так, то значение удерживания за собою Анпинской и Ляндясанской позиций возможно продолжительное время имело первостепенное значение: японцы не могли приступить к осуществлению задуманной ими операции на правом берегу р. Тайцзы, пока им не удалось сбить нас с этих позиций. При условии, что вплоть до 16 августа удары наносились исключительно на Восточный фронт Маньчжурской Армии, Куропаткин имел полную возможность поддержать корпуса Бильдерлинга; мало того, победное начало боев—я говорю про действия 3-го Сибирского корпуса 11—13 августа — давало возможность нам перейти в наступление, и конечно от этого общее положение дел могло только выиграть. В этом смысле бои у Тунсинпу и Тасигоу получают еще большее стратегическое значение. Но Куропаткин совершенно не отдавал себе отчета в обстановке и с легким сердцем послал приказ очистить Ляндясанскую позицию, т. е. сыграл в руку Ояме, предоставив ему полную возможность осуществить задуманный им решительный удар на наш левый фланг и тыл.

Продолжаю описание боя вверенного мне отряда 14-го августа.

С 6 часов утра японцы открыли редкий ружейный огонь с дальних дистанций и вели его таким образом в продолжение двух-трех часов. Люди варили чай за гребнями и по очереди пили, закусывая сухарями. Все следовательно шло благополучно, но в самом начале перестрелки мне донесли, что тяжело ранен фельдфебель 10-й роты Серов. Это была большая потеря для отряда, ибо не всякий офицер мог заменить героя. К сожалению, рана оказалась весьма серьезной (в живот, и через несколько дней он скончался в санитарном поезде). Около 8 часов утра японская артиллерия начала обстреливать расположение 12 стрелкового полка и, как казалось [407] нам, довольно удачно, так что через час времени некоторые сопки были очищены; японцы пристреливались чрезвычайно ловко. Я запретил совсем отвечать на ружейный огонь противника, отчасти потому что

вообще считаю бесполезной стрельбу на дистанцию более 1500 шагов, да кроме того не хотел сразу обнаруживать противнику наше расположение; наконец следовало беречь патроны для более решительных минут боя.

Не помню, в котором часу пришло предложение (а не приказание) г. Кашталинского, «попробовать перейти в наступление и взять д. Тасигоу». В это время положение 12-го полка было уже серьезно, и до двух батальонов противника медленно, но шаг за шагом, подвигались к нашей позиции. Зарайский полк стоял своим правым флангом по крайней мере на $1^1/_2$ версты уступом назад. При такой обстановке я не задумался ответить на сделанное мне предложение приблизительно следующими словами: «если вчера вверенный мне отряд, Зарайский полк и отряд г. Столицы не взяли Тасигоу и отошли, то в настоящую минуту в моем распоряжении имеется всего 2 расстрелянных, голодных и босых роты». Тем не менее я тотчас послал командиру Зарайского полка п. Мартынову приглашение начать наступление. На это получил в самом непродолжительном времени категорический отказ и еще товарищескую частную приписку о бесполезности предлагаемой попытки, которая, по мнению Мартынова, могла повести только к напрасным потерям. Впрочем я заранее знал какой мог последовать ответ и предупредил об этом отрядного адъютанта сотника Васильковского. Исправлявший должность начальника штаба г. Кашталинского подполковник Гиршфельд после войны объяснил мне мотивы сделанного мне предложения «взять Тасигоу» следующим образом: «явились серьезные опасения за положение отряда г. Столица, стоявшего левее, и поэтому решились, для выручки его из критического положения, пожертвовать вверенным мне отрядом, считая его способным на самые решительные и энергичные действия». Так как взять Тасигоу было мне [408] предложено, а выполнить это с 2 ротами и 3 сотнями (расстрелянными) я не видел возможности, и, по данной обстановке, выручать мне было некого, то, как тогда, так и теперь, удовлетворен своим решением—не делать напрасной попытки, тем более, что командир Зарайского полка решительно отказал в своем содействии. Прикрытие же отхода отряда г. Столица было выполнено вверенным мне отрядом, как это видно из нижеследующего описания, в полной мере, насколько того требовала обстановка.

Выше я несколько раз говорил, что с утра 12 августа ожидал прибытия подкрепления отряду в составе 2-х рот 9-го В.-С. стр. полка под начальством князя Амилахори, столь отличавшегося накануне в деле Зарайцев; так как по прежнему подкрепление не

прибывало, а ряды рот отряда сильно поредели, да к тому же по ходу боя в 12-м полку, было уже заметно скорое очищение позиции, то приходилось думать об исполнении возложенной на нас серьезной задачи прикрытия отступления наших войск. В виду сего я напомнил г. Кашталинскому о необходимости прибытия наконец подкрепления. Просьба была уважена, и, примерно через час (около полудня), прибыли 2 роты Зарайцев, что было очень кстати, так как противник заставил часть 12 полка очистить свою позицию.

На нашем участке японцы начали подготовлять атаку артиллерийским огнем и, как то сразу прекратив обстреливание участка 12 полка, направили огонь не менее 2-х батарей на нас: Однако, подобно тому как и 12 августа, результаты действий японской артиллерии были совершенно нулевые: все снаряды делали огромные перелеты и рвались далеко сзади нас, за тыловыми по отношению к нам гребнями. Странно, до чего капризное дело артиллерийская стрельба: очевидно по нас стреляли те же, или часть тех же батарей, которые так быстро пристрелялись по позиции 12 полка, а теперь они никак не могли перейти на поражение по моим ротам и, выпустив не одну сотню снарядов, достигли лишь единственного результата, избавив [409] меня от моего ординарца. Я остановлюсь на этом случае, потому что он характеризует в некоторой степени ненормальность морального состояния некоторых офицеров.

Как раз перед переносом огня с участка 12 полка мы, сидя на высокой сопке, следили за попаданиями шрапнели по одной из сопок занятых ротою, по которой японцы особенно удачно пристрелялись. Состоявший при мне ординарцем офицер[50] довольно, хладнокровно высказывал свою оценку искусной стрельбе неприятеля. Вдруг над нашими головами загудело, и через минуту сзади нас послышался треск шимозы. Еще раз... и то же самое... Офицер совершенно изменился в лице и жалобным тоном спросил: «да что же это такое?»—«Это теперь по нас»—ответили ему,—«ждите разрывов поближе, если они так же удачно пристреляются, как по 12полку». Я не имел более времени следить за ординарцем, так как был занят распоряжениями, но позднее, видя повторение перелетов, вспомнил, что они опасны для стоявших в резерве казаков, и тотчас отдал приказание: «поезжайте и передайте есаулу Желтухину, чтобы он немедленно переменил место стоянки резерва; во всяком случае, чтобы не держал казаков под огнем». Подъесаул немедленно побежал вниз и вероятно ускакал. Он не вернулся затем ко мне почти до

[50] Из числа патентованных разведчиков, избранных из драгунских полков и получавших усиленного размера суточные деньги.

конца боя. Конечно некоторое чувство не позволило ему приехать вновь на место, где уже тогда начинали реветь снаряды и свистать пули, а через несколько минут началось настоящее дело.

Прибывшие роты зарайцев расположились: одна продолжила левый фланг моих рот, а другая на позиции уступом назад слева, для прикрытия отхода отряда. Бой разгорался; роты уже были в полном огне, но несли, благодаря отличному укрытию, малые потери. Я видел, как постепенно очищали свою позицию соседние участки, но все еще ожидал приказания отступать. [410]

Наконец пришла записка от г. Столица, и я приказал ротам 9-го полка последовательно отходить назад к перевалу; полурота Зарайцев должна была присоединиться к уже готовой к бою на второй позиции роте того же полка. Есаулу Желтухину было приказано спешить всех казаков еще дальше назад уступом, чтобы принять на себя отступающих Зарайцев, а, для прикрытия их отхода, 10-я рота капитана Томашевского должна была занять 4-ю позицию.

Отдав все распоряжения и не сомневаясь, что они будут выполнены в точности, я считал своим долгом руководить лично выходом из боя тех трех рот, на которые легла вся тяжесть боя последних минут, на главной покидаемой позиции. Вопрос усложнялся тем обстоятельством, что все части должны были, спустившись сперва в мертвое пространство, переходить затем через перевал, на котором именно сосредоточивался перекрестный ружейный огонь противника. Я говорю перекрестный, потому что, с отходом 12 полка, японцы уже несколько охватили наш левый фланг, а так как Зарайцы тоже уже начали отступать (правее нас), то и оттуда был направлен на нас продольный, или во всяком случае косой огонь. Оставив свой командующий наблюдательный пункт, я спустился к перевалу, приказал увести всех верховых коней вне сферы огня и влез на небольшую кумирню у самой дороги. По степени обстреливания этого пункта только ружейным огнем (японцы продолжали усиленно обстреливать артиллерией наш тыл на таком расстоянии и в таком направлении, что не могли причинить к счастью ни малейшего вреда своими снарядами—преимущественно шимозами) я сперва думал, что вывести без огромных потерь не придется ни одну роту, но всего в нескольких шагах заметил овраг—промоину, глубиною полторы сажени, по которой и следовало выводить всех людей. Как раз в эту минуту начали подходить стрелки 10-й роты. Я указал направление и начал следить за начинавшимся боем Зарайцев со второй позиции, когда увидел большую толпу в полном беспорядке [411] отступавших стрелков. Оказалось, что то были 3 — 4 роты 12 полка,

взявшие неверное направление, так сказать, запутавшиеся в сопках и очутившиеся в расположении моего отряда. Их присутствие могло сделать положение критическим, так как они запрудили и без того узкую щель, через которую был единственный выход отряду. В виду сего я крикнул 10-й роте: «Дети, бегом, проходите как можно скорее. У нас не бегают но, когда нужно, я приказываю бежать, чтобы очистит дорогу». Стрелки засмеялись, крикнули мне: «Ваше Высоко- благородие, сойдите вниз, просим», и, скорее беглым шагом, а не бегом, рота в стройном порядке исчезла в овраге. Я приказал 9-й роте немедленно остановиться и выждать, пока не пройдут все стрелки 12 полка, которых мне удалось вывести в 20—30 минут времени. Когда проследовала последнею 9-я рота, и я уверился в твердости расположения полутора рот Зарайцев на их второй позиции, то сошел с кумирни, присоединился к стоявшей у обрыва свите и поздравил их с благополучным ходом дела. Действительно японцы продолжали совершенно безрезультатную артиллерийскую стрельбу, а, вместо того, чтобы удвоить энергию своего наступления, или даже перейти в атаку, продолжали обстреливать усиленным ружейным огнем покинутую нами позицию и перевал, который также был очищен. Охват нашего левого фланга замер, и только около двух рот, с расстояния до 800 шагов вступили в состязание с Зарайцами, расположившимися на второй позиции. Я пошел вслед за отступавшей 9-й ротой и вышел к коноводам есаула Желтухина, которому приказал обстреливать японцев, угрожавших атакой Зарайцам. Получив донесение от последних, что противник не только не наступает, но прекращает огонь, я отдал приказание отходить и Зарайцам, приказал Желтухину дождаться их отхода и затем, очистив позицию, либо пристроиться к позиции Томашевского (10-й роты 9-го полка), если японцы будут продолжать преследование, либо следовать за 10-й ротой, не теряя связи с противником. Впрочем уже на позиции [412] Желтухина было видно, что дело кончилось, и противник удовольствуется тем успехом, что мы очистили наши позиции, которые, кстати сказать, конечно можно было бы и не очищать, так как напор противника был в этот день вообще сравнительно слаб, а преследование лишь обозначено.

Когда я прибыл на позицию есаула Желтухина, то спросил его, не потерпели ли казаки от артиллерийского огня. Тут только вспомнил, что уже более двух часов времени ко мне не возвращался посланный с приказанием к Желтухину офицер—ординарец. Желтухин сообщил мне, что он видел его уже давно и получил от него мое приказание. Я понял в чем дело и поэтому приказал так: «Есаул,

немедленно пришлите мне другого офицера ординарца, а этому передайте, что я его более видеть не желаю, так как он в продолжение двух часов не мог вернуться ко мне доложить об исполнении приказания, и я отлично знаю почему[51].

На позиции 10-й роты Томашевский доложил мне, что в цепи залегла всего полурота, так как по-видимому противник прекратил бой и наступление. Я приказал ему подождать подхода казаков и отступать долиною Сянсанцзы-Вейдягоу, согласно полученного приказания от г.-м. Столицы. В отношении получаемых от этого генерала приказаний об отступлении, я был неоднократно поставлен в довольно странное положение: то приказывалось отходить, то - удерживаться на позиции. Последнее приказание заключало в себе именно приказание драться, но в это время, согласно полученных ранее распоряжений, вверенный мне отряд уже очистил главную позицию, и только казаки и рота Томашевского прикрывали общее отступление. Однако на том конверте, в который было вложено приказание, спешно, карандашом было надписано: «отступайте».

Так закончился бой за Ляндясанскую позицию; мы его [413] начали и мы же его закончили, прикрыв отступление других частей. Конечно отступать было тяжело, но состояние духа отряда после непрерывных трех-дневных успехов было прекрасное. Не смотря на утомление боями и маршами, все были бодры и веселы. Надо было позаботиться о пище, и сама судьба пришла нам на помощь. Отъезжая от позиции казаков, мы встретили стадо козлов, гонимое китайцами нам навстречу, т. е. по направлению к японцам. Я немедленно приказал гнать это стадо при нашей походной колонне, когда отряд соберется, а пока поручил его своим верным вестовым. Козы пригодились нам как нельзя более кстати, и двое суток весь отряд имел отличное мясо.

Конец 2-й части.

К. Дружинин.

Харбин 1905 г.
Владивосток 1906 г.
Уральск 1907 г.
С. Петербург 1908 г.

[51] Позднее офицер сознался мне, что он может выносить свист пуль, но совершенно не переваривает звуков полета и разрыва артиллерийских снарядов. Что делать, были у нас в армии и такие офицеры!

[414]

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1-е

ПРИКАЗЫ

передовому отряду правого фланга Восточного отряда Маньчжурской Армии.

Июля 25 дня 1904 г., д. Тунсинпу. № 1.

1. По приказанию незабвенного, павшего 18 числа сего месяца на батарее атакованной врагом Тхавуанской позиции, нашего Начальника, отдавшего Свою Жизнь во славу Царя и Родины, Генерал-Лейтенанта Графа Келлера, я вступил в командование отрядом 15 июля. Мои боевые подчиненные и товарищи уже выполняли славную, боевую задачу с 20-го июня, причем обе стрелковые роты разили неприятеля с последних чисел марта. Мне было более чем легко продолжать исполнение возложенной на отряд задачи, командуя такими боевыми обстрелянными войсками. Поэтому теперь, после 10-ти дневной напряженной совместной, боевой деятельности, я прежде всего объявляю мою благодарность по долгу службы и от себя лично моему ближайшему помощнику Князю Амилахори, Г.г. Ротным и Сотенным Командирам, всем Г.г. офицерам, мое спасибо всем лихим молодцам стрелкам и казакам.

Мы можем думать и гордиться, что работали хорошо у Титуню, потому что со вчерашнего дня имеем счастье выполнять новую, считаемую особенно важной нашим Начальником, задачу. Мы выполним и эту, и еще труднейшую так доблестно, как только могут действовать и сражаться Русские войска. Выступив с Мяолина в 2 часа дня, имея противника перед фронтом и на фланге, по недоразумению [415] обстрелянные (что иногда бывает при сложных действиях большого скученного количества войск) нашими же, мы в полночь уже заняли указанное нам место, а через несколько часов лихая 2-я сотня разыскала противника на всей указанной нам линии фронта, и 20—25 молодцов-казаков вели упорный огневой бой с полуротой-ротой противника, нанеся ему существенный урон. 2 тяжелых марша не только не утомили моих славных стрелков, но сделали их еще бодрее и веселее; они бросили свой обоз, чтобы оставаясь вдали от своих войск, не иметь тыла, т. е. не дарить противнику своих вещей,—нас он взять не может нигде; когда надо было,—в виду до-

стижения в срок указанного важнейшего места, ускорить движение, я приказал бросить и весь запас продовольствия; стрелки весело зашагали с сухарями на один день, зная, что прежде всего боевая задача, а вопрос хозяйства отпадает. Солнечная жара, а сейчас суточные ливни, обратившие в реки даже тропинки, не утомляют стрелков и казаков, да и не могут помешать им: мы русские—для нас нет невзгод и препятствий, когда мы должны соблюдать славу Царя и Отечества. Спасибо молодцам, Вы, русские богатыри.

2. В приказе В. отряду 23 июля № 137 сказано: «В виду усиленных и трудных переходов, выпавших на долю отряда Полковника Дружинина, разрешаю выдать нижним чинам на предстоящую неделю по три чарки водки». Предписываю озаботиться исполнением сего приказа. Я не доносил по начальству о трудности переходов и, помните, никогда об этом не донесу. Вы видите, начальство и без того знает и заботится о нас; взамен брошенного нами продовольствия было доставлено через 24 часа—новое.

3. Предписываю К—ру 2-й сотни составить и представить мне письменное подробное описание перестрелок 24 июля, так как я хочу ходатайствовать о награждении наиболее отличившихся; выражаю ему особенную благодарность за установление соприкосновения с противником 24 сего июля—в кратчайшее время—смело, решительно и верно. [416]

4. 4-й роты унт.-оф. Корпицкий и ряд. Чаус, за точную, ценную, особенно важную разведку противника в самом его расположении и под огнем, 2-й сотни вахмистр Рожков и казак Бородкин, за лихую разведку под сильнейшим огнем и храбро-искусное действие под расстрелом, а последний еще и за то, что остался в строю, получив две раны; представлены мною к награде.

5. Объявляю особенно отличными разведки противника, произведенные хорунж. Аничхиным (Никол.) и хорунж. Аничхиным (Григор.). 1-й—19 июля разведывал под огнем партии японцев, наступавших южнее д. Уцзяфан и 23 июля своевременно выяснил наступление противника на марше из Мяолина к Лаодитану и способствовал отряду в достижении поставленной ему задачи—своевременного прибытия в Тунсинпу. Мы не избегали боя, но не желали его, так как нам было известно, что выяснение сил и намерений противника в этом районе были возложены на другие сильнейшие нас отряды, а нам надлежало прибыть возможно скорее в Тунсинпу; 2-й—25-го июля выяснил точно, что д. Нютхиай не занята серьезными силами противника, а лишь частями сторожевого охранения. Эти данные не могут не иметь серьезнейшего значения, как для нашего, передового, так и всего Восточного отряда.

6. 3-й сотни урядник Порушков 21 июля отвез чрезвычайно важное донесение в штаб Восточного отряда и доставил ответное приказание, сделав непосредственно по окончании дневного перехода еще 70 верст в 10 часов времени (дорога то ведь из Маньчжурских!). За такое лихое исполнение жалую ему 10 руб. Вахмистр 3-й сотни определил мне с точностью 2-х минут время возвращения Порушкова, — спасибо, старый, опытный служака, знаешь способность своих людей и крепость своих коней.

7. Предписываю всем чинам отряда никогда не пропускать ни одного из чинов (офицер или нижний чин— безразлично), возвращающихся от противника, без того, чтобы не направить их ко мне и, мало того, принять меры, чтобы я их видел и говорил с ними. Был случай, что [417] возвращался через наш отряд стрелок, пробывший несколько суток в районе противника. Трое из наших говорили с ним, посылали его ко мне, а я его не видел. Этого не должно быть, так как мы составляем передовую и разведывательную часть; конечно, штаб В. отряда получил бы несколькими часами ранее важные сведения, если бы названный стрелок был у меня. Прошу обратить на это особенное внимание и внушить мое требование всем нижним чинам.

8. Предлагаю князю Амилахори внушить Г.г. ротным командирам, чтобы они впредь обращали большее внимание на точность исполнения подробностей моих приказаний.

9. Благодарю еще раз всех и прошу помнить, что мои требования по долгу службы будут всегда беспощадны, но за то моя благодарность по службе будет всегда во всей мере предоставленной мне власти, а лично я только и живу теперь для Вас и Вами; у меня нет других интересов, кроме Ваших, другой потребности, кроме желания быть Вам полезным командиром и отцом и разделять с Вами все тягости и лишения, которые ведут нас к славе и славе.

10. Хорунжий Аничхин (Григорий) назначается мною с сего числа исполняющим обязанности отрядного адъютанта и освобождается от службы в сотне, кроме нарядов разъездной службы для соприкосновения с противником.

11. Приказ этот прочесть в ротах и сотнях, причем, читая, перед словом первого пункта «незабвенного», командовать: «шапки долой», а после слов того же пункта: «Граф Келлер», командовать: «накройсь».

Начальник Отряда Полковник Дружинин.

Дополнение к приказу № 1.

Считаю промахом со своей стороны, что не высказал благодар-

ности в приказе № 1 к-ру 2-й сотни за вождение колонны на ночном марше из Лаодитана в Тунсинпу и не только ему, но и всем чинам сотни, а в особенности подъесаулу Исееву, а также подъесаулу Анчихину (Виктору) за вождение колонны на ночном марше из Тыашентунь [418] в Мяолин. Если на первом ночном марше (в Мяолин), при луне, были некоторые недоразумения, а второй (в Тунсинпу) по труднейшей местности, при совершенной темноте, был исполнен без осечки, то приписываю вину этих недоразумений всецело себе, в том отношении, что забыл напомнить некоторые основные правила. Что делать, многое основное и простое забывается. Да послужит этот случай напоминанием каждому из нас, что никогда не следует забывать правил Устава Полевой службы, которые должны жить в нас, так сказать, как Отче Наш. Наш Устав так совершенен, как только могли создать его опытность и знание наших учителей—славных Генералов Начальников Русской Армии. Прошу возобновлять Устав в памяти всех, при каждом свободном часе.

Начальник Отряда Полковник Дружинин.

Августа 9-го дня 1904 г. № 2.

1. 7 августа 1-я и 4-я роты 9-го Восточно-Сибирского полка вышли из состава вверенного мне отряда, будучи заменены 9-ю и 10-ю ротами того же полка. Я уже имел случай выразить благодарность по службе и от себя доблестным ротам. Теперь, расставаясь с ними, я повторяю, что благодарю за службу Г.г. Ротных Командиров, Офицеров, а молодцам удалым стрелкам говорю от сердца спасибо. В самом деле, не смотря на трудную сторожевую службу, при самых неблагоприятных условиях погоды, я никогда не видел сумрачного усталого взгляда. Бодрость, желание работать и действовать—вот что читал я в глазах всех нижних чинов. Спасибо Вам Фельдфебеля, Унтер-офицеры и все Рядовые.

2. Получив приказание Начальника Восточного Отряда произвести дальнюю разведку на юг, с целью выяснения передвижений противника между долинами Сидахыа и Ломогоу, я обратился к вызову охотников из 1-й роты. Вызвались старший у.-офицер Кравченко, доброволец ефрейтор Тихонов, ефрейтор Тарандушка, стрелки Копылов, Игнатьев и Проценко. Отправившись на разведку в 5 часов дня 29 июля, охотники провели в [419] расположении противника ровно 3 суток, и добытые ими сведения должны быть отнесены к самым важным, при чем они проникли далеко за указанные мною им пределы разведки. Такой подвиг говорит сам за себя. Говоря молодцам разведчикам спасибо, объявляю, что вошел с ходатайством о награждении их.

3. За 3 дня особенно сильных дождей поднятие воды в долине Кимисы—Шанматун заставило нас потерять временно соприкосновение с противником; разъезды пытались переправляться вплавь, но я запретил это. По окончании ливней я приказал Сотнику Васильковскому во-первых точно разведать главнейшее направление к противнику, на Холунгоу—Нютхиай, а во-вторых устроить поиск в район противника, для его тревожения. Сот. Васильковский исполнил возложенную на него задачу следующим образом. Взяв 4-х охотников 9-й роты и 5 казаков, оно выступил 6 августа с вечера на разведку противника и местности. На следующий день, исследовав вполне точно и подробно указанное ему направление и избранный им самим район действий, он донес результаты своей разведки (весьма ценные и важные), и, притаившись на сопке в районе противника, следя за его каждым разведчиком и щадя отдельных японцев ради скрытности задуманного предприятия, до полуночи выжидал прибытия остальных охотников. Тем не менее китайцы, а может быть и бдительность нашего осторожного врага, выдали убежище Васильковского, но в ту минуту, когда японцы лезли на сопку, с нашей стороны прибыло подкрепление в составе 21 стрелка и 4 казаков. Появление наших заставило японцев быстро удалиться. В виду такой обстановки, Сот. Васильковский, дав отдых прибывшей команде, пошел дальше, пользуясь покровом темноты, в глубь расположения противника, по горам. Искусно минуя посты противника, команда пробралась значительно вперед, но густой туман не позволил произвести подробных наблюдений. Установлено, что расположение противника не изменилось, и д. Нютхиай по прежнему занята только сторожевою частью противника. По всей вероятности [420] разведчики, при возвращении своем на Холунгоу, были бы встречены сотней японцев, вышедшей им в тыл, если бы нам не удалось отбросить их утром того же дня. Оценивая во всех отношениях доблестную, бесстрашную и полезную деятельность всех участников разведки, я прежде всего благодарю организатора и исполнителя всего дела Сотника Васильковского, а также благодарю всех стрелков и казаков за удаль, лихость и рвение.

4. 8 августа наша команда разведчиков под начальством Сотника Васильковского, отправившаяся на поиск в расположение противника, могла быть отрезана засадой японцев у д.д. Хоганза—Холунгоу, о чем донес мне сотник Зеленков, высланный вперед именно для обеспечения возвращения команды, с полусотней 3-й сотни 2-го Читинского полка. Не доходя д. Хоганзы, японцы обстреляли казаков и убили одну лошадь. Тогда я двинулся немед-

ленно на помощь с полуротой, под начальством Капитана Кантарова, а над полусотней принял начальство Есаул Князь Долгоруков. Полуроте пришлось пройти боевым порядком более 2-х верст в гаоляне и перейти 3 раза в брод горный поток по пояс и выше в воде. Это движение исполнено быстро, сноровисто и уверенно, при постоянном ожидании перестрелки, так как противник отступал перед нами. Для действия противнику во фланг я приказал Князю Долгорукову выйти к д. Хоганзе по противоположному берегу реки, предоставив ему полную самостоятельность. Несмотря на кружный путь и вероятность быть обстрелянной с сопок, полусотня быстро, разведывая на ходу, решительным движением все время обходила расположение противника, поддерживая связь со стрелками и, так сказать, очищая им дорогу. И полурота и полусотня выполнили перед этим трехдневный наряд сторожевой службы. Объявляю мою благодарность по службе Есаулу Князю Долгорукову, Капитану Кантарову, всем стрелкам и казакам.

5. Обувь в обеих ротах находится в отчаянном состоянии: есть босые, которые ходят так в бой и поход. Я достал 200 пар китайских ул, которые предписываю [421] командирам рот немедленно купить и раздать стрелкам.

Начальник Отряда Полковник Дружинин.

Приложение 2-е

Краткое описание совместных действий для отражения обхода японцев на правом фланге Восточного отряда в бою при Ляндясане 13 августа.

Правый фланг Восточного отряда, в составе 24 В. С. стрелкового полка и четырех батарей под общей командой полковника Лечицкого занимал позицию на высотах к югу и юго-западу от с. Кофынцы.

Еще 12 августа явилось опасение, что неприятель обойдет нас с этой стороны.

В виду этого в десятом часу вечера 12-го августа, командиру 2-ой бригады 3-й В. С. стрелковой дивизии г.-м. Столица, с 2-мя батальонами 9-го и 2-мя батальонами 12-го В. С. стрелковых полков, при четырех орудиях пограничной стражи, было приказано: выбрать и к рассвету занять позицию, с целью обеспечить правый фланг Восточного отряда вообще и позицию п. Лечицкого в частности.

Произведя при свете луны рекогносцировку, г. Столица к рассвету занял позицию на высотах в $1^1/_2$ верстах к югу от д. Чандяопу, фронтом на Тасигоу-Сесигоу.

В то же время полковнику Дружинину с 2-мя ротами и 2-мя сотнями было приказано занять позицию правее г. Столица, на высотах у перевала в полутора верстах к юго-западу от д. Чандяопу[52].

Как только начало светать, артиллерия неприятеля со стороны д. Тунсинпу открыла огонь по позиции г. Столицы, а вскоре было обнаружено и наступление неприятельской пехоты по долинам от д.д. Катасы и Сесигоу.

Встреченные дружными залпами стрелков, японцы повернули [422] назад. После этого неприятель несколько раз пытался проникнуть в том же направлении и по соседним более западным долинам, но всякий раз возвращался обратно, не выдерживая меткого огня батареи и стрелков. Затем японцы начали движение по долине Тасигоу-Павшугоу, протянувшись своим крайним левым флангом почти до последней деревни и угрожая обходом не только отряду г. Столицы, но и отряду п. Дружинина.

При таких условиях г. Греков выдвинул для дальнейшего обеспечения фланга войскового старшину Висчинского, с отрядом из 10-й роты 12-го В. С. стрелкового полка, 1-й и 4-й сотен 2-го Верхнеудинского казач. полка.

В девятом часу утра Висчинский занял своим отрядом (при чем казаки были спешены) высоту в полуверсте восточнее деревни Павшугоу (эта высота выдвигается в долину и с нее последняя видна продольно почти до самого устья ее у Тасигоу). Здесь к нему присоединилась конная охотничья команда 12-го В. С. стрелкового полка, тоже в пешем строю.

Японцы очевидно готовились к производству атаки на линии Тасигоу-Павшугоу, во фланг общему расположению Восточного отряда. С этою целью они в одиночку и небольшими кучками перебегали с западной стороны долины (Тасигоу-Павшугоу) на восточную, собирались в укрытых лощинах и затем продвигались вперед. Точно также было обнаружено наступление неприятеля и со стороны Тасигоу, где он частью укрепился на высотах севернее этой деревни, частью же распространялся вверх по долине и по горам к востоку от нее. Насколько выяснилось из обстоятельств последующего боя, силы японцев на участке Тасигоу-Павшугоу были не менее бригады пехоты.

В случае если бы неприятелю удалось оттеснить отряды г. Столицы, п. Дружинина и в. ст. Висчинского, то положение правого фланга Восточного отряда сделалось бы критическим и во всяком случае батареи расположенные к юго-западу от Кофынцы не удалось бы вывезти.

---

[52] Такого приказания я никогда не получал. К. Дружинин.

Понемногу накапливая свои силы в горных лощинах [423] восточнее долины Тасигоу-Павшугоу и в самой долине у ее восточного обрывистого края, японцы в то же время поддерживали оживленную перестрелку с нашими отрядами и делали даже попытки к частным переходам в наступление,

В 10 час. утра к высоте, на которой был расположен отряд в. ст. Висчинского, подошла, из долины Сянсанцзы — Чандяопу голова Зарайского полка. Этот полк был направлен командующим армией от Цофантуня (из окрестностей Ляояна) с приказанием: «обеспечить от обхода правый фланг Восточного отряда занимавшего Ляндясанскую позицию.»

Познакомившись с положением дел, командир полка п. Мартынов решил немедленно перейти в наступление прямо во фланг обходившему противнику. Приняв это решение, командир полка направил: 1-й батальон — по западному краю долины Павшугоу—Тасигоу; 3-й батальон — по восточному краю той же долины; 4-й батальон — по горам восточнее долины; 2-й батальон за четвертым в резерве.

Пешей охотничьей команде было приказано двинуться по горам западнее долины, конным охотникам охранять правый фланг, а состоявшему при полку 6-му эскадрону Черниговских драгун—оставаться у дер. Павшугоу для обеспечения тыла.

Конечною целью наступления было поставлено: по возможности совершенно оттеснить обходившие неприятельские части, для чего следовало продвинуться на высоты севернее Тасигоу, т. е. выйти на одну линию с фронтом позиции Восточного отряда.

Наступление Зарайцев началось в 12-м часу дня. Пораженные неожиданным появлением целого полка, японцы пытались загнуть свой крайний левый фланг и при помощи частого огня удержаться на сопках и кряжах восточнее долины.

Тем временем Висчинский со своим отрядом перешел долину Павшугоу—Тасигоу и поднялся на высоты к западу от нее, где к нему примкнула пешая охотничья [424] команда Зарайского полка. Отсюда был обнаружен неприятельский резерв, в густой колонне стоявший в восточном изгибе долины за кряжем. Висчинский открыл по этой колонне самый частый огонь с предельных дистанций.

Колонна быстро рассыпалась и скрылась за горами, оставив на месте много трупов.

Между тем, две роты Дружинина выдвинулись со своей первоначальной позиции и открыли огонь с восточной стороны.

В то же время г. Столица, не зная еще о прибытии Зарайского

полка, но, слыша правее своей позиции участившуюся стрельбу, приказал полковнику князю Амилахори с $2^1/_2$ ротами перейти в наступление. Назначить для этого большие силы он не мог, так как он уже выслал значительную часть своего отряда на поддержку п. Лечицкого, против которого сосредоточивались значительные силы неприятеля.

При указанных условиях, теснимые с северо-запада (со стороны Павшугоу) Зарайским полком, а с востока $2^1/_2$ ротами Амилахори, осыпаемые пулями с трех сторон, японцы нигде не могли задержаться и скоро принуждены были к беспорядочному отступлению и даже бегству, провожаемые огнем орудий г. Столицы[53].

Около 2-х часов дня перед наступавшими частями оставались лишь быстро отходившие одиночные люди и небольшие кучки противника. Около этого же времени от подпоручика Бойсмана, охранявшего с конными охотниками Зарайского полка правый фланг боевого порядка, было получено донесение о том, что к Елюлинцзы в трех верстах к западу от Тасигоу собираются части японской пехоты, а севернее этой деревни, в долине стоит полк неприятельской кавалерии.

При таких условиях, признавая излишним дальнейшее наступление целым полком и опасаясь оставить [425] правый фланг Восточного отряда без прикрытия, п. Мартынов приказал 4 и 2 батальонам Зарайцев продолжать преследование до высоты севернее Тасигоу, а остальным двум батальонам снова подняться на горы и составить заслон фронтом на запад.

Около трех часов пополудни наступавшие части Зарайцев вышли на обрывистую высоту севернее д. Тасигоу. Здесь они оставались до наступления темноты, перестреливаясь с неприятелем расположенным по другую сторону долины Тасигоу—Кофынцы.

Вечером весь Зарайский полк снова собрался у д. Павшугоу. Одновременно с Зарайцами на высоты у Тасигоу вышли также некоторые роты из отряда г. Столицы, но последний около 5 час. вечера, узнав о присутствии там Зарайцев, отозвал их обратно, так как в это время все его резервы были уже израсходованы на поддержку п. Лечицкого.

Что касается отряда в. ст. Висчинского, то он остановился на высоте, не доходя версты полторы до большой долины Тасигоу — Кофынцы. Продвигаться дальше он считал опасным, так как охотники Зарайского полка обнаружили у деревни Елюлинцзы сосредото-

[53] Значит вверенный мне отряд совсем бездействовал. К. Дружин.

чение значительных сил противника, и кроме того в отряде почти уже не оставалось патронов.

В описанном бою наши войска понесли следующие потери убитыми и ранеными:

Зарайский полк—3 офицера и 153 нижних чина. Отряд Генерала Столицы (4 батальона)—1 офицер и 151 ниж. чин. Отряд Войскового Старшины Висчинского—20 нижних чинов. Отряд Полковника Дружинина: 2 офицера и 28 нижних чинов.

Подписали:
Генерал-Майор Столица,
Генерал-Майор Мартынов,
Войсковой Старшина Висчинский.

[426]

Приложение 3-е

Официальное объявление в газете «Русский Инвалид» 1906 г. № 87.

В одном из периодических изданий в минувшем году командир 215-го пех. Бузулукского полка князь Амилахори указывал, что первостепенная роль в отбитии обхода японцами правого фланга позиции, в сражении под Ляндясаном 13-го августа 1904 г., принадлежит ему, командовавшему в то время ротами 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, а не 140-му пехотному Зарайскому полку, под командою полковника (ныне генерал- майора) Мартынова, за что последний был награжден орденом Св. Георгия 4 ст.

Заявление это было рассмотрено в георгиевской думе, которая ходатайство князя Амилахори о награждении его орденом Св. Георгия отклонила. Так как полковник князь Амилахори и после этого продолжал утверждать, что главная роль в означенном бою принадлежала ему, то, по просьбе генерал-майора Мартынова, командующим 1-й армией была собрана особая георгиевская дума, которая пришла к заключению, что честь отбития обхода японцами правого фланга позиции под Ляндясаном всецело принадлежит Зарайскому полку под командою полковника (ныне генерал-майора) Мартынова.

Приложение 4-е

В редакцию газеты „Русский Инвалид“.

С просьбою непременно напечатать в самом непродолжительном времени.

О том кому принадлежит честь отражения обхода японцами правого фланга Ляндясанской позиции 3-го Сибирского корпуса (бывшего Восточного отряда).

В номере 87-м «Русского Инвалида» сего (1906) года помещено официальное заявление о том, что в бою 3-го [427] Сибирского корпуса, 13 августа 1904 года, честь отбития обхода японцами правого фланга позиции под Ляндясаном всецело принадлежит 140-му пехотному Зарайскому полку, под начальством полковника (ныне генерал-майора) Мартынова.

В следующем номере 88-м появилась статья полковника Дружинина, под заглавием: «поправка к описанию Ляндясанской операции в номере 46-м Русского Инвалида».

Из сделанного автором статьи — участником боя, командовавшим отрядом действовавшим именно на самом крайнем правом фланге Ляндясанской позиции, изложения фактов явствует, что честь отражения обхода японцами до 11 часов дня принадлежит всецело 9-й и 10-й ротам 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, о чем свидетельствует и сам командир корпуса словами: «таким образом обеспечение правого фланга Восточного отряда (он же и 3-й Сибирский корпус) с ночи до полудня 13 августа легло на отряд полковника Дружинина».

Эти роты уже переходили в наступление к минуте вступления в дело Зарайского полка и сражались затем вместе с ним; кроме того, одновременно и даже впереди и раньше Зарайцев, что утверждаю, наступали и атаковали японцев 1-я и 4-я роты 9-го Восточно-Сибирского полка, под начальством подполковника князя Амилахори.

Принимая во внимание, что статья полковника Дружинина не может иметь того значения, как официальное заявление Русского Инвалида, я, как командир 9-го В. С. стрелкового полка, от лица всего полка, считаю своим долгом заявить, что мы никоим образом не можем признать, что честь славного боя у Тасигоу принадлежит 140-му пех. Зарайскому полку и его командиру не только всецело, но и в большей степени, чем ротам вверенного мне полка, которыми командовали: Приморского Драгунского полка полковник Дружинин, 9-го В, С. стр. полка подполковник князь Амилахори, капита-

ны: Врублевский (Кавалер ордена Св. Георгия [428] 4-й ст.), Гребенка (убит в сражении под Бенсиху), Кантаров и Томашевский.

Подлинное подписал командир 9 В. С. стрелкового полка полковник Месхиев.

6 июня 1906 года. Кр. Владивосток.

Редакция газеты «Русский Инвалид» отказала в напечатании этой статьи. К. Дружинин.

Приложение 5-е

Статья в газете «Русский Инвалид» 1906 г. №88.

Ляоянская операция.

(Поправка к описанию ее в № 46 «Рус. Инв». за 1906 г.)

Полковник Данилов, описывая действия войск 3-го сибирского корпуса (переименованного восточного отряда), говорит: «Утром 11-го августа, под прикрытием тумана, небольшой отряд японцев, перешедший в наступление от Пьяндявана и Шанматуна, потеснил передовые посты отряда полковника Дружинина, расположенного у Тунсинпу. С 8 ч. утра, в течение четырех часов, небольшой отряд полковника Дружинина (2 роты и 2 сотни) выдерживал бой против 3—5 батальонов японцев, действия которых, впрочем, не отличались решительностью.

В полдень Дружинин отошел к Тасинтуню, но так как противник прекратил преследование, то он возвратился к Тунсинпу, потеряв во время боя до 20 человек убитыми и ранеными. Японцы же заняли высоту 166 (такой на 2-х-верстной карте нет, а есть высота 161—в $4^1/_2$ верстах восточнее д. Тунсинпу) и на западном склоне ее приступили к возведению окопов, фронтом на Кофынцы».

Ничего подобного и даже похожего не было.

1. Японцы не потеснили наши передовые посты, а обошли двумя-тремя батальонами правый фланг заставы, стоявшей на перевале по дороге Тунсинпу-Сяматун. Отряд [429] наблюдал линию в 12 вер. протяжением от Киминсы, долиною реки, до д. Шанматун и к западу от последней; поэтому непрерывного охранения, при малом составе отряда, быть не могло. Попытка противника потеснить заставу ночью была отражена, и тем самым японцы предупредили нас о своем наступлении. Утром японцы воспользовались покровом необыкновенно сильного тумана для неожиданного наступления, а мы использовали его для неожиданной встречи; сторожевое охранение было отведено намеренно.

2. Не менее 5 батальонов противника нарвались на отряд совершенно неожиданно для себя, в тумане, рассеявшемся в 7 ч. утра, на занятую отрядом позицию, протяжением 2 версты, к востоку и юго-востоку от д. Тунсинпу; их наступление было тотчас остановлено выдержанным и метким огнем 10-й роты 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и 3-й сотни 2-го Читинского полка. В самом начале боя, командовавший правым участком позиции (казаки) есаул князь Долгоруков, по собственной инициативе, выбил с сопки наиболее продвинувшуюся часть японцев и, обеспечив таким образом правый фланг, окончательно ввел в заблуждение противника о наших силах; не имея артиллерии, он не осмелился решительно атаковать нас своими превосходными силами и ограничился лишь ружейным огнем и отдельными попытками продвигаться вперед, которые были останавливаемы нашим огнем. В полдень оба фланга отряда продвинулись вперед еще на полверсты. В 4-м часу японцы прекратили огонь, мы праздновали победу и пели «Боже, Царя храни». Противник даже очистил позднее склоны (западные) своей главной позиции, т. е. высоты 161[54], которую занимал с 6 часов утра, после отхода наших застав.

Таким образом в самостоятельном бою отряда 11-го [430] августа не только не было отхода ни на один шаг, а, наоборот, мы с самого его начала постепенно выигрывали пространство.

В 5 часов, по вступлении левее нас, в перестрелку 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (3 бат.) отряд перешел в решительное наступление, и в сумерках 2 роты и 1 сотня залегли в мертвом пространстве под позициями противника не далее 500—600 шагов от них. Мы готовились, по соглашению с командиром 10-го полка, в 9 часов вечера лезть по кручам на штурм, когда получили два приказания (устные через охотников 10-го полка) отойти на свою позицию, в виду сосредоточения против нас дивизии японцев.

По инструкции начальника Восточного отряда, генерал Греков должен был поддержать нас двумя сотнями; он выслал около полудня сотню 2-го Верхнеудинского полка для связи. Командир сотни есаул Маркозов принял мое приглашение не только держать связь, но сражаться, и в бою следующего дня был серьезно ранен. По его заявлению, казаков в сотне было не более, как на полусотню.

3. В отношении весьма серьезного боя, выдержанного отрядом 12-го августа, считаю своим долгом добавить следующее.

---

[54] По прибытии с отрядом к Тунсинпу 21-го июля, я доносил что, в случае серьезного наступления противника, для удержания высоты 161 надо увеличить силы отряда еще на 1 батальон. В данном случае, я предпочел дать отпор на местности у д. Тунсинпу.

Отряд ночевал на своей позиции у Тунсинпу. Ночью японцы поставили против нас (следовательно не могли действовать по главной позиции Восточного отряда) 4 батареи и развернули в боевой линии не менее бригады. Принимая бой, я предполагал, что левее нас будут сражаться 3 батальона 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, а правее отряд г. Грекова (1 бат., 4 ор. и 11 сот.), но нигде не оказалось ни одного штыка. Посланные на подкрепление из главных сил корпуса 2 роты 9-го Восточно- Сибирского стрелкового полка не прибыли.

Начав бой в $5^1/_2$ часов утра, мы продержались под убийственным огнем противника два с половиною часа; стрелки переменили три позиции; выйдя из боя с относительно небольшими потерями, отряд навел японскую [431] пехоту под огонь батарей с главной позиции у Кофынцы, которые были поставлены только в последнюю ночь с 11-го на 12-е августа. Таким образом этот неравный бой горсти стрелков и казаков имел своими последствиями: а) прекращение наступления противника в тот день, что дал возможность усилить вообще расположение войск корпуса, б) обнаружение намерения противника направления своей атаки в охват правого фланга Ляндясанской позиции, в) принятие мер против обхода фланга, г) подход резервов от Ляояна (35-я пех. дивизия).

В этом бою читинские и верхнеудинские казаки выдержали самый упорный пехотный бой. Мужеству и искусству Князя Долгорукова отряд обязан тем, что не был охвачен с правого фланга; он начал отступление только по получении моего приказания, а, так как оно было передано устно, то сперва колебался его исполнить. Коноводы понесли большие потери[55] от шрапнельного огня. Под князем Долгоруковым разбита шимозою лошадь; он последним оставил поле сражения и присоединился к отряду с частью своих казаков кружным путем на следующий день утром.

4. По диспозиции Восточному Отряду, моему отряду надлежало, закончив бой у Тасигоу, перейти на левый фланг Ляндясанской позиции, во исполнение чего, свернувшись в колонну в долине р. Сидахыа, под прикрытием огня наших батарей, мы прибыли в Чинертунь, но здесь получили приказание перейти в Павшугоу, опять близ правого фланга позиции корпуса. Уже ночью, перед рассветом, прибыло в подкрепление $1^1/_2$ сотни казаков и приказание немедленно продолжить правый фланг участка позиции Кофынцы.

[55] В отряде ранено 4 офицера и убито 18 стрелков; сведений о потерях ранеными нижних чинов, а равно о лошадях не имею, потому что отряд все время находился в боях, маршах, а затем неожиданно был расформирован. Всего в четырехдневном бою у Тунсинпу и Тасигоу мы потеряли 6 офицеров и около 20% нижних чинов.

5. Вероятно теперь появилось повествование п. Данилова [432] о бое 13-го августа, в отношении которого уже напечатано много неточного; поэтому теперь же сообщаю главнейшие данные.

13-го августа в известном всей нашей армии победоносном георгиевском бою[56] у Тасигоу 9-я рота (кап. Кантаров), 10-я рота (кап. Томашевский) 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, при содействии 3-й сотни (есаул князь Долгоруков) 2-го Читинского, 5-й сотни (подъесаул Чернояров) 2-го Верхнеудинского, 3-й сотни (есаул Желтухин) и $^1/_2$ сотни 1-й сотни (поручик Бровченко) Уссурийского казачьих полков, вступив в 6 час. утра в бой с 4-мя батальонами японцев (без артиллерии), остановили производившийся ими охват правого фланга Ляндясанской позиции и отразили все попытки их в этом направлении. Два раза пополнив патроны, имея еще нетронутых $1^1/_2$ сотни в резерве, отряд переходил в наступление, когда правее его развернулся и начал бой Зарайский полк, доблестные действия которого, под начальством полковника Мартынова, в этот день, известны всей России.

Наступая вместе с Зарайцами (наши люди были перемешаны), мы опрокинули японцев с высот д. Тасигоу, но были принуждены прекратить наступление вследствие разразившегося ливня.

Честь вынести на себе всю тяжесть боя 13-го августа с 6 ч. утра до 11 ч. дня принадлежит исключительно знаменам частей отряда, поименованных выше. В бою пал убитым наповал сотник Белогорский, просивший меня, при случайной с ним встрече накануне, принять его в отряд; ранен в грудь на вылет князь Долгоруков, вернувшийся в ряды через 4 дня, не залечив рану.

В сообщении п. Данилова сказано: «одновременно с занятием позиции отрядом Столицы, п. Дружинин занял высоты к северу от Сесигоу, а отряд г.-м. Грекова составил крайний правый фланг боевого порядка, развернувшись от этих высот к Павшугоу». [433]

Во-первых, вверенный мне отряд сражался на высотах севернее не Сесигоу, а севернее Тасигоу; во-вторых, он и составлял до момента вступления в бой Зарайского полка крайний правый фланг боевого порядка, упираясь в долину Павшугоу-Тасигоу; на западный берег долины был послан мною с полусотней Поручик Бровченко.

В заключение считаю нужным отметить особенное значение боев у Тунсинпу 11-го и 12-го августа и у Тасигоу 13-го августа, как составляющих завязку — начало генерального сражения под Ляояном. Так как честь выполнения этой трудной исторической задачи

[56] За этот бой награжден Георгием 4-й ст. П. Мартынов.

выпала на долю войск вверенного мне отряда, и именно об этих боях напечатано[57] много неверного, я считаю своим долгом дать о них самые точные данные, для чего в скором времени издам отдельную книжку, под заглавием: «Завязка—начало генерального сражения под Ляояном». Ее содержание составляет одну из глав составленного мною обширного труда по истории последней войны.

Начальник передового отряда 3-го сибирского корпуса у Тунсинпу и Тасигоу Приморского драгунского полка, полковник Дружинин.

г. Харбин, 27-го марта 1906 года.

[434]

Приложение 6-е

Из переписки о награждении за бой на Ляндясанской позиции Восточного отряда 11—13 августа 1904 г. Приморского драгунского полка полковника Дружинина.

1. Описание заслуг полковника Дружинина в боях Восточного Отряда (ныне 3-го Сибирского Армейского Корпуса) с 11-го по 15-е августа под м. Ляндясаном.

П. Дружинин с вверенным ему отрядом, в составе 2-х рот и 2-х сотен, 23 июля 1904 г., был выдвинут перед фронт позиций В. отряда под Ляндясаном для наблюдения за противником, успешно выполнил это, а 11-го и 12-го августа задержал наступление много превосходных сил японцев, около 2-х — 3-х полков с 4-мя батареями, отразил 11 и 12августа несколько атак их на высотах правого берега р. Сидахыа, против д.д. Тунсинпу и Тасигоу, и удерживался здесь в течение 5—6 часов, несмотря на весьма чувствительные потери. Дела этих двух дней, в особенности же 12-го августа, обнаружили настойчивое стремление японцев продвинуться к западу, т. е. действовать против крайнего правого фланга В. отряда, или же в обход этого фланга. Это последнее облегчалось большим промежутком (свыше 25 верст) между сим флангом и левым флангом сосед-

[57] Я читал статью подъесаула Виноградова, описывающего мое бегство от Тунсинпу. Стоило ли отвечать на такую клевету во время войны, когда нужно было не писать, а только сражаться. Теперь даю и объяснение появления такой грязной статьи: «в июне месяце 1904 г. я донес в штаб Восточного Отряда, что разъезд поименованного офицера не выполнил своего назначения»; он не пошел к противнику, а вернулся на бивак, услышав перестрелку (см. стр. 180 части I-й).

него 2-го Сибирского корпуса. Выигрыш времени, достигнутый этими делами п. Дружинина, дал возможность усилить правый фланг В. отряда частью из его резерва, а частью из города Ляояна—Зарайским полком с пешею батареей и одною конно-горною батареей. Первый подошел в самый разгар боя 13 августа, а последняя на рассвете того же дня. В ночь с 12 на 13 августа п. Дружинин с его отрядом, усиленным полутора сотнями, получил приказание, расположившись по левую (восточную) сторону долины Тасигоу—Павшугоу, поддерживать связь правого фланга главной Ляндясанской позиции В. Отряда с отрядом г.-л. Митрофана Грекова (2 бтл., 9 сот. и 4 орд.), который, с целью обеспечения правого фланга от обхода, [435] должен был с ночи прочно занять командующие высоты правого берега той же долины и наблюдать за долиною р. Сидахыа к югу, что однако в действительности было выполнено лишь около полудня 13 августа, когда г. Грековым на западный берег долины Тасигоу—Павшугоу был выдвинут отряд войск. старш. Висчинского, в составе 1-й роты и 2-х сотен. Таким образом обеспечение правого фланга В. отряда с ночи до полудня 13 августа легло на отряд п. Дружинина. Небольшой отряд этот, заняв позицию на высотах восточного (левого) берега долины Тасигоу — Павшугоу, близ ее устья, с рассвета до полудня настолько успешно задерживал огнем движение японцев, вверх по долине этой, что перед полуднем они находились еще в расстоянии около полутора верст к югу от Павшугоу. Но должно заметить, что в этом отряду п. Дружинина содействовал огнем отряд г.-м. Столица, расположенный восточнее первого. Благодаря совместному огню, как ныне вполне установлено[58], японцы распространились к северу самым узким фронтом, едва не по одиночке, вдоль крутого и местами обрывистого левого берега долины. Затем около полудня, одновременно с переходом на правый берег названной долины отряда Висчинского и с началом наступления с севера в районе Павшугоу 140 пех. Зарайского полка, п. Дружинин, по своей собственной инициативе, перешел в наступление с высот к устью долины Павшугоу—Тасигоу, чем преграждался путь отступления и перерезывались сообщения тем частям японцев, которые [436] распространялись вверх (к северу) по

[58] Краткое описание совместных действий для отражения обхода японцев на правом фланге В. отряда в. бою 13 августа.

Примечание. В этом представлении есть ссылка на названный документ, фабрикованный начальником штаба 3-го Сибирского корпуса г.-м. Мартыновым, ограждавшим себя от нападок со стороны других участников боя, и двумя желавшими получить Георгиевские кресты за него—г.-м. Столицей и в. ст. Висчинским. Следовательно понятны фразы «должно заметить... и т. д» и «благодаря совместному огню... и т. д.» К. Дружинин.

этой долине навстречу наступавшему Зарайскому полку. Нет сомнения, что опасное смелое движение вперед на сообщения японцев отряда п. Дружинина окончательно остановило их движение в обход, и, если затем японцы обратились даже в бегство, как доносит о том командир 140 пех. Зарайского полка, то этим более всего мы обязаны смелому наступлению п. Дружинина.

После отступления японцев, обходивших правый фланг В. отряда, в течение остальной части дня 13 августа, всей ночи с 13 на 14 августа и 14 августа, отряд п. Дружинина, оставаясь на своей прежней позиции, обеспечил отход войск, принимавших участие в бою 13 августа на правом фланге Ляндясанской позиции, что представляло весьма тяжелую операцию в виду разлива рек, протекавших в тылу этой позиции, порчи дорог и наличности в тылу Ванбатайского перевала. За поименованные выше заслуги, а именно: за способствование обнаружения намерений противника упорным боем и искусным маневрированием в течение 11 и 12 августа, за задержку обходной колонны противника огнем с рассвета до полудня 13 августа, а, главным образом, за то, что смелым и решительным переходом в наступление на сообщения этой колонны, в удачно выбранный момент (около полудня того же числа), принудил ее к поспешному отступлению ходатайствую о награждении полковника Дружинина орденом Св. Георгия 4 ст. по силе п. 1 ст. 294, который гласит: кто, презрев очевидную опасность и явив доблестный пример неустрашимости и присутствия духа и самоотвержения, совершил отличный подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу. Подвиг сей может быть совершен или по распоряжению высшего начальства, или по собственному внушению, усмотрев во время битвы ту минуту, в которую представляется случай внезапным и сильным нападением нанести неприятелю значительное расстройство и даже самое поражение, может и не ожидая приказания начальства решиться на такой подвиг. [437]

2. Мнение Командующего 3-м Сибирским Армейским Корпусом г.-л. Иванова по представлению Полковника Приморского драгунского полка Дружинина к Георгию 4-й степени.

Боевые заслуги п. Дружинина за период боев с 11 по 15 августа 1904 г. в районе позиции бывшего Восточного Отряда под Ляндясаном изложены в представляемом при сем описании.

Из числа этих заслуг надлежит отметить особо: во-первых то, что с рассветом до полудня 13 августа, штаб-офицер сей со вверенным ему отрядом, в составе 2-х рот и 2-х сотен, весьма успешно задерживал наступление много превосходной по силам колонны японцев, которая обходила правый фланг названных позиций по долине

д.д. Тасигоу—Павшугоу в 25 — 30 верстный промежуток между Восточным Отрядом и 2-м Сибирским Армейским Корпусом; во-вторых, и главным образом, то, что того же числа, около полудня, выбрав удачно момент и угрожавшее сообщениям японцев направление для удара, перешел в смелое и решительное наступление, по собственной инициативе, против указанной обходной колонны, чем и принудил ее к поспешному отступлению.

За заслуги эти, а в особенности за то, что, по собственной инициативе, смелым решительным переходом в наступление, принудил японцев к поспешному отступлению, ходатайствую о награждении орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст. по силе п. 1-го ст. 294-й, который гласит: кто презрев и т. д.

Подписал: Командующий 3-м Сиб. Арм. Корпусом
г.-л. Иванов.

Приложения: описание заслуг и краткое описание совместных действий. № 1090, 1 сентября 1905 г. д. Дагудзядзы. [438]

3. Письмо Командующего 3-м Сибирским Армейским корпусом. Сентября 2, 1905 г. № 10010, дер. Дагудзядзы. А.А. Благовещенскому— дежурному генералу при главнокомандующем.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Александр Александрович.

На рапорт мой 19 апреля № 3630 с представлением Приморского Драгунского полка полковника Дружинина к награждению орденом Св. Георгия 4-й ст. я получил уведомление, отношением Вашего Превосходительства от 30 апреля с. г. № 7607, что ходатайство мое отклонено в виду того, что пропущен законный срок. В наградном листе № 26 мною была изложена причина позднего его представления. В виду случаев, когда просроченные ходатайства разрешались к представлению в кавалерскую думу, а главным образом в виду того, что ныне выяснились новые обстоятельства, которые мне раньше не были известны, изложенные в представляемом при сем «кратком описании совместных действий для отражения обхода японцев на правом фланге Восточного отряда в бою при Ляндясане 13 августа», для пользы службы и во имя справедливости, считаю себя обязанным особо ходатайствовать о представлении на благоусмотрение кавалерской думы моего вопроса о награждении Приморского Драгунского полка п. Дружинина орденом Св. Георгия 4-й ст. Наградной лист с приложениями при сем представляю.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности. Н. Иванов.

4. Командиру 3-го Армейского Сибирского корпуса.

Возвращая настоящее представление, сообщаю, что главнокомандующий отклонил ходатайство о награждении полковника Дружинина орденом Св. Георгия 4-й степени, [439] положив на докладе резолюцию: «Вопрос о награждении полковника Дружинина Георгиевским крестом однажды был отклонен[59] бывшим главнокомандующим, а потому и ныне не подлежит разрешению. Отклонить».

Приложение: переписка на 13 листах.

Подписал: дежурный генерал при главнокомандующем генерал-лейтенант Благовещенский.

Скрепил: дежурный штаб-офицер полковник Медер. № 18879. 17 сентября 1905 г. ст. Гуньчжулин.

Приложение 7-е

Статьи газеты «Харбинский Вестник“ 1906 г. 711, 712 и 722 за апрель 1906 г.

Несколько слов о «поучении» Куропаткина.

В чем наши недостатки?.. Под таким заглавием помещена статья в № 72 «Военной Жизни». Предпослав несколько слов о серьезном значении для нашей армии необходимости сознать свои недостатки, дабы верно идти по пути усовершенствования, редакция военной газеты, или неизвестный автор дают дословные выдержки из оставленного нам в наследство, после своего отъезда с [440] театра в. д., поучения г.г. офицерам бывшего военного министра (администрировал), командующего Маньчжурской армией (командовал), главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России, действовавшими против Японии (повелевал), и опять командующего армией (снова командовал и приказывал) генерала Куропаткина. Читателям преподано также, что огромный боевой опыт, глубокое знание теории и практики военного дела, наконец исключительное положение, как перед войной, так и в течение всей кампании, дают его словам особую авторитетность и заставляют прислушиваться к его мнениям с особым вниманием.

[59] А между тем главнокомандующие не отклоняли вопросов о награждении тою же наградою других участников боя у Тасигоу 13 августа (Столицы, Амилахори, Висчинского, Маркова и Вадецкого), между тем, как эти возбуждали их сами, и только один полковник Дружинин не возбуждал его сам, а был удостоен представлением к награде своим непосредственным начальником Г.-Л. Ивановым.

Военноначальники поучают вверенные им войска наставлениями-поучениями, излагая их устно, или письменно, в установленных для того приказах и приказаниях войскам, придерживаясь и согласуясь с существующими на сей предмет уставными положениями. По-видимому им не возбраняется прибегать, для распространения и внедрения своего опыта и практики, и к услугам прессы; но раз такого рода поучения являются на страницах печати, то каждый из тех, к кому они относятся (рассматриваемое поучение даже названо «обращение к офицерам»), имеет законное право противопоставить им также свой опыт и свою практику. Думаю, что в данном случае является особенная необходимость надлежащим образом осветить распространяемые поучением идеи, ибо именно они, будучи ошибочно, неправильно поняты, могут явиться лишенными своей практичности и потому полезности, как исходящие от человека (так говорит автор статьи), признаваемого военным авторитетом.

Есть два способа совершенствования любого вида или рода деятельности: а) положительный, т. е. по опыту чего-нибудь лучшего—совершенного, и б) отрицательный, т. е. по опыту чего-нибудь — несовершенного. Говоря проще, каждый, поучая других, может на основании опыта учить их или «как нужно действовать», или «как не нужно действовать». Который из двух способов полезнее решить не берусь, и думаю, что в этом отношении мнения [441] могут расходиться, но полагаю также, что учить только по второму—отрицательному способу недостаточно: нужно же давать образцы чего-нибудь положительного, ибо на основании чего же в противном случае совершенствоваться.

Единственным источником совершенствования военного искусства является военная история; только по опытам кампаний и сражений можно находить истинный путь прогресса столь трудного и столь сложного в психическом и физическом отношениях дела, как война и бой. Военная история обширна, богата и все еще обогащается с поразительною быстротою: в двадцатом столетии было уже три войны, и последняя, по своей продолжительности и грандиозности мобилизованных вооруженных средств, является едва ли не самою поучительною из всех до сих пор бывших; многие считают, что она оставляет далеко за собой в этом отношении Франко-Германскую кампанию 1870—71 г.г. (лично я с этим не согласен). Во всяком случае, для русского военноначальника, успевшего испробовать свою доблесть на других полях сражения еще до войны с Японией, конечно эта последняя и будет наиболее поучительным опытом. Следовательно и глава наших вооруженных сил, занимав-

ший этот огромный пост в продолжение 6 лет до войны и во всю кампанию от самого ее начала (Тюренчена) до последнего генерального сражения (Мукден), решившего окончательно и бесповоротно печальную участь кампании, может базироваться главным образом на опыте злосчастной для нас войны. Ясно, что военноначальник, проигравший кампанию и имевший одни поражения, не может никоим образом поучать армию положительным способом; в его распоряжении только отрицательный: «не делайте так то и того то, как я делал, и что я делал, ибо результаты сего привели к таким то неудачам»—вот эпиграф, который мысленно должен прочитать каждый, беря в руки «поучение» Куропаткина.

Если мне возразят, что у него есть опыт, и при том положительный, по кампаниям Турецкой и Среднеазиатских, то отвечу, что в первой из них он самостоятельной [442] деятельности не проявлял, оставаясь только механическим исполнителем великого Скобелева; то же было в значительной степени и в войнах с толпами азиатских кочевников; кроме того, опыт этих последних, может быть очень полезный для некоторых, безусловно вреден для других, приучая воевать слишком просто, одерживать легкие успехи, при наличии больших недочетов и несовершенств, как в управлении войсками, так и в качестве боевого материала, давая возможность добывать дешевые лавры. Наконец применение опытов стратегии и тактики Скобелева на Маньчжурском театре в. д. мы не видели, ибо Скобелев только побеждал, а мы терпели только поражение за поражением.

Из всего сказанного вытекает первая неустойчивость рассматриваемого поучения: оно односторонне, будучи основано только на отрицательном методе; но оно кроме того не может быть беспристрастно, объективно, а потому и полезно. Действительно, человек, поучающий по опыту неудовлетворительности искусства своей деятельности, прежде всего склонен стремиться к самооправдыванию и затем уже только к принесению пользы своими идеями—словами; это стремление им доминирует, ведет его по самому пагубному для дела пути, ибо заставляет искать и указывать несовершенство опыта не в собственной неспособности, а в условиях обстановки; последней дается неверное освещение, чем естественно вводятся в заблуждение поучаемые. Прибавим к этому, что в военных искусстве и науке легче всего скомбинировать не только смягчающие, но даже и упраздняющие вину обстоятельства, для какого угодно примера отрицательного их проявления; нужно лишь обладать эрудицией, красноречием, пером; а если же есть популярность, то, ей Богу, поверят и послушают.

Наконец не странно ли, что теперь нас поучает *после и на основании горького опыта* именно тот, кто имел полную возможность преподать если не все, то весьма многое своевременно, для избежания такого опыта.

Да будет же дозволено высказаться по поводу «поучения», [443] основанного только на отрицательном способе, и непризнанным авторитетам—маленьким людям—участникам войны, имевшим все-таки опыт положительной деятельности при исполнении возлагавшихся на них частных стратегических и тактических задач в операциях и боях, столь неизменно проигрываемых в своем общем целом. Сколько частных побед можем мы указать и назвать, сколько раз отдавали мы поле сражения побежденному врагу, потому что высшая стратегия, использовав опыт тактической обороны, готовилась уже проделывать другой ему подобный; кончали опыт победы, выполненный по собственной инициативе, и затем выполняли опыт поражения. Не только жизнь и школа России, не способствовавшие подготовке сильных самостоятельных характеров, лишили армию проявления положительного военного искусства, лишили талантов и успехов, а кое что другое, о чем и скажем теперь, отвечая на тезисы «поучения».

Во главе всего «поучения» поставлен вопрос: «какие главные причины, *кроме недостатка численности*, препятствовали нам быть победителями *ранее заключения мира*?»

Если бы вопрос заключал в себе только слова не напечатанные курсивом, то можно было бы на нем не останавливаться, а просто обратиться к разбору перечисленных автором «поучения» причин, из которых действительно некоторые имели место и мешали нам побеждать, но... слова (курсив) существуют: они предпосланы всему «поучению», в них и есть гвоздь «поучения», вернее самооправдание полководца.

Скажу смело, что первая фраза — *кроме недостатка численности*—значит: «в моем распоряжении никогда не было достаточно сил», а вторая — *ранее заключения мира* — значит: «я победил бы именно в то время, когда заключили мир, т. е. мне помешали»; ведь нельзя же понимать последнюю фразу буквально, так как *по заключении мира, т. е. в мирное время, победителем быть нельзя*; наконец дальше следует и пояснение: «никогда наша армия не представляла такой грозной [444] силы в материальном и духовном отношениях, как летом 1905 г., когда, неожиданно для действующих войск, кои были уверены в неудаче переговоров в Портсмуте и горячо желали этой неудачи, был заключен мир, необходимый для

внутренних дел России, но памятный для армии».

Поставив себя на такой пьедестал неуязвимости, ибо можно ли обвинять в проигрыше кампании полководца, в распоряжении которого никогда не было достаточно сил, а когда они явились, то ему приказали не сражаться, автор обращается к сердцу многострадальных учеников своих и говорит, что прежде всего виновен он сам— их старший начальник. Какое смирение, какое самопожертвование! Прием довольно дипломатический и, отдаю ему справедливость, верный: русское сердце мягко и всегда готово простить кающегося, а в особенности такого, кто даже имеет законное основание не каяться. Но в чем же вина, в которой так великодушно сознается г. Куропаткин? А в том, видите ли, что «ему не удалось исправить духовные и материальные недочеты вверенных ему войск и еще шире воспользоваться их несравненными сильными сторонами».

Допустим, что исправить рутину во время войны уже поздно, допустим, что она засела так глубоко, что в шестилетний предшествовавший войне период портфёльства над армией, ее тоже нельзя было выбить, ибо ведь нельзя же не считаться с тем фактом, что командующий и главнокомандующий армией не мог не знать и не видеть ее недочетов, как бывший военный министр; допустим, наконец, что злу той же рутины нельзя было противопоставить то хорошее, что было в армии, ибо рутина была слишком сильна; но все это относится и касается боевого материала, который, будь он плохой, хороший или отличный, должен еще быть эксплуатирован командною властью.

История поучает нас, что Пьемонтская армия французов 1796 г. представляла из себя весьма несовершенный материал, но прибыл Бонапарт, и армия переродилась в несколько дней; Суворов много раз победоносно водил [445] в бой войска, терпевшие неудачи до его командования. ими; Тотлебен создал оборону Севастополя из ничего; Кондратенко заставил блистать Артур, как лучезарную звезду наших маньчжурских войск, до самой своей геройской кончины, а ведь Артур обороняли русские войска с присущими им в то время духовными и материальными недочетами. Мне возразят, что нынешние войны не то, что было прежде: теперь массы—миллионы, нужна система подготовки сложного военного механизма, и если она плоха, то ничего не поделаешь—система бьет систему; война есть экзамен государственного строя, и если он слаб, то армия не может победить. Г. Куропаткин не упустил случая оправдаться этим гениальным соображением и говорит, что «теперь, когда с народа снимается бюрократическая опека, и ему предоставляется возмож-

ность свободного развития и применение своих сил на пользу родины, блага свободы дадут во всех сферах деятельности людей самостоятельных, предприимчивых, обладающих широкою инициативою, крепким телом (причем тут гражданская свобода?) и духом, тогда обогатится этими силами и армия».

На первое, т. е. на необходимость системы, отвечу, что хотя она и была несовершенна (и совершенствовалась ли за последние годы перед войной?), но во всяком случае не в такой степени, чтобы обусловить невозможность победы; могли же мы начать победно первое генеральное сражение под Ляояном (11, 12 и 13 августа при Ляндясань) и заставить японцев разбиться об упорство 3, 1 и 4 Сибирских корпусов 17 и 18 августа... но весь успех был потерян, благодаря неискусному управлению армией, во-первых обеспечившему и подготовившему вероятность неудач на стратегических пунктах на р. Тайдзыхе, а во-вторых отказавшемуся от возможности их исправления, имея в своем распоряжении достаточное количество сил отличного качества; ведь доблесть войск, проявленная во всех предшествовавших днях сражения, конечно, с избытком покрывала духовные и материальные недочеты системы. У кого то не хватило решимости рискнуть, [446] а без риска воевать и сражаться нельзя; тогда не нужно было бы ни таланта, ни даже умения.

Итак, извиняясь за неисправление и неиспользование качеств боевого материала, военноначальник ни слова не говорит о том, как вообще его эксплуатировали, т. е. в какие условия ставили для исполнения полномочных предначертаний, и каковы были эти предначертания.

Но это совершенно понятно. Можно ли выиграть кампанию, поставив единственным обеспечением успеха сосредоточение колоссального превосходства сил (стратегия терпения, оповещенная всей России в Москве), когда всякому даже не военному понятно, что достигнуть этого превосходства над Японией, имевшей 50 миллионов народонаселения и находившейся всего в расстоянии трехдневного пути от театра военных действий, конечно, было невозможно; кроме того, при возможной—реальной провозоспособности одной колеи в 10,000 верст, рост русской армии на Дальнем Востоке имел свой предел, ибо в конце концов плюс шел на минус. Достаточно было рассчитывать на равенство сил с врагом, но конечно, было слишком опасно приучать войска к частным поражениям (тактическое использование местности—это так называется) и внушать им сознание необходимости постоянно отступать до легендарного момента мифического массового превосходства сил. Такое эксплуатирование

боевого материала какого угодно качества может только привести к проигрышу дела.

Но о какой недостаточной численности повествует «поучение»? Да, она существовала в первый период войны— до Ляоянского боя, и если бы японцы сумели воспользоваться своими козырями, то может быть и не было бы виновных в наших поражениях: сила солому ломит. Но наши храбрые враги к счастью оказались также не без недочетов и дали возможность нам сосредоточить под Ляояном не только равные, но и превосходные силы; конечно помог нам и Кондратенко; однако мы проиграли Ляоян и при такой счастливой обстановке. А затем? Неужели под Шахэ-Бенсиху наш противник был сильнее [447] нас? Никогда, но он был искуснее и, прикрывшись ничтожною частью своих сил на правом фланге, где должна была однако решится участь операции (под Бенсиху счастье было так близко—говорю это, как участник сперва, а потом, к сожалению, только как наблюдатель), сами нанесли нам удар на левом фланге. И чем закончилась наша наступательная операция? Отступлением по всему фронту, а левый фланг сразу отошел на несколько переходов. Почему не было заметно управления последним высшею инстанцией командной власти? Мне скажут, что высшему крупному начальнику нельзя размениваться, но это не размен, ибо бывает необходимость руководить решительным ударом именно тому, кто его задумал. Ведь точно также отсутствовало управление боем во время *тактических неудач* у Янтай-копи и на Нежинской сопке 20-го августа. Я видел бой у последнего пункта; он казался забавой или шуткой, а тут же его наблюдал штаб Маньчжурской армии; в эти минуты терял свою стратегическую точку столь много пострадавший г. Орлов и вообще решалась участь дня я не говорю «сражения», ибо его можно было выиграть 21-го августа.

Было ли превосходство сил у Сандепу? Все имеющиеся сведения указывают, что мы имели огромное. А под Мукденом? Мы ничуть не были слабее штыками и превосходили количеством полевых орудий; не уступали и в числе осадных, но последние у нас не действовали. Я смело утверждаю, что с минуты начала Ляоянского боя недостаток численности был скорее всего у японцев, а не у нас, тем более, что до декабря месяца Кондратенко, отбивая все бешенные порывы Ноги, притягивал силы японцев на себя.

Я не касаюсь вопроса о соотношении сил обеих воюющих сторон к минуте заключения перемирия, ибо не стоит говорить о том, что было бы, т. е. победили ли бы мы, или нет, так как во-первых никто не может наверное предрешить исход любого сражения, вследствие

слишком большого значения элемента случайности, а во- вторых русской армией командовал уже другой полководец; [448] победой или новым поражением родина была бы обязана ему, а не г. Куропаткину. Но разве мукденская катастрофа не составляет одну из причин преждевременного, по мнению некоторых, заключения мира. Какое же нужно было превосходство в силах для обеспечения успеха, когда мы уже проигрывали генеральные сражения обладая им? Можно ли было сказать с уверенностью, что мы будем драться $1^1/_2$ против 1, или 2 против 1? Это материальная сторона, а можно ли утверждать, что дух войск был лучше на Сыпингайских позициях, чем на Мукденских? До Мукдена армия знала две неудачи, а после него—три, при чем третья была несравненно рельефнее, так как Ляоян называется *стратегическим отступлением*, а Шахе-Бенсиху—*попыткой перехода в наступление*. Были ли подавлены после Мукдена недочеты духовные и материальные, которые нам рекомендует «поучение» исправить возможно скорее, так как «нельзя армии ждать работы нового поколения».

Я согласен признать много из перечисленных г. Куропаткиным причин, мешавших нам быть победителями, но отказываюсь считать таковой недостаток численности наших войск, ибо *признать ее значит во-первых уклониться от истины, а во-вторых—закрыть глаза на все остальное*.

Первая и главная причина проигрыша кампании есть наше неискусство ее ведения, выразившееся: а) в отсутствии плана действий, ибо ткнуться в Ляоян и устроить в этом пункте базу первой операции только потому, что там уже был расположен штаб генерала Линевича, не есть план кампании; б) в отсутствии решимости наступать и давать бой по собственной инициативе, а не там, где это выгодно противнику, что заметно от самого начала до конца военных действий, считая началом Тюренчен и концом Мукден; в) в отсутствии проявления инициативы даже тогда, когда противник заблаговременно открывает свои карты, как это было при обходах Куроки под Ляояном и Ноги под Мукденом; г) в отсутствии управления, в смысле направления к достижению единой цели корпусов в Маньчжурской армии, а затем трех частных армий. [449]

Посмотрим теперь остальные причины, перечисленные в «поучении». Читаем: «материальные недочеты всем известны: малое число штыков в ротах (вследствие *отчасти малой заботливости* о сохранении для боя возможно большего числа рядов со стороны всех начальствующих лиц), недостаток в первое время горной артиллерии, недостаток снарядов с сильным разрывным действием, недо-

статок пулеметов, недостаток технических средств, средств передвижения грузов и других».

Замечательно, что относительно материальных недочетов только всего и сказано; но можно ли на основании столь горького опыта этой войны так бравировать фразами и словами, принимаемыми в армии, как истина, ибо они исходят от авторитета (так оповещает «Военная Жизнь»).

Малое количество штыков в ротах... но нужно выяснить, что общее число их в генеральных сражениях было не меньше и даже больше, чем у японцев. Конечно ужасающее количество нестроевого элемента в наших армиях не может быть терпимо, но можно ли обвинять отчасти всех начальствующих лиц, если в высшем штабе была тысяча с лишком штыков, которая, конечно, ослабляла боевую силу штыков армии не своим количеством, а... *примером попустительства*.

Недостаток в первое время горной артиллерии. О конечно, было бы хорошо, если бы на берегах Ялу оказалась не батарея с никуда не годными инструментами, называемыми горными орудиями, а несколько батарей с такими изящными пушечками, какими я имел честь командовать на левом берегу Тайцзыхэ, в тылу правого фланга японцев, под Бенсиху; они могли стрелять унитарным патроном на 4 версты; но за 6 лет подготовительной деятельности военного министерства перед войною, несмотря на то, что мы уже заняли Маньчжурию—довольно гористую страну, об этом не подумали.

Однако недостаток горной артиллерии не помешал нам начать победно Ляоянский бой, а полевой артиллерии корпуса Иванова достигнуть виртуозности своего дела в дни 16—18 августа. [450]

Недостаток снарядов с сильным разрывным действием, но разве шимоза давала какие-нибудь преимущества японцам до тех пор, пока мы не отдали им всех гор и перевалов. Именно в горной войне она может отсутствовать, так как шрапнель—единственный снаряд для поражения войск, сидящих на сопках. Она была нам нужна лишь после Шахэ—Бенсиху, когда на равнине обе стороны стали отсиживаться в деревнях; в открытом поле японская шимоза довольно любезный, т. е. относительно безвредный, снаряд. Два дня сидел отряд (в эту войну у нас все были отряды) под фронтальным и тыльным огнем шимозы; вся площадь была усеяна этими снарядами (огромный процент не разрывается), и только один из них сразу вывел из строя более десяти человек.

Недостаток пулеметов до Мукдена включительно. Желательно было бы их иметь, и, конечно, мы имели бы некоторое преимуще-

ство; я никогда не видел ни одного, но испытал их действие под Мукденом; однако и пулеметный огонь не заставил нас оставить вверенный участок позиции; мы ушли тогда, когда противник разбился в своих бесплодных трехдневных усилиях и даже прекратил огонь, но... мы получили приказание отходить на Телин.

Скажу смело, что ни горная артиллерия, ни шимоза, ни пулеметы японцев не составляют причин наших поражений под Ляояном, Шахэ—Бенсиху и Мукденом.

Недостаток технических средств? Как сказано в «поучении», наши материальные недочеты всем известны, но я затрудняюсь постигнуть, каких же это средств не доставало нам для достижения победы. Телеграфы были, телефоны также (начальники разговаривали по телефону, с боевых участков позиций под огнем), воздушные шары летали... Может быть не хватало обуви, приспособленной к горной местности, но в Ляоянском бою часть стрелков лазала босиком и не жаловалась; это не помешало им не отдать ни одного шага противнику; они даже его гнали и преследовали. Было мало биноклей, но за то в главной квартире были походные ватерклозеты. Недостатка [451] одежды вообще ни в летнее, ни в зимнее время не чувствовалось; наоборот, зимой пехота была перевьючена всякими теплыми принадлежностями в виде валенок, одеял, халатов, полушубков. Считать ли недостатком технических средств отсутствие денег, так как техническое совершенство вообще дорого? Но Россия вела так богато, так роскошно всю кампанию. Труды высшего начальства оплачивались капитально; если строевым офицерам и казалось, что содержание ничтожно, то это происходило исключительно вследствие сравнения их окладов с окладами штабных, при штабах находящихся и всяких таковых должностей: этапных, транспортных. В сущности денег некуда было девать; миллионы переведены в Россию, и много их осталось в районе увеселительных средств тыла. Затруднений в снабжении не было, ибо Маньчжурия богатейшая страна, а цены на фураж и продовольствие были весьма и весьма широкие.

Недостаток средств передвижения? Странно, ей Богу странно: полагаю, что ни в одной армии не было и не будет такого многочисленного форменного и неформенного обоза; были сотни арбяных и вьючных транспортов; железная дорога доставила 1.800 экипажей для начальствующих лиц всех степеней и 3.110 походных кухонь. Только Маньчжурия и Монголия могли так широко удовлетворять нашу потребность в перевозочных средствах. В отношении главной артерии жизни армии—Восточно-Китайской железной дороги—

нареканий нет. Прокладкою новых рельсов и путей не стеснялись, ибо достаточно привести такие данные: отдано японцам 50 верст готового полотна (и $7^1/_2$ верст уложенного пути), для нашего стратегического наступления в Корею, в направлении Хайчен—Сюянь; постройка продолжалась по приказанию генерала Куропаткина до 15-го июля 1904 г.: отдано вновь построенных во время военных действии 108 верст веток и 98 верст станционных путей; на всех станциях и разъездах, куда только приезжали командовать и повелевать, мгновенно укладывали специальные тупики. А сколько осталось в руках врага укладочного материала и наконец [452] проложенной дековильской дороги. Где же тут недостаток технических средств?

Если мы будем объяснять проигрыш нами кампании недочетами по материальной части, то что придется сказать на заявление японцев, что они побеждали при несовершенстве своих технических средств, например при том условии, что русские пули были смертоноснее, а русская полевая скорострельная пушка несравненно лучше японского полевого орудия. Можем ли мы это оспаривать?

Обратимся теперь к указанным в «поучении» духовным недостаткам. Здесь замечается такое смешение понятий и определений, что право затрудняешься угадать, что именно желает сказать автор. Одним из духовных недостатков считается *ввод в бой войск слишком малыми частями*, что однако выделено из другой категории духовных недостатков, называемой *недостаточной тактической подготовкой войск*; также названо отдельно и *разнообразие в обучении войск*; затем идет еще *недостаточное выяснение положения противника перед боем и потому недостаточно сознательное, особенно при наступлении, ведение боя*. К этому последнему пристегнуты, как «главное», действительно духовные недостатки, основанные на несовершенстве воспитания моральной стороны войск.

По моему крайнему разумению все поименованное есть несовершенство тактической подготовки, но вероятно, г. Куропаткин упустил из вида, что именно за время его министерства в наших войсках посеяли страшный сумбур тактики. Достаточно сказать, что несколько лет подряд разные комиссии обрабатывали программу науки тактики, подгоняя ее под уставный учебник сего предмета, получивший монополию инструмента для внедрения науки в головы поколений наших офицеров, а сам учебник ежедневно совершенствовался по разным проектам устава полевой службы (это святое святых отправления боевой—не парадной службы), также разрабатываемому комиссиями при главном штабе г. Сахарова. Правда,

наконец вспомнили, что г. Драгомиров понимает тактику [453] и, забраковав, вернее вняв голосу армии, возопившей против навязываемых ей чудес разными стратегами, попросили его дать нам устав. Он выполнил это, но уже распространившийся сумбур и привычка исполнять полевую службу, как кому более нравится, и несовершенство обучения тактике офицеров, конечно, не дали нашему войску верных начал и правильных тактических приемов.

Собственно духовные (они тоже тактические, а пожалуй и стратегические, смотря по тому, кто именно, т. е. какою властью обладающий начальник, ими страдает) недочеты приведены в поучении под такою рубрикою:

«Недостаток инициативы и самостоятельности у частных начальников, недостаток боевого одушевления у офицеров и нижних чинов, малое стремление к подвигу, недостаточная взаимная выручка соседей, недостаток непреклонной воли от нижнего чина до старшего начальника, дабы доводить начатое дело до конца, не смотря ни на какие жертвы. Слишком быстрый отказ, после неудачи иногда только передовых войск, от стремления к победе и, вместо повторения атаки и подачи личного примера, отход назад. Этот отход назад во многих случаях, вместо того, чтобы вызвать у соседей увеличение усилий к восстановлению боя, служил сигналом для отступления и соседних частей, даже не атакованных. В общем среди младших и старших чинов не находилось достаточного числа лиц с крупным военным характером, с железными, не смотря ни на какую обстановку, нервами, способными выдерживать без ослабления почти непрерывный бой в течение многих дней».

Ну что ж, действительно все это было, и проявлялось, и приводило к печальным результатам, но неужели же от Тюренчена до Ляояна и от Ляояна до Мукдена этого нельзя было искоренить. Теперь тот, кто имел полную мочь, кто мог безмерно награждать и выдвигать, ужасно карать и изгонять, сознается, что все это жило, существовало в армии, в армиях! И это законно, возможно, терпимо? Отвечу так: инициативы не было, потому что ее не [454]терпели свыше, а все остальное я назову двумя словами; *стремлением отступать, уходить из боя*.

Но ведь такое стремление было освящено и дозволено свыше, начиная с Тюренчена, а главное не было требования, не было ответственности. Приведу факты: на берегу р. Ялу сражалось 6 батальонов вместо 15—18; целый Восточный отряд отступил, не будучи беспокоен противником, сразу на 130 верст; 11 августа 2 роты и 2 сотни начали Ляоянский бой с пятерным превосходством сил про-

тивника и победили. 12 августа они состязались на той же позиции с дивизией японцев, а их сосед уходил без выстрела, имея обязанность по инструкции поддержать во время боя. 13 августа та же горсть дралась 5 часов с 4-мя батальонами, и тот же, не поддержавший ранее начальник, получивший приказание стать правее, и не подумал этого исполнить, а оставался сзади. Все это было известно, но осталось безнаказанно. *При отсутствии всякой требовательности и всякой ответственности, да при условии распространения принципа стратегии терпения, в виду какого то ожидаемого в туманном будущем мифического превосходства сил, не спасут армию подъем народного духа и дарование ему какой угодно гражданской свободы*.

Автор поучения говорит: «очевидно ни школа, ни жизнь не способствовали подготовке в Великой России, последние 40—50 лет, сильных самостоятельных характеров; иначе они были бы в значительно большем числе и в армии, чем то оказалось в действительности». И далее: «люди с сильными характерами, люди самостоятельные к сожалению во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, а преследовались: в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и таковыми и аттестовывались».

Следовательно выходит, что с одной стороны настоящих военных начальников при бюрократической опеке, существовавшей в Великой России совсем не могло быть, а с другой, такие люди были, но их изгоняли [455] из армии. Позволю себе сказать смело, что никакой бюрократический режим ни в какой сфере государственной жизни такого великого народа, как русский, не может сделать невозможным наличие настоящих деятелей, а следовательно и в русской армии они жили до войны и вероятно прибыли на театр военных действий. Если же бюрократические начала представляют из себя рутину, трудно поддающуюся искоренению в обыденной жизни государства, то война именно есть та единственная обстановка для армии, когда от высшей командной власти вполне зависит немедленное их уничтожение, ибо нигде и никогда не может так доминировать воля одного человека, и никакое сообщество людей не способно быть столь послушным и гибким орудием в его руках, как вверенное ему войско; душа воинов их вождь, и тут ни причем бюрократические начала.

А так как во время войны продолжалось изгнание сильных характеров, то, заключаем, что нам приходится и здесь использовать поучение по отрицательному опыту. Этот горький опыт стоил нам

дорого: русская армия потеряла Запольского, а он был лучшим офицером генерального штаба; его поставил рядом с Кондратенко бывший военный министр и начальник главного и генерального штаба г. Сахаров. Я встретил этого героя 10 февраля на Угольном разъезде, и вот что он сказал мне: «невозможное положение; никакого назначения не дают, а суют то туда, то сюда»[60]. И чем командовал он в день своей славной кончины? 6-ю ротами из маршевых войск. А что представляли из себя эти войска? Они не умели заряжать своих ружей, и драгунские унтер-офицеры, по просьбе маршевого офицера, расставляли их в цепь. Слава честному скромному герою! Ты мог бы дать победу русскому оружию, но был поставлен в невозможность это сделать.

Остается еще сказать о довольно пространном назидании [456] г.г. офицерам искать общение с нижними чинами, сделанном в такой форме. Сперва военный авторитет констатирует факт, что «в русской армии наши офицеры всегда стояли близко к нижним чинам и отечески к ним относились, любили их и пользовались их любовью». Казалось бы и дело в шляпе—ибо это такая важная данная, такой основной устой боевых качеств войск, что армия им обеспеченная уже стоит твердо на пути к победе. Но после такого положительного заявления идет длинное повествование о необходимости добиваться общения и доверия солдат. Может быть, это признано особенно необходимым в виду нынешней обстановки жизни России, ибо сказано так: «только при доверии солдат вы будете в силах использовать все его хорошие качества, ослабить его недостатки и охранить от вредных влияний, которые ныне будут более опасны, чем ранее. Недавние примеры военных бунтов должны быть у вас постоянно в памяти».

Позволим себе сказать, что если задача поучения состоит в том, чтобы раскрыть глаза на наши недостатки, то можно ли обойти молчанием, что именно в эту войну краеугольный устой существования армии—общение офицеров с нижними чинами—был нарушен, и его считаю одним из крупнейших наших недочетов. Правда, вследствие дезорганизации кадров нашей армии в самом начале. войны, вследствие пополнения многих запасных офицеров и прапорщиков запаса, качество состава офицеров понизилось в значительном размере; в этом и нужно искать причину названного недочета, так как большинство кадровых офицеров, конечно, понимало значение общения и доверия солдат, но все же было в значительной степени и совер-

[60] Я заявил об этих исторических словах брату покойного еще во время войны.

шенно другое, что и должно быть отмечено и подчеркнуто.

Нельзя не заметить, что в отношении вопроса воспитания нижних чинов наша армия имеет богатейшие указания великого военного авторитета М.И. Драгомирова, так незаметно и забыто сошедшего в могилу. Мы не признавали его в эту войну, но признаем в последующие [457] и вероятно будем счастливее. Говорят, что он же сказал следующее замечательное слово по поводу знаменитого приказа сдававшего японцам в декабре 1904 г. Артур г. Стесселя; последний объявлял в феврале того же года: «помните! перед нами враг, за нами море!...» значит о сдаче нельзя и помышлять. Драгомиров сказал: «г. Стессель пропустил отличный случай промолчать».

К. Дружинин.

Приложение 8-е

От автора. На странице 52-й настоящего труда, строка 20-я, должна была быть помещена ссылка на историческую данную—драгоценные слова Романа Исидоровича Кондратенко, но к сожалению пропуск этой части моей рукописи не был своевременно обнаружен, а потому я и помещаю ее в настоящем приложении.

«Это настроение (в главной квартире Куропаткина, в Ляояне, в апреле 1904 года, перед Тюренченским боем) я приписываю последствиям Китайской войны 1900 года, которую нельзя назвать иначе, как опереткой. О, какой вред принесла нашей армии эта оперетка! С одной стороны она приучила наших военноначальников к легкомысленному отношению к такому серьезному делу, как война, с которым мы начали действовать против японцев, а с другой—породила преувеличенное поклонение перед теми же японцами, потому что качества их армии не могли не быть замечены нашими легкомысленными и близорукими героями оперетки; начиная с самого Линевича. Когда мы—офицеры Европейской России—прибывали на театр военных действий, представители Восточно-Сибирских войск встречали нас даже недружелюбно, как бы с таким намеком: «зачем мол пожаловали? И без вас справимся с врагом». А между тем, когда еще не было на территории Ляодуна ни одного японца, те же люди находились в самом боязливом настроении и [458] уже думали только об отступлении, пока Россия не пришлет в Маньчжурию сказочного миллиона своих солдат. Конечно такому печальному явлению отступательной тенденции, а, вернее, столь преждевременного отказа от упорства в борьбе с врагом, значительно поспособствовал сам командующий боевыми войсками, объявив в Москве свои знаменитые слова: «терпение и терпение». Для доказательства пагуб-

ного влияния последствий Китайской войны 1900 г., привожу выписку из письма Генерала Кондратенко:… «Это не война, а разврат для войск: не успеем выслать цепь стрелков, как в цепи являются все штабные, а иногда и сам начальник отряда, и каждый начинает командовать, чтобы успеть проявить свое участие в деле; действительно надо торопиться, так как не успеем мы сделать несколько выстрелов и начать движение вперед, как китайцы начинают быстро отступать. Все старание сводится к тому, чтобы нагнать их и хоть несколько положить на месте, а то иначе бой выходит без убитых и раненых». Всем известно, как мягко и снисходительно относился ко всяким прегрешениям своих товарищей Роман Исидорович, а следовательно если он признавал такой развратной китайскую войну (в которой сам не участвовал, а писал со слов участников), то ему можно поверить».

От автора. Печатая это приложение, я пользуюсь случаем поделиться с читателями и некоторыми другими воспоминаниями о нашем единственном герое Русско-Японской войны. Я имел счастье прочитать изданную на Дальнем Востоке, во время войны, книжку писем Романа Исидоровича к своей жене, начиная с 1900 года, когда он повел свой 20-й стрелковый полк на театр действий боксеров, и до той минуты, когда Порт-Артур был обложен врагом. Сохранив лишь копии нескольких мест переписки, я считаю долгом предложить для прочтения эти несколько драгоценных строк. Вместе с тем, исходя из той точки зрения, что каждый из нас Русских людей, владеющих пером, обязан возможно [459] больше напоминать Обществу и Армии о великих заслугах перед Отечеством единственного Героя последней войны, я помещаю здесь также перепечатку: моей статьи в память Романа Исидоровича, помещенной в Харбинской военной газете, приказа Войсковому Штабу Уральского казачьего войска, отданного в годовщину его кончины, и выписки из моего письма Надежде Дмитриевне Кондратенко, составляющего ответ на отклик ее по случаю появления названного приказа.

Из писем Романа Исидоровича Кондратенко.

1) Генерал-майор Кондратенко, командуя в Порт-Артуре 7-ой В. Сибирской дивизией, еще до Пасхи 1904 г. составил доклад о высадке японцев у Бицзыво; Стессель, представляя его Куропаткину, просил выставить к этому пункту войска.

2) 1 октября 1900 г. Сингапур.

...Чем я становлюсь старше годами, тем тяжелее становится для меня не служба, а те дрязги, которые соединены со службой, осо-

бенно в строю, когда приходится иметь дело со многими подчиненными и начальниками самых разнообразных степеней образования, воспитания и взглядов. Жить в этом винегрете, постоянно лавируя, чтобы не заварить каши, становится с каждым годом противнее.

3) ...Недавно вышли правила, что можно производить в генералы по прослужении 8 лет в чине полковника, а вне правил даже и по прослужении 6 лет. ...Новые правила в сущности хороши только для лиц с протекцией, благодаря которой они могут надевать генеральскую форму по прослужении даже 6 лет в чине полковника; для простых же смертных эти правила могут представить даже замедление в получении генеральских мест, которые могут заниматься 6-ти летними полковниками, пользующимися протекцией. [460]

4) ...Два месяца пребывания на пароходе (путешествие со стрелками на Д. Восток) познакомило меня с нашими офицерами несравненно более, чем $4^1/_2$ летнее командование полком. Вывод мой—не дай Бог нашим детям служить даже в лучшем армейском полку: узкие взгляды, перемешиваясь с самонадеянностью, не знающею во многих случаях границ, дают такую атмосферу, среди которой воспитанному и более широко развитому человеку приходится жутко, если он подчиненный или товарищ, а если начальник, как был на пароходе я, то он осужден на полное одиночество и недоброжелательство, а при малейшей снисходительности—не гарантирован и от нарушения дисциплины. Один офицер, после нескольких сделанных ему мною замечаний по службе, позволил себе просто отвернуться при встрече со мною. Я остановил его и, конечно, немедленно по приезде, доложил генералу N, который и прикомандировал его к другому полку, командиру которого было написано соответствующее письмо.

5) 27 января 1904 г. Порт-Артур.

...Жена г. Стесселя показала мне телеграмму военного министра с поздравлением г. Стесселя с состоявшимся Высочайшим соизволением на назначение его командующим 3-м Сибирским корпусом. Вместо г. Стесселя, комендантом крепости П. Артур Наместник предполагает назначить меня, хотя от военного министра (Г.-А. Куропаткина) была телеграмма с предложением на эту должность другого (коменданта крепости Зегрж—г.-м. Гусакова). О предложении назначить меня Наместник телеграфировал военному министру. Вместо меня начальником 7-й бригады предназначается г. Данилов.

Примечание. В этот день началась война.

6) 5 февраля 1904 г. Порт-Артур.

...Вчера я узнал, что комендантом Артура назначен начальник 1-й стрелковой бригады (из России) г.-м. Смирнов, с производством в генерал-лейтенанты. Замечательно, [461] что Стессель знал об этом назначении уже два дня, но ничего мне не говорил.

При осмотре фортов, из которых один в особенности построен очень плохо в военном отношении, Наместник два раза назвал меня главным инженером и просил г. Стесселя передать мне всю инженерную часть. Стессель отвечал, что он и без того все передал по этой части мне, и что я весь день провожу на позициях.

Харбин, 2 апреля 1909 г.

Памяти Кондратенко в Светлый Праздник

Никакие усилия памяти мне не помогают, и я забыл, когда в первый раз услышал фамилию генерала Кондратенко; знаю только, что это случилось не ранее конца июля 1904 года. Но кто же из нас, маленьких ничтожных людей, знал о Нем, если М.И. Драгомиров писал: «Ты прошел мимо меня незамеченным».

Зато теперь о Нем знает вся Россия, весь мир. Его имя стало бессмертно, ибо Оно записано на скрижалях славы России и Русского оружия; Им и только Им держался Артур; с Его смертью связана смерть твердыни России, столь неосторожно, но столь блистательно по идее выдвинутой на страх ее врагам, на рост ее могущества, на единоборство с идеей всемирного владычества.

Тебя не спрашивали, когда занимали Артур, и никогда не предназначали для его защиты, но судьбе, столь изменнически поступившей с блеском нашей политики на Дальнем Востоке, было угодно тобою искупить наше разочарование.

Да, мы потеряли Артур, потеряли безмерно, много, надолго, но... мы приобрели Кондратенко, и уже одно это искупает наши потери. Дорогою ценою заплатило отечество, чтобы признать величайшим лучшего из сынов в дни своих ужасных страданий, но ведь твой дух, [462] герой, остался среди нас; Он должен возвеличить нашу мощь; он даст нам силы вернуть все, что мы потеряли, познав тебя, и приобрести еще.

Ты благословишь из Царства Небесного нашу армию, принявшую Твои заветы, которые Ты не оставил нам от Своего имени, за Твоею подписью, но дал примерами Твоего гения, Твоего самопожертвования, Твоей честности, Твоей скромности. Ничего для себя, все во имя долга— вот девиз всей Твоей святой жизни. Твои примеры не прошли бесследно.

Нам не тяжело знать, что Тебя нет среди нас живущих, ибо, что значат какие-нибудь 10—20 лет общения с живыми, когда и через 200—300 лет преждевременно отошедший в вечность будет все также жить среди русского народа, направлять его к идеалам, двигать на честные доблестные дела.

Христос Воскресе! и Ты воскрес навсегда, до скончания мира, до скончания тебе благодарной России и живущей Твоими заветами Русской армии.

Приказ Войсковому Штабу Уральского казач. войска и подведомств. ему частям и учреждениям

г. Уральск, 6 декабря 1906 г. № 181.

Он числился Начальником Штаба Войск Уральской области с 23 ноября по 18 декабря 1895 г.

23 ноября 1895 года был назначен Начальником Штаба Войск Уральской области полковник Кондратенко, но он не прибыл к месту службы и не вступал в должность, так как уже 18 декабря последовало его назначение командиром 20 стрелкового полка.

Факт этот в свое время прошел незаметно, но теперь он является великим историческим событием в жизни тогдашнего Штаба Войск Уральской области, ныне Войскового Штаба Уральского казачьего войска, ибо то обстоятельство, что Незабвенный Славнейший Герой Порт-Артура [463] и последней Русско-Японской войны Роман Исидорович Кондратенко числился в списках Штаба в продолжение 26 дней, составляет вечную гордость Штаба. Слава и заслуги генерала Кондратенко перед Россией и ее Армией так безмерно велики, что всякая часть, всякое учреждение конечно будут всегда особенно, свято, дорожить какою бы то ни было связью своею с его Бессмертным Именем.

Недавние события истории России дают нам объяснения причины, почему полковник Кондратенко не мог прибыть на службу к Уральскому казачьему войску. Волею и предопределением судьбы он был призван защищать против грозной вражеской силы оплот России на Дальнем Востоке. Назначение Командиром 20 стрелкового полка именно послужило причиною появления Героя на театре военных действий: вверенный ему полк был командирован на Дальний Восток в дни боксерского движения в Китае и Маньчжурии; приведя туда свой полк, полковник Кондратенко получил позднее назначение Дежурным Генералом в Штабе Приамурского Военного Округа, а затем и Командиром 7-й Восточно-Сибирской стрелковой

бригады, во главе которой, с переформированием ее в дивизию, он сделался стражем крепости Порт-Артура и душою ее обороны.

Воспользуемся случаем Праздника Войскового Штаба, чтобы отдать наш долг Памяти Славнейшего из Славных защитников чести России. Да будет жить в нас непрестанно, денно и нощно, эта память об истинном, настоящем Герое, который хотя и не оставил нам своих заветов, за своею подписью, от своего Имени, но дал нам их в примерах своего гения, своего самопожертвования, своей честности и своей скромности. Преклонимся перед девизом всей святой жизни безвременно отошедшего в вечность на поле брани Романа Исидоровича Кондратенко: «ничего для себя, все во имя долга», и постараемся сохранить этот девиз навсегда в наших сердцах. [464]

Приказ прочесть всем чинам частей и Учреждений подведомственных Войсковому Штабу.

Начальник Штаба Полковник Дружинин.

Из письма Надежде Дмитриевне Кондратенко.

Уральск 30 декабря 1906 г.

Из прилагаемый статьи, которую я писал на Пасху этого кончающегося года, Вы усмотрите, что до войны я совершенно не знал даже фамилии Генерала Кондратенко и услышал о нем уже во время военных действий, когда Артур был обложен, и следовательно его защитник вступил в свои права. А между тем я служил в генеральном штабе с 1889 по 1902 год. Во время войны, в действующей армии было известно, что Артур держится только гением Вашего мужа, но ведь у нас так безучастно относились ко всему, не затрагивавшему личных интересов, что конечно сведения о единственном нашем Богатыре были ничтожны. По окончании войны, на театре военных действий, опять таки нельзя было ничего узнать не только о жизни и деятельности его до войны, но даже и о столь недавно совершенных им подвигах, но в январе текущего года судьба дала мне возможность получить довольно подробные сведения о деятельности Романа Исидоровича в Артуре. Вернувшись с театра военных действий в столицу я был назначен в распоряжение командующего войсками на Д. Востоке генерала Гродекова, которого мне было поручено доставить из С.-Петербурга в Маньчжурию. В числе взятых с собою Гродековым трех лиц находился поручик Гриневич, состоявший адъютантом по хозяйственной части в штабе Романа Исидоровича. В продолжение 11 суток путешествия на Д. Восток, я имел возможность постоянно говорить о Вашем муже с Гриневичем.

Он дал мне прочитать напечатанную, кажется, в Хабаровске переписку с Вами. Эти письма Романа Исидоровича, к сожалению не составляющие еще достояния армии и общества, производят особенное [465] впечатление: прочитавший их не может не прийти к убеждению, что человек их писавший представляет из себя прежде всего совершенство в нравственном отношении, как личность, которой были совершенно чужды какие бы то ни было недостатки, свойственные человеческой природе. Такого отсутствия эгоизма, тщеславия, корысти, самомнения нет, и не знаю будет ли когда либо в человеке. Наоборот, такое богатство простоты, смирения, честности, доброты и других добродетелей может быть уделом только святых. Я никогда не думал, чтобы в наше время мог существовать, и в особенности в военной среде, человек такой безусловной чистоты и невинности. Не понимаю, как жизнь, притом столь глубоко сознательная, не оставила никаких следов на цельности нравственного облика незабвенного героя. Но конечно причины такого явления понятны: нравственная сила Романа Исидоровича была необычайно велика, и ее не могли не только сломить, но даже потревожить, никакие обстоятельства человеческой жизни, так же точно, как не могли побороть его военного гения никакие усилия весьма искусного и фанатически настойчивого врага, Роман Исидорович в жизненной борьбе, т. е. в борьбе идеала нравственного человеческого существа против существа животного и злого, был всегда победителем, а потому ему было легко побеждать и на поле сражения. Сравнивая г. Кондратенко с другими военными гениями, я отдаю ему предпочтение потому, что в военном искусстве нельзя иногда не пользоваться злою и животною стороною человеческих существ, напр. игрою на чувствах своих подчиненных, иногда на обмане их и т. п. Но он велик именно тем, что достигал всего, оставаясь всегда верным себе, т. е. святым человеком. Другого такого великого полководца мы не знаем и вряд ли узнаем когда-нибудь.

Мне был обещан экземпляр книги писем, и поэтому я снял копию лишь нескольких фраз; к несчастию, такового не получил, но содержание писем врезалось в мою память навсегда, и с минуты их прочтения совершенный, [466] чудный облик Романа Исидоровича не покидает меня никогда. Я нахожу, что и Россия, и армия слишком мало чтут его память. Конечно есть смягчающие обстоятельства: непопулярность бывшей войны, ее печальный исход, пережитое время смуты и беспорядков внутри страны... Но, казалось бы, тем более должны мы ценить заслуги г. Кондратенко. Что могли бы мы сказать после этой войны, если бы не имели его? Нет ни одного

имени к которому нельзя было бы придраться, да и был ли у нас в Маньчжурии хотя один настоящий воин—начальник? Кроме Романа Исидоровича нет никого, но он один своим величием и гением искупает недостаток всей армии, ибо он у нас был и тем доказал, что, в самые тяжелые времена бедствий родины, в ней нашелся человек, выше и славнее которого невозможно искать. Конечно то, что я может быть высказываю слишком бледно и неумело, будет иллюстрировано историей несравненно полнее, красивее и параднее, но пока история еще говорит слишком мало, а между тем настоящим русским людям это тяжело: хочется, чтобы безмерные заслуги были бы оценены немедленно, чтобы в России, в армии не засыпали чувства благодарности и справедливости. Наконец армия отчасти виновата перед Романом Исидоровичем: разве она оценила его совершенства при его жизни, до той критической минуты, когда пришлось волей-неволей предоставить ему достаточно широкое поприще деятельности, инициативу и власть? А что же думали раньше? Разве не подлежит ответственности тот же Гродеков, который имеет смелость говорить (повторяю его подлинные слова, сказанные в моем присутствии), что счастлив тем, что ему не пришлось писать аттестацию Генералу Кондратенко, так как он аттестовал бы его плохо. Да, этот ограниченный человек предпочитал Генералу Кондратенко каких то типов, представляющих из себя вредное ничтожество, много поспособствовавшее деморализации Маньчжурской армии, как в самом начале военных действий (Тюренчен), так и во все время их продолжения [467] (Бенсиху, Мукден). Как может оправдаться тот, или те, благодаря которым г. Кондратенко не был назначен комендантом Артура, и эта должность была предоставлена Смирнову! Справедливый суд истории оценит все это, но когда? Поэтому решаюсь высказать нечто весьма печальное! При условии существования в прошлом—до войны, а к сожалению едва ли не поныне, безотрадной неурядицы в администрации русской армии, смерть Романа Исидоровича на поле брани была необходимо для того, чтобы его лавры принадлежали ему, а не другим, которые приобрели бы их через него и себе присвоили бы. Если бы смерть не похитила душу обороны Артура, то крепость держалась бы еще неопределенное время; тогда могло не быть поражения под Мукденом; если бы мы только потеснили (не говорю даже разбили) японцев в поле, они пошли бы на мир. Кто были бы героями? Конечно не тот, кто создал из ничего оборону крепости и следовательно силою своего гения и своим самопожертвованием выиграл бы кампанию. Судьба показала России и армии, что, как только не стало Романа Исидоровича, тотчас же

пал Артур, а затем и окончательно вырван был всякий успех в открытом поле. Как ни грустно, ни тяжело высказывать такие мысли, но они логичны. Простите меня за них, ибо сердце мое полно негодования за прошлое Романа Исидоровича. Никто не пророк в своем отечестве! Однако у нас эта пословица применяется слишком безнравственно. Впрочем никто, никогда, как мы, так жестоко и не расплачивался за это.

К. Дружинин.

[468]

Приложение 9-е

Кто виноват в стратегических результатах операции Вафангоу?

Наша первая стратегическая операция на Маньчжурском театре военных действий, называемая Ляоянской, от которой зависела дальнейшая участь кампании, а следовательно имеющая первостепенное политическое и стратегическое значение, закончилась поражением Маньчжурской Армии под Ляояном—под предводительством Генерал-Адъютанта Куропаткина.

Обыкновенно принято считать, что разбитые на поле сражения войска носят уже до столкновения с противником в самих себе зародыш поражения, т. е. причину последнего следует искать не только в неумении полководца командовать—управлять, другими словами в отсутствии победного искусства, но и в отсутствии упорства в командуемой живой силе, проявляемого, как во время самого боя, так и задолго до начала его, еще во время подготовительных операций. Настоящею запискою я постараюсь доказать, что живая сила, т. е. Русская Армия стоит вне какого либо упрека.

Подготовительные операции, предшествовавшие генеральному сражению под Ляояном, обнимают весь период, с минуты начала военных действий (считаю с 1-го февраля) до 7-ми часов утра 11-го августа, когда авангард Маршала Куроки дал первый залп у д. Тунсинпу по передовому отряду 3-го Сибирского корпуса, оберегавшему правый фланг Ляндясань-Анпинской позиции.

Прежде всего подготовка должна была состоять в том, чтобы сосредоточить на театре военных действий [469] достаточное количество сил; выполнение нами этой задачи конечно подлежит весьма интересной административной критике, но не буду ее касаться по той простой причине, что к началу генерального сражения под Ляояном России удалось поставить под начальство избранного ею пол-

ководца вполне достаточное количество войск: японцы атаковали г. Куропаткина не превосходными, а равными силами (а по некоторым данным—даже меньшими силами).

Следующая задача состояла в том, чтобы поставить армию в наиболее выгодное стратегическое положение. В этом отношении, скажу смело, задача была разрешена нами совершенно неудовлетворительно, что произошло прежде всего потому, что у командующего армией не было никакого заранее предрешенного до его прибытия на театр войны, и затем даже предначертанного им во время командования Маньчжурской Армией, плана действий. Ляоянское сражение явилось для него такою же случайностью, как Тюренчен, Вафангоу, Янзелин, Долин и другие частные поражения отдельных корпусов и отрядов армии. Все эти бои имеют совершенно одинаковое стратегическое значение.

Японцы с самого начала войны поставили себе одновременно две цели действий: ускоренная атака крепости Порт-Артур и разбитие Маньчжурской Армии; отделив для выполнения первой задачи нужное, как им казалось, количество сил под начальством г. Ноги, Ояма направил остальные войска по двум направлениям: с юго-востока—из Кореи, от р. Ялу, и с юга—вдоль железной дороги, имея конечною точкою движения Ляоян, где он рассчитывал не только нанести поражение русской армии, но и уничтожить.

Таким образом, с минуты обнаружения обоих направлений армий противника, Маньчжурская Армия получила центральное положение по отношению к войскам Оямы, и следовательно ей приходилось решить задачу, называемую в стратегии: «действия по внутренним операционным линиям». Задача состоит в том, чтобы, пользуясь разброскою сил противника, бить его по частям, [470] направляя достаточные для этого силы против одной из групп войск противника; конечно, по мере приближения последнего, т. е. уменьшения длины операционных линий, возможность успеха таких действий постепенно уменьшается и наконец совсем исчезает. В данном случае например, можно было надеяться разбить или Куроки, стоявшего у Фынхуанчена, или Оку, бывшего у Вафандяна; это было гораздо труднее, когда они подошли к Янзелину и Гайчжоу. Такие действия требуют во-первых искусного решительного руководства и во-вторых подвижности войск, т. е. как раз именно того, что отсутствовало в Маньчжурской Армии. Г. Куропаткин страдал отсутствием всякой решимости, стремясь избегать прежде всего малейшего риска; войска, не имевшие вьючных артиллерии и обоза, стеснялись в своей деятельности гористою местностью и кроме того

вообще не знали горной тактики. Впрочем нельзя не заметить, что отсутствие подвижности в наших войсках не составляло еще главнейшей данной парализовавшей их деятельность; этому недостатку усиленно потакали, с ним хотели считаться, и как бы его узаконивали, внедряли в войска; полагаю, что Скобелев сумел бы достигнуть и подвижности, и быстроты... но его не было с нами; наконец ведь отступали мы очень быстро, превозмогая всякие препятствия в виде гор, перевалов и грязи.

Операция Вафангоу является единственной попыткой применить стратегическое искусство в смысле действий по внутренним операционным линиям; правда она окончилась неудачным боем и немедленным отступлением, т. е. имеет только отрицательный результат: если даже и нулевой в смысле стратегическом, так как японцы не развили своего успеха, то во всяком случае тяжелый в моральном отношении, как проигрыш сражения, как лишнее поражение. Тем не менее многие утверждают что от Вафангоу зависело все, т. е. участь всей камлании, а Вафангоу было кем-то навязано Маньчжурской Армии, что без приказа свыше не было [471] бы Вафангоу, а тогда Ляоян мог бы быть победою, вместо поражения.

Посмотрим же, справедливо ли такое мнение, и можно ли считать виновным за результаты Вафангоу кого либо другого, кроме командной власти армии. Не имея никакого плана действий, Куропаткин занял центральное по отношению к войскам Оямы положение в Ляояне и начал подготовлять свою будущую победу.

Я не считаю планом идею «терпеть», т. е. отступать и выжидать до момента какого то колоссального превосходства сил, потому что тем не менее мы ткнулись в Ляоян, где возможность сосредоточения сил Русской Армии зависела совсем не от нас, а исключительно от японцев, которые и предоставили нам любезно эту возможность; к сожалению такая капитальная ошибка стратегии нашего противника не была нами использована.

Заметим, что, отправляясь на войну, Куропаткин согласился подчиниться Наместнику, т. е. тогдашнему главнокомандующему. Последнему приходилось руководить и Артуром и армией; он был готов утилизировать силы полевых войск для помощи крепости прикрывавшей Тихоокеанскую эскадру. Куропаткин же преследовал лишь одну цель—сбережение до более удобного момента своей армии.

С самого начала военных действий г. Куропаткин проявляет полную пассивность личного руководства войсками: он посылает г. Засулича на берега р. Ялу и, дав ему весьма неопределенные

указания, не заботится о препятствии наступлению Куроки; позволяет Восточному отряду отступить одним махом, без всякого на то принуждения противником, к Ляньшаньгуань, а затем и еще далее, уступая без выстрела укрепленные позиции и разработанный готовый стратегический путь наступления. В отношении воспрепятствования высадке японцев у Бицзыво Куропаткин проявляет полную пассивность, ибо ограничивается каким то намеком, в виде высылки к станции Пуландян отряда г.-м. Зыкова (4 бтл., 6 эск., 8 орд. и части погран. стражи), результаты чего определяются им такими [472] словами: «Уже при первых известиях о высадке японцев у Бицзыво, я был озабочен мыслью выяснить значение этой операции и размер высадившихся сил, и с этою целью выслал к стороне Пуландяна отряд г. Зыкова. Отряд этот продвинулся до Вафандяна и помог нам, как выяснить размеры самой высадки, так и поддержать несколько дней сообщение с П. Артуром, при чем удалось продвинуть в П. Артур поезд со снарядами особой важности».

Всем известно, как выяснял этот отряд размеры высадки (даже не видел ее); поезд со снарядами был проведен в Артур только благодаря находчивости подполковника Спиридонова; утверждаю, что если бы г. Зыков и не был в Вафандяне, то это ничуть не изменило бы ход событий на театре военных действий.

Несмотря на уже определившиеся высадкою у Бицзыво намерения противника и имение в руках точных сведений о полной безопасности западного побережья Ляодунского залива, продолжается разбрасывание войск (1-й Сибирский корпус) по этому берегу; мало того, беспокоясь за территорию вдоль р. Ляохэ, ожидая не только наступления японцев, но и нарушения нейтралитета Китаем, Куропаткин создает стратегической важности Ляохейский отряд, вверяя его генералу Косоговскому, особенно способному видеть во сне и наяву стратегические и тактические окружения врагом. Отряд г. Зыкова продолжает оставаться в Вафандяне и тогда, когда сообщение с Артуром было прервано. Конечно столь выдвинутое положение ничтожных сил было опасно; вот почему весьма естественно, после печального опыта Тюренчена, 28 апреля из С.-Петербурга, было преподано указание, дающее замечательно верную оценку тогдашнего положения дел:

«После отступления нашего от Ялу и высадки японцев у Бицзыво, стратегическое положение значительно изменилось. Дальнейшее охранение железной дороги между армией и П.-Артуром и занятие Инкоу излишни. Следует избегать разброски сил. Положение отряда г. Зыкова опасно. Единственное средство улучшить наше

стратегическое [473] положение заключается в быстром и возможно полном сосредоточении армии, которая, при данном условии, будет в состоянии бороться даже с двумя японскими армиями».

Если вообще стратегия признает вредным стеснение полномочий полководца какими-нибудь указаниями свыше, то, в данном случае, наоборот, именно свыше давались самые полезные и рациональные напоминания, которые только надлежало исполнить: «прежде всего сосредоточить армию, дабы не подвергать войска частным поражениям, и уже, по сосредоточении, дать отпор противнику». Что можно сказать против столь здравой и простой идеи?

Посмотрим, каков последовал ответ Куропаткина на спокойное и твердое выражение высшей власти. Он испугался, что его считают уже достаточно сильным для борьбы с врагом, а потому на всякий случай предупреждает (телеграммой от 30 апреля) о возможности своего отступления:

«Озабочен исполнением указанной первой задачи—сосредоточения армии из достаточных сил, но, при полном желании удержать Ляоян и Мукден, предвижу возможность отступления, если Китай нарушит нейтралитет, или японцы высадятся близ Инкоу. Единственным выходом тогда—отступление армии за Телин. Особенно важно удержать Китай от нарушения нейтралитета».

На это последовал 3-го мая весьма определенный ответ Наместника: «Хотя в феврале и было поставлено первой задачей сосредоточение в надлежащих силах, но 28 апреля последовали новые указания, по коим силы армии признаются достаточными для сдержания наступления двух японских армий. Скоро силы армии (нашей) превзойдут 100 батальонов, и тогда едва ли представится надобность в отступлении. Наступление еще одной японской армии с запада к Синминтину и Мукдену, если бы и последовало, непосредственной опасности не представляет. Между тем 28 апреля вам ставится вопрос о выручке Артура, который едва ли продержится более двух-трех месяцев. При отступлении на север возможность его выручки отдаляется. [474] Полагаю вполне возможным дать ныне неприятелю возможный отпор».

Итак 3-го мая уже был окончательно решен и в С.-Петербурге и в Мукдене вопрос о необходимости наступления на юг для выручки Артура. Казалось бы командующему армией оставалось только исполнить приказание Наместника, если он находил это возможным и выполнимым, или же категорически заявить, что подобный способ действий не соответствует данной обстановке и должен быть исключен, как разрушающий расчеты плана военных действий. Одна-

ко Куропаткин не решается ни на то, ни на другое. Поэтому Наместник в своем письме от 3-го мая, очерчивая обстановку на театре военных действий (нерешительность действий японской армии под Фынхуанченом, направление значительных сил противника на Ляодунский полуостров, возможность активных действий с нашей стороны в виду вероятного превосходства сил Маньчжурской армии над японской, расположенной в южной Маньчжурии), рекомендует два способа действий:

1) оставив на юге достаточный заслон, на случай появления с этой стороны новой неприятельской армии, двинуться с большею частью сил на Фынхуанчен, с целью разбить и отбросить за Ялу расположенную там японскую армию; в виду полного превосходства сил Маньчжурской армии над японской, расположенной в южной Маньчжурии, такая операция не представляет никакой опасности и обещает успех;

2) выставив на перевалах вполне обеспечивающий нашу коммуникационную линию заслон против расположенной у Фынхуанчена японской армии и оставив резерв у Хайчена, двинуться с частью сил на помощь Артуру.

11-го мая, т. е. через восемь дней после получения категорического указания «выручить Артур», Куропаткин вновь телеграфирует Наместнику о возможности своего отступления за Телин:

«Со времени приезда в армию готовлюсь дать решительный отпор. Для этого на Восточном фронте приняты [475] должные меры, но необходимость охранять длинную линию Феншуйлинского хребта—наша слабость. Против высадки у Инкоу и Гайчжоу готовимся бороться активно. Переход в наступление против Куроки, по отсутствию сведений о направлении двух третей японских сил, признаем несвоевременным. Этому мешают также соображения административного свойства. В худшем случае, предусмотренном в депеше от 30 апреля, надо готовиться к отступлению за Телин. Наше положение будет также затруднительно, если неприятель направит значительные силы от Ялу на Мукден. Если японцы будут медлить, то армия займет положение, дающее возможность бороться против высадки в районе Инкоу—Гайчжоу. С прибытием новых подкреплений и в зависимости от действий противника, определятся наши дальнейшие мероприятия».

Содержание телеграммы в высшей степени неопределенно и необстоятельно; в сущности это просто признание, что «хожу мол в потемках и не знаю что предпринять, ибо все будет зависеть от действий противника, намерения которого проникнуть я не в состо-

янии». Однако вместе с тем такой ответ, на категорическое указание «выручить Порт-Артур», являлся и документом—оправданием на случай будущей неудачи при действиях в этом направлении: «ведь предупреждал же я такою то депешею, что наступать несвоевременно».

Куропаткин не ограничился этим ответом, а 14-го мая послал Наместнику длиннейшее письмо, в котором так оценивает обстановку в отношении вероятных действий противника:

«Для принятия каких либо определенных решений у нас не достает главных данных, где будут находиться главные силы японцев, и какой окончательный план они примут. Таких планов может быть два:

Японцы могут направить против Маньчжурской армии 3 армии, причем из 2-й армии против Цзиньчжоуской позиции оставляется только одна дивизия, а остальные двигаются на север на соединение с войсками высадившимися у Дагушаня, или с теми, которые высадятся в [476] Сюниочене, Гайчжоу или Инкоу (передовые части 2-й армии уже находятся близ ст. Вафандян, а от этой станции до Гайчжоу меньше, нежели от Дагушаня).

Если японцы задались действительно целью вытеснить Маньчжурскую армию из занятого ею расположения, то в этом случае переход войск Маньчжурской армии к активным действиям несвоевременен, и, по моему мнению, нам надлежит, задерживая по возможности наступление противника, дать ему на подготовительных позициях в Ляоянском районе самый решительный отпор. Если при этом мы одержим успех, то восстановление связи с П. Артуром явится одним из ближайших следствий успеха.

Если же японцы примут новый план, а именно решатся, как Ваше В-во полагаете, направить главные силы с целью овладения Порт-Артуром, то я, совершенно согласно с вашим мнением, признаю, что войска Маньчжурской армии должны проявить энергичные активные действия в одном из указанных вами в письме направлений».

Таким образом казалось бы г. Куропаткин соглашался на переход к активным действиям вверенной ему армии, но сейчас же следует и ослабление этого решения замечанием:

«В интересах армии всякий переход к активным действиям желателен только лишь после сосредоточения большей части ее сил (спрашивается, как это понимать? Что и когда считать сосредоточением большей части сил?), с тем, чтобы действия армии могли носить самый решительный характер, а наступление могло быть ис-

полнено безусловно не только до, но и в пределах Кореи (какая вдруг открылась широкая задача! И главное, ведь только что говорилось о необходимости отступать за Телин!)».

Указав, что частные неудачи, подобные понесенной Восточным отрядом под Тюренченом, вообще вредны для армии, Куропаткин делает разбор наступательной операции к р. Ялу, представляет все затруднения к ее выполнению и совершенно отказывается от этого проекта: [477]

«при настоящей сложной стратегической обстановке нашей армии, при недостаточной обеспеченности ее сосредоточения, ибо возможен перерыв подвоза по железной дороге по тем или другим причинам (странно: вед всегда бывают всякие причины!), по необеспеченности фланга и даже тыла армии против удара главных сил со стороны Инкоу или Гайчжоу, переход в наступление ныне к Ялу частью наших сил, представляя известные преимущества, в то же время имеет столь серьезные невыгоды при тех силах, которыми мы располагаем ныне, что от него надлежало бы отказаться».

Оценивая операцию наступления на юг, для непосредственной выручки Артура, Куропаткин говорит, что «ее можно выполнить в ближайшее время всего одним корпусом, который будет поставлен в очень рискованное положение, но, по сравнению обоих способов действий, т. е. операции наступления на Ялу и операции наступления к Квантуну, он должен, несмотря на все опасные стороны, отдать предпочтение наступлению частью сил в направлении на Квантун».

На заявление Наместника о том, что крепость способна держаться всего два-три месяца, г. Куропаткин отвечает, что это является для него совершенно новою данною, так как считалось, что «Артур может оказать сопротивление превосходным силам противника насколько хватит его жизненных припасов, а запасы эти заготовлены в годичной пропорции».

Перечислив меры принятые для обороны побережья и Феншуйлинского хребта, командующий армией заключает так:

«Принятые и принимаемые меры, при невыяснившейся еще ныне обстановке положения и сил противника, отвечают требованиям обороны на случай наступления против нас превосходных сил, и в то же время, если бы 3-я японская армия была направлена на Квантун; эти меры являются подготовительными для быстрого наступления движения корпусов войск в южном направлении».

И это письмо в своем содержании совсем не заключает [478] решительного возражения против наступления для выручки Артура;

оно лишь представляет из себя новый оправдательный документ военноначальника на случай возможных неудач; другими словами, предоставляя решение вопроса высшему начальству, Куропаткин говорит так: «я слагаю с себя всякую ответственность за последствия попытки наступать к Артуру, но если бы Артур пал, что ведь я никогда не отказывал вам в наступлении для его выручки».

Как раз в это время пала оборона Цзиньчжоуской позиции, т. е. обстановка именно оправдывала решение немедленного наступления для выручки Артура. Комбинацию одновременности двух операций японцами,—и против Артура, и против Ляояна, ни Алексеев, ни Куропаткин тогда еще не предвидели. Японцы между тем играли нам в руку— делали эту ошибку, и конечно если бы наступление на юг было предпринято немедленно, то оно имело бы огромное значение; а если бы оно было выполнено в начале мая, то неизвестно достался ли бы так легко Цзиньчжоуский перешеек нашим врагам, ибо при атаке его японцы очутились бы между двух огней.

Совершенно естественно озабоченный участью нашего флота в Артуре, на который, к сожалению, еще надеялись, и не получив от Куропаткина категорического отказа от наступления для выручки крепости, Наместник 16-го мая телеграфировал ему, что представляет на благовоззрение в С.-Петербург вопрос о немедленном наступлении на помощь Артуру и просит принять меры к подготовке такого наступления в настоящее время корпусом силою в 24—32 батальона, к Квантуну, что он уже принял некоторые меры к его подготовке и лишь отложил окончательное решение вопроса до той минуты, когда подтвердится движение главных сил неприятеля к П.-Артуру; со своей стороны Наместник полагал, что взятием Цзиньчжоуской позиции намерения японцев уже достаточно обнаружены.

На следующий день были санкционированы соображения Наместника, и поэтому 18-го мая последний телеграфировал [479] Куропаткину: «Предположение о наступлении на выручку П.-Артура одобрено, согласно плана изложенного в письме от 14-го мая. Прошу приступить к выполнению этой операции, которую полагаю необходимым произвести безотлагательно. Для успеха наступления признавал бы соответственным при первой возможности доведение назначенных для сего сил до 4-х дивизий».

Этою телеграммою Наместник передавал командующему армией свое приказание наступать немедленно, но г. Куропаткин во-первых и не подумал его исполнять, а во-вторых только 20-го мая, т. е. через два дня, телеграфировал начальнику полевого штаба Наместни-

ка о новых затруднениях для выполнения операции, которые однако не только сейчас, но и тогда могли показаться странными (теперь это подтверждают пережитые события, но уже тогда намерения японцев были довольно прозрачны; конечно только не для тех, кои желали видеть везде их миллионные армии), а именно:

«Несомненно передвижение значительных японских сил на северо-восток по Ялу с горной артиллерией, в связи с упорно подтверждаемыми сведениями из Парижа полковника Лазарева о готовящемся обходе нашего левого фланга двумя дивизиями с горною артиллериею, приводят меня к убеждению в необходимости усиления мер по обеспечению левого фланга расположения армии». Итак Куропаткин верит в такое наступление по донесениям из Парижа, а между тем как раз в эту минуту японцы даже очистили Саймацзы (на нашем крайнем левом фланге). Замечательно, что в отношении этой наиболее реальной данной сообщено так: «это движение (обход нашего левого фланга), судя по очищению японцами Саймацзы, еще подготовляется и вероятнее всего будет выполнено в связи с общим переходом в наступление от Ялу против нас всех японских войск».

Становясь затем на ту точку зрения, что именно такая операция противника для нас наиболее желательна, Куропаткин вдруг заявляет, что, в случае же нашего наступления частью сил к Артуру «получится небывалый из [480] Русских и Японцев как бы слоеный пирог по линии Порт-Артур—Мукден, а именно: Русские, Японцы, Японцы, опять Русские. Если японцам обходом левого фланга удастся прорваться к железной дороге (вероятно севернее Мукдена!), то прибавятся еще два новых слоя: японцы и русские; принимаю все меры, чтобы избежать такой небывалой в истории войны чрезполосицы». После таких строго научных и образных стратегических измышлений, полководец обращается уже к реальным мерам осуществления своих предначертаний, что выражается в просьбе «направить из Мукдена в Синцзинтин один батальон (это против 2-х дивизий Парижского полковника Лазарева!); туда же предназначить один полк из бригады Оренбургских казаков, предназначавшихся ранее генералу Линевичу (в Уссурийский край), и доложить содержание депеши Наместнику».

Эта телеграмма представляет из себя один из самых видных документов по несостоятельности Куропаткина, как лица ответственного по серьезному делу вообще, а не только по такому страшному и государственному, как война:

1) он не желает решиться на операцию наступления, но и не хо-

чет сказать, что отказывается от нее, причем пишет не своему прямому начальнику, а состоящему при нем;

2) что за надобность осуждать, или вернее насмехаться над планом прямого начальника, обращаясь к его же подчиненному, ибо этот план назван «слоеным пирогом»;

3) можно ли так подтасовывать данные обстановки для оправдания своей нерешительности, чтобы утверждать о вероятном наступлении противника на основании его отступления—очищения Саймацзы.

Ясно, что бессодержательная телеграмма командующего армией не могла поколебать решение Наместника, т. е. главнокомандующего, прийти на помощь Артуру, тем более, что полученные им 31-го мая депеши г. Стесселя от 15-го мая указывали на критическое положение крепости. Г.-а. [481] Алексеев совершенно определенно высказался в телеграмме от 22-го мая;

«Полагаю, что наше положение у Ляояна настолько прочно, что без особого риска возможно теперь же направить на выручку Артура не менее 48 батальонов, и тем более, что 3-я Сибирская дивизия уже подошла в район сосредоточения. Вместе с сим признаю необходимым беспромедлительный переход в наступление разом достаточными силами. Я считаю особым долгом вновь обратиться к В-у В-ву по вопросу о выручке его (Артура) и просить об этом вашего отзыва».

Вместе с тем Наместник донес 22-го мая в С.-Петербург о критическом положении Артура и о своем намерении двинуть для безотлагательной помощи ему 48 батальонов, а также о том, что Куропаткин предполагает ограничиться всего 30-ю батальонами, за которыми двинуть подкрепление, по прибытии к Ляояну новых войск из России. На это было телеграфировано, что «определение средств и способов для отвлечения удара от Артура принадлежит власти главнокомандующего, но переход Маньчжурской Армии к активной деятельности является вполне назревшим; ответственность за участь Артура возлагается на Куропаткина.»

23-го мая эта телеграмма была передана Куропаткину, но только 25-го он телеграфировал Наместнику: «Назначено для наступления 24 бтл. 1-го Сибирского корпуса и 8 бтл. 35-й дивизии, т. е. всего 32 бтл.; при них 88 полев., 12 кон. орудий, 22 сотни и эскадр. Для обороны побережья Инкоу—Гайчжоу—Сюниочен—8 бтл. (бригада 3-й Сибирской дивизии); в резерв этих войск предназначена

бригада 31-й дивизии; всего[61] на направлении Вафандян—Гайчжоу собрано 48 бтл., 120 полев., 12 кон. оруд., 22 эск. и сот. Против Куроки оставалось 40 бтл.,82 пеш. и горн. оруд., [482] 52 сотни. В общем резерве в Ляояне оставалась 5-я стрелковая дивизия и в Хайчене бригада 3-й Сибирской дивизии.

Донеся об исполненном, г. Куропаткин не преминул и высказать свое сетование на могущие быть последствия: «нельзя не признать, что резерв, при растянутости линии обороны по Феншуйлинскому хребту на 140 верст, весьма слаб; наш противник, даже не имея превосходства в силах, но действуя сосредоточенно, может без особых усилий прорвать этот кордон в любом месте. В настоящее время Маньчжурская Армия занимает по линии железной дороги от Вафандяна до Ляояна свыше 200 верст».

Итак Куропаткин не исполнил никаких мер по подготовке наступательной операции для выручки Артура: а) рассыпал даже единственную предназначенную им с этою целью часть—1-й Сибир. корпус, ибо еще 28-го мая в 7 часов 5 мин. вечера он сам телеграфировал Барону Штакельбергу: «требуется прежде всего сосредоточение войск корпуса, ныне растянутого от Гайчжоу до Вафангоу на 80 верст». Кроме того 8 бтл. были в Ляояне, а 8 еще ехали из Харбина. в) Все остальное из войск Маньчжурской Армии было, по собственному выражению ее командующего, настолько разбросано, что «противник, даже не имея превосходства в силах, мог легко разбить нас по частям».

Но лучше всего то, что, разбросав таким образом вверенную ему армию, г. Куропаткин сам же восклицает: «она занимает по линии жел. дороги свыше 200 верст (при этом как бы нарочно считает от головы передового конного дозора, дабы прибавить пространства)».

Тем не менее Куропаткин не высказывает Наместнику решительно, что он не согласен наступать, а повествует ему в общем в таком смысле: «в первую очередь (значит предполагаются какие-то очереди!) получите 32 бтл. и посылайте их; положение их будет такое то, но конечно сказать наверное, что противник воспользуется им, нельзя, а, с прибытием подкреплений, я дам [483] вам еще 10-й армейский корпус (точно нельзя было в ожидании его скорого прибытия продвинуть другие части вперед)».

Наместник остался недоволен таким исполнением подготови-

[61] 25 мая эти войска были расположены так: 1-я дивизия у Вафангоу, 9-я—в районе Инкоу—Ташичао—Гайчжоу, Семипалатинский полк в Гайчжоу, Тобольский п. на пути от Харбина на юг. Бригада 35-й дивизии выступала из Хайчена в Гайчжоу; бригада 31-й дивизии в Ляояне; у Вафандяна 11 эскадронов и сотен.

тельных мер операции наступления и совершенно справедливо сделал следующие замечания: 1) назначено слишком недостаточное число батальонов (всего 32, с резервом 8 бтл. в 60 верстах расстояния), 2) назначено недостаточно кавалерии, 3) не выполнено сосредоточение частей, 4) необходимо спешить производством операции именно теперь, пока база неприятеля находится еще в Бицзыво, ибо устройству ее в Дальнем препятствует японцам необходимость предварительно очистить бухту от многочисленных мин.

Кроме того, нельзя не признать выдающимся по своей простоте, реальности и вместе с тем меткости следующее указание г.-а. Алексеева:

«Вполне разделяя мнение ваше, что необходимость оказания помощи П. Артуру заставляет нас с некоторым риском выдвинуться вперед и растянуть наше расположение, я однако не могу не обратить внимание на то, что и неприятельская армия, весьма немного превосходящая нас численностью, растянута на 400 верст, от Куаньдянсаня до П. Артура, вследствие чего переход ее в наступление в каком либо направлении едва ли может быть произведен значительными силами, и оставленные нами заслоны с их резервами, постоянно пополняемыми прибывающими по железной дороге войсками, будут в состоянии дать надлежащий отпор такому наступлению противника».

На это последнее категорическое приказание Наместника (от 28 мая) последовал по телеграфу ответ командующего армией — официальный, который и представляет из себя окончательное согласие г. Куропаткина на исполнение операции Вафангоу. Приводим его дословно и предлагаем надлежащее к нему освещение: [484]

Телеграмма г. Куропаткина к наместнику 30 мая.	
Спрашивается, почему сосредоточение произведено лишь 29—30 мая, когда его можно было выполнить двумя—тремя неделями ранее? Почему нельзя было сменить 9-ю дивизию войсками из резерва, на место которых по ставить прибывавшие части Сибирской дивизии?	Корпус войск, назначенный для движения к югу, сосредоточивается с возможной быстротой: пехотные части авангарда в короткое время передвинулись из Хайчена к Вафандяну; сосредоточение 9-й стрелковой дивизии замедлилось необходимостью сменить ее на побережье частями 3-й Сибирской дивизии; для ускорения сосредоточения часть войск перевозится по железной дороге.

Значит наступление наше абсурдно и безнадежно, так как назначено слишком мало сил, а, почему мало, ответ следует ниже:	По последнему донесению Стесселя против П.-Артура в настоящее время расположены только 2 японские дивизии; остальные части 2-й и 3-й японских армий расположены к северу от Цзиньчжоуской позиции. Таким образом против отряда Штакельберга может действовать примерно 4 японских дивизии, и притом на укрепленной позиции; положение благоприятное для Артура, но указывающее на недостаточность сил нами направляемых на юг.
... Потому что может быть я ошибся в расчетах и слишком разбросал свои войска. Прошу помочь мне и взять на себя ответственность за обеспечение моих флангов и тыла. Другими словами, Куропаткин хотел не только сложить с себя ответственность за идею операции наступления, но хотел, чтобы и ее выполнение, в смысле назначения войск, также было принято на себя Наместником—главнокомандующим, т. е. ему было бы предписано послать не столько то батальонов, а именно такие то. Только по этим словам Куропаткина Наместник имел право донести в С.-Петербург следующее: «командующий Маньчжурской Армией совершенно не отдает себе отчета в том, что ему нужно делать, а следовательно не в состоянии командовать не только армией, но вообще войсками».	В бытность г. Жилинского в Ляояне я просил его взять на себя труд по проверке принятого нами расположения войск на перевалах, в частных к ним резервах и в общем резерве против армии Куроки. Быть может, Мы (кто же это Мы? Куропаткин с Сахаровым, Харкевичем и комп.? И почему не Я?) слишком много отделили для этого войск, и со стороны (может быть не только из Мукдена, но и из С.-Петербурга, наконец из Парижа, где ведь тоже сидел вполне ориентированный полководец и стратег генерального штаба полковник Лазарев) легче будет указать (мне и компании), какие именно войска можно будет снять с того и другого направления и двинуть к Штакельбергу. Очень буду обязан за такое указание.
Все эти опасения были изложены предусмотрительным полководцем гораздо ранее. Нового было лишь то, что японцы уже занимали Сюянь и следовательно приблизились к Гайчжоу, но это и показывает, что если время для наступления к Артуру еще не было совсем упущено, то во всяком случае наиболее благоприятные для него дни уже прошли. Однако вероятность решительного наступления японцев на Гайчжоу и против Восточного Отряда все также была слишком мала, ибо они не были еще к ним готовы; они выполнили это лишь в августе, а пока только запугивали Куропаткина на нашем Восточном фронте[62].	Необходимо принять во внимание и прикрытие направления Сюянь—Гайчжоу, которое до сих пор ничем не охранялось, но ныне, с занятием японцами Сюяня и с выдвижением значительных японских сил к северу от перешейка, приобретает большое значение. У Сюяня, по наблюдению г. Мищенко, уже находились части гвардейской и 10-й дивизий; направив сюда еще одну дивизию, Куроки может, в связи с наступлением 4-х японских дивизий с юга, двинуть к Гайчжоу 3 дивизии, дабы разорвать расположение нашей армии на две части и нанести поражение корпусу Штакельберга.

[62] 3-го и 4-го июня Граф Келлер во главе $7^3/_4$ батальонов, почти без артиллерии, произвел наступление к г. Фынхуанчену и совершенно беспрепятственно занял Сейлючжан, находившийся всего в 25 верстах от Фынхуанчена; все передовые японские части уходили без выстрела. Следовательно армия Куроки еще не была готова к активным действиям.

Таким образом Восточный отряд Графа Келлера, действовавший на направлении Ляоян—Фынхуанчен, сделался теперь неожиданно уже центром, а не левым флангом нашего расположения. Разве это не натяжка или подтасовка элементов обстановки (стремление показать ее наиболее сложной и опасной). И какие вдруг появились точные сведения о роде и количестве японских войск в состав армии Куроки!	Против перехода в наступление центра нашего расположения, а именно войск Восточного отряда, Куроки укрепил Фынхуанчен и вверит вероятно оборону его резервным войскам и 12-й дивизии.
А если она необходима, то значит следовало наступать на выручку, и значит командующий армией был одинакового мнения и убеждения с главнокомандующим, т. е. Наместником, и следовательно операция наступления на юг, для выручки крепости, в своей идее принадлежит Куропаткину на одинаковых с высшими над ним начальниками основаниях.	Порт Артуру необходима выручка.
Эти слова нельзя понять иначе, как следующим образом: наступать совершенно невозможно, ибо, при неуспехе Штакельберга будет нехорошо для Артура, а, в случае его успеха, погибнет вся Маньчжурская Армия.	Если войска корпуса Штакельберга потерпят неудачу, то это не улучшит, а только ухудшит положение П. Артура; если бы Штакельберг, усиленный сверх наших сил —за счет безопасности своей связи с остальными частями Маньчжурской Армии, и одержал бы успех, то сомкнутый удар Куроки на ослабленную, стоящую кордоном нашу оборону имел бы успех, и Куроки стал бы на сообщениях со Штакельбергом, положение Маньчжурской Армии сделалось бы весьма опасным.
На самом дел это был мираж; Куроки лишь обозначал наступление. Что же касается до оставления в стратегическом резерве Маньчжурской Армии всего 12 бтл., то это лишь показывает, что все силы были чрезмерно разбросаны; впрочем и дальше мы действовали всегда исключительно отрядами, кордонами, но никогда кулаком. В этом и заключается одна из главнейших причин наших поражений.	Я предвижу, что начало действий к югу Штакельберга совпадет с началом энергичного наступления Куроки; готовлюсь дать самым упорным образом отпор, но имею в общем резерве только 12 батальонов.

[488]

Телеграмма заканчивается следующими словами: «с прибытием головы 10-го корпуса можно будет усиливать войска, двинутые к югу, войсками 10-го корпуса». Эта фраза представляет из себя пустые слова, ибо когда еще могли прибыть войска 10-го корпуса и попасть к Штакельбергу; и без того время для наступления было уже упущено. Но за то слова имеют огромное значение, как заклю-

чение исторического документа. Действительно, все предшествующее, в нем сказанное, клонит к тому, чтобы признать задуманную операцию наступления абсурдной, не нужной, даже слишком рискованной, по той простой причине, что и у Штакельберга было слишком мало сил для нанесения решительного удара, и у самого Куропаткина их оставалось слишком мало для обеспечения операции... Следовательно Наместник пожалуй мог принять такую депешу за решительный отказ наступать, но это никак не входило в планы Куропаткина, ибо он мог рисковать следующим: «вдруг погибнет Артур, и тогда ответственность за его участь, уже возложенная на Куропаткина, будет поставлена ему на счет. Так вот это обещание усилить Штакельберга войсками 10-го корпуса и уничтожало отказ наступать: «я был готов выручать Артур, для чего сосредоточил все, что мог, и имел в виду сосредоточить еще».

Казалось бы за глаза достаточно этого официального, так сказать, командного документа г. Куропаткина, чтобы выяснить его роль по организации и по выполнению операции наступления на юг отряда Барона фон Штакельберга, с целью выручки Порт-Артура: не отказываясь от операции, обрисовываемой им самим невыполнимою, он тем не менее признает ее необходимость и старается лишь, на случай неудачи, заранее [489] сложить с себя всякую ответственность; в то же время медлит, упускает благоприятное время, производя наступление на две недели позднее, чем это ему было указано, и наконец ограничивается назначением слишком малых сил, имея полную возможность воспользоваться еще по крайней мере силами одной дивизии.

Но интересно рассмотреть еще два тоже официальных документа за подписью Куропаткина, только не столь командные, а именно: его писем Наместнику от 26 и 29 мая. Содержание их в сущности одно и то же; первое гораздо пространнее, а потому ограничиваюсь приведением здесь дословного содержания второго, которое вместе с тем является ответом на полученное командующим Маньчжурской армией сообщение, что на него возлагается ответственность за участь Артура.

Письмо от 29 мая.	
Я не виноват в том, что еще до войны был составлен какой-то план военных действий. Однако этот план был утвержден и следовательно признан мною в качестве военного министра—администратора в С.-Петербурге, но конечно я не ожидал, что мне же и придется считаться с ним в качестве полководца на Маньчжурском театре военных действий.	Сосредоточение производилось по плану, согласно которого считалось, что главная опасность угрожала не к стороне П.-Артура, а со стороны высадки у Инкоу и Гайчжоу. Поэтому было отклонено и представление об усилении гарнизона. В апреле армия не готова была еще к активным действиям, т. к. было неизвестно, куда японцы направят большую часть своих сил.

Виноват флот и вероятно Засулич, который, однако, как это ни странно, продолжал командовать войсками.	Неудача флота 31 марта и переправа противника через Ялу отразились крайне невыгодно на нашем положении.
Опять виноват флот и вероятно г. Зыков, посланный к Вафандяну помешать высадке, но даже не взглянувший на это интересное упражнение. Я не виноват в том, что все еще предполагал выполнять некий существовавший на бумаге план действий, по которому следовало действовать и японцам, но они не оказались для этого достаточно джентльменами.	22 апреля началась высадка у Бицзыво, но флот ей не препятствовал. Армия, не смотря на некоторые принятые меры, также не могла помешать высадке. Последняя еще не давала вполне точных указаний о дальнейших планах японцев. Концентрическое наступление трех армий представлялось возможным.
Я не виноват в том, что мне давали все кавалерию, которая в горах бесполезна, а мне была так нужна пехота... Но ведь, собираясь на войну, я не мог не знать, как военный министр, какие войска мне будут присылать.	Между тем с 29 марта по 1-е мая последовал перерыв в подвозе пехотных частей армии, которая заключала в себе 78 батальонов.
Я не виноват, что тотчас по прибытии своем в Ляоян, я немедленно занялся установлением и развитием своих престижа и величия, для чего потребовалось создать тысячный, стоивший миллионы рублей, штаб... Я сидел в Ляояне и ничего не ведал о противнике, а между тем ожидал его со всех сторон... даже нашествия китайцев—хунхузов из долины Ляохэ, в полной возможности чего меня уверил храбрый стратегический генерал Косоговский.	Необходимость заблаговременно выяснить направление противника повела к разброске армии, которую депешей от 28 апреля приказано было устранить.

[491]

Ведь и я думал иногда о возможности активных действий, так как им обучают в военных академиях, и в своих письмах начальству я не раз академически рассуждал о таковых.	В мае армия усилилась, и было приступлено к разработке планов наступления, как против Куроки, так и на юг, что совпало с письмом 8 мая.
Я не виноват, что японцы решили действовать не согласно с каким-то планом, созданным и мною утвержденным до войны. А только что—за 10—12 дней — Куропаткин решительно отклонил этот способ действий и признал во всех отношениях более удобным наступать на юг, и с необходимостью немедленной поддержки Артура вполне согласился.	Тем временем выяснилось, но все еще не вполне, что главным объектом действий японцы избрали П.-Артур. Ныне силы Маньчжурской армии дают основание рассчитывать на успех против Куроки, что было бы наиболее соответствующим решением, если бы не опасение, что П,-Артур не может продержаться продолжительное время. Между тем в депеше от 22 мая значится, что Артуру нужна сильная и безотлагательная помощь.

Нельзя же однако быть везде сильнее противника. Искусство полководца и состоит в том, чтобы сосредоточить свои силы в решительном пункте, ослабляя их на второстепенных, или даже совсем оттягивая их с последних (так постоянно и делали японцы, оперируя против Куропаткина).	При таком условии мы ослабим себя на Восточном фронте, что не соответствует указаниям письма 8 мая, а также преподанным мне указаниям 19 мая.
Во-первых значительных сил Куропаткиным, вопреки указаниям Наместника, назначено не было, а во-вторых никаких указаний ему свыше по обеспечению операции не давалось.	Только надежда на прибытие 10-го корпуса дозволила отступить от полученных указаний назначением значительных сил для выручки П.-Артура.
Да, трудною, но невозможною, по крайней мере такою ее признает этими же словами сам исполнитель. Опять и в третий раз виноват флот, но, спрашивается, кто из здравомыслящих людей мог рассчитывать на Русский флот после взятия японцами Цзиньчжоуской позиции? И какой это был строго определенный план? Применять план Наместника, утвержденный военным министром еще до войны, уже было абсурдно, так как он не соответствовал обстановке. Значит можно думать, что у Куропаткина был уже создан в Ляояне какой-нибудь план... Но оттуда доносили только: все зависит от действий противника; неизвестно, что он будет делать; где находятся его две трети, где его большая половина сил? куда он нанесет главный удар? Ожидаем атаки от Ялу, от Дагушаня, от Вафандяна, от Инкоу, из долины Ляохэ, от Синминтина, от Саймацзы— словом со всех сторон.	Тем не менее задача эта, возникшая почти внезапно, вследствие перемены взгляда на обороноспособность П.-Артура, является выдающейся по своей трудности. Таким образом армия действовала до сего времени по строго определенному плану, в основание которого была положена вера в силу сопротивления Артура и в содействие флота. Действительность не оправдала ожиданий: главный удар противника направляется на П.-Артур, но флот бездействует, а вера в силу Артура исчезла.

[493]

Письмо заканчивается такими словами: «я мнения этого не разделяю, но, какая бы судьба Артур ни ожидала, командующий Маньчжурской Армией, как видно из вышеизложенного, не может быть ответственным за его участь».

Это заключение письма представляет из себя собственное признание г. Куропаткина в основном принципе всей своей боевой деятельности на Маньчжурском театре военных действий: «не должно быть ответственным ни за что, ни за какие неудачи, и поэтому, прежде чем на что-нибудь решиться, надо принять меры к своему оправданию, сложить с себя ответственность на кого-нибудь, или даже на что-нибудь». В данном случае она складывалась на главнокомандующего, т. е. на Наместника.

В том же заключении стоит фраза: «я этого мнения не разделяю», т. е. я не потерял еще веру в обороноспособность Артура; кроме того все письмо Куропаткина от 26-го мая написано главным образом с целью доказать несостоятельность мнения о слабости Артура, и приведены весьма серьезные доводы:

1) В течение последних трех месяцев гарнизон крепости значительно увеличился и состоит из 27 стрелковых батальонов, имеющих сверхкомплект нижних чинов, и 3 запасных батальонов очень сильного состава, т. е. всего одной пехоты до 30.000, а, с моряками и крепостной артиллерией, сила гарнизона значительно превысит 40.000 человек.

2) Конструктивная сила укреплений значительно и непрерывно увеличивалась.

3) 17-го февраля Наместник доносил, что, если отдельная операция против Артура обещала неприятелю серьезные выгоды только в случае, если ему удастся овладеть крепостью одним ударом, то время для этого было уже упущено, так как сухопутный фронт крепости с каждым днем усиливался, а укрепления его, хотя и неоконченные, были приведены в готовность (поставлено вновь 200 орудий); продовольственные запасы пополнялись; за оборону ручалась историческая стойкость войск при, защите укрепленных мест. [494]

Столь резкую перемену во взгляде на крепость г. Куропаткин объяснял временными неудачами первых наших действий против японцев, как флота, так и сухопутной армии, которые весьма приподняли дух японцев и принизили наш; от преувеличенного умаления сил японцев мы перешли к преувеличенной оценке их могущества и достоинств; не остались без влияния и хвастливые заявления наших противников о том, что они возьмут П.-Артур в двухнедельный и даже в недельный срок.

Вообще Куропаткин отказывался признавать, что положение Артура могло в данное время вызвать особую тревогу, ибо, пишет он, «если бы г. Стессель и войска были вполне готовы встретить врага грудью и исполнить свой долг бестрепетно до конца, с верою, что Русские войска в тех условиях, в которых они ныне находятся в П.-Артуре, нельзя победить, не смотря ни на какие жертвы, на которые готовы японцы». Однако эти последние слова показывают, что он одинаково с г.-а. Алексеевым опасался за участь Артура; он заканчивает так: «совсем иначе представляется вопрос, если г. Стессель (а, судя по донесениям последнего от 15-го мая, повидимому это можно было заключить) сам потерял веру в возможность отстоять со славою вверенный ему Русский оплот на Дальнем

Востоке и успел сообщить войскам свои сомнения и подорвать их мужество и энергию. Тогда мы действительно должны ожидать относительно Порт-Артура самых тяжелых неожиданностей».

Итак где же уверенность в незыблемости Русского оплота, когда г. Куропаткин не верит тому, кому поручена его оборона, и сам же говорит, что если вера в возможность отстоять твердыню исчезла из сердца начальника, если недоверие к своим силам и преувеличенное мнение о силе противника сообщилось от начальника войскам, то эта твердыня не может устоять против храброго и энергичного противника. Поэтому и слова его в письме 29-го мая: «не разделяю мнения о критическом [495] положении Артура», не имеют никакого значения и конечно не могли убедить главнокомандующего, т. е. Наместника.

Письмо 26-го мая заканчивается так:

«Дабы освободить Порт-Артур требуется продвинуться от района сосредоточения свыше 300 верст, и, главное, требуется взять Цзиньчжоускую позицию, защищаемую не только сухопутными войсками, но и флотом. Движение к П.-Артуру, растягивая расположение Маньчжурской Армии по линии железной дороги до 300 верст, причем на фланге этой линии расположена армия Куроки, численностью не менее 70—90 тысяч, представляет большие затруднения и опасность. Поэтому, как значится в письме Вашем 8-го мая, это движение должно быть надежно обеспечено оставлением сильного заслона против армии Куроки с резервами в Ляояне и Хайчене».

Эти слова указывают на неудобовыполнимость операции, но сейчас же следуют и совершенно другие:

«Но если П.-Артур будет держаться сообразно со своей силой гарнизона и запасами, а главное и с историческою доблестью русских войск, то все трудности, каких бы то жертв ни потребовало, будут преодолены, и мы выручим славный гарнизон его».

В письме же от 14-го мая говорится весьма определенно о подготовке наступления на юг: «С прибытием в Гайчжоу Сибирской казачьей бригады, согласно с предположением Барона Штакельберга, будет произведена обширная разведка конным отрядом, составленным из Приморского драгунского полка, бригады казаков и нескольких сотен Пограничной Стражи. Разведка эта будет поддержана ротами Пограничной Стражи ныне собираемыми в Сюниочене. С высадкой японцев у Бицзыво, при оставлении нами линии железной дороги, мною были даны несколько раз повторенные определенные указания ничего не разрушать и лишь лишать японцев возможности пользоваться дорогой, для чего разрешалось: снимать стрелки, пре-

кращать действие водоснабжения, снимать телефонные аппараты и увозить подвижной состав. При этих условиях восстановление линии может быть произведено быстро. [496] В настоящее время на подполковника Спиридонова уже возложена задача восстановления движения на участке до Сюниочена и далее к станции Ванцзялин, насколько то будет допустимо действиями противника. Выдвигаемая вперед конница быть может позволит восстановить движение до Вафангоу».

Опровержением намеков Куропаткина, что он верит в силу Артура служат и следующие факты: если он был так уверен в незыблемости крепости, то почему же складывал с себя ответственность за ее участь; наоборот, не выгоднее ли ему было, именно приняв таковую на себя, решительно и твердо отказаться от навязываемой ему операции наступления для выручки Артура; ничего подобного он однако не сделал, а, исписав множество страниц бумаги своими письмами и депешами, предоставил решение участи Артура и осуществление идеи его выручки старшему над собою, благо такой имелся на лицо, и таковым можно было прикрываться: будет успех—я им воспользуюсь, будет неудача—я в ней неповинен. Ведь именно в этом и заключался главный принцип командования Маньчжурской Армией.

Из всего вышеизложенного заключаем, что г. Куропаткин не может никоим образом сложить с себя ответственность за осуществление идеи наступления отряда Штакельберга, и никакие фолианты его письменных оправданий, составленных исключительно ради этой цели, не могут и не должны иметь значения; наоборот они то и служат обвинением, ибо ярко обрисовывают неудовлетворительность деятельности Куропаткина: если не хочешь нести ответственности, то и не бери власти; раз же она принята, то уже нельзя уклоняться от ответственности.

В отношении организации самой операции, предоставленной главнокомандующим (Наместником) командующему армией, уже было сказано, что именно исключительно благодаря Куропаткину она была предпринята на две—три недели позднее, нежели это было возможно, и этого желал Наместник; кроме того не были использованы в достаточном количестве силы. Нам остается только [497] выяснить вопрос о том, кто должен был принять на себя непосредственное ближайшее — боевое руководство операцией.

Идея операции сама по себе очень широка: 1) переход к активным действиям Маньчжурской Армии, 2) задача выручки крепости Порт-Артура, имевшей огромное политическое и стратегическое

значение, и 3) нанесение решительного удара врагу, уже одержавшему столько успехов и на море, и на суше.

Так как в ту минуту операция была не только важнейшей, но и единственной, на всем театре военных действий полевой Армии, а деятельность всех остальных частей последней сводилась лишь к наблюдению, пассивной обороне и демонстрациям, то естественно непосредственное руководство должно было принадлежать самому командующему армией. Полагаю, что не ошибусь, если скажу, что г. Куропаткин вполне сознавал это, ибо доказательством тому служит следующее его заявление в письме к Наместнику от 14 мая, заканчиваемое так: «С первыми подкреплениями я предполагаю усиливать выдвинутые к Квантуну войска. С прибытием 3-й Сибирской дивизии голова 2-го Сибирского Корпуса (бригада 35-й дивизии) двинется на юг, а, по мере прибытия войск 10-го Корпуса, передвинется на юг и весь 2-й Сибирский Корпус, причем, в зависимости от действий армии Куроки, я останусь в Ляояне, или с частью полевого Штаба отправлюсь на юг, дабы лично руководить действиями 1-го и 2-го Сибирских Корпусов.»

Однако это намерение личного руководства не было приведено в исполнение вероятно на том основании, что операция была возложена только на один корпус с приданной ему сперва одной, а позднее, уже в минуту определившейся неудачи боя под Вафангоу, еще другой бригадой. Нельзя не отметить, что такое решение Куропаткина предоставить всю ответственность за выполнение операции Барону Штакельбергу более чем неправильно и может быть объяснено исключительно обычным принципом боевой деятельности нашего командующего Армией, а именно [498] стремлением во что бы то ни стало сложить с себя ответственность на случай неудачи.

Вот как ориентировал г. Куропаткин исполнителя операции наступления на юг, т. е. Барона Штакельберга.

1) Телеграмма из Ляояна 27 мая, 12 ч. 50 мин. пополудни.

«Выдвижение японских войск к Пуландяну и далее, если бы подтвердилось, что японцы отошли от Порт-Артура и ограничиваются блокадой его, может служить признаком, что целью действий всех 3-х японских армий ставится ныне Маньчжурская армия. Предположение это ныне мало вероятно; вернее, что японцы еще нуждаются в местности севернее Цзиньчжоу, примерно до линии Пуландян—Бицзыво, не успели убрать своих запасов и устроить новую базу в Талиенване или Дальнем. Во всяком случае с вашей стороны требуется сделать все усилия, дабы ранее принятия боя знать с какими силами вы будете иметь дело. Со стороны армии Куроки нача-

лось движение вперед. Саймацзы занято вчера японцами; находившиеся там $2^1/_2$ бтл. с боем отступили в полном порядке. Против Келлера тоже началось движение. Наши передовые части отошли несколько назад. По донесению Мищенко, японцы собрали довольно значительные силы вблизи Сюяня и вероятно на этих днях займут этот пункт; наконец замечено движение небольшой колонны японцев от Дагушаня береговою дорогою по направлению на Бицзыво. Последние сведения требуют подтверждения. Телеграфируйте о ваших распоряжениях по сосредоточению частей 1-го Сибирского Корпуса к Вафангоу. Требуется не терять ни одного дня времени.»

Из содержания этой депеши ясно видно, что время для наступления уже было упущено, и командующий армией не имеет никакой надежды на успех. Тем не менее он все-таки посылает на верную неудачу несчастного командира корпуса, не желая взять на себя ответственность за гибель Артура.

2) Телеграмма из Ляояна 28 мая 7 ч, 5 м, вечера.

«Депешей № 4735 указывалась задача для энергичного [499] выдвижения вверенного вам Корпуса к югу; поэтому требуется прежде всего сосредоточение войск Корпуса, ныне растянутого от Гайчжоу до Вафангоу на 80 верст. Выдвижение авангарда к Вафангоу еще более увеличивает разброску Корпуса. Необходимо принятие мер, дабы бри- гада у Вафангоу не была атакована превосходными силами, и вверенные вам войска не потерпели поражения по частям. С занятием японцами Сюяня, возможно выдвижение их сил в направлении Сюянь—Гайчжоу. В бою Мищенко у Сюяня замечены гвардейские части и части армейской пехоты—вероятно 10-й дивизии. Мищенко отошел в направлении на Далин и поддержанный пехотой расположился у Вандзяпуцзы.»

Эта телеграмма говорит о совершенной невозможности наступать, т. е. должна была подорвать всякую энергию исполнителя операции.

3) Телеграмма из Ляояна 29 мая 5 ч. дня.

«Генерал Стессель от 23 мая доносит, что японцы на Квантуне держатся против Артура восточнее линии Иньченцзы и до Сяосиндао передовыми частями. У Наньгуалина расположена дивизия, в Дальнем два полка, в Талиенване полк, Кроме того занята Киньчжоуская позиция. Севернее перешейка у Самсона до 40.000 и много артиллерии. Севернее горы Самсона, у Годзялина, укрепляется позиция. Наш флот собирается через несколько дней выйти в море для действия на сообщения и для содействия Армии. Из этого сообщения можно сделать следующие соображения: если японцы выса-

дили на Квантуне 6 дивизий, то из них 2 расположены против Артура и 2 дивизии действуют против вас, а 2 расположены в резерве у горы Самсона. Эти дивизии, с движением вашим вперед, могут усилить передовые дивизии. Необходимо задержать главные японские силы возможно дальше к северу от перешейка. Теперь вероятно японцам выгодно овладеть участком к югу от линии Пуландян—Бицзыво. Но, когда они перенесут базу в Дальний и Талиенван и приступят к решительным действиям против Артура, они быстро уйдут за перешеек. Нельзя допустить уйти спокойно. [500] Преследуя по пятам, мы может быть можем овладеть частью орудий и обозов. Если бы счастье покровительствовало нашему флоту, и флот японский потерпел бы поражение, то со стороны сухопутных войск потребуются чрезвычайно энергичные меры использовать победу флота. Ожидаю ваших предположений о предстоящих вверенным вам войскам действиях.»

Эта телеграмма противоречит предыдущим, указывая на полную возможность активных решительных действий, правда довольно проблематичных, если не сказать основанных на каких то фантазиях, явившихся «соображениями» по поводу донесения Стесселя. Однако эти фантастические намеки, делаемые командующим армией командиру 1-го Корпуса, опять таки представляют из себя образец политики: «ведь я же не отказывался от наступательного образа действий и даже предлагал Барону Штакельбергу преследовать японцев по пятам, забирая их орудия и обозы».

Заключительный вывод.

На основании всего выше изложенного нельзя не прийти к твердому, единственному справедливому заключению, что печальные стратегические результаты операции под Вафангоу всецело должны быть поставлены исключительно в вину Куропаткину, а не кому-либо другому, на следующих основаниях:

1) Вопреки настояниям свыше, он, не давая ни положительного, ни отрицательного ответа, упустил благоприятное время для выполнения операции.

2) Вопреки указаниям свыше, он не назначил достаточных сил; наоборот бездельно разбросал их на огромном пространстве.

3) Вопреки указаниям свыше, он не сосредоточил войска своевременно и тем поставил в крайне затруднительное положение исполнителя операции, т. е. Барона Штакельберга.

4) Куропаткин поступил неправильно, отказавшись от непосредственного [501] руководства операцией, возложив за нее ответственность на одного из корпусных командиров.

5) Куропаткин не только не ориентировал исполнителя операции, но даже затемнил ему обстановку какими то несбыточными фантазиями, основанными на вздорном донесении Стесселя, при чем неосновательность последнего была вполне очевидна.

Вообще в этой же первой операции вполне выяснился характер командной деятельности г. Куропаткина, а именно: никогда не отдавать категорических ясных приказаний; никогда не отвечать в высшие инстанции «да» или «нет», а избегать этих неприятных отчетных слов; никогда не брать на себя ответственности ни в чем, стараясь слагать ее на других; возможно больше отписываться и писать исключительно так, чтобы каждый документ мог всегда быть истолкован в пользу его написавшего. Словом, дальнейшее командование Русской Армией определилось такими словами: отсутствие твердости, решительности, но за то в полной мере колебание и политика. На первом плане должно было стать мелкое самолюбие, стремление во что бы то ни стало оградить свою репутацию от предвидимых, вернее инстинктивно предчувствуемых, неудач. Интересы Отечества и Армии были принесены в жертву личности. Таким проявил себя наш вождь в дни Вафангоу и таким остался вплоть до Мукденской катастрофы, после которой он должен был наконец оставить армию, но сумел вымолить разрешение оставаться в ее рядах и следовательно продолжать рисковать интересами Государства и жизнью его сынов, не имея однако на то права уже только потому, что его авторитет был окончательно и безвозвратно потерян. Вести войска в бой может только начальник, имеющий над ними авторитет; что основная данная для возможности победы.

К. Дружинин.

Харбин, Владивосток. Апрель 1906 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I-я. Отъ начала войны до завязки генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ.

Стрн.

Глава 1. Впечатлѣнія открытія военныхъ дѣйствій Японіей. Опредѣленіе съ гражданской службы въ дѣйствующую армію. Сборы на войну. Путешествіе на театръ военныхъ дѣйствій 1

„ 2. Служба по охранѣ побережія Ляодунскаго залива, въ составѣ Приморскаго драгунскаго полка, съ 22-го марта по 11-е апрѣля 37

„ 3. 4 дня штабного Ляояна, съ 12-го по 15-е апрѣля 45

„ 4. Путешествіе изъ Ляояна въ Восточный отрядъ г. Засулича, съ 16-го по 21-е апрѣля 66

„ 5. Отступательный маршъ г. Засулича къ Ляньшаньгуань, съ 22-го по 24-е апрѣля 84

„ 6. Дѣйствія съ разъѣздомъ — заставой на стратегическомъ узлѣ Мади, съ 25-го апрѣля по 18-е мая 108

„ 7. Дѣйствія въ составѣ Уссурійскаго казачьяго полка въ роли: не то начальника штаба 4-хъ сотенъ, не то полкового адъютанта, съ 18-го мая по 20-ое іюня 133

„ 8. Служба начальникомъ штаба сводной казачьей бригады, въ составѣ Уссурійскаго и 2-го Верхнеудинскаго казачьихъ полковъ, съ 20-го іюня по 9-е іюля 176

„ 9. 5 дней при Графѣ Келлерѣ, въ д. Холунгоу и на Янзелинѣ, съ 10-го по 14-е іюля 222

„ 10. Дѣйствія передового отряда въ д.д. Титуню и Тыаншентунь и на перевалѣ Мяолинъ, между войсками Восточнаго отряда графа Келлера [г.-л. Иванова] и 2-го Сибирскаго корпуса г.-л. Засулича, съ 15-го по 23-е іюля 231

„ 11. Дѣйствія передового отряда у д. Тунсинпу, впереди праваго фланга Ляньдясанской позиціи Восточнаго отряда, съ 24-го іюля по 10-е августа 253

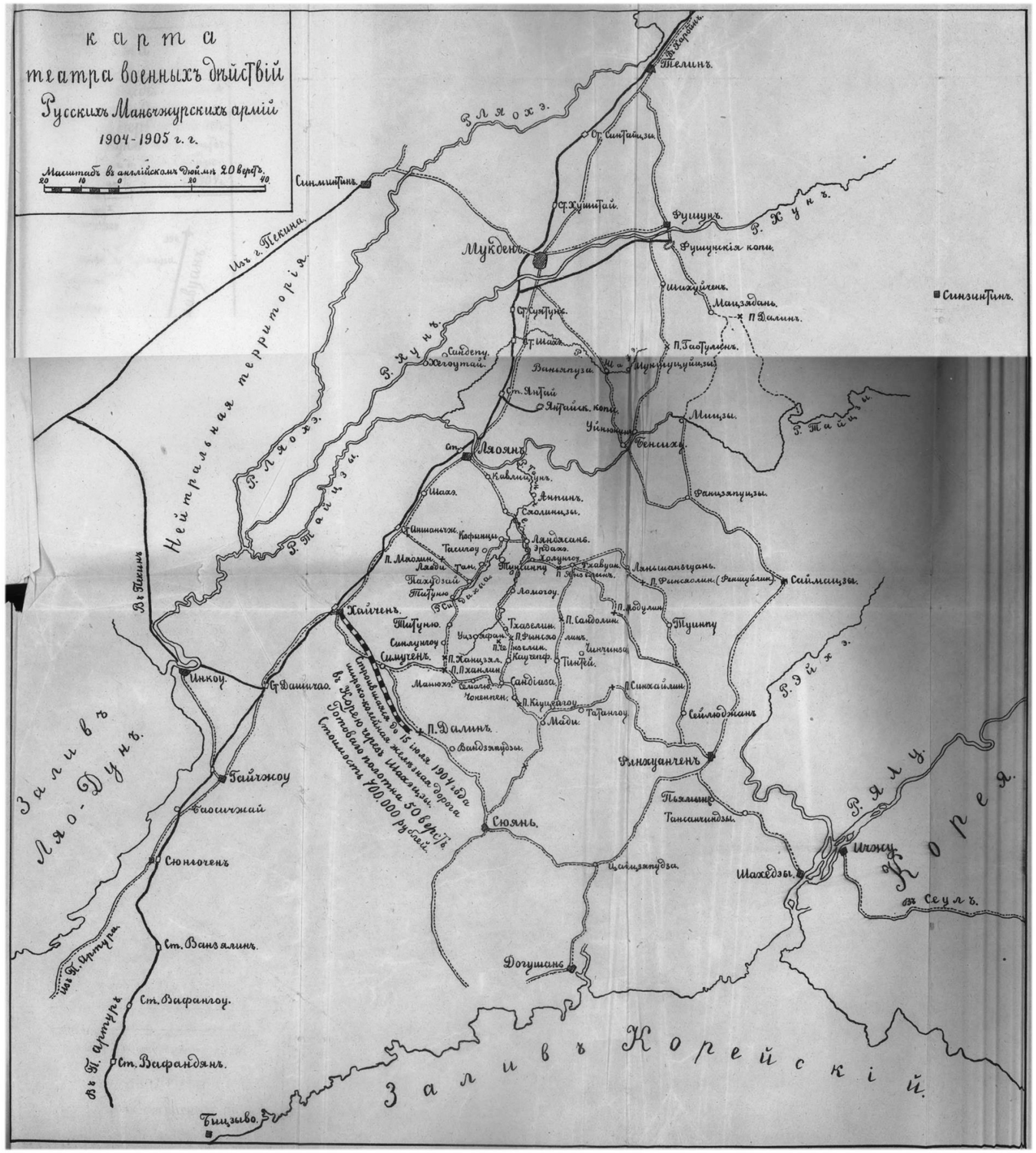
Часть 2-я. Начало-завязка генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ. Бои у д. Тунсинпу 11 и 12 августа и у д. Тасигоу 13 и 14 августа, впереди праваго фланга и на правомъ флангѣ Ляньдясань—Аниинской позиціи Восточной Группы Русской Маньчжурской Арміи.

Стр.

Глава 1. Обстановка на театрѣ военныхъ дѣйствій къ 11-му августа 1904 г. 273
„ 2. Бой у д. Тунсинпу 11-го августа 290
„ 3. Бой у. д. Тунсинпу 12-го августа 325
„ 4. Бой у д. Тасигоу 13-го августа 344
„ 5. Бой у д. Тасигоу 14-го августа 398

Приложенія.

1. Приказы передовому отряду праваго фланга Восточнаго отряда Маньчжурской арміи 414
2. Краткое описаніе совмѣстныхъ дѣйствій для отраженія обхода японцевъ на правомъ флангѣ Восточнаго отряда въ бою при Ляньдясанѣ 13 августа 421
3. Офиціальное объявленіе въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ 1906 г. № 87. 426
4. Заявленіе въ Редакцію газеты „Русскій Инвалидъ“ Командира 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка 426
5. Статья Полковника Дружинина въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ 1906 г. № 88 428
6. Изъ переписки о награжденіи за бой на Ляньдясанской позиціи Восточнаго отряда 11—13 августа 1904 г. Приморскаго Драгунскаго полка полковника Дружинина 434
7. Статьи газеты „Харбинскій Вѣстникъ“ 1906 г. №№ 711, 712 и 722— за апрѣль 39
8. Изъ писемъ Романа Исидоровича Кондратенко; посвященныя Ему статья и приказъ; изъ письма Его женѣ 457
9. Кто виноватъ въ стратегическихъ результатахъ Вафангоу? . . . 468


карта
театра военныхъ дѣйствій
Русскихъ Маньчжурскихъ армій
1904-1905 г.г.
Масштабъ въ англійскомъ Дюймѣ 20 верстъ
Синлинтинъ
Мукденъ
Фушунъ
Ляоянъ
Хайченъ
Инкоу
Сюянь
Сеймицзы
Тунпу
Ванхунгуанченъ
Ичжу
Шахедзы
Сюньоченъ
Ст. Ванхялинъ
Ст. Вафангоу
Ст. Вафандянъ
Тицзиво
Догушанъ
Нейтральная территорія
Заливъ Ляо-Дунъ
Заливъ Корейскій
Корея
Р. Хунъ
Р. Ялу
Р. Тайцзы
Р. Ляохэ
Р. Эйхэ
Изъ г. Пекина
Въ Пекинъ
Изъ Портъ Артура
Въ Портъ Артуръ
Въ Сеулъ
Строившаяся до 15 іюля 1904 года
Въ Корею через Шахедзы
Готовыя полотна 50 верстъ
Стоимость 700.000 рублей

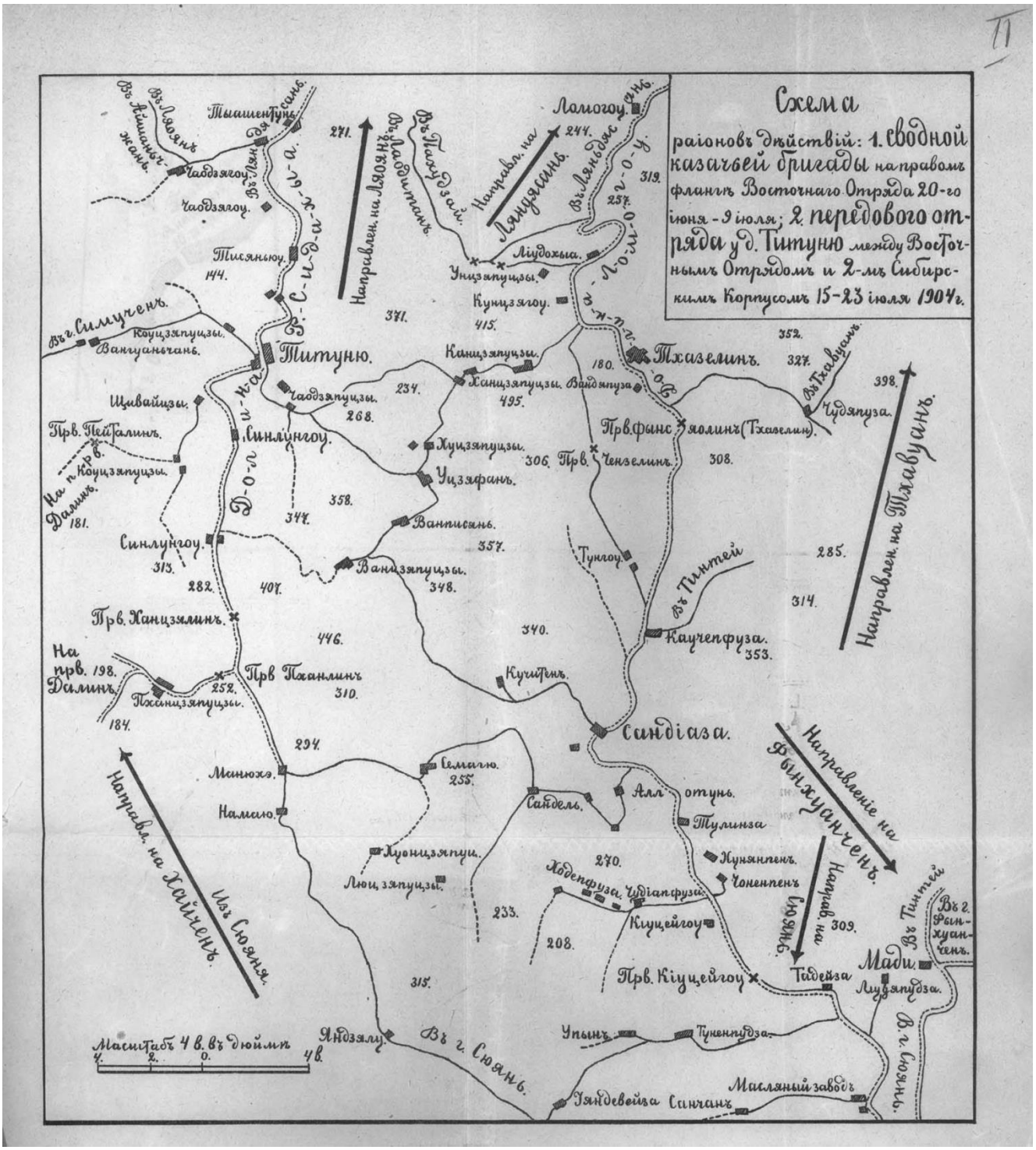


Схема
раіоновъ дѣйствій: 1. сводной казачьей бригады на правомъ флангѣ Восточнаго Отряда 20-го іюня - 9 іюля; 2. передового отряда у д. Титуню между Восточнымъ Отрядомъ и 2-мъ Сибирскимъ Корпусомъ 15-23 іюля 1904 г.
Масштабъ 4 в. въ дюймѣ
Титуню.
Тхазелинъ.
Синлунгоу.
Сандіаза.
Мади.
Направл. на Ляндясянь.
Направл. на Тхавуанъ.
Направленіе на Бынхуанчень.
Направл. на Хойчень.
Изъ Сюяня.
Въ г. Сюянь.
Въ г. Бынхуанчень.
Масляный заводъ.

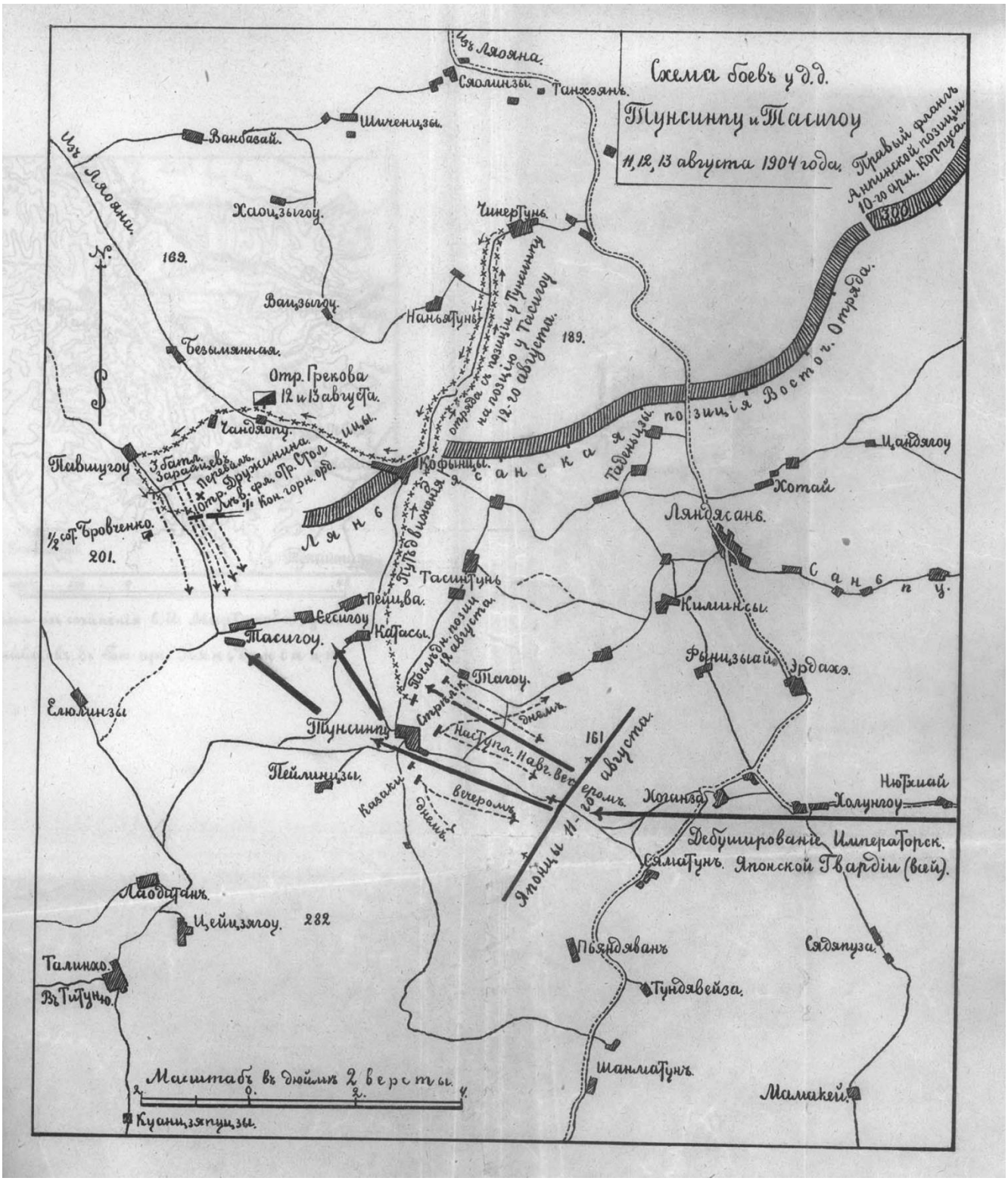


Схема боевъ у д.д.
Тунсинпу и Тасигоу
11, 12, 13 августа 1904 года.
Правый флангъ Анпинской позиціи 10-го арм. корпуса.
Изъ Ляояна.
Сяолинзы.
Танхеянъ.
Шиченцзы.
Ванбавай.
Хаоцзыгоу.
Чинер Тунъ.
169.
Ванцзыгоу.
Нанья Тунъ.
189.
Безымянная.
Отр. Грекова 12 и 13 августа.
Чандяопу.
Отряды на позиціи у Тунсинпу и Тасигоу 12-го августа.
Восточ. Отряда.
Позиція
Тадензи.
Цандягоу
Павшугоу
Корфинцы.
Ляньсянская
Путь отступленія
Хотай
Ляндясанъ.
½ сот. Бровченко.
201.
Тасинтунь
Пейцзва.
Сессигоу
Тасигоу.
Катасы.
Кимлинцы.
Рынцзыай.
Урдахэ.
Талгоу.
Елюлинзы
Тунсинпу
Пейлинцзы.
Казаки
Японцы 11-го августа.
161
Нютхиай
Хогинза
Холунгоу
Дебушированіе Императорск. Японской Гвардіи (всей).
Сяматунъ.
Лаодитанъ.
Цзейцзягоу.
232
Талинхо.
Въ Питунчо.
Пьяндяванъ
Сядяпуза.
Тундявейза.
Шанлатунъ.
Мамакей.
Масштабъ въ дюймѣ 2 версты.
Куанцзяпуцзы.

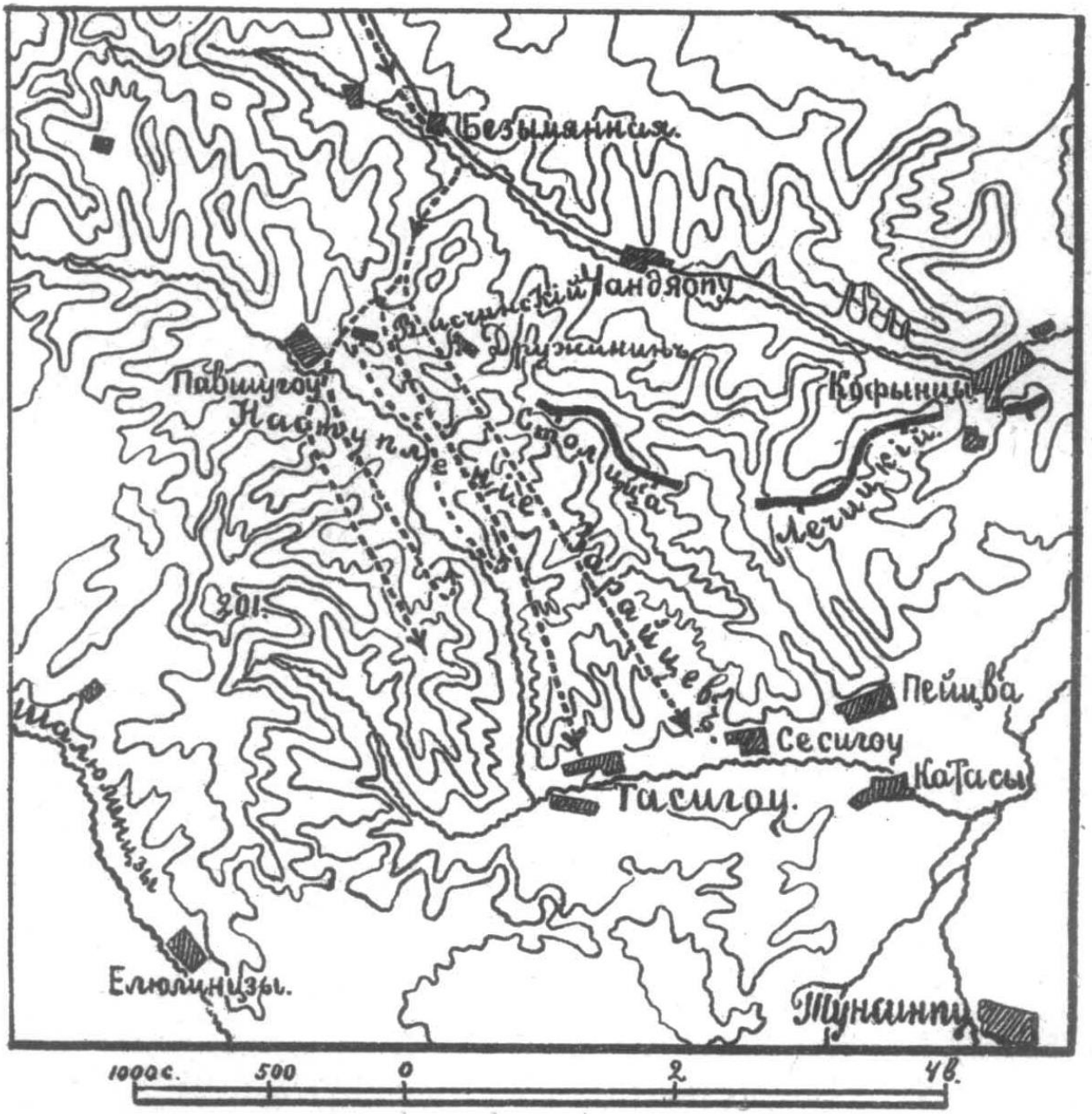


Схема изъ сочиненія Е. И. Мартынова. участіе Зарайцевъ въ бою при Ляньдянсанъ.